

DOI 10/21209/1996-7853
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-1

ISSN 1996-7853
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8(3022) 35-24-79
Факс: 8(3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”

672039, Russia, Transbaikal Region,
Chita, 30 Alexandro-Zavodskaya St.

ADDRESS

672007, Russia, Chita,
129 Babushkin St.
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvector.com>

Том 12, № 3
2017

Vol 12, No. 3
2017

Гуманитарный вектор

Издаётся с 1997 г.
Выходит пять раз в год

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС7 7-54189 от 17.05.2013

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых
должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
учёных степеней доктора и
кандидата наук: *философские,
филологические науки,
исторические науки и археология*

Направление номера журнала
Философские науки

Авторы несут полную
ответственность за подбор и
изложение фактов, содержащихся
в статьях; высказываемые
взгляды могут не отражать точку
зрения редакции

Редакция журнала руководству-
ется положением Гражданского
кодекса РФ по авторскому праву,
международным стандартом
редакционной этики

Подписной индекс журнала
в «Пресса России» **42407**

Размещение и индексация
журнала

Научная электронная
библиотека (ПИНЦ), CrossRef,
Университетская библиотека
онлайн, КиберЛенинка, Ulrich's
Periodicals Directory, Citefactor,
IPRbooks, ERICH PLUS,
Index Copernicus, JIFACTOR,
IBVICS

Редакционная коллегия

Главный редактор

И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Выпускающий редактор

Н. Д. Субботина, доктор философских наук, профессор (Чита, Россия)

Б. В. Базаров, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

Батмаз Вейцель, доктор наук, профессор (Стамбул, Турция);

Т. В. Бернюкевич, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

Буржо Андре, доктор социальных наук (Париж, Франция);

Т. В. Воронченко, доктор филологических наук, профессор (Чита, Россия);

М. И. Гомбоева, доктор культурологии, профессор (Чита, Россия);

З. К. Дербишева, доктор филологических наук, профессор (Бишкек, Киргизская Республика);

В. С. Диев, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Москва, Россия);

Е. Ю. Захарова, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

В. К. Зубарева, доктор филологических наук, профессор (Филадельфия, США);

Т. Ю. Игнатович, доктор филологических наук, доцент (Чита, Россия);

Изухо Масами, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);

А. А. Камалова, доктор филологических наук, профессор (Ольштын, Польша);

В. И. Карасик, доктор филологических наук, профессор (Волгоград, Россия);

В. В. Колесов, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

М. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия);

В. А. Маслова, доктор филологических наук, профессор (Витебск, Белоруссия);

Б. Я. Мисонжников, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

С. А. Михайлов, доктор политических наук, профессор (Сыктывкар, Россия);

А. Н. Новиков, кандидат географических наук, доцент (Чита, Россия);

Н. С. Розов, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Грег Саймонс, доктор наук, доцент (Уппсала, Швеция);

Д. В. Сергеев, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

Сонг Чжон Су, доктор филологических наук, профессор (Сеул, Корея);

Д. Л. Стровский, доктор политических наук, профессор (Ариэль, Израиль);

Д. В. Трубицын, кандидат философских наук, доцент (Чита, Россия);

М. Н. Фомина, доктор философских наук, профессор (Чита, Россия);

Граля Хероним, доктор исторических наук (Варшава, Польша);

И. В. Черникова, доктор философских наук, профессор (Томск, Россия);

Чжао Сяобин, доктор литературы, доцент (Баодин, КНР)

Ответственный секретарь

Е. В. Седина, кандидат культурологии

Редактор В. К. Демиденко,
редактор перевода Е. В. Наказная,
вёрстка Г. А. Зенковой, дизайн обложки В. В. Михалев

Подписано в печать 10.05.2017.
Дата выхода в свет 15.05.2017.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Arial».
Способ печати оперативный. Заказ № 17072.
Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 17,5.
Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.)
Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александровская, 30

Журнал представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей по проблемам истории философии, экзистенциальной философии, философии науки и образования, гуманитарной географии, современным философским проблемам. В журнале представлены культурологический анализ различных сфер человеческой деятельности, исследования по проблемам материальной и духовной культуры, истории и философии культуры. Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

© Забайкальский государственный университет, 2017

Humanitarian Vector

Gumanitarnyi Vektor

Founded in 1997
Published five times a year

The journal is registered
by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology and Mass
Media (Roskomnadzor)

Registration certificate
ПИ No. ФС7 7-54189 of
17.05.2013

The journal
is in the list of the leading refereed
scientific journals and editions
which publish the main results
of dissertations for academic
degrees of doctors and candi-
dates of sciences: *Philosophical
Sciences, Philology Sciences,
Historical Sciences and
Archeology*

Journal Issue direction
Philosophical Sciences

The authors are fully responsible
for the selection and presentation
of the facts contained in their
articles; the views expressed by
them do not necessarily reflect the
views of the editorial board

The editorial board is guided by
the provisions of the Civil Code of
the Russian Federation on Copy-
right, International Editorial Ethics
Standards

Subscription index of the journal
in "Press of Russia" **42407**

Journal Placement and indexing
Russian Science Citation Index
(RSCI), CrossRef, University library
online, CyberLeninka, Ulrich's
Periodicals Directory, Citefactor,
IPRbooks, ERIH PLUS, Index
Copernicus, JIFACTOR, IVIS

Editorial Board

Editor-in-Chief

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Main Handling Editor

N. D. Subbotina, Doctor of Philosophy, Professor (Chita, Russia)

B. V. Bazarov, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia);
V. Batmaz, Doctor of Sciences, Professor (Istanbul, Turkey);
T. V. Bernyukevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
Bourget Andre, Doctor of Sociology (Paris, France);
T. V. Voronchenko, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia);
M. I. Gomboeva, Doctor of Culturology, Professor (Chita, Russia);
Z. K. Derbisheva, Doctor of Philology, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic);
V. S. Diev, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);
N. L. Zhukovskaya, Doctor of History (Moscow, Russia);
E. Yu. Zakharova, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
V. K. Zubareva, Doctor of Philology, Professor (Philadelphia, PA, USA);
T. Yu. Ignatovich, Doctor of Philology, Associate Professor (Chita, Russia);
Masami Izuho, Associate Professor (Tokyo, Japan);
A. A. Kamalova, Doctor of Philology, Professor (Olsztyn, Poland);
V. I. Karasik, Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia);
V. V. Kolesov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);
M. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia);
V. A. Maslova, Doctor of Philology, Professor (Vitebsk, Belarus);
B. Ya. Misonzhnikov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);
S. A. Mikhailov, Doctor of Political Science, Professor (Syktyvkar, Russia);
A. N. Novikov, Candidate of Geography, Associate Professor (Chita, Russia);
N. S. Rozov, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);
G. Simons, Doctor of Sciences, Associate Professor (Uppsala, Sweden);
D. V. Sergeev, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
Song Chon Su, Doctor of Philology, Professor (Seoul, Korea);
D. L. Strovsky, Doctor of Political Sciences, Professor (Ariel, Israel);
D. V. Trubitsin, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);
M. N. Fomina, Doctor of Philosophy, Professor (Chita, Russia);
Hieronim Grala, Doctor of History (Warsaw, Poland);
I. V. Chernikova, Doctor of Philosophy, Professor (Tomsk, Russia);
Zhao Xiaobing, Doctor of Literature, Associate Professor (Baoding, People's Republic of China)

Executive Secretary

E. V. Sedina, Candidate of Culturology

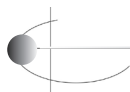
Corrector V. K. Demidenko,
Editor of the English Translation E. V. Nakaznaya,
Make-up G. A. Zenkova, Cover design V. V. Mikhalev

Signed to print 10.05.2017.
Date of publication 15.05.2017
Format 60×84 1/8. Offset paper. Headset "Arial".
Operative printing. Order No 17072.
Conv. quires 20,0. Ed.-print quires 17,5.
Circulation 1000 copies. (1 st factory 1–100 copies).
Free price

Printed FSBEI HE "Transbaikal
State University"
672039, Russia, Chita, 30 Aleksandro-Zavodskaya St.

The journal is a collection of original and review scientific papers on the history of philosophy, existential philosophy, philosophy of science and education, human geography, contemporary philosophical problems. The journal presents culturological analysis of various spheres of human activity, the studies on topical issues of material and spiritual culture, history and philosophy of culture. Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, postgraduate students, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2017

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Горбунова Ю. А., Забара Л. И.</i> Автопроектирование гражданской идентичности в свете новой антропологии	6
<i>Кудашов В. И., Равочкин Н. Н.</i> Проектирование идеологии современного российского общества как предназначение интеллектуалов	15
<i>Новикова О. Н.</i> Виртуальный игровой мир как симулякр жизни	23
<i>Сунь Янь.</i> Способ инновации в интернационализации высшего образования в геоэкономической стратегии «Один пояс – один путь»	30
<i>Чистанов М. Н.</i> О границах применимости теории поколений в современной философии истории	35
<i>Шавв Ю. М.</i> Интернет вещей и акторно-сетевая теория Б. Латура: методология и онтология	40

ФИЛОСОФИЯ МЫШЛЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ

<i>Антипова С. С., Коноплева Н. А.</i> Теоретико-методологические аспекты анализа метафорических конструкций в текстах российских и китайских поэтов	46
<i>Касаткина С. С.</i> К вопросу об использовании системных методов при философском анализе города	54
<i>Нестеров А. Ю.</i> Границы технического сознания: немыслимое vs. невозможное	60
<i>Петров В. В.</i> Эволюция концепций развития научных исследований в условиях реформ	67
<i>Спектор Д. М.</i> М. Хайдеггер: необратимость времени-бытия	75
<i>Чистанова С. С.</i> Концепт иллюзии в теории речевых актов Джона Остина	85
<i>Ярославцева А. В.</i> Изменённые состояния сознания как инструмент контроля когнитивных процессов и состояний	91

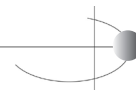
КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

<i>Гаврилова Ю. В.</i> Механизмы возникновения религиозного синкретизма	97
<i>Гришанина Н. Ю.</i> Интерьер как «портрет помещения»: современные возможности сохранения культурного наследия	106
<i>Глаголев В. С., Медведева С. М.</i> Религиозные образы в русском и американском кино: поиск Бога и человека	115
<i>Дэцзидэма.</i> К вопросу об исследованиях письменных языков в контексте проблемы «язык и культура»	126
<i>Иванова Ю. В.</i> Урбанскетчинг как сфера трансформации художественных практик	132
<i>Трещенок Ю. М.</i> Представление о ритуальной нечистоте женщины в традиционной культуре	140
<i>Филимонов А. В.</i> Методология исследования идентичности казаков в контексте концепции социального конструктивизма	148
<i>Чжоу Сяовэй.</i> Исследования чайной культуры в Древнем Китае	157

УГОЛ ЗРЕНИЯ

<i>Гомбоева М. И.</i> Профессиональные дефициты преподавателей вуза в контексте ключевых компетенций специалистов креативных индустрий	162
--	-----

HUMANITARIAN Vector

Contents

PHILOSOPHY OF SOCIETY

Gorbunova Yu. A., Zabara L. I. Self-projecting Civil Identity in the Light of New Anthropology	6
Kudashov V. I., Ravochkin N. N. Russian Modern Society Ideology Design as a Destination for Intellectuals	15
Novikova O. N. The Virtual Game World as a Simulacrum of Life	23
Sun Yan. The Method of Innovation in the Process of Higher Education Internationalization in the Context of "One Belt – One Road" Geoeconomic Strategy	30
Chistanov M. N. On the Limits to the Generational Theory Applicability in Modern Philosophy of History	35
Shaev Yu. M. The Internet of Things and B. Latour's Actor-network Theory: Methodology and Ontology	40

PHILOSOPHY OF THINKING AND COGNITION

Antipova S. S., Konopleva N. A. Theoretical and Methodological Aspects of the Metaphorical Structure Analysis in Russian and Chinese Poets' Texts	46
Kasatkina S. S. On the Question of Using System Methods for Philosophical Analysis of the City	54
Nesterov A. Yu. The Boundaries of Technical Consciousness: Unthinkable vs. Impossible	60
Petrov V. V. The Evolution of Scientific Research Development Concepts Under Reforms	67
Spector D. M. M. Heidegger: Irreversibility of Time-being	75
Chistanova S. S. Illocution Concept in Speech Act Theory by John Austin	85
Yaroslavtseva A. V. Altered States of Consciousness as an Instrument of Cognitive Processes and State Control.....	91

CULTURE AND SOCIETY

Gavrilova Yu. V. Mechanisms of Religious Syncretism Emergence	97
Grishanina N. Yu. The Interior as a "Portrait of the Room": Modern Possibilities for Preserving Cultural Heritage	106
Glagolev V. S., Medvedeva S. M. Religious Images in Russian and American Cinema: in Search for God and Human Being	115
Detsidema. On the Question of the Written Languages Analysis in the Context of the "Language and Culture" Problem	126
Ivanova Yu. V. Urban Sketching as an Area of Transforming Art Practices	132
Treshchenok Yu. M. The Notion of Woman's Ritual Impurity in Traditional Culture	140
Filimonov A. V. Methodology of Cossacks Identity Research in the Context of the Concept of Social Constructivism	148
Zhou Xiaowei. Research on Chinese Tea Culture in Ancient China	157

POINT OF VIEW

Gomboeva M. I. Professional Deficits of University Teachers in the Context of Key Competences of Creative Industries Specialists	162
---	-----

ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕСТВА

PHILOSOPHY OF SOCIETY

УДК 172.1

Юлия Александровна Горбунова¹,

кандидат философских наук, доцент,

*Уральский государственный педагогический университет
(620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26),*

e-mail: gorbunova2008@yandex.ru

Людмила Ивановна Забара²,

кандидат философских наук, профессор,

*Уральский государственный педагогический университет
(620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26),*

e-mail: rni221@yandex.ru

Автопроектирование гражданской идентичности в свете новой антропологии

Статья посвящена анализу процесса обретения личностью гражданской идентичности в условиях растущей конфликтности межнациональных, межэтнических, межконфессиональных отношений и противоречивого процесса становления гражданского общества в современной России. Теоретико-методологическую основу исследования составляют принципы новой антропологии, представленной именами таких философов, как Б. В. Марков, А. А. Попов, С. А. Смирнов, Г. Л. Тульчинский, С. С. Хоружий и другие, а именно – ориентация на изучение антропологической динамики и антропологических трендов; утверждение проектируемости и автопроектируемости идентичности; поиск новых способов описания и оценки антропологических практик обретения идентичности. В статье вводится понятие «антропологические практики обретения гражданской идентичности» и даётся авторская типология антропопрактик в системе «конфликтность – неконфликтность». Конфликтные практики гражданского эскапизма и практики редукции как радикализации национально-государственного или этнического компонента в структуре гражданской идентичности, превращаясь в антропологические тренды, порождают конфликты идентичностей и существенно затрудняют их конструктивное разрешение. Антропологической альтернативой выступает автопроектирование – неконфликтная антропопрактика, возвращающая гражданину его идентичность. Авторы аргументируют необходимость развития философско-антропологического и педагогико-антропологического подходов к исследованию гражданской идентичности как автопроекта – выбора, самоконструирования, самосозидания и утверждения себя как гражданина и гражданского образования как поддержания и актуализации неконфликтных практик автопроектирования. В статье обосновывается значение автопроектирования гражданской идентичности для управления конфликтами идентичностей и развития гражданского общества в современной России.

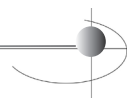
Ключевые слова: новая антропология, антропопрактики, антропологические тренды, гражданская идентичность личности, гражданское образование, автопроектирование, конфликтность, неконфликтность

Вводная часть. Новая антропология как антропология самоопределения (А. А. Попов и И. Д. Проскуровская), философская ан-

тропология спонтанности (Д. Ю. Дорофеев), синергичная антропология (О. И. Генисаретский, С. С. Хоружий), антропология перехода

¹ Ю. А. Горбунова – основной автор, определяет теоретико-методологические основы исследования, осуществляет сбор, анализ и систематизацию материала, обобщает итоги реализации коллективного проекта.

² Л. И. Забара формулирует концептуальные основы исследования, структурирует материал.

(С. А. Смирнов), постчеловеческая персонология (Г. Л. Тульчинский), постантропологическая парадигма (Б. В. Марков) – достаточно «многоголосое», и даже – разрозненное направление, представленное отдельными российскими учёными, научными группами и научными школами. Однако данный спектр антропологических учений объединяют сегодня общие исследовательские установки.

Так, новая антропология, отказываясь от «представления о человеке как о готовом существе с готовой природой» [10, с. 234], ориентирована на *изучение антропологической динамики*. Новая антропологическая реальность характеризуется отечественными исследователями как «радикальная персональная реорганизация» (Е. Г. Трубина), «становление новых форм человеческой личности» (В. А. Лекторский), появление «множественных способов человеческого самополагания и самоопределения» (Д. Ю. Дорофеев), превращение человека из «предмета знакомого, неизменного в своей основе... в предмет активных перемен» (С. А. Хоружий), переход человека в «иное качество, показывающее появление радикально иного существа» (С. А. Смирнов). Представлению о неизменном начале, которое действует «за спиной» человека и предопределяет человеческое бытие, противопоставляется идея многомерной и динамичной идентичности человека.

С позиции новой антропологии *человек представлен как проект самого себя*, как реализация собственного потенциала, неустанный выбор себя, как автор собственной идентичности. По словам О. И. Генисаретского, «человек ... есть задание, а не данность» [2, с. 9]. Новая антропология ориентирована не на поиск стабильной, заданной извне сущности человека, а на исследование антропологических практик как способов человеческого самосозидания, самоконструирования, проектирования себя. Как отмечает С. С. Хоружий, «практика не говорит о каких-то идеальных чертах человека, она не приписывает ему какой-то отвлечённой сущности, не характеризует его какими-то принципами и началами» [12].

Кроме того, новая антропология утверждает *антропопрактический принцип в образовании*. Например, А. А. Попов и И. Д. Проскуровская, развивая идею актуализации человеческого потенциала в образовании, утверждают о необходимости нового типа педагогической антропологии – гуманитарной, или практической антропологии [8, с. 192]; А. М. Лобок рассматривает образовательное пространство как пространство ди-

алога антропопрактик [6]; В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев видят суть антропопрактик в «осознанном и целенаправленном проектировании таких жизненных ситуаций (в том числе и образовательных), в которых становится возможным и подлинно личностное самоопределение, и обретение субъектности в деятельности, в общественной жизни, в культуре и в собственной жизни» [5]. Логика проектирования, или, по словам А. А. Попова, «переход от концепта «Человека Способного» к концепту «Человека Возможного»» [7, с. 59] становится сегодня ведущей в области педагогической антропологии.

Идеи новой антропологии, на наш взгляд, могут стать концептуальной основой для решения вопроса о том, что значит быть и как быть/стать гражданином в современном обществе. Необходимость развития философско-антропологического и педагогико-антропологического подходов к исследованию гражданской идентичности и способов её обретения обусловлена как сложностями теоретико-методологического характера, так и противоречиями на уровне социальной инженерии, требующими своего разрешения.

Во-первых, обнаруживается *противоречие между социальным запросом и государственным «заказом» на развитие гражданской идентичности современных россиян и слабой проработкой теоретических моделей гражданской идентичности личности*. Так, контент-анализ публикаций, представленных в национальной библиографической базе данных научного цитирования (РИНЦ), показал, что, несмотря на определённый бум исследований по проблеме гражданской идентичности, изыскания, посвящённые теоретико-методологическому обоснованию и разработке моделей российской гражданской идентичности, носят фрагментарный характер. В отечественном научном дискурсе представлены преимущественно социологические модели региональной гражданской идентичности, а также – педагогические модели гражданской идентичности отдельных возрастных и образовательных страт – чаще всего детей и молодёжи.

Мы полагаем, что обращение к философской антропологии как «понятийному самопониманию» (Э. Финк) позволит определить базовые (для различных концепций, подходов, отраслей научного знания) теоретико-методологические основания построения реальной и идеальной моделей гражданской идентичности россиян в условиях становления гражданского общества.

Кроме того, в настоящее время в отечественных исследованиях господствует структурно-функционалистский подход, позволяющий описать элементы гражданской идентичности, выявить связи между ними, а также определить значение формирования и развития гражданской идентичности для личности и общества. Однако, в силу того, что идентичность представляет собой единство результата и процесса, своего развития требует и процессуальный подход, методология антропологического исследования «репертуара практик» (С. А. Смирнов) обретения гражданской идентичности.

Во-вторых, можно говорить о противоречии между сущностью гражданской идентичности как выбора, автопроекта личности и преобладанием одномерного подхода к пониманию становления гражданской идентичности как процесса, направляемого социальными институтами. В настоящее время образование (гражданское, патриотическое, правовое, духовно-нравственное) рассматривается в качестве важнейшего института формирования гражданской идентичности россиян. Так, например, в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации», Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы воспитание патриотизма, гражданственности, правового, демократического сознания россиян отнесено к основным целям образования.

Однако, становление гражданской идентичности не сводится к реализации государственных программ, информационным кампаниям, гражданскому образованию, но детерминирована потребностью самой личности быть гражданином и требует личностных усилий. На наш взгляд, гражданская идентичность является не столько проектом государства, других социальных институтов, сколько автопроектом личности. В этом случае гражданин выступает в качестве субъекта, автора гражданской идентичности, а не объекта гражданского образования, управленческого воздействия в целом. Несмотря на то, что в отечественной и западной науке личность и идентичность личности рассматриваются как автоконструкт, автопроект, аутопойезис, на сегодняшний день, насколько нам известно, отсутствуют исследования, раскрывающие сущность гражданской идентичности как автопроекта.

В-третьих, в условиях полиэтнического, поликонфессионального, поликультурного об-

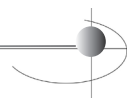
щества идентичность россиян приобретает двойственный характер. Как показывают результаты эмпирических исследований, проведенных крупнейшими социологическими центрами в России за последние три года – ФОМ («Споры о политике» 2014 г., «Атеистическое меньшинство» 2014 г., «Протестный потенциал» 2016 г.), ВЦИОМ («Российская идентичность: мы вместе?» 2014 г.), Левада-центром («Российская идентичность», «Религия», «Межэтнические отношения» в ежегоднике «Общественное мнение-2015», «Ксенофобия и национализм» 2015 г., «Как изменилось к началу 2016 года общественное мнение в России?»), *конфликтогенность или деструктивный потенциал идентичности россиян, с одной стороны, носит латентный характер и не переходит критическую границу.* Так, например, большинство россиян не выступает и не заявляет о готовности выступать в качестве активных участников политических акций, митингов, протестных движений, межэтнических и межнациональных противостояний, религиозных конфликтов.

С другой стороны, *скрытый характер, непроявленность гражданской идентичности, гражданская пассивность россиян* являются существенным препятствием для развития институциональных способов выражения, согласования интересов, управления конфликтами идентичностей и становления гражданского общества в современной России.

В силу указанных проблем и противоречий развитие философско-антропологического и педагогико-антропологического подходов к исследованию практик обретения гражданской идентичности, а также выявление деструктивных антропопрактик и определение альтернативы данным практикам представляется весьма важным и своевременным.

Методология и методика исследования. В целом, понятие «антропологические практики» («антропопрактики»), изначально разрабатываемое в отечественной педагогической антропологии, сегодня достаточно широко используется в психологии, педагогических и философско-антропологических исследованиях (в работах представителей новой антропологии, а также Л. М. Андрюхиной, С. В. Масловской, А. С. Обухова, Г. Л. Станкевич, А. В. Шувалова, Б. Д. Эльконина).

Наиболее развёрнутое определение данного понятия, на наш взгляд, дают В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев в работе «Психология образования человека. Становление субъектности в образовательных процессах», где от наиболее общих трактовок антропопрактик

как вочеловечивания человека, становления человеческого в человеке или культивирования базовых, родовых способностей человека исследователи переходят к развёрнутому определению антропологических практик как особой работы в пространстве субъективной реальности человека, заключающейся в становлении автономии и самодетерминации человека, его саморазвития и самообразования, его фактического самостояния в собственной жизни [5].

Однако, данный подход к определению понятия «антропопрактики» может быть дополнен: он отражает характерную для современного антропологического знания тенденцию исследования личности как автопроекта, вместе с тем, антропопрактики современности не сводятся исключительно к практикам автопроектирования, но отличаются многомерностью, поливариативностью.

Так, в рамках синергической антропологии выделяются исторические типы антропопрактик, каждый из которых различается по степени трансформативности как способности затрагивать «основоустройство человеческого существа» [13, с. 12]. Основатель и директор Института синергической антропологии С. С. Хоружий различает, во-первых, *культовые практики* как характерные для архаичных культур акты верующего сознания, действия человека, посредством которых он может влиять на свою «загробную участь», менять природу смерти; во-вторых, *духовные практики* как возникающие во всех основных мировых религиях способы приближения человека к максимуму, Абсолюту, идеалу, как движение человека к трансцендентному началу; и, наконец, *трансформативные антропологические практики* – достаточно глубокие трансформации, изменения человеком самого себя, собственной природы. Виртуальные практики, генные технологии, гендерные революции и трансформации, психоделические практики, практики трансгрессии, экстремальные эксперименты с телесностью, практики религиозного экстремизма и суицидального терроризма С. С. Хоружий относит к трансформативным практикам, отмечая их глубину, радикальность и деструктивный характер [13].

Исторического подхода придерживается и отечественный философ Л. М. Андрюхина. *Новые типы антропопрактик*, обеспечивающие автономию и самоопределение индивидуально рефлексизирующего человека, исследователь противопоставляет «*производственным*» антропопрактикам, встраиваю-

щим человека в мегамашины производства и обучения [1, с. 184].

Существуют и иные подходы к классификации многообразных антропологических практик. Например, автор форсайт-проектов в области философско-антропологического исследования идентичности С. А. Смирнов выделяет следующие антропопрактики современности: *агон* как оснащение, поиск внешней защиты, опоры существования, *мимезис* как изменение и подражание внешнему, приспособление, создание копии, подобию и *аутопойезис* – самостоятельное порождение, внутреннее преобразование, преодоление себя [9, с. 164–166].

Схожий подход к классификации антропопрактик мы можем обнаружить в педагогической антропологии. А. А. Попов и И. Д. Проскуровская выстраивают типологию антропопрактик на основе представлений о таких модусах человеческого бытия, как «необходимость», «действительность» и «возможность». *Антропопрактики институционализации* (модус необходимости) рассматриваются в рамках данного подхода как формирование институционального сознания и поведения посредством прохождения человеком через ряд социальных институтов, социальных традиций, социальных обусловленностей. *Антропопрактики актуализации* (модус действительности) представлены как формирование способностей человека, актуализирующихся в деятельности как преобразовании мира, обретение средств по решению задач. В свою очередь *антропопрактики самоопределения* (модус возможности) понимаются как проявление человеческого потенциала, антропологических возможностей, которое вводит человека в мир социокультурных объектов, реальностей [8]. В целом, практики аутопойезиса и самоопределения характеризуют личность как самостоятельного, независимого, креативного и продуктивного автора собственной идентичности.

Антропологическая практика или группа практик, приобретающая всё большую распространённость в обществе, становящаяся всё более заметной, типичной, массовой, определяется отечественными исследователями как антропологический тренд (С. С. Хоружий, С. А. Смирнов). С позиции новой антропологии описания общетенденционных антропопрактик современности недостаточно; необходимо определить антропологические риски и антропологическую перспективу обретения идентичности в условиях множественности и неопределённости выбора для

управления позитивными и негативными антропологическими трендами. В этом смысле особое значение для нашего исследования представляют подходы, с позиции которых антропопрактики современности различаются в зависимости от их разрушительного или созидательного потенциала.

Так, в рамках педагогической антропологии выделяются *гуманитарные антропопрактики*, направленные на актуализацию человеческого потенциала, и *негуманитарные*, способствующие расчеловечиванию человека. По словам В. И. Слободчикова, «всякая практика может считаться гуманитарной, если она является практикой становления, развития, удержания и защиты “собственно человеческого в человеке”... любая практика негуманитарна (негуманна), если она этого не делает, в какие бы человекообразные формы она ни рядилась» [5]. С. А. Смирнов также противопоставляет *деструктивные антропологические практики*, к которым он относит трансгрессию и суицид, и *конструктивные антропопрактики*, возвращающие человеку его новую идентичность, преобразующие его [10].

В целом, представленные в исследованиях российских учёных концептуальные подходы к определению понятия «антропопрактика» и классификации многообразных антропологических трендов современности, могут послужить теоретико-методологическим основанием для анализа антропопрактик обретения гражданской идентичности.

Результаты исследования. Обсуждение результатов. Антропопрактики обретения гражданской идентичности не сводятся нами к гражданским практикам, трактуемым преимущественно как практики участия или активистские практики. **Антропологические практики в нашем исследовании** – это закреплённые в жизненном опыте личности устойчивые способы обретения личностью гражданской идентичности, имеющие, во-первых, социальные основания (многообразные объективные изменения общества, в том числе кризисного характера) и, во-вторых, основания антропологические (субъективный образ социальной реальности, эмоционально-ценностное отношение к социальной реальности и готовности действовать, влиять на социальную реальность).

В силу того, что деструктивные, насильственные конфликты идентичностей, основанные на противостоянии «своего» и «чужого», становятся антропологическим и социальным трендом, мы предлагаем раз-

личать **конфликтотенные антропопрактики** обретения гражданской идентичности, генерирующие такие конфликты, и практики **нонконфликтотенные**, способствующие становлению гражданского общества, социальной консолидации и предупреждению конфликтов идентичностей.

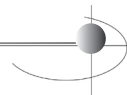
Так? конфликтотенными антропопрактиками являются **практики ухода**, заключающиеся в отказе личности от обретения гражданской идентичности. К многообразным практикам ухода можно отнести **практики конформизма и политического абсентеизма, потребительства (гедонистические практики) и «бегства» в виртуальную реальность**, отражающие «уход гражданина с агоры» (З. Бауман), «падение публичного человека» (Р. Сеннет), «стандартизированное коллективное бытие разобщённых массовых отшельников» (У. Бек).

Индивидуализация человеческой жизни, становление общества потребления, социальная атомизация, гипермобильность как требование «эры подвижной реальности» (З. Бауман) и кризис социальных институтов, традиционно поддерживающих идентичность граждан, выступают **социальными основаниями** данных антропопрактик.

Антропологическими основаниями практик ухода являются: замыкание представлений личности о социальной реальности границами приватной жизни; утрата человеком чувства «укоренённости» в социальном мире, нацеленность на установление фрагментарных социальных связей, абсолютизация свободы индивидуального выбора, восприятие ответственности как бремени, отказ от идеи «общего блага»; ощущение собственного бессилия и разочарование в эффективности совместных действий, социальная апатия и избегание конфликтов, выходящих за рамки узкопрагматических интересов.

В практиках ухода, имеющих массовый характер в современной России, отражены такие особенности российского менталитета, как сочетание патернализма, гражданской пассивности, отношения к участию в политике как к формальному обязательству, с одной стороны, и недовольства властью, утраты веры в справедливость принимаемых управляющим классом решений, – с другой. Согласно данным экспертного сценарно-прогностического мониторинга «Россия 2020. Стратегия перехода»¹, современное россий-

¹ Российское общество – 2020: экспертный образ будущего: аналитический отчёт по результатам опроса экспертов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://>

ское общество характеризуется низким уровнем межличностного доверия и сплочённости. Данная тенденция сочетается с недоверием демократическим ценностям и институтам (выборам, партиям, СМИ и т. д.), ростом имущественного расслоения, усилением различий в доступе к общественным благам и ресурсам. Социальная стабильность, таким образом, становится неустойчивой; деструктивные конфликты в системе отношений «власть – общество», имеющие скрытый характер, могут обернуться социальным взрывом.

Гражданский эскапизм потенциально конфликтогенен в силу того, что препятствует солидаризации и согласованию общественных интересов, существенно затрудняет развитие политического диалога и институтов конфликто разрешения, что, в свою очередь, только усиливает «хронический раскол» (А. Ахиезер) российского общества.

К конфликтогенным практикам относятся и **практики редукции идентичности** – обретение гражданской идентичности на основе её сведения к национально-государственной или этнической принадлежности и радикализации этих компонентов. Практики редукции можно охарактеризовать как возвращение к «корням», «ностальгию по идентичности» (В. С. Малахов), обретение «ригидной идентичности» (В. А. Ядов) и «идентичности противостояния» (М. Кастельс).

Социальными основаниями практик редукции являются: растущая неопределённость будущего, интенсификация межэтнических, межрелигиозных, межнациональных контактов в условиях глобализации, усиление миграционных процессов, противоречия между традиционными и посттрадиционными системами ценностей, ценностные «разрывы».

Антропологическими основаниями данной практики выступают: формирование представлений о социальной реальности на основе противопоставления «своего» и «чужого», распространение негативных этнических, национальных стереотипов, некритическое восприятие идеологии, национальной идеи; формирование образа врага, интолерантное отношение к социальным различиям, радикализация групповых ценностей; ориентация на насилие как способ разрешения конфликтов идентичностей.

Согласно экспертным оценкам, для современных россиян характерно сочетание патриотизма и межэтнической интолерант-

ности¹, что говорит скорее о становлении квазигражданской идентичности, имеющей конфликтогенный характер. Редуцированная идентичность актуализируется в ситуациях взаимодействия людей, идентифицирующих себя с одними общностями и противопоставляющими другим, – православных и мусульман, верующих и атеистов, русских и представителей этнических меньшинств, лояльных власти и представителей оппозиции. В этом случае патриотизм может превратиться в неконтролируемую силу, слепой аффект: «он незаметно вырождается и становится злой и хищной страстью – презрительной гордыней, буйной и агрессивной ненавистью» [4, с. 218]. **Радикальные практики национализма, экстремизма, этноцентризма, ксенофобии, религиозной нетерпимости** порождают конфликты идентичностей, имеющие характер иррационального противостояния и не поддающиеся урегулированию и ненасильственному разрешению.

Мы полагаем, что антропологической альтернативой конфликтогенным антропопрактикам обретения гражданской идентичности могут выступать **неконфликтогенные практики автопроектирования**. Автопроектирование можно представить как актуализацию «потенциала самооформления» (У. Бек) личности гражданина, восприятие себя как воплощение собственных сил и как «творца» (Э. Фромм), «решимость не определяться ничем, кроме своей собственной спонтанности» (Д. Ю. Дорофеев), воплощение гражданином принципа «не-алиби в бытии» (М. Бахтин). В этом случае гражданская идентичность предстаёт не формальным обязательством и не данностью, но автопроектом личности, свободным, ответственным и продуктивным выбором себя в пространстве гражданского общества.

Необходимые **социальные основания** практик автопроектирования – это развитие институтов гражданского общества; распространение инновационных управленческих технологий, основанных на взаимодействии власти и общества; преодоление «раскола» общества, крайнего неравенства «жизненных шансов»; становление институтов конфликто разрешения, формирование пространства межкультурного диалога и общественной дискуссии по стратегии развития страны.

¹ Российское общество – 2020: экспертный образ будущего: аналитический отчёт по результатам опроса экспертов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zircon.ru/upload/iblock/0f6/ESPM2015_Rossiyskoe_obshestvo2020%20_ekspertniy_obraz_budushego_ov2.2c.pdf (дата обращения: 16.09.2016).

www.zircon.ru/upload/iblock/0f6/ESPM2015_Rossiyskoe_obshestvo2020%20_ekspertniy_obraz_budushego_ov2.2c.pdf (дата обращения: 16.09.2016).

Антропологическими основаниями неконфликтных практик автопроектирования гражданской идентичности выступают: образ социальной реальности как области приложения собственных усилий, видение многомерности социальной реальности, развитие критичного, гибкого мышления; «укоренённость» в социальном мире, сопричастность проблемам общества; доверие и принятие социальных различий, признание ценности инаковости; преодоление инертности, свободная и продуктивная реализация своих возможностей, инициирование конструктивных социальных изменений, ориентация на диалог и ненасильственное разрешение социальных конфликтов.

Заключение. Изучение практик автопроектирования гражданской идентичности, включающих **практики гражданского участия, практики самоуправления, практики диалога, толерантного взаимодействия**, является, на наш взгляд, перспективным направлением научного поиска.

На теоретико-методологическом уровне исследование практик автопроектирования может стать основой обновления научного дискурса гражданской идентичности за счёт приращения терминологии и разработки методологии философско-антропологического и педагогико-антропологического подходов.

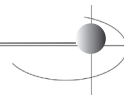
Развитие представлений о гражданской идентичности как об автопроекте, аутопойетической, самоорганизующейся системе отвечает замыслу новой антропологии.

Идея автопроектирования, выступающая методологическим основанием построения модели гражданского образования [3], позволяет критически переосмыслить технократический подход к формированию и развитию гражданской идентичности личности, перейти от вопроса о техниках и технологиях гражданского образования к обоснованию возможностей гражданского образования в актуализации и поддержании неконфликтных антропологических практик.

На уровне социальной инженерии потенциал автопроектирования гражданской идентичности направлен на развитие системы управления антропологическими трендами и конфликтами идентичностей в современном российском обществе. Автопроектирование гражданской идентичности как гуманитарная, конструктивная, неконфликтная антропопрактика, возвращающая гражданину его идентичность, является условием становления гражданского общества, преодоления атомизации, гражданского эскапизма, с одной стороны, и национализма, радикализации идентичности, религиозной и межэтнической интолерантности, – с другой.

Список литературы

1. Андрюхина Л. М. Креативные платформы развития антропных образовательных практик // Креативные основы гуманитарного образования: сб. науч. ст. по материалам X Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2013. С. 181–217.
2. Генисаретский О. И. О задачах и ожиданиях, связанных с антропологическим истолкованием «человеческого развития», «потенциала», «ресурса» // АРХЭ: культуротехнический альм. 2004. Вып. 5. С. 5–17.
3. Забара Л. И., Семенова Ю. А. Концепция корпоративного гражданского образования: поиск методологических оснований // Педагогическое образование в России. 2014. № 7. С. 150–154.
4. Ильин И. А. О сущности правосознания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/il/02/01.html> (дата обращения: 19.09.2016).
5. Исаев Е. И., Слободчиков В. И. Психология образования человека: Становление субъектности в образовательных процессах [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1034564/Slobodchikov_-_Psihologiya_obrazovaniya_cheloveka._Stanovlenie_subektnosti_v_obrazovatelnyh_processah.html (дата обращения: 06.09.2016).
6. Лобок А. М. Школа как диалог антропопрактик [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.allobok.ru/?p=3069> (дата обращения: 16.09.2016).
7. Попов А. А. Социально-антропологические основания практик современного образования // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. Вып. 314. С. 59–61.
8. Попов А. А./ Проскуровская И. Д. Педагогическая антропология в контексте идеи самоопределения // Вопр. образования. 2007. № 3. С. 186–198.
9. Смирнов С. А. Забота о себе: концепт и практика // Человек.RU. 2016. № 11. С. 157–170.
10. Смирнов С. А. Новые идентичности человека: анализ и прогноз антропологических трендов. Антропологический форсайт // Вестн. НГУЭУ. 2013. № 1. С. 216–241.
11. Смирнов С. А. Антропология перехода. Введение [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.archipelag.ru/authors/smirnov_sergei_alevtinovich/?library=1986 (дата обращения: 19.09.2016).
12. Хоружий С. С. Новая антропология. (Разговор с Александром Гордоном 27 окт. 2003 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.synergia-isa.ru/?page_id=4301 (дата обращения: 09.09.2016).

13. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергической антропологии // Филос. науки. 2008. № 2. С. 10–31.

Статья поступила в редакцию 21.10.2016; принята к публикации 12.12.2016

Библиографическое описание статьи

Горбунова Ю. А., Забара Л. И. Автопроектирование гражданской идентичности в свете новой антропологии // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 6–14.

Yulia A. Gorbunova¹,

*Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Ural State Pedagogical University*

*(26 Kosmonavtov Pr., Yekaterinburg, 620017, Russia),
e-mail: gorbunovaua2008@yandex.ru*

Ludmila I. Zabara²,

*Candidate of Philosophy, Professor,
Ural State Pedagogical University*

*(26 Kosmonavtov Pr., Yekaterinburg, 620017, Russia),
e-mail: rni221@yandex.ru*

Self-projecting Civil Identity in the Light of New Anthropology

The paper analyzes the process of civil identity acquisition in the situation of growing conflictogenity of international, inter-ethnic and inter-confessional relations and the controversial process of civil society formation in contemporary Russia. The theoretical and methodological foundations of the research are based on the principles of new anthropology developed by such scholars as B. V. Markov, A. A. Popov, S. A. Smirnov, G. L. Tulchinsky, S. S. Khoruzhy and others. These principles include the focus on the study of anthropological dynamics and anthropological trends; the assumption of the ability of projecting and self-projecting identity; the search for new ways to describe and assess anthropological practices of identity acquisition. The paper introduces the concept of “anthropological practices of personal identity acquisition” and offers a typology of anthropological practices in the system of “conflictogenity – nonconflictogenity”. Conflictogenity practices of civil escapism and practices of reduction, when viewed from the point of view of radicalization of the state and national or ethnic components in the structure of civil identity, generate conflicts of identities and, turning into anthropological trends, considerably hinder their constructive resolution. An anthropological alternative is self-projecting, which is a nonconflictogenity anthropological practice that returns the person their identity. The authors argue the necessity of the development of philosophical and anthropological as well as pedagogical and anthropological approaches to the study of civil identity as self-projecting, i. e. choice, self-constructing, self-creation and proving himself/herself as a citizen. The study accentuates the urgency of civil education to support and promote nonconflictogenity self-projecting practices. The article emphasizes the significance of civil identity self-projecting to manage conflicts of identities and develop civil society in contemporary Russia.

Keywords: new anthropology, anthropological practices, anthropological trends, civil identity, civil education, self-projecting, conflictogenity, nonconflictogenity

References

1. Andryukhina L. M. Kreativnye platformy razvitiya antropnykh obrazovatel'nykh praktik // Kreativnye osnovy gumanitarnogo obrazovaniya: sb. nauch. st. po materialam X Vseros. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg: Ros. gos. prof.-ped. un-t, 2013. S. 181–217.
2. Genisaretskii O. I. O zadachakh i ozhidaniyakh, svyazannykh s antropologicheskimi istolkovaniyami «chelovecheskogo razvitiya», «potentsiala», «resursa» // ARKhE: kul'turotekhnicheskii al'm. 2004. Vyp. 5. S. 5–17.
3. Zabara L. I., Semenova Yu. A. Kontseptsiya korporativnogo grazhdanskogo obrazovaniya: poisk metodologicheskikh osnovanii // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2014. № 7. S. 150–154.
4. Il'in I. A. O sushchnosti pravosoznaniya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.philosophy.ru/library/il/02/01.html> (data obrashcheniya: 19.09.2016).
5. Isaev E. I., Slobodchikov V. I. Psihologiya obrazovaniya cheloveka: Stanovlenie sub'ektnosti v obrazovatel'nykh protsessakh [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1034564/Slobodchikov_-_Psihologiya_obrazovaniya_cheloveka._Stanovlenie_subektnosti_v_obrazovatel'nykh_processah.html (data obrashcheniya: 06.09.2016).

¹ Y. A. Gorbunova is the leading researcher who defines the theoretical and methodological foundations of this research, collects, analyzes, systematizes the material and summarizes the results of the joint project implementation.

² L. I. Zabara formulates the conceptual foundations of this research and structures the material.

6. Lobok A. M. Shkola kak dialog antropopraktik [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.allobok.ru/?p=3069> (data obrashcheniya: 16.09.2016).
7. Popov A. A. Sotsial'no-antropologicheskie osnovaniya praktik sovremennogo obrazovaniya // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2008. Vyp. 314. S. 59–61.
8. Popov A. A./ Proskurovskaya I. D. Pedagogicheskaya antropologiya v kontekste idei samoopredeleniya // Vopr. obrazovaniya. 2007. № 3. S.186–198.
9. Smirnov S. A. Zabota o sebe: kontsept i praktika // Chelovek.RU. 2016. № 11. S. 157–170.
10. Smirnov S. A. Novye identichnosti cheloveka: analiz i prognoz antropologicheskikh trendov. Antropologicheskii forsaït // Vestn. NGUEU. 2013. № 1. S. 216–241.
11. Smirnov S. A. Antropologiya perekhoda. Vvedenie [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.archipelag.ru/authors/smirnov_sergei_alevtinovich/?library=1986 (data obrashcheniya: 19.09.2016).
12. Khoruzhii S. S. Novaya antropologiya. (Razgovor s Aleksandrom Gordonom 27 okt. 2003 g.) [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.synergia-isa.ru/?page_id=4301 (data obrashcheniya: 09.09.2016).
13. Khoruzhii S. S. Problema postcheloveka, ili transformativnaya antropologiya glazami sinergiinoi antropologii // Filos. nauki. 2008. № 2. S.10–31.

Received: October 21, 2016; accepted for publication December 12, 2016

Reference to the article

Gorbunova Yu. A., Zabara L. I. Self-projecting Civil Identity in the Light of New Anthropology // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 6–14.

УДК 316

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-15-22

Вячеслав Иванович Кудашов¹,
доктор философских наук, профессор,
Сибирский федеральный университет
(660041, Россия, г. Красноярск, пр-т Свободный, 82а),
e-mail: vkudashov@mail.ru

Никита Николаевич Равочкин,
преподаватель,
Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт
(650056, Россия, г. Кемерово, ул. Марковцева, 5),
e-mail: ideologie@mail.ru

Проектирование идеологии современного российского общества как предназначение интеллектуалов

Статья посвящена одной из наиболее острых проблем в трансформирующемся российском обществе – проблеме проектирования концептуально новой государственной идеологии в целях преодоления идеологического поиска. Основой для исследования послужил анализ феномена идеологии с обращением к работам классиков и современных исследователей. Проводится соотнесение выявленных подходов с кризисной ситуацией, сложившейся сегодня в современном российском социуме. Основываясь на концепции социологии знания К. Мангейма, установлено, что известны случаи, когда обновление государственных идеологий происходило либо на уровне поддерживаемой и одобряемой большинством населения властной политики, либо после триумфов протестных движений. Обращаясь к исследованиям, фокусирующимся на трансформации современных обществ, выдвигается тезис об интеллектуалах, которые представляют собой группу, наиболее заинтересованную в преодолении противоречий, сопровождаемых изменениями в духовной сфере. Показано, что после преодоления советской идеологии и неудачных попыток прийти к капиталистическому обществу, уровень доверия и готовности к переменам населения России снизился. Аргументируя, что жизнь вне идеологии невозможна, авторы намечают три пути идеологизации России, то есть создание новой государственной идеологии. Наиболее перспективным представляется программно-проектный путь. Кроме этого, наряду с государством в проектировании новой идеологии должны принять участие интеллектуалы, принимающие на себя в современном мире роль активного субъекта, её создающую: именно они обладают необходимым креативным потенциалом, полезным для проектирования новой идеологии – на чём, с учётом решаемых ими задач, базируется их предназначение.

Ключевые слова: идеология, интеллектуалы, трансформации, общественная жизнь, проектирование идеологии, население России

Идеология представляет собой один из наиболее противоречивых и трудно поддающихся классификации феноменов общественной жизни. Противоречивость исследуемого объекта открывает обширное поле для философских, социологических, политических, правовых, филологических, психологических, культурологических и междисциплинарных исследований. Сложность классификации идеологии(й) определяется как многогранностью самого феномена идеологии, так и соответствующим множеством подходов к её осмыслению и изучению с последующим отражением результатов исследований.

Скажем прямо, до сих пор отсутствует и всеобъемлющее понятие идеологии. Обра-

щаясь к определению идеологии, предложенному А. Дестютом де Траси, следует обратить внимание, что в нём имеется два корня – *idea* и *logos*. Ключевое значение имеет первый корень дефинируемого понятия, обозначающий категории мыслей, понятий – т. е. идей. Слово *logos* понимается как учение. Таким образом, идеология, буквально – это «учение об идеях», «анализ идей» [8]. Интеллектуалы Франции конца XVIII – начала XIX века (к которым принадлежал и А. Дестют де Траси), создавшие научный проект идеологии, планировали освободить человеческое сознание от предрассудков, нелепостей, аббераций, иллюзий, мифов, надеясь окончательно преодолеть человеческие заблуждения. Идеи,

¹ Авторы имеют равный вклад в организацию исследования, получение результатов, формулирование выводов и обобщение итогов исследования.

транслируемые в обществе, даже вопреки их разной силе, т. е. соответствию интересам, ценностным запросам и ожиданиям индивидов, так или иначе, оказывают действие на их сознание и поведение в обществе.

Таким образом, как продукт социальной реальности, идеология требует от нас осуществления определённого выбора, особенно на этапах обращения и непосредственного потребления. Частый характер взаимодействия с элементами идеологии, проектирование которых сегодня наиболее тесно связано с реальной жизнью, ставят идеологию в центр частной, коллективной и общественной жизни [1].

Цель идеологии, задаваемая её функциями [14], направлена, по нашему мнению, на однозначное улучшение общества, в жизни которого она функционирует. Обращаясь к проблеме идеологии в российском обществе, мы согласимся с тезисом Е. С. Козиной, признавая, что на сегодняшний день в российском обществе созрел мощный запрос на идеологию [12]. Одной из причин тому принято считать плюрализм идеологий, официально закреплённый в тринадцатой статье Конституции Российской Федерации: он отражает сознание и интересы преимущественно господствующих классов и групп. Отталкиваясь от работы К. Мангейма, такая идеология, сосредоточенная в руках господствующих сегодня элит и транслируемая через средства массовой информации, представляет собой несколько модернизированный вариант марковского «ложного сознания». Продолжая мысль в русле социологии знания, скажем, что общественные образования, находящиеся в осознанной или неосознанной оппозиции власти, мыслят на уровне утопии [13].

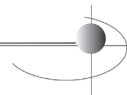
По предыдущему абзацу необходимо высказать следующее: в мировой истории известны случаи, когда обновление государственных идеологий происходило как на уровне поддерживаемой и одобряемой большинством населения властной политики, так и после триумфов протестных движений, поскольку успех той или иной идеологии зависит от уровня приверженности их сторонников ценностям антипрагматического и антигуманистического характера.

Безусловно, что идеология (вне зависимости, глобальная она или нет) является проектом: она имеет собственную структуру, задаёт определённые направления и цели стратегического утверждения, расширяющийся (как правило) круг объектов идеологического управления и воздействия.

Обращение к идеологии как системе определённых убеждений в периоды социально-политических кризисов предложено Э. Шилсом. По его мнению, идеология – лишь такая система ценностей, способная выступать как форма политического мировоззрения, несущего в себе силу веры. Это подтверждает нашу заинтересованность на предмет проектирования новой идеологии с учётом отечественных реалий, с которыми можно будет ознакомиться ниже. Кроме этого, Э. Шилс указывает на наличие способности идеологии к ослаблению связанных с кризисом процессов социальной аномии ввиду наличия огромного ориентационного потенциала [19].

В настоящей работе мы не будем отражать все предпосылки и события, способствующие созданию кризисной ситуации в тот или иной период развития общества, а также не будем рассматривать позитивное влияние идеологии на конкретные «кризисные» предпосылки, но лишь обратимся к текущему историческому этапу развития. Осознавая социальный и политический кризис, сопровождаемый экономическими санкциями, участием в мировых конфликтах милитаристского характера, снижением уровня дохода и перманентного роста цен, население со свойственной ему социальной напряжённостью живёт в экспектациях альтернатив дальнейшего государственного развития. Альтернативы являются запросами населения взамен текущей неуверенности, опасений и неопределённости по поводу завтрашнего дня. Также к негативным индикаторам, необходимым для критического осмысления, относятся эмигрантские установки населения и увеличение социальной напряжённости и разногласий между гражданами различных категорий [6; 17].

Учитывая вышесказанное, актуальность настоящего исследования задаётся высоким уровнем неопределённости российского общества. Во многом это связано и с истощением идеологической парадигмы, которую сегодня пытается заменить идеологический плюрализм. Налицо возникла потребность сформировать новый проект идеологии (коммунизм, как мы помним, являлся самым выдающимся для нашей страны) в целях понимания государством своего нынешнего положения и задать ориентиры нового будущего, для достижения которого необходимо провести ряд социально-политических и экономических преобразований. Однако необходимо и критическое видение идеологом на предмет их эффективности (жизнеспособности) в

целях неповторения ошибочного восприятия идеологического проекта как совершенного и неизменного. Обращаясь к отечественному историческому опыту, очевидно, что интеллектуалы, обладающие необходимыми для понимания жизни общества критическим мышлением, социально-философскими знаниями и высоким культурным уровнем, лучшим образом подходят для создания и поддержания опоры нового идеологического проекта российского государства.

Обращаясь к степени разработанности научного исследования, нами уже было сказано, что первые социально-философские исследования феномена идеологии относятся к рубежу XVIII–XIX веков. Её осмыслением, помимо А. Дестюта де Траси, в разное время занимались К. Маркс, К. Мангейм, А. Грамши, Л. Альтюссер, М. Фуко, К. Гирц, С. Жижек и ряд других исследователей. Примечательным является то, что вопреки очевидности и злободневности проблемы общенациональной идеологии, вопросам её проектирования субъектов, её проектирующих (государство и интеллектуалы), посвящено недостаточное количество работ. Возрастает лишь число статей о роли общенациональной идеологии в современном российском обществе. Недостаточная исследованность, вместе с тем, несёт в себе большую практическую и теоретическую значимость обращения к данной проблематике, обусловленной её актуальностью. Результаты настоящего исследования способствуют углублению теоретических представлений о социальных субъектах, обладающих потенциалом создания проекта общенациональной идеологии. Кроме этого, потенциал значимости заложен для деятельности государства: в возможном переосмыслении стратегии диалога «государство – интеллектуал». Здесь обозначена необходимость учёта их мнения по социально-политическим и иным вопросам.

Теперь при переходе к основной части статьи стоит задуматься, в каком векторе необходимо трансформировать проводимую государством политику и какая будет российская идеология? Обращаясь к урокам прошлого, выделим один из таких рубежных периодов в мировой истории, а именно – 1968 год, когда ведущие страны западной цивилизации оказались неготовыми к адекватному ответу на идейно-духовный и социально-политический «протест против системы» со стороны населения. Мы ни в коей мере не проводим аналогию, наоборот, замечаем, что в 60-е годы на Западе происходило возрас-

тание уровня жизни и материального благополучия и ряд других событий. Причина того кризиса, «детерминированного благополучием», заключается, по мнению О. В. Бодрова, в протесте обезличиванию индивида со стороны «общества массового потребления» [2].

Возвращаемся к условиям сегодняшнего российского социума. Одной из особенностей трансформации современного российского общества является сосредоточенность управления социально-политическими процессами в руках политической элиты и лишении индивидов реальных рычагов управления государством, что приводит к их отчуждению в политической сфере общественной жизни.

В регионах налицо негативное развитие социальных процессов с закономерным возрастанием протестных настроений и деструктивного потенциала. Проектирование представляет собой способ создания нового или реконструкции уже существующего объекта, поэтому проектирование будущей идеологии должно содержать и выработку мер по своевременному предупреждению последствий настоящей социальной напряжённости, не допуская усугубления кризиса и криминальных последствий. Важно знать, что, как показывают исследования, возникновение социальной напряжённости влечёт её трансформацию в кризисную ситуацию, обусловленную взаимодействием и взаимовлиянием общих для всей территории Российской Федерации факторов [15].

Российское общество сегодня обладает большим грузом нерешённых социальных проблем. Создание идеологического проекта способно обеспечить обществу сохранение своей идентичности и исторических перспектив в целях конструктивного решения имеющихся проблем. Современное состояние российского социума представляется возможным преодолеть лишь за счёт создания новых ценностей, как содержания духовной жизни людей, позволяющих объединить враждующие и антагонистические социальные группы. Для этого необходимо учитывать отражение общественных взглядов и мнений, реакцию на сложившуюся социальную ситуацию.

Полагаем, что на уровне государства идеология, по своей сути, и является тем набором актуальных на определённом этапе развития интересов, идеалов, ценностей и поведенческих установок, не идущими вразрез с потребностями и целями различной срочности. Новая идеология способна задать направленность и содержание активности различных индивидуальных и коллектив-

ных социальных субъектов с организацией совместной продуктивной деятельности по достижению целей развития российского общества. Именно новые идеологические принципы по-иному отразят и закрепят устройство будущего социума, определив пути его достижения. Поэтому мы уверены, что отсутствие государственной идеологии затрудняет процесс достижения государством целей (неотделимых от неё), понимаемых и принимаемых народом России, формирующим, в свою очередь, социальный идеал.

Сегодня Российской Федерации свойственны противоречия антагонистического характера, наиболее свойственные переходным обществам. Сюда можно отнести и шокирующую социальную дифференциацию, это и противостояние власти и народа, это и целенаправленная деятельность западных стран, обращённая на разрушение целостности российского государства. В этом мы солидаризуемся с мнением профессора А. Н. Данилова, что Россия, как и страны Восточной Европы, так и страны бывшего Советского Союза, всё ещё представляет собой переходное общество. Кроме этого, полностью поддерживаем его тезис, что в нашем обществе есть интеллектуалы, которых действительно волнуют проблемы его развития и которые стремятся преодолеть возникающие противоречия, сопровождаемые изменениями в духовной жизни государства [7]. К слову, именно на интеллектуалов и возлагается ответственность за «идеологическое творчество» [4].

Таким образом, представлена краткая характеристика «почвы», принесшей определённые «плоды» для новой идеологии. Первоначально распад советского государства обусловил негативное отношение постсоветских граждан к появлению России. Это детерминируется, по мнению О. Н. Яницкого, стойким отношением граждан к любым социальным изменениям сверху, оцениваемой в отрицательной модальности, поскольку они, как правило, сопровождались угрозой стабильности существования. Поэтому и попытки построения капитализма в России с последующим провалом такое недоверие к власти только усугубили [18]. Ю. Г. Волков справедливо замечает, что, во-первых, происходит спад советской идентичности, а, во-вторых, советская идея сегодня присутствует в жизни людей лишь как оправдание недоверия к российскому государству [3].

Советская идеология вряд ли могла объяснить реальное устройство строящегося «коммунистического» общества (затем – «раз-

витого социализма»), ограничиваясь лишь объяснением и оправданием конфликтного начала «кто друг, а кто враг». Дихотомическое разделение мира есть показатель упрощённости идеологической мысли, господствовавшей в дискурсе советской власти.

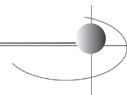
Мы считаем, что единственная функция идеологии, отлаженная в советском социуме – интеграционная, поистине не допускавшая (чрезмерно открытой) поляризации доходов и создавшая механизм объединения различных этносов на всей территории СССР. Поэтому новая идеология не должна воспроизводить идеологию советскую. Сегодня возврат к советской идеологии характерен неспособностью отвечать запросам современной общественной жизни, сохранять лидирующие позиции государства в контексте мировых инновационных процессов, но стремится к вульгарному сохранению упрощённого «ленинского общественного порядка» без построения гражданского общества.

Обращение к проблеме становления новой идеологии в российском обществе детерминировано ещё и тем, что существующие в чистом виде политические идеологии и тем более появляющиеся протестные и экстремистские идеологии (обладающие большим деструктивным потенциалом, нежели политические) не способны выработать пути развития российской общественной жизни с учётом специфики отечественных «точек кризиса». Ясным пока представляется лишь одно – обращение к сплочённости населения.

Независимо от политических и иных наборов интересов россиян, а также непрекращающихся спорах о ре- и деидеологизации, вопреки убеждениям о возможности существования вне государственного контекста, жизнь вне идеологии не является возможной. Это объясняется тем, что идеология для индивида – это модель рефлексии, его способность к самопониманию и самоопределению в социальной реальности. Отсюда и выходит, что вне осознания собственного места и определения набора персональных интересов и ценностей никакой член общества не может жить вне идеологии. Аналогично и с представителями власти. Жизнь вне транслируемых идеологией не позволит им осуществлять обоснование, легитимацию и (вполне вероятное) последующее оправдание проводимой политики.

Мы считаем, что сегодня имеются следующие пути идеологизации российского общества:

1. Экспериментальный – суть которого заключается в порой бездумном, порой

осознанном копировании зарубежного опыта применения тех или иных, ориентацией на успешные события и мировое первенство, но игнорируя отечественную специфику и менталитет граждан.

2. Ортеговский – создание идеологии усреднённой нации, напроочь лишённой оригинальности, покорной власти и вечной ориентацией на «счастливое будущее» для удобного манипулирования сознанием (в основе концепция «человека-массы» Х. Ортеги-и-Гассета).

3. Программно-проектный – создание альтернативной классическим объединяющей идеологии, спроектированной с учётом всех специфик российского государства для успешной адаптации отечественных и зарубежных идеологов.

Реализация третьего варианта создания российской идеологии представляется нам наиболее предпочтительней. Как уже было отмечено, сегодняшний плюрализм идеологий негативно сказывается на интеграции населения, одновременно усложняя, но и умножая фрагментные партикулярные интересы. Это означает, что российское идеологическое пространство, акторы которого испытывают влияние классических, протестных, экстремистских и производных от их синтеза идеологий, представляет собой не что иное, как «лоскутное одеяло».

Тем острее стоит проблема проектирования новой идеологии для России и тем скорее к её решению необходимо приступить. Остаётся вопрос: «Кто идеологию (с)проектирует?». А теперь о самих «проектировщиках». Даже учитывая, что Конституция Российской Федерации в третьей статье провозглашает народовластие, мы позволим себе усомниться, что представители базового и нижнего слоя, руководствуясь стратификацией, предложенной Т. И. Заславской [9], в большинстве своём обладают креативным потенциалом, адекватно соответствующим возможностям применения при проектировании государственной идеологии.

Как мы считаем, судьба программно-проектного пути идеологизации России зависит, главным образом, от представителей власти и образованного класса, среди которого мы и находим тех, на кого ложится ответственность за идеологическое творчество – то есть интеллектуалов с расширением круга полномочий по принятию допустимых решений.

Для чёткого прояснения роли российского государства на современном этапе общественного развития считаем необходимым

привести мнение исследователей феномена идеологии, полагающих, что главная роль государства заключается «в рациональном использовании уникального геополитического, экономического, научно-технического, сырьевого, научного и интеллектуального потенциала страны в условиях перехода к качественно новому уровню жизни народа и развития страны» [10].

Интеллектуальность представляет собой высшую степень развития интеллекта. Интеллектуалы, по мнению В. Голяховского – это люди, способные генерировать прогрессивные идеи, обладающие различными интересами, обширными знаниями и большим кругозором, что стимулирует общественное развитие [5]. Именно принимая во внимание эти качества интеллектуалов, мы считаем, что они способны осуществить проектирование будущей идеологии, не забывая, в первую очередь, о «комплексном» характере воздействия на все сферы общественной жизни при необходимом обращении к достижениям науки, культуры и образования.

В трансформирующемся обществе интеллектуалы возвращаются в статус активного субъекта. Тому есть примеры. Так, обращаясь к общественной жизни, мы видим, что интеллектуализм отдельного человека (реже – группы) играет важную роль в развитии той или иной её сферы. «Постоянные ссылки на науку в решении дел сугубо практических» сегодня становятся привычным явлением в прессе и массмедиа [11].

Одной из задач интеллектуальной деятельности, как пишет Н. С. Розов в своей работе «Идеи и интеллектуалы в потоке истории», является «производство идей и смыслов, ориентиров жизни и деятельности», а также «общего языка и общих ценностей» [16], выступающих, по сути, основами любой идеологии. Да, не редкость, когда интеллектуалы стоят в оппозиции к власти и страдают за это. Однако именно сейчас, в трансформирующемся российском обществе, государство способно предоставить им возможность участия в создании новой идеологии, придерживаясь которой и учитывая причинно-следственные связи, обуславливающие трансформацию идеологического сознания, представители власти расширяют возможности управления процессами в общественной жизни. Познание объективных закономерностей формирования идеологического сознания будет означать переход от классических форм идеологии в том виде, в котором они сформулированы и по инерции воспроиз-

дятся сегодня, к качественно новым формам, позволяющим успешно конструировать совместное будущее социальных субъектов.

Резюмируя, отметим, что согласно закону перехода количественных изменений в качественные, накопление объективных знаний об этих причинно-следственных связях рано или поздно приведёт к качественному скачку. Благодаря ему станет возможным проектиро-

вание новой идеологии силами государства и интеллектуалов. Новой идеологии, выражающей и гармонизирующей коренные интересы всех социальных субъектов. Это не означает, что не будет возникать новых конфликтов между социальными субъектами (они неизбежны). Это означает, что такая идеология станет объективной основой для конструктивного диалога между всеми субъектами.

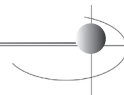
Список литературы

1. Атаманчук Г. В. Управление: философия, идеология, научное обеспечение. М.: Academia, 2015. 416 с.
2. Бодров О. В. 1968 год: кризис или социокультурная трансформация западного общества? // Социально-политическая и интеллектуальная трансформация общества в переломные эпохи: сб. ст. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 276–291.
3. Волков Ю. Г. Образы идеологии и гуманизма в современной России. М.: КНОРУС, 2016. 208 с.
4. Гальцева Р., Роднянская И. Summaideologiae: Торжество «ложного сознания» в новейшие времена. Критико-аналитическое обозрение западной мысли в свете мировых событий. М.: Посев, 2012. 128 с.
5. Голяховский В. Развитие западного интеллектуализма. М.: Захаров, 2007. 512 с.
6. Горшков М. К. Средний класс как отражение экономической и социокультурной модели современного развития России // Социол. исследования. 2015. № 1. С. 35–44.
7. Данилов А. Н. Переходное общество. Проблемы системной трансформации. Минск: Харвест, 1998. 432 с.
8. Дестют де Траси А. Основы идеологии. М.: Акад. Проект: Альма Матер, 2013. 333 с.
9. Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ecsocman.hse.ru/data/820/840/1231/002Zaslavskaya.pdf> (дата обращения: 10.11.2016).
10. Идеология: поиски и находки / науч. ред. И. И. Кальной. М.: Этносоциум, 2015. 420 с.
11. Интеллектуальные трансформации. Новые теоретические парадигмы. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 329 с.
12. Козина Е. С. Запрос на идеологию: маятник качнулся // Вестн. Моск. ун-та. 2005. № 3. С. 66–73.
13. Мангейм К. Идеология и утопия. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 578 с.
14. Равочкин Н. Н. Идеология как фактор трансформации современной общественной жизни: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Красноярск, 2016. 22 с.
15. Родимушкина О. В., Черникова И. А., Яковлев О. В. Социальная напряжённость и протестная активность в России // Общество и право. 2015. № 1. С. 300–304.
16. Розов Н. С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. 344 с.
17. Точки разногласий в обществе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/06/27/tochki-raznoglasij-v-obshhestve/> (дата обращения: 10.08.2016).
18. Яницкий О. Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / под ред. Т. Заславской. М.: Интерцентр, 1997. С. 37–48.
19. Shils E. A. The concept of ideology // In International encyclopedia of the social sciences. New York: Macmillan & Free Press, 1968. P. 66–75.

Статья поступила в редакцию 11.01.2017; принята к публикации 17.02.2017

Библиографическое описание статьи

Кудашов В. И., Равочкин Н. Н. Проектирование идеологии современного российского общества как предназначение интеллектуалов // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 15–22. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-15-22.

Vyacheslav I. Kudashov¹,
Doctor of Philosophy, Professor,
Siberian Federal University
(82a Svobodny Pr., Krasnoyarsk, 660041, Russia),
e-mail: vkudashov@mail.ru

Nikita N. Ravochkin,
Lecturer,
Kemerovo State Agricultural Institute
(5 Markovtseva St., Kemerovo, 650056, Russia),
e-mail: ideologie@mail.ru

Russian Modern Society Ideology Design as a Destination for Intellectuals

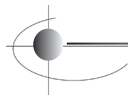
This article is devoted to one of the most pressing problems in transforming Russian society – the problem of designing a conceptually new state ideology in order to overcome ideological search. The basis for the study is the analysis of the phenomenon of ideology with reference to the works of classics and modern researchers. The article correlates the identified approaches with the crisis situation in today's Russian society. Based on K. Mannheim's concept of the sociology of knowledge, the authors determine the cases when the update on state ideologies occurred either at the level of the supportive policy approved by the majority of the population or after the triumphs of protest movements. Turning to research focusing on the transformation of modern societies, the authors postulate a thesis about intellectuals who are a group that is most interested in overcoming the contradictions, accompanied by changes in the spiritual realm. It is shown that after overcoming Soviet ideology and failed attempts to come to a capitalist society the level of trust and willingness to change in Russia's population has declined. Arguing that life outside ideology is impossible, the authors outline three ways of indoctrinating Russia, i. e. creating a new state ideology. The program and design path is more promising than others. In addition, in designing a new ideology, along with the state, intellectuals should participate and perform the role of an active subject in the modern world. The authors point out that intellectuals have the necessary creative potential, useful for the design of a new ideology on which, in view of their tasks, their mission is based.

Keywords: ideology, intellectuals, transformations, social life, ideology design, the population of Russia

References

1. Atamanchuk G. V. Upravlenie: filosofiya, ideologiya, nauchnoe obespechenie. M.: Academia, 2015. 416 s.
2. Bodrov O. V. 1968 god: krizis ili sotsiokul'turnaya transformatsiya zapadnogo obshchestva? // Sotsial'no-politicheskaya i intellektual'naya transformatsiya obshchestva v perelomnye epokhi: sb. st. M.: IVI RAN, 2008. S. 276–291.
3. Volkov Yu. G. Obrazy ideologii i gumanizma v sovremennoi Rossii. M.: KNORUS, 2016. 208 s.
4. Gal'tseva R., Rodnyanskaya I. Summaideologiae: Torzhestvo «lozhnogo soznaniya» v noveishie vremena. Kritiko-analiticheskoe obozrenie zapadnoi mysli v svete mirovykh sobytii. M.: Posev, 2012. 128 s.
5. Golyakhovskii V. Razvitie zapadnogo intellektualizma. M.: Zakharov, 2007. 512 s.
6. Gorshkov M. K. Srednii klass kak otrazhenie ekonomicheskoi i sotsiokul'turnoi modeli sovremenno go razvitiya Rossii // Sotsiol. issledovaniya. 2015. № 1. S. 35–44.
7. Danilov A. N. Perekhodnoe obshchestvo. Problemy sistemnoi transformatsii. Minsk: Kharvest, 1998. 432 s.
8. Destyut de Trasi A. Osnovy ideologii. M.: Akad. Proekt: Al'ma Mater, 2013. 333 s.
9. Zaslavskaya T. I. Sotsial'naya struktura sovremenno go rossiiskogo obshchestva [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.ecsocman.hse.ru/data/820/840/1231/002Zaslavskaya.pdf> (data obrashcheniya: 10.11.2016).
10. Ideologiya: poiski i nakhodki / nauch. red. I. I. Kal'noi. M.: Etnosotsium, 2015. 420 s.
11. Intellektual'nye transformatsii. Novye teoreticheskie paradigmy. Ekaterinburg: UrO RAN, 2008. 329 s.
12. Kozina E. S. Zпрос na ideologiyu: mayatnik kachnulsya // Vestn. Mosk. un-ta. 2005. № 3. S. 66–73.
13. Mangeim K. Ideologiya i utopiya. Diagnostika nashego vremeni. M.: Yurist, 1994. 578 s.
14. Ravochkin N. N. Ideologiya kak faktor transformatsii sovremenno go obshchestvenno i zhizni: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. Krasnoyarsk, 2016. 22 s.
15. Rodimushkina O. V., Chernikova I. A., Yakovlev O. V. Sotsial'naya napryazhennost' i protestnaya aktivnost' v Rossii // Obshchestvo i pravo. 2015. № 1. S. 300–304.
16. Rozov N. S. Idei i intellektualy v potoke istorii: makrosotsiologiya filosofii, nauki i obrazovaniya. Novosibirsk: Manuskript, 2016. 344 s.
17. Tochki raznoglasii v obshchestve [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.levada.ru/2016/06/27/tochki-raznoglasii-v-obshchestve/> (data obrashcheniya: 10.08.2016).
18. Yanitskii O. N. Modernizatsiya v Rossii v svete kontseptsii «obshchestva riska» // Kuda idet Rossiya?.. Obshchee i osobnoe v sovremenno m razviti / pod red. T. Zaslavskoi. M.: Intertsentr, 1997. S. 37–48.

¹ The authors have equal contributions to the organization of research, obtaining results, formulation of conclusions and generalization of research findings.

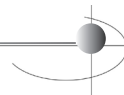

19. Shils E. A. The concept of ideology // In International encyclopedia of the social sciences. New York: Macmillan & Free Press, 1968. P. 66–75.

Received: January 11, 2017; accepted for publication February 17, 2017

Reference to the article

Kudashov V. I., Ravochkin N. N. Russian Modern Society Ideology Design as a Destination for Intellectuals // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 15–22. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-15-22.

УДК130.2

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-23-29

Оксана Николаевна Новикова,*кандидат педагогических наук, доцент,**Уральский государственный лесотехнический университет**(620100, Россия, г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37),**e-mail: oksnovi@mail.ru*

Виртуальный игровой мир как симулякр жизни

В статье описывается феномен и последствия виртуализации жизни человека посредством игровых практик, разворачивающихся в виртуальном пространстве. Виртуальный игровой мир не просто подражает жизни, он имитирует жизнь, становится симулякром, знаком, имеющим собственное бытие. Он позволяет испытать переживание мнимой реальности как подлинной, через замещение реального мира экранным. Современник, подстраиваясь под эталон, модный стандарт, презентует себя через селфи, альтернативные версии семейной и личной жизни в сети, пробует себя как творец в музыкальном, литературном и других видах творчества, виртуально путешествует по миру, активно продвигает виртуальную экономику, т. е. создаёт мир симулякров, позволяющих выстроить альтернативные версии личной жизни. Но эта жизнь, существуя в виртуальной среде, оказывает непосредственное влияние на реальное бытие человека. В мире пост-модерна виртуальная игра востребована не только как средство релаксации и расслабления, получения удовольствия, но и как технология изменения себя. Конструирование вымышленного мира в соответствии со своими чаяниями и желаниями вольно или невольно вызывает стремление соответствовать этому миру, подстраиваться под него. Всё это способствует формированию нового типа культурной идентичности, характеризующейся гетерогенностью и полистилистичностью.

Ключевые слова: виртуальный игровой мир, симулякр, знак, новый тип культурной идентичности, гетерогенность, полистилистичность

Вводная часть. Во все времена человек стремился объяснить для себя, понять и рефлексивно воспроизвести некую модель справедливого и прекрасного именно для него идеального мира, противостоящего жестокости, неприятностям и несправедливости реального пространства. Но данный креативный акт был доступен только избранным (шаманам, жрецам, религиозным мистикам, философам, творцам искусства и т. д.). А с развитием технологий, техническим совершенствованием киберпространство позволяет каждому воспроизвести свои иррациональные фантазии и желания, соединив воедино реальность жизни и фантасмагорию сказок, магических и анимистических практик. Ведь так легко здесь хилый от природы человек может стать богатырём, героем, спасающим мир. Неудачник по жизни может получить все мыслимые и немыслимые сюрпризы и подарки судьбы. Жизненная реальная семейная неустойчивость легко трансформируется в крепкий нерушимый брачный союз, основанный на запросах и чаяниях индивида и т. д. Клик мышью, и перед тобой открываются чудесные причудливые миры, возможности, гарантирующие получение бесконечного удовольствия, безграничного счастья, так рази-

тельно отличающегося от повседневной суетности, рутинных обязанностей, надоевших связей и взаимодействий.

Методология и методика исследования. В понимании Бодрийяра современный мир утратил реальность, заменив её гиперреальностью. Знак как символ идентификации и отображения себя становится симулякром, проходящим 4 стадии своего развития. На первом этапе происходит отражение некой глубинной реальности, вторая стадия представлена маскировкой и извращением этой реальности, третья предполагает маскировку отсутствия всякой глубинной реальности, а четвёртая утратой какой бы то ни было связи с реальностью, т. е. обращение знака в симулякр¹. Мыслители постмодерна определяют симулякр как знак, обретающий своё собственное бытие и перестающий быть знаком, по сути. «Симулякр сам есть тело, но тело виртуальное» [3, с. 138].

Понятие симулякр (от лат. *simulare* – «притворяться») (Ж. Батай), интерпретируемое как изображение, картинка, копия, знак (Платон, Ж. Делез), репрезентация чего-то не

¹ Современная западная философия: словарь / сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов. – М.: Политиздат, 1991. – С. 45.

существующего (Ж. Бодрийяр), становится символом, кодом, смыслом, отображающим аксиологические координаты сегодняшней жизни (власть, престиж, удача, материальное благополучие)¹. Ж. Делез констатирует: «Всё стало симулякр. Но под симулякр мы должны иметь в виду не простую имитацию, а скорее действие, в силу которого сама идея образца или особой оппозиции опровергается, отвергается. Симулякр – инстанция, включающая в себя различие двух расходящихся разрядов, которыми он играет, устраняя любое подобие, чтобы с этого момента нельзя было указать на существование оригинала или копии» [2, с. 93].

«В виртуальной среде индивид попадает не просто в иную реальность, с другими телами, ландшафтами, инородными предметами, (симулякрами), замещающими настоящий мир, он сам становится “развеществлённым” телом, тем самым симулякр, способным по-новому ощутить бытие» [7, с. 46]. Погружаясь в виртуальный мир, наполняемый возможностью видеть, слышать, ощущать, осязать и обонять виртуальные объекты с помощью специального оборудования, современник теряет возможность различать виртуальный мир и реальный. Он стремится создать свой необходимый альтернативный мир, существующий только в виртуальной среде и подчас заменяющий реальное жизненное пространство.

Являясь, прежде всего, миром игры, виртуальное пространство очень легко и просто перезагружает человека от обыденности в мир детства, праздника и фантазии, где невозможное становится возможным, дающим так необходимые эмоции и переживания.

Результаты исследования. Одним из мотивов внутреннего побуждения к игре является поиск трансцендентного, стремление к пониманию и воссозданию своего духовного мира. Религия, магия, эзотерика, архаичные образы сплетаются в нечто единое в интернет-пространстве компьютерных игр. Данный формат не только предъявляет различные религиозные течения, но и формирует религиозные символы повседневного массового сознания, преподнося их подчас под яркой вывеской медийной культуры, эпатажно тиражируя образ сакрального без должной святости и благочестия. «Всё это может оказывать определённое влияние на восприятие мира потребителем массовой культуры, подтачивая и секуляризованное сциентистское со-

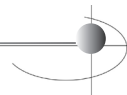
знание, и ещё продолжающее существовать сознание христианское в направлении религиозного синкретизма за счёт инкорпорации инородных, нехристианских мифологических образов» [9, с. 224]. В сети каждый может почувствовать себя Богом, Демиургом, Творцом.

Виртуальный аккаунт, профиль это не только совокупность личных данных, позволяющих подбирать сервису необходимую информацию по интересам и потребностям, но и способ презентации, самоидентификации себя и своих желаний. Интересен, как явление, феномен селфи, получивший в последние годы невиданную популярность. Личные чувства, эмоции, демонстрация отношения к миру и другим людям замещены телесностью, демонстрируемой в лучших ракурсах, ведь сеть даёт точную инструкцию, как получить презентабельный снимок. Селфи делается не для себя, а для других. Современник испытывает потребность запечатлеть и выкладывать в сетевой ресурс кадры из собственной жизни, сюжеты о местонахождении, распорядке дня, занятиях и интересах, как средства позитивного саморекламирования и способа получить признание.

Выложенное в сеть (Instagram) фото повествует о качестве жизни, событиях каждого дня: на фоне достопримечательности, за едой, учёбой, в ванной комнате, со «знаменитостью», на шопинге, пляже, горном хребте и т. д., и требует ответной реакции в виде лайков. Клик, лайк одобрения или порицания новостей, постоянная включённость в чужую тематику обсуждения выстраивают новую игру, игру в реальную жизнь.

Имея определённое личностное представление о совершенном, создатель селфи тем самым играет с собой, своим лицом, образом для того, чтобы подстроить его под некий эталон, формат, благодаря которому он презентует миру лучшего себя, наделяя или нивелируя некие качества. Ведь нередко фото подвергается скрупулёзной обработке – фотошопу (изменение форм тела, ретушь несовершенства, замена фона на более презентабельный и т. д.), прежде чем выставляется на всеобщее обозрение в сети. Если раньше фотографический снимок воспринимался как артефакт сохранения памяти, то теперь его цель – размещение новости о себе, способ подать, продать себя обществу в определённом образе и роли. Instagram как сетевое приложение не только позволяет обмениваться фотографиями и видеозаписями в сети, но и, прежде всего, формирует степень популярности, значимости владельца, стре-

¹ Всемирная научная энциклопедия. Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М.: АСТ; Минск: Харвест: Современный литератор, 2001. – С. 923.

мещающегося получить как можно больше лайков и позитивных хештегов. Он даёт возможность как бы увидеть свою жизнь со стороны, оценить её самостоятельно и с помощью подписчиков планировать будущую стратегию своей жизни-игры. Так жизнь каждого индивида, предъявленная в сети, становится симуляком, существующим в игровом ирреальном виртуальном мире.

Личная субъективная история каждого координируется и корректируется всеми участниками группы, сообщества сети. Лайки, посты, отклики на новостную ленту участника той или иной группы или сообщества вписывают индивида в определённый мир коммуникации, где количество виртуальных друзей подчас исчисляется сотнями, ведь со многими из них в реальной обыденности человек не знаком.

В виртуальной среде легко и просто найти себе собеседника по той или иной теме. Огромные возможности конструирования личной и социальной идентичности, сочетание анонимности с возможностью презентовать себя по своему желанию, отсутствие статусной иерархии, опосредованность и непосредственность задают поливариативность самопрезентации, возможность разыгрывать множество социальных ролей, легко замещающая, подменяя необходимые образы и форматы общения (синхронная, асинхронная коммуникация).

Каждый человек мечтает любить и быть любимым и желанным для кого-то, а интернет-пространство также позволяет уйти от рутины, быта, сполна насладиться очарованием влюблённости. Ведь страсть всегда противопоставлена повседневности, унося эмоционально в иные миры грез, чувственных наслаждений. Сексуальная революция шестидесятых годов XX века изменила гендерные отношения, сделав их чуть более рациональными, осмысленными, лишёнными святости и тайны (возлюбленные – партнёры, любовь – не как ответственность, желание жить жизнью другого, а стремление получать комфорт и удобство, без обязательств, с частой сменой партнёров и т. д.). Но тяга к романтике осталась, и она с лихвой реализуется в киберпространстве. Ведь так легко познакомиться, вступить в переписку, начать любовную игру... Заурядный парень, с лёгкостью скрывшись за аватаркой, может позиционировать себя романтическим героем, настоящим мачо, олигархом или Казановой, а женщина бальзаковского возраста презентовать себя как юная красotka-фото модель. Такие отношения редко перерастают в

реальные, так как при непосредственном общении, встрече люди разочаровываются и приходят к пониманию, что их виртуальные отношения были лишь игрой, любовной фантазией, заманчивой иллюзией и симуляцией необходимого чувства.

В современной культуре романтическая любовь и секс синонимичны, поэтому другой стороной чувственного обмена становится виртуальный секс, как оцифрованный симулякр, направленный на виртуализацию телесных желаний, способ получить удовольствие или просто насладиться откровенным общением с иными людьми.

Ещё с древности влюблённые описывали в письмах друг к другу не только свои романтические признания, но также откровенные желания и действия по данной теме. С развитием технических устройств, телефонии в бытие внедряется услуга – секс по телефону, где страждущие мужчины и женщины могли пофантазировать, поговорить на откровенные темы, чем удовлетворяли свои сексуальные потребности. Спутниковые каналы, телевидение ещё дальше продвинулись в данной области: появились программы, шоу, фильмы для взрослых, направленные на виртуальное интимное общение. Данный формат (телефон, спутниковый канал), подчас требовал специального технического подключения или дополнительного финансового вложения. А Всемирная паутина, став общедоступной, позволила бесплатно проводить и получать удовольствие в данной сфере. Онлайн вирт чаты (вирт по вебке) позволяют услышать, увидеть и насладиться всеми действиями и ответной реакцией виртуального партнёра. Спонтанность, непредсказуемость и легкодоступность вирта в любое время суток, возможность интимных действий, находясь на разных континентах, сделали данное времяпровождение востребованным. Каждый участник принимает временность, ситуативность, необязательность виртуальной любовной игры, ведь здесь нет никаких обязательств, нет будущей ответственности, как и нет разочарований и страха (потери близкого человека, возможности подхватить интимные болезни, заразиться СПИДом, нехотая забеременеть). Всё происходящее – это только игра, главная цель и назначение которой – сексуальная разрядка, ведь игроки, заходящие на данные виртуальные чаты, не хотят и не ищут реальных отношений, для них это способ развлечься и исчезнуть навсегда.

Все социальные сети, стремясь удержать потребителя, имеют в наличии большое коли-

чество групповых игр, затрагивающих все сферы человеческой жизнедеятельности. В виртуальных сетях создаётся иной мир, в котором на странице любого участника по желанию появится виртуальная семья, можно построить город, стать руководителем собственного дела, т. е. создаётся прототип альтернативной жизни, дающей возможность, пусть и эфемерно, реализовать все свои мечты и желания.

Достаточно вспомнить огромную популярность PokemonGo, за несколько дней завоевавшую глобальный мир в июле 2016 года. Простота и доступность каждому (наличие гаджета на Androide, установка бесплатного приложения), социально подготовленная аудитория (в течение двадцати предшествующих лет выпущено четырнадцать игр, посвящённых вселенной покемонов) заставляет игроков «ловить» виртуальных карманных монстров в реальном мире. Индивиду уже неинтересно играть в игры дома на диване, и производитель выводит игрока на улицу, во внешний мир, где даётся возможность найти Рокетона на городской карте, отправиться туда и, включив камеру смартфона, увидеть и поймать его. Подробные инструкции в СМИ (Polygon), рекламная компания даёт представление, как и где нужно искать покемонов, как их поймать, приручить (дать имя, необходимые для «жизни» предметы быта), как сражаться с другими игроками и т. д.

Использование самобытной геолокации, социальное шумовое сопровождение соединяет воочию виртуальный и игровой мир, моментально погружая игрока в иную среду, увлекая и завораживая его. Не только покемоны, но и мячи для их поимки становятся стимулом остаться в игре подольше. Ведь производитель запрограммировал, что их можно не только купить за реальные деньги, но и найти в окружающем пространстве большого города. Необходимо только желание подольше побродить по знакомым улицам с включённым приложением, чтобы на знакомой с детства качели, рядом с песочницей или любимой скамейкой обнаружить дислокацию так необходимого в дальнейшей игре покемья, и всё это абсолютно бесплатно.

Наделённые сверхспособностями карманные монстры так завораживают и привлекают игроков, что подчас они становятся жертвами краж, инициаторами дорожных происшествий, участниками конфликтных ситуаций в неблагополучных городских зонах.

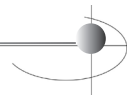
Благодаря инновационным технологиям современник не только общается в разных

сообществах, безгранично черпает информацию по любой проблеме, но и с лёгкостью путешествует, перемещается по интересным местам, зонам, континентам, странам. Имеет возможность, не выходя за пределы личной среды, осмотреть лучшие артефакты и достопримечательности, существующие как на Земле, так и в пределах небесной галактики.

Все знаменитые артефакты истории и культурного наследия прошли оцифровку, и зажили своей особенной жизнью в киберпространстве. Безусловно, встреча с любым произведением искусства, даже оцифрованным, всегда предполагает некий просветительский и эстетический ракурс, но, как правило, лишает человека индивидуального подхода, личного восприятия, рефлексии непосредственного чувствования, эмоционального отклика.

Технические возможности трансформируют шедевр, позволяя кликом мышки менять размер, ракурс, объём, перспективу, детализацию художественного образа, чем подчас нивелируют красоту, индивидуальность первоисточника. Безусловно, сама идея получить возможность попасть внутрь шедевра, стать как бы частью, продолжением художественного полотна, очень привлекательна. Но она вновь превращается в игру, ирреальную практику временного пребывания в инобытии, фантазийном, кем-то выдуманном формате [10].

Не только художественное, но и музыкальное творчество востребовано в сети. Огромное количество людей наделяют себя талантами, презентуются как гениальные музыканты, виртуозные исполнители и одарённые певцы. Достаточно в домашней обстановке под собственный аккомпанемент спеть, сыграть, симпровизировать некий напев, выложить съёмку из домашнего архива во Всемирную паутину, и всё – ты проснулся знаменитым, востребованным, обсуждаемым и кем-то воспринимаемым. Ведь в сети всегда найдутся сторонники, фанаты, критики новоявленного творчества. Возникают целые сообщества, группы поддержки, дающие возможность любому индивиду, сумевшему воспроизвести пару музыкальных фраз голосом или на музыкальном инструменте, почувствовать себя кумиром, творцом, востребованным исполнителем. В данной среде совсем не обязательно владеть голосом, техникой игры на музыкальном инструменте, достаточно эпатировать, заинтересовать, развлечь виртуальную публику, чтобы получить лайк, оценку или комментарии. Так реализуется эскапистский потенциал реализации себя,

осуществляется позитивная самопрезентация с минимизацией затрат на совершенствование мастерства, освоения музыкальных, художественных технологий. Осуществляется подчас симуляция творческой деятельности, которая обретает масштабный размах, что позволяет говорить об утрате социальных структур, нестабильности физического и психического состояния в ситуации постмодерна.

Ещё одной формой предъявления виртуальной жизни является возникновение специфического виртуального языка, как способа коммуникации, базируемого на иконических знаках: аватарка, хештег, иллюстрация, смайл и др. В большинстве общаясь через слово, текст, в виртуальном игровом пространстве вербальный смысл подчас закладывается в «смайле» (*smiley, emoticon*) – текстовом или графическом символе, передающем эмоциональный отклик, стилизованном изображении человеческого лица, являющегося симуляком улыбки, насмешки, переживаний, состояния злости, усталости и т. д. Так видоизменяется и вся система реальной коммуникации: «Это система, в которой сама реальность (т. е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передаётся опыт, но сами становятся опытом» [4, с. 51].

Виртуализация жизни коснулась и сфер экономических институтов, предъявляемых в экономических симуляках и симуляциях: виртуальных компаниях, банках, биржах, специализированных фирмах и рынках продаж. Разыгрываемая в жанрах MUD, MMORPG, Second Life и других виртуальная экономика соединена с реальным миром через конкуренцию, взаимовлияние (личные ресурсы оказывают влияние на других игроков и являются их объектом влияния), вторичный рынок (ресурсы подлежат хранению, обмену и перепродаже), добавленную стоимость (каждый пользователь может увеличить стоимость ресурсов, оптимизируя и улучшая их свойства). Это особый мир симуляции, где владелец аккаунта имеет возможность выбирать наиболее приемлемый способ своего существования (по интересам, творение виртуальных товаров, предметов искусства, строительство, купля-продажа, виртуальная собственность, валюта: криптовалюта, цифровая валюта, биткойн и т. д.). Пользователь, управляя в виртуальном мире от лица выбранного аватара, не только формирует сам процесс игры, но и соз-

даёт социально-экономические отношения как производство и потребление материальных благ (еда, ресурсы, оружие, знание, предметы быта и обихода), приобретаемых не только за виртуальные деньги, но и реальную валюту. Виртуальный мир постоянно трансформируется, обеспечивая продолжение видоизменённого реального мира. «Мир симуляции трансреален и трансфинитен: никакое испытание реальностью не сможет положить ему конец» [1].

Заключение. Итак, виртуализация массового сознания, внедряемая через игровые практики, даёт ощущение мнимой свободы, наполняясь чувством сопричастности, сотворения происходящего. Игровое начало в социально-экономических формах жизни воспроизводит не только вещественно материальный результат, но и наполняется симулякрами (образами, знаками, объектами, смысл и назначение которых специфичны, субъективны, искусственно условны). Внедрение инноваций в жизненное пространство человека осуществляется через играизацию общества, утилитарно и прагматично формирующую качества и тенденции жизни [5; 6; 8].

Виртуальный мир, являясь иллюзорным миром, в который современник полностью погружен, создаётся изменением способов деятельности человека, лишённого конечной цели – своего главного осязаемого результата, ведь чаще всего бытие конструируется в масштабах интеллектуально-художественной деятельности, приветствующей импровизацию, воображение, поддерживаемой интересом, азартом, риском.

Выступая как копии, подделки, временные сущности, симулякры становятся мотивом, двигательным элементом, кодом, воспроизводящим ненастоящее, искусственно созданное, имеющее ценность только временно, в определённом пространстве. Распоряжаясь знаковыми кодами, современные виртуальные игровые практики констатируют и формируют потребление конкретных благ и услуг, специфичный стиль и качество жизни современника. Культура постмодерна базируется и создаётся гетерогенными (разнородными), полистилистичными (разноплановыми) экспериментальными феноменами, реализованными в игровых практиках. Поиск удовольствия, удовлетворения от каждого мига жизни заставляет современника постоянно быть готовым к переменам, как себя, так и окружающего пространства, порождая новый тип культурной идентичности, характеризующейся гетерогенностью и полистилистичностью.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция = Simulacraetsimulation / пер. А. Качалова. М.: Рипол-классик, 2012. 240 с.
2. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
3. Емелин В. А. Симулякры: виртуальная реальность и инновации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 2. С. 133–142.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Кравченко С. А. Играизация общества: блага и проблемы // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2007 года / под ред. В. И. Конова. М.: Октопус-Природа, 2008. Вып. 11. С. 270–276.
6. Малишевская Н. А. Игровые практики в дискурсе постмодерна. Ростов н/Д.: Изд-во РГУПС, 2007. 245 с.
7. Новикова О. Н. Играизация культуры постмодерна и современные практики эскапизма // Вестн. ЧелГУ. Филос. науки. 2016. № 41. С. 47–58.
8. Ретюнских Л. Т. Философия игры. М.: Вуз. кн., 2002. 256 с.
9. Хачатурян В. М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М.: Academia, 2009. 290 с.
10. Claus Toft-Nielsen, Stinne Gunder Strøm Krogager. Gaming practices in everyday life. An analytical operationalization of field theory by means of practice theory [Электронный ресурс] // Medie Kultur, Journal of media and communicationresearch. 2015. No. 31. P. 64–84. Режим доступа: <http://www.ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/mediekultur/article/view/18741> (дата обращения: 25.11.2016).

Статья поступила в редакцию 16.01.2017; принята к публикации 27.02.2017

Библиографическое описание статьи

Новикова О. Н. Виртуальный игровой мир как симулякр жизни // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 23–29. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-23-29.

Oksana N. Novikova,

*Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Ural State Forestry Engineering University
(37 Sibirskiy Tract, Yekaterinburg, 620100, Russia),
e-mail: oksnovi@mail.ru*

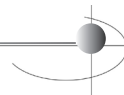
The Virtual Game World as a Simulacrum of Life

The article describes the phenomenon and effects of virtualization on human's life through gaming practices, which take place in the virtual space. The virtual game world does not just imitate life; it simulates life, and becomes a simulacrum, a sign that has its own existence. The virtual game world allows people to experience the imaginary reality as a true one by using the screen world. A contemporary, adjusting to the model or standard, presents himself/herself through selfies, alternative versions of family and personal life in the network, tries himself/herself as a creator of the musical, literary and other kinds of creativity, virtually travels the world, actively promotes virtual economics, i. e. creates the world of simulacra that allow people to build alternate versions of his/her personal life. But this life, existing in a virtual environment has a direct impact on the real human being. In the postmodern world, a virtual game is in demand not only as a way of relaxation and pleasure, but as a technology for changing oneself. The construction of the fictional world in accordance with its aspirations and desires willingly or unwillingly causes the desire to conform to this world, to adapt to it. All this contributes to the formation of a new type of cultural identity that is characterized by heterogeneity and polystylistics.

Keywords: virtual game world, simulacrum, sign, new type of cultural identity, heterogeneity, polystylistics

References

1. Bodriyar Zh. Simulyakry i simulyatsiya = Simulacraetsimulation / per. A. Kachalova. M.: Ripol-klassik, 2012. 240 s.
2. Delez Zh. Razlichie i povtorenie. SPb.: Petropolis, 1998. 384 s.

3. Emelin V. A. Simulyakry: virtual'naya real'nost' i innovatsii // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2009. № 2. S. 133–142.
4. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura: per. s angl. / pod nauch. red. O. I. Shkaratana. M.: GU VShE, 2000. 608 s.
5. Kravchenko S. A. Igraizatsiya obshchestva: blaga i problemy // Sbornik nauchno-populyarnykh statei – pobeditelei konkursa RFFI 2007 goda / pod red. V. I. Konova. M.: Oktopus-Priroda, 2008. Vyp. 11. S. 270–276.
6. Malishevskaya N. A. Igrovye praktiki v diskurse postmoderna. Rostov n/D.: Izd-vo RGUPS, 2007. 245 c.
7. Novikova O. N. Igraizatsiya kul'tury postmoderna i sovremennye praktiki eskapizma // Vestn. ChelGU. Filos. nauki. 2016. № 41. S. 47–58.
8. Retyunskikh L. T. Filosofiya igry. M.: Vuz. kn., 2002. 256 s.
9. Khachatryan V. M. «Vtoraya zhizn'» arkhai: arkhauyushchie tendentsii v tsivilizatsionnom protsesse. M.: Academia, 2009. 290 c.
10. Claus Toft-Nielsen, Stinne Gunder Strøm Krogager. Gaming practices in everyday life. An analytical operationalization of field theory by means of practice theory [Elektronnyy resurs] // Medie Kultur, Journal of media and communication research. 2015. No. 31. R. 64–84. Rezhim dostupa: <http://www.ojs.statsbiblioteket.dk/index.php/mediekultur/article/view/18741> (data obrashcheniya: 25.11.2016).

Received: January 16, 2017; accepted for publication February 27, 2017

Reference to the article

Novikova O. N. The Virtual Game World as a Simulacrum of Life // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 23–29. DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-3-23-29.

УДК 378

Сунь Янь,

кандидат наук, доцент,

Хэйлунцзянский институт иностранных языков

(150025, г. Харбин, Зона развития Ли Минь, ул. Шиданайлу, 1),

e-mail: sunyannushi@126.com

Способ инновации в интернационализации высшего образования в геоэкономической стратегии «Один пояс – один путь»

Стратегические идеи геоэкономической политики «Один пояс – один путь» не только способствуют развитию партнёрских отношений между государствами, но и обеспечивают огромные перспективы в сфере высшего образования и подготовки высококвалифицированных кадров. В контексте данной политики, высшие учебные заведения стран – участников пояса Нового экономического Шёлкового пути должны укреплять инновационные технологии в сфере образования, совершенствовать системы образования, улучшать программы обучения и повышать количество обучающихся студентов, сочетать обучение с исследовательской практикой. Однако в вопросах продвижения Китаем образовательных программ в страны Нового экономического Шёлкового пути есть и немалые трудности. Одной из основных является нехватка преподавателей, владеющих китайским и иностранными языками в странах региона «Один пояс – один путь». В данной статье использовались методы теоретического анализа, обобщения научной литературы, периодических изданий и материалов сети Интернет. Способы подготовки высококвалифицированных кадров, передовой опыт образования других стран, сочетание с собственным опытом, улучшение учебной методики и системы дисциплин, повышение качества преподавания по программам сотрудничества с зарубежными странами и расширение сферы сотрудничества в обучении и воспитании международных специалистов по разным отраслям экономики являются результатом этой работы.

Ключевые слова: «Один пояс – один путь», интернационализация, инновация концепции, высшее образование, подготовка высококвалифицированных кадров

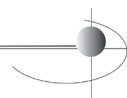
«Один пояс – один путь» является результатом изменения международных экономических отношений, международного обязательства Китая и претворения китайской традиционной культуры в международное социально-экономическое развитие [3, с. 7]. Подготовка высококвалифицированных кадров имеет важное значение в развитии и интеграции Китая в международное сообщество. Подготовка кадров повышает внутренние силы экономической производительности страны. Высококвалифицированные кадры – это ключ всемерного стимулирования стратегических идей политики Нового Шёлкового пути «Один пояс – один путь». Поэтому в процессе экономического развития страны кадры имеют основное стратегическое значение, а высококвалифицированные творческие кадры – это элита ресурсов кадров [4, с. 170].

Таким образом, высококвалифицированные кадры играют огромное значение в инновационном развитии социально-экономических, международных отношений и в дипломатических областях сотрудничества.

Стратегические идеи политики «Один пояс – один путь» предоставляют истори-

ческую возможность углубить торгово-экономические, социальные, политические отношения между странами и создать новые системы многостороннего сотрудничества. Для осуществления связей с вовлечёнными странами необходимо не только укреплять международные партнёрские отношения, но и обучать и воспитывать дальновидных высококвалифицированных специалистов, учёных, деятелей культуры и дипломатов с навыками международного общения [6].

В стратегической идее политики «Один пояс – один путь» укрепление воспитания дипломатов и специалистов в международных организациях очень важно. Так, при стимулировании стратегических идей политики «Один пояс – один путь» подготовка высококвалифицированных кадров является очень важным фактором. Стратегия «Один пояс – один путь» включает в себя не только экономику, политику, законы, инфраструктуры, но и культуру, и, в первую очередь, образование. Каждая отрасль нуждается в решительной поддержке кадров. Поэтому подготовка кадров, особенно высококвалифицированных, имеет большое значение [7, с. 18].

Высшие учебные заведения являются базой подготовки кадров гуманитарного, научно-технического направления, исследования и инновации. Подготовка высококвалифицированных творческих кадров высшего образования является значимой в повышении экономической производительности и ускорении инновационного развития экономики страны [4, с. 2].

В современном международном обществе уровень экономического и социального развития региона или страны зависит от степени освоения науки и техники. Поэтому высококвалифицированные кадры являются основой инновационных технологий и реструктуризации промышленности. Конкурентоспособность международных науки и техники и уровень науки и техники региона или страны зависит от общего количества и качества высококвалифицированных научно-технических творческих кадров.

Стратегическая политическая идея «Один пояс – один путь» способствует регулированию экономической структуры и оптимизации промышленности. Инновационные технологии являются важным звеном при регулировании структуры промышленности. Потребность в высококвалифицированных творческих кадрах повышается [6].

В областях интернационализации высшего образования большинство высших учебных заведений и управление образования в Китае осознают всю важность воспитания квалифицированных кадров. Но по мере того, как тенденция глобализации экономики обостряется, и после того, как появилась стратегия «Один пояс – один путь», построение интернационализации высшего образования уже является самым важным звеном в процессе развития образования в Китае [1, с. 121].

Интернационализация образования должна влиться в обучение во многих вузах, воспитать и обучать высококвалифицированных специалистов, обладающих знаниями в нескольких областях, по всем направлениям, создать интернациональные коллективы [4, с. 3].

В концепции о подготовке кадров Китая система оценки кадров должна превращаться из «видов знаний» в «виды способностей», то есть оценка кадров по способностям и качествам. В то же время концепция образования вузов Китая должна перейти из «экзаменационного» образования в качественное образование и создавать концепцию образования на основе развития способностей студентов. Только таким образом студенты вузов могут получить свободное пространство для

развития и повышения исследовательских и инновационных способностей.

В высших учебных заведениях необходимо создать организационную структуру многочисленных матриц: матрица сочетания научного исследования с административно-управленческими, матрица сочетания обучения с научным исследованием, матрица сочетания разных проектов и разных учебных дисциплин. Это предоставит не только больше возможностей повышения координации между организациями, но и будет содействовать совместному использованию ресурсов в исследовательских проектах, содействовать подготовке высококвалифицированных творческих кадров. В областях системы обучения высшие учебные заведения должны придерживаться принципов «Всё для студента», предоставлять программы обучения, соответствующие индивидуальным способностям каждого студента [5, с. 2].

В обучении организации учебных дисциплин дать студентам больше пространства для самостоятельного выбора. Высшие учебные заведения должны совершенствовать системы преподавания в области организации обучения по специальностям, предоставить возможность изучать дисциплины по разным специальностям, воспитывать инновационные кадры.

По мере непрерывного углубления интернационализации способность общаться на иностранном языке уже стала одним из требований для специалистов. Обучение иностранным языкам способствует не только повышению уровня знания языка студентов, но и углублению понимания культурного многообразия. Знание иностранного языка расширяет международный кругозор студентов, воспитывает международное сознание, повышает способность к межкультурному общению и развивает инновационный потенциал [7, с. 4].

Поэтому высшие учебные заведения и управления образованием Китая должны уделять большое внимание обучению иностранным языкам.

Например, развивать преподавание на двух языках, улучшать модель обучения иностранным языкам, открыть дисциплины по выбору. Кроме обучения общепринятому международному английскому языку, следует развивать обучение русскому языку, так как Россия является самым большим и значимым стратегическим партнёром, и другим иностранным языкам, которые являются незаменимой частью в процессе обучения меж-

дународных специалистов в новых инновационных экономических условиях «Один пояс – один путь».

В настоящее время в реализации образовательных программ Китаем в странах Нового экономического Шёлкового пути есть и немалые проблемы. Так, одной из основных является нехватка кадров, владеющих иностранными языками, стран региона «Одного пояса – одного пути». Для решения этой проблемы Китаем в университетах реализуются программы обучения по обмену студентами и преподавателями. Лучшие из студентов смогут завершить своё образование за рубежом, а преподаватели проводят курсы в университетах-партнёрах [5, с. 5].

Так, например, для реализации идей концепции «Один пояс – один путь» Хэйлунцзянский университет иностранных языков в г. Харбине уделяет особое внимание изучению русского языка наряду с другими иностранными языками стран региона Нового Шёлкового пути.

Университет имеет партнёрские соглашения по обмену студентами со многими ведущими вузами России в реализации совместных образовательных программ. Хэйлунцзянский университет иностранных языков имеет давние партнёрские отношения с вузами Европы и Юго-Восточной Азии, налаживает контакты с вузами Африки.

В странах и регионах, которые касаются стратегии «Один пояс – один путь», используется более 40 языков. При международном общении и в торгово-экономическом сотрудничестве дипломатические кадры и высококвалифицированные специалисты, владеющие иностранными языками, востребованы [5, с. 3].

Многие страны, участвующие в китайском проекте создания экономического пояса «Один пояс – один путь», заявляют о заинтересованности в том, чтобы в этих странах начали работу филиалы китайских вузов, в частности, Египет и Иордания. В этих странах хорошо знакомы с продукцией, выпускаемой на предприятиях Китая, таких, как мобильные телефоны, товары народного потребления и автомобили.

Представители органов образования этих стран и местные жители надеются на то, что китайские вузы, которые специализируются в преподавании прикладных наук, откроют у них свои филиалы.

Так, текстильный университет города Ухани провинции Хубэй, готовящий инженеров текстильной промышленности и дизайне-

ров, откроет свой филиал в частном университете в Бангладеш.

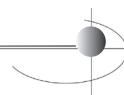
Число образовательных программ, которые реализуются китайскими преподавателями в разных странах, более сотни. Большинство из них в вузах стран Юго-Восточной Азии. Это филиалы Китайского университета Сучоу в столице Лаоса городе Вьентьяне, Пекинского университета языка и культуры в Японии, филиал Сямэньского университета в Малайзии и Юньнаньского университета финансов и экономики в Таиланде. Для реализации идей правительство Китая должно создать специальные фонды финансирования деятельности филиалов китайских вузов [7, с. 18].

Таким образом, в высших учебных заведениях надо открыть соответствующие специальности и учебные дисциплины, обратить внимание на воспитание специалистов, имеющих международный кругозор, владеющих иностранными языками.

Преподаватели являются необходимой частью в процессе подготовки специалистов и высококвалифицированных кадров. Обучение педагогов играет большую роль в подготовке специалистов высших учебных заведений. Они должны стараться не отставать от инновационных способов и методов обучения учебным дисциплинам. Понятно, что в современных условиях необходимо выпустить специалиста не только с хорошими знаниями, но и умеющего на практике их использовать. Чтобы научить студентов самостоятельно мыслить, принимать решения, работать в группах, развивать коммуникативные творческие способности, брать на себя ответственность, преподавателям следует изучать и использовать инновационные методы и способы обучения [2, с. 724].

В процессе обучения Китай должен твёрдо придерживаться сочетания стратегии «идти вовне», «выход за границу» со стратегией «привлечение зарубежного». Стратегия «выход за границу» – то есть высшие учебные заведения должны предоставить педагогам возможность выехать за границу обмениваться опытом и учиться, изучать зарубежную, передовую концепцию образования, улучшить стиль преподавания, повысить качество преподавания. Стратегией «привлечение зарубежного», то есть высшие учебные заведения должны привлекать известных учёных и специалистов для доклада и проведения лекций [8, с. 11].

Таким образом, предоставлять студентам больше возможностей узнавать и изучать международные передовые культуру и технику.

Кроме того, высшие учебные заведения и управление образованием КНР должны широко развивать мероприятия по научному взаимодействию внутри и за пределами страны, содействовать глубокому сотрудничеству высших учебных заведений Китая с зарубежными ведущими высшими учебными заведениями.

Так, высшие учебные заведения страны должны укреплять сотрудничество с известными ведущими международными вузами, предоставлять студентам больше возможностей знакомства с международным опытом, обращать внимание на сотрудничество в традиционных отраслях образования. Учитывать передовой опыт образования других стран, сочетать с собственным опытом, улучшить учебную методику и систему дисциплин, повысить качество преподавания по програм-

мам сотрудничества с зарубежными странами и расширять сферу сотрудничества в обучении и воспитании международных специалистов по разным отраслям экономики¹.

Таким образом, высшим учебным заведениям Китая следует обратить внимание на способ инновации в интернализации высшего образования в подготовке высококвалифицированных специалистов в новых условиях геоэкономической стратегии «Один пояс – один путь». Университеты должны готовить студентов не только с практическими знаниями, но и способных к исследовательской деятельности в различных областях профессиональной деятельности, с международным кругозором, инновационным мышлением и знанием иностранных языков стран региона Нового Шёлкового пути.

Список литературы

1. Бай Лу. Исследование пути интернализации высшего образования при стратегии «Один пояс – один путь» // Новый запад. 2015. № 23. С. 115–132.
2. Балин А. В. Использование инновационных методов в образовании // Молодой учёный. 2014. № 2. С. 724–725.
3. Ван Гоган. «Один пояс – один путь»: инновация концепции международной экономики на основании китайской традиционной культуры // Исследование международных финансов. 2015. Июль. С. 3–10.
4. Дударева Н. А. Интернационализация российской системы высшего образования: экспорт образовательных услуг // Вестн. ИГЭУ. 2010. Вып. 1. С. 1–5.
5. Ли Синьюнь. Путь развития и трудности высшего образования в стратегии «Один пояс – один путь» // Учебная газета. Нанкинский политехнический университет. 2016. С. 1–5.
6. Цюй Чжэньюань. Строительство «Одного пояса – одного пути» и новое задание образования государства // Гуаньминьжибао. 2016. 13 авг.
7. Чжао Вэй. Шанс и вызов в строительстве «Один пояс – один путь» в Китае // Китайский рынок. 2015. № 43. С. 18.
8. Чэн Сюянь. Путь подготовки кадров в высших учебных заведениях в стратегии «Один пояс – один путь» // Теория и практика образования. 2016. № 27. С. 9–11.
9. Ян Сяобо. Подготовка специалистов высшего образования в стратегии «Один пояс – один путь» // Реформа и исследование. 2016. № 108. С. 170–172.
10. Lau M. Guangdong May Set up Own Silk Road Fund as it Implements China's 'One Belt, One Road' Strategy [Электронный ресурс] // Politics. 2015. 5 June. Режим доступа: <http://www.scmp.com/news/china/> (дата обращения: 12.12.2016).

Статья поступила в редакцию 11.01.2017; принята к публикации 27.02.2017

Библиографическое описание статьи

Сунь Янь. Способ инновации в интернализации высшего образования в геоэкономической стратегии «Один пояс – один путь» // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 30–34.

¹ Материалы Всероссийского совещания проректоров по международной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russia.edu.ru/porektor_2009/ (дата обращения: 12.12.2016).

Sun Yan,

*Candidate of Sciences, Associate Professor,
Heilongjiang International University
(1 South Shida Road, Limin Development Zone,
Harbin, China, 150025),
e-mail: sunyannushi@126.com*

The Method of Innovation in the Process of Higher Education Internationalization in the Context of “One Belt – One Road” Geoeconomic Strategy

The strategic ideas of the geoeconomic policy “One Belt – One Road” do not only promote the development of partnerships between the states, but also provide great prospects in the field of higher education and the training of highly qualified personnel. In the context of this policy, higher education institutions of the countries participating in the belt of the New Economic Silk Road should strengthen innovative technologies in the field of education, develop education systems, improve training programs, increase the number of students and combine training with research practices. However, in the issues of China's advancement of educational programs in the countries of the New Economic Silk Road, there are also considerable difficulties. One of the main problems is a shortage of teachers who are proficient both in Chinese and foreign languages in the countries of the “One Belt – One Road” region. The article uses the methods of theoretical analysis, generalization of scientific literature, periodicals and materials of the Internet. This article results in clarifying the methods of training highly qualified personnel, who combine the best teaching experience of other countries with their own experience, improving the teaching methodology and the system of disciplines, improving the quality of teaching under the programs of cooperation with foreign countries and developing the sphere of cooperation in training and educating international specialists in different sectors of the economy.

Keywords: “One Belt – One Road”, internationalization, concept innovation, higher education, training of highly qualified personnel

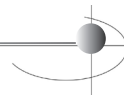
References

1. Bai Lu. Issledovanie puti internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya pri strategii «Odin poyas – odin put'» // Novyi zapad. 2015. № 23. S. 115–132.
2. Balin A. V. Ispol'zovanie innovatsionnykh metodov v obrazovanii // Molodoi uchenyi. 2014. № 2. S. 724–725.
3. Van Gogan. «Odin poyas – odin put'»: innovatsiya kontseptsii mezhdunarodnoi ekonomiki na osnovanii kitaiskoi traditsionnoi kul'tury // Issledovanie mezhdunarodnykh finansov. 2015. Iyul'. S.3–10.
4. Dudareva N. A. Internatsionalizatsiya rossiiskoi sistemy vysshego obrazovaniya: eksport obrazovatel'nykh uslug // Vestn. IGEU. 2010. Vyp. 1. S.1–5.
5. Li Sin'yun'. Put' razvitiya i trudnosti vysshego obrazovaniya v strategii «Odin poyas – odin put'» // Uchebnaya gazeta. Nankinskii politekhnicheskii universitet. 2016. S.1–5.
6. Tsyui Chzhen'yan'. Stroitel'stvo «Odnogo poyasa – odnogo puti» i novoe zadanie obrazovaniya gosudarstva // Guan'min'zhobao. 2016. 13 avg.
7. Chzhao Wei. Shans i vyzov v stroitel'stve «Odin poyas – odin put'» v Kitae // Kitaiskii rynek. 2015. № 43. S.18.
8. Chen Syuuyan'. Put' podgotovki kadrov v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh v strategii «Odin poyas-odin put'» // Teoriya i praktika obrazovaniya. 2016. № 27. S.9–11.
9. Yan Syaobo. Podgotovka spetsialistov vysshego obrazovaniya v strategii «Odin poyas – odin put'» // Reforma i issledovanie. 2016. № 108. S.170–172.
10. Lau M. Guangdong May Set up Own Silk Road Fund as it Implements China's 'One Belt, One Road' Strategy [Elektronnyy resurs] // Politics. 2015. 5 June. Rezhim dostupa: <http://www.scmp.com/news/china/> (data obrashcheniya: 12.12.2016).

Received: January 11, 2017; accepted for publication February 27, 2017

Reference to the article

Sun Yan. The Method of Innovation in the Process of Higher Education Internationalization in the Context of “One Belt – One Road” Geoeconomic Strategy // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 30–34.

УДК 101.1:168:930.2

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-35-39

Марат Николаевич Чистанов,*доктор философских наук, доцент,**Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова**(655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, 90),**e-mail: maratc@mail.ru*

О границах применимости теории поколений в современной философии истории

В современной философии истории существует дефицит новых теорий. В течение двадцатого века были последовательно дезавуированы её базовые концепции: идея объективного исторического процесса и общественного прогресса, неокантианская теория исторического познания, феноменолого-герменевтическая концепция внутреннего историзма субъекта, аналитическая философия истории. Последняя крупная попытка создать историческую эпистемологию на базе теории исторического нарратива заканчивается признанием иррационального характера последнего. В этих условиях новый шанс получают теории, основанные на эмпирически выводимых и проверяемых закономерностях. Поскольку главной особенностью эмпирических исследований является поиск всякого рода повторяемостей, то в последние десятилетия можно наблюдать массовое возвращение к циклическим моделям. Одной из теорий такого рода является теория поколений, предложенная американскими исследователями Штраусом и Хоувом. Поскольку представители одного поколения имеют общие ценности и вкусы, модель Штрауса и Хоува оказалась очень популярной в маркетинговых исследованиях, а впоследствии появились попытки её использования в других экономических и вообще социальных дисциплинах. Тем не менее, при ближайшем знакомстве оказывается, что данный подход лишён серьёзных онтологических оснований и нуждается в серьёзной философской доработке.

Ключевые слова: философия истории, историческая эпистемология, теория поколений, онтологические основания, эмпирическая методология

Вводная часть. Хорошо известно, что европейская философия истории появилась в конце восемнадцатого века, в эпоху осмысления итогов первых буржуазных революций. Именно тогда возникают классические концепции объективного исторического процесса и неотвратимого поступательного социального прогресса. Золотой век философско-исторических систем пришёлся на рубеж девятнадцатого и двадцатого веков, когда произошло разделение теорий исторического процесса и исторического познания. Дальнейшая эволюция философско-исторического знания приводит к постепенному угасанию исторической онтологии в классическом смысле, поскольку уже в работах Шпенглера и Тойнби исторический процесс показан настолько дефрагментированным, что для его выделения потребовалась специальная методология. Очень точно и поэтично суть произошедшей с философией истории коллизии описана в книге В. Н. Сырова «Расцвет и закат европейской философии истории»: «Для нас аспект утраты жизненности состоит в том, что многочисленные философии истории, выражавшие ожидания европейской культуры, не могли обеспечить гарантий существования знания как исторического имен-

но потому, что в самом источнике, который их оплодотворял, таился фундаментальный, сущностный порок... Как ни удивительно, разрушение философий истории делает возможным самое существование определенной сферы знания как знания исторического. Поэтому наблюдатель, осмысливая путь европейского философствования именно как опыт, сам оказывается внутри истории и выступает творцом истории именно как истории» [8, с. 9–10]. Таким образом, историческая онтология в классическом смысле этого слова оказалась не у дел, по крайней мере, на следующие восемьдесят лет.

Несколько иная судьба ожидала философско-историческое направление, связанное с исследованиями сущности исторического познания. Историческая эпистемология сначала получила достаточно серьёзную гносеологическую и онтологическую поддержку со стороны неокантианской теории ценностей (при всей неоднозначности онтологического статуса самой ценностной теории). Поиски особого метода исторического, а в широком смысле – всего гуманитарного познания приводят В. Виндельбанда, Г. Риккерта и их последователей, включая Макса Вебера, к необходимости расширения гра-

ниц классической научной рациональности и выводу исторической науки за пределы действия универсальных научных закономерностей. Эта тенденция надолго испортила репутацию исторической науки в глазах сторонников сциентизма, но позволила сохранить некоторую видимость «объективности» и «беспристрастности» наук о духе в массовом сознании западного обывателя [см. напр., 1; 7].

Результаты исследования. Последующая трансформация исторической эпистемологии приводит к концепту внутренней историчности сознания у Гуссерля и гуссерлианцев с выходом на экзистенциальную проблематику у Хайдеггера и в последующей феноменолого-герменевтической традиции. Теоретически это, конечно, был успех, поскольку глобальная историчность субъекта делает историческим абсолютно любой акт познания. На практике для традиционной философии истории это обозначало медленную смерть, поскольку максимальное расширение границ историчности приводит к потере интереса к классическим проблемам социальной истории, заменяя её копанием в глубинах собственной личности. Безусловно, эти изыскания представляют определённый интерес для феноменологов, но широкого общественного резонанса они не вызывают. Определённое место в философско-исторических исследованиях данного направления занимает проблематика языка и культурной традиции, но эти исследования оказываются на периферии интереса самой школы и традиционно рассматриваются в русле компаративистских течений.

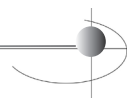
Крайне серьёзное влияние на последующую судьбу исторической эпистемологии оказала аналитическая философская традиция, начиная с классической работы Карла Гемпеля [2] (опять-таки, какой бы трактовки его понятия универсального закона мы не придерживались). В самом деле, мы можем считать вслед за Гемпелем, что законы, действующие в социальной истории, являются частным аспектом всеобщих законов объективного материального мира, которые мы должны вскрыть и предъявить всем желающим к вящему нашему удовольствию. Мы можем, как гемпелевский оппонент У. Дрей, считать историческое событие или факт результатом конфликта множества рационально мотивированных действий [3]. В любом случае, спецификой аналитического подхода к эпистемологии истории всегда оставалось стремление к построению рациональной объяснительной структуры по типу: событие А

произошло потому, что ему предшествовало событие В, а тому, в свою очередь, или событие С, или событие D, и эта причинно-следственная цепочка может быть нами выявлена, выстроена и обнародована для научной общественности.

Сама эта структура исторического объяснения изначально аналитиками рассматривалась как комплекс высказываний, по типу атомарных высказываний у Рассела и Витгенштейна, но впоследствии, в связи с необходимостью анализа коннотации границы объяснительной структуры расширились до всего текста, и даже нарратива как метатекста. Начиная с 1973 года, когда была опубликована «Метаистория» Хейдена Уайта [9], нарративная методология во всех её формах: как собственно аналитической разновидности (Х. Уайт, А. Данто, Ф. Анкерсмит), так и в форме компаративистских изысканий, отпочковавшихся от феноменолого-герменевтического направления (П. Рикер) [7] рассматривалась как самая перспективная и бурно развивающаяся часть исторической эпистемологии.

Тем не менее, к концу прошлого века нарративистский проект всё более и более стал напоминать изросшегося вундеркинда. Надежды, столь безудержно питаемые сторонниками и сочувствующими первоначально, сменились сдержанным раздражением и молчаливым недоумением. Оказалось, что столь долго ожидаемая типология исторических тропов, или система исторических нарративов в основе своей уже должны содержать некоторую интенцию, которая, увы, логическому анализу и последующей рационализации не поддаётся, но в ней, по сути, и содержится пресловутая тайна истории. Неудивительно, что и Поль Рикер, и Франклин Анкерсмит, главные идеологи современной нарратологии, один раньше, другой позднее, но вынуждены были признать необходимость религиозного или иного интуиционистского решения ключевой проблемы.

Менее религиозные, а стало быть, более скептически настроенные исследователи в один голос стали говорить о необходимости прагматического поворота в философии истории. Но философский прагматизм в любой его ипостаси возможен лишь через проблематику долженствования, то есть через этику. А этический дискурс – это сфера идеологической борьбы, а следовательно – сфера несвободы, область диктата либерального неототалитаризма над одномерной личностью [4].

Неудивительно, что чуть менее идеологически ангажированные исследователи в панике начинают искать точку опоры в эмпирических исследованиях. Укоренённость в земле таких концепций обладает неодолимой притягательной силой для «почвенников» всех возрастов и философских «конфессий». А поскольку главной особенностью эмпирических исследований является поиск всякого рода повторяемостей, то в последние десятилетия можно наблюдать удивительное в своей трогательности и наивности массовое возвращение к циклическим моделям всякого рода.

Одним из наиболее часто упоминаемых подходов в современной философии истории оказывается поколенческий подход, то есть объяснение социальной динамики через процедуру взаимодействия и смены поколений. Несмотря на то, что представители данной методологии попытались опереться на существующую в литературе традицию, а среди предшественников ими называются Платон, Аристотель, Монтескье, Вико, Гегель, Конт, Энгельс, Вебер, Сорокин, Парсонс и иже с ними, реальными создателями подхода следует считать Уильяма Штрауса и Нила Хоува, авторов вышедшей в 1991 году книги «Поколения» (Generations) [10]. Штраус и Хоув определяют поколение как группу людей, рождённых в определённый возрастной период, испытавших влияние одних и тех же событий и особенностей воспитания, с похожими ценностями. Мы этих ценностей не замечаем, они действуют незаметно, но во многом определяют наше поведение: как мы общаемся, как решаем конфликты и строим команды, как развиваемся, что и как покупаем, что нас мотивирует, как ставим цели и управляем людьми [5].

Поскольку представители одного поколения имеют общие ценности и вкусы, модель Штрауса и Хоува оказалась очень популярной в маркетинговых исследованиях, а впоследствии появились попытки её использования в других экономических и вообще социальных дисциплинах. Но как только поколенческие циклы стали применяться к чему-то отличному от стиля в одежде и вкусов в искусстве, резко возросла степень погрешности объяснений и предсказаний. Понятно, что неоднозначность результатов применения немедленно привела к критике концепции со всех сторон: теоретики обвиняли представителей теории поколений в вульгарном социологизме, социологи же, наоборот, говорили о пренебрежении авторов эмпирическими иссле-

дованиями и недостаточности фактического материала для проведения обобщений.

Обсуждение результатов исследования. Не углубляясь в детали самой концепции поколений (интересующихся отсылаю к обильным материалам сайта *regenerations.su*), хотелось бы указать на имеющиеся методологические ограничения в применении данной концепции к проблеме социальной динамики и построения моделей истории. Нас в данном случае не интересуют ни способы выделения самих поколенческих структур, ни их хронологические рамки (это вопрос важный, но всё-таки узкоспециальный).

Недостаточно проработанным, на наш взгляд, является вопрос о сущности самого процесса смены исторических поколений. Понятно, что в основе должны лежать биологические процессы старения, но каков сам механизм передачи исторической эстафеты, не вполне понятно. Особенно осложняет дело наличие так называемых «потерянных поколений», то есть целых возрастных групп, которые фактически к активному управлению обществом даже не приступают. Анализ системы передачи власти в современных политических и бизнес-структурах показывает, что здесь зачастую смена происходит не по принципу от отца – к сыну, но от деда – к внуку и т. п. (ср.: английская королевская семья).

Структура и характер ценностных установок выделяемых поколений рассматриваются авторами как результат воздействия внешних условий (то есть внешней по отношению к поколению истории). В то же время результатом сформировавшихся установок становится комплекс целерациональных действий самих исторических субъектов. В свою очередь, эти действия выступают в качестве внешней среды для формирования установок последующего поколения. В этом случае попытка исторической ретроспективы даёт нам дурную бесконечность.

Выводы. Иными словами, для того чтобы стать респектабельной в философском отношении, теория поколений должна обзавестись приличной рациональной онтологией. В противном случае, она рискует остаться инструментом маркетинга и популярной социологии, не имеющим серьёзных философских оснований. Если такие онтологические основания будут найдены, можно будет говорить о том, что в философии истории появился перспективный подход, позволяющий получить новые теоретические результаты, обладающие некоторой предсказательной силой.

Список литературы

1. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического знания // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
2. Гемпель К. Г. Функция общих законов в истории // Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 16–31.
3. Дрей У. Ещё раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 37–71.
4. Маркузе Г. Одномерный человек // Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ, 2002. 526 с.
5. Основы теории поколений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rugenerations.ru/> (дата обращения: 20.09.2016).
6. Рикер П. Время и рассказ. М.: Университетская книга, 2000. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. 313 с.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 44–128.
8. Сыров В. Н. Расцвет и закат европейской философии истории. (От Бэкона к Шпенглеру). Томск: Курсив, 1997. 387 с.
9. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
10. Howe Neil, Strauss William. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991. 544 p.

Статья поступила в редакцию 30.11.2016; принята к публикации 15.01.2017

Библиографическое описание статьи

Чистанов М. Н. О границах применимости теории поколений в современной философии истории // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 35–39. DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-3-35-39.

Marat N. Chistanov,

*Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Katanov Khakass State University
(90 Lenin St., Abakan, 655017, Russia),
e-mail: maratc@mail.ru*

On the Limits to the Generational Theory Applicability in Modern Philosophy of History

There is a shortage of new theories in modern philosophy of history. During the twentieth century, the basic concepts in philosophy of history were consistently disavowed: the idea of the objective historical process and social progress, the neo-Kantian theory of historical cognition, the phenomenological and hermeneutic concept of the subject's internal historicism, the analytic philosophy of history. The last major attempt to create a historical epistemology based on the theory of the historical narrative ends with the recognition of the irrational nature of the latter. In these circumstances, empirical theories get a new chance. Since the main feature of empirical research is the search for all kinds of repeatability, in recent decades, a massive return to cyclic models can be observed. One of these theories is the theory of generations, proposed by American researchers W. Strauss and N. Howe. Since the representatives of the same generation have common values and tastes, the model of Strauss and Howe was very popular in marketing research and later some attempts were made to use it in other economic and social disciplines. However, upon a closer look this approach does not have any serious ontological foundations and needs a serious philosophical revision.

Keywords: philosophy of history, historical epistemology, generational theory, ontological foundations, empirical methodology

References

1. Veber M. «Ob"ektivnost'» sotsial'no-nauchnogo i sotsial'no-politicheskogo znaniya // Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. S. 345–415.
2. Gempel' K. G. Funktsiya obshchikh zakonov v istorii // Logika ob"yasneniya. M.: Dom intellektual'noi knigi, 1998. S. 16–31.
3. Drei U. Eshche raz k voprosu ob ob"yasnenii deistvii lyudei v istoricheskoi nauke // Filosofiya i metodologiya istorii. M.: Progress, 1977. S. 37–71.

4. Markuze G. Odnomernyi chelovek // Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva. M.: ACT, 2002. 526 s.
5. Osnovy teorii pokolenii [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.rugenerations.su> / (data obrashcheniya: 20.09.2016).
6. Riker P. Vremya i rasskaz. M.: Universitetskaya kniga, 2000. T. 1. Intriga i istoricheskii rasskaz. 313 s.
7. Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture // Nauki o prirode i nauki o kul'ture. M.: Respublika, 1998. S. 44–128.
8. Syrov V. N. Rastsvet i zakat evropeiskoi filosofii istorii. (Ot Bekona k Shpengleru). Tomsk: Kursiv, 1997. 387 s.
9. Uait Kh. Metaistoriya: istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002. 528 s.
10. Howe Neil, Strauss William. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Mor-row & Company, 1991. 544 p.

Received: November 30, 2016; accepted for publication January 15, 2017

Reference to the article

Chistanov M. N. On the Limits to the Generational Theory Applicability in Modern Philosophy of History // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 35–39. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-35-39.

УДК141.32

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-40-45

Юрий Михайлович Шаев,

кандидат философских наук, доцент,
Пятигорский государственный университет
(357532, Россия, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9),
e-mail: existentia20065@yandex.ru

Интернет вещей и акторно-сетевая теория Б. Латура: методология и онтология¹

Данная статья посвящена анализу феномена Интернета вещей в контексте акторно-сетевой концепции Б. Латура. Автор рассматривает возможности акторно-сетевой теории в описании феномена Интернета вещей как сети, объединяющей «вещи» и людей. Рассматриваются проблемы методологии и социальной онтологии, возможности позиционирования человека с одной стороны, как инициатора сетевых взаимодействий, с другой же стороны – как своеобразный онтологический модус наряду с вещами в совместных практиках взаимодействия. Интернет вещей анализируется автором в качестве сложного социотехнического феномена, отражающего глубинные онтологические основания современного человека, живущего в информационно-технологическом универсуме.

Для достижения этой цели используются основные методологические положения акторно-сетевой теории Б. Латура: понятие научно-культурно-социальной сети, феномен переноса научных практик в социокультурную действительность, феномен перевода как «продолжение функционирования» научной сети в пространстве культуры. Показывается семиотический характер позиционирования человека как элемента Интернета вещей. Затрагиваются аспекты вербального и невербального взаимодействия человека с компонентами Интернета вещей. В статье переосмысливается идея «парламента вещей» как репрезентационной модели существования «вещей» в человеческих практиках. Данная идея экстраполируется на особенности функционирования Интернета вещей. Делаются выводы о необходимости глубинного социально-онтологического переосмысления феномена Интернета вещей с социотехнических позиций.

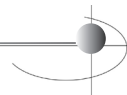
Ключевые слова: Интернет вещей, интернет, акторно-сетевая теория, методология, информационные технологии, сеть, онтология, социальная онтология

Вводная часть. Жизнь современного человека в наши дни невозможно представить без информационных технологий. Всё большую роль среди информационных технологий в повседневной жизни и в промышленном производстве начинает играть Интернет вещей (*Internet of Things, IoT*). Интернет вещей представляет собой такую концепцию вычислительной сети объектов, которая предполагает обмен данными между устройствами – «вещами» (может иметь место обмен данными между устройствами и узлами технологической цепочки и внешней средой, взаимодействие с внешней средой – информационное, либо физическое) с использованием сетевых технологий, главным образом, сети Интернет. Такой обмен данными чаще всего не предполагает участия человека, либо оно сводится к минимуму, человек выступает либо в качестве проектировщика технологических процессов, либо конечного пользователя.

В промышленно развитых странах концепция Интернета вещей используется в про-

мышленном производстве, многие теоретики и практики отмечают, что внедрение этой технологии либо уже совершает переворот в области построения технологической цепи производства и логистических процессов, либо совершит его в самом ближайшем будущем [1, с. 11]. В рамках Интернета вещей используются различные технологические платформы и парадигмы, например, в рамках промышленного Интернета вещей используется парадигма B2B, а в «гражданском» секторе парадигма носит название B2C. Последняя предполагает использование технологии Интернета вещей в рамках повседневной жизни человека, управления элементами городской инфраструктуры, жилых объектов. Сюда можно отнести так называемые «умные» (*smart*) дома, оснащённые датчиками температуры, освещённости, состояния замков, инженерной инфраструктуры дома, в рамках которых осуществляется своеобразная саморегуляция современного жилища человека, она предполагает регуляцию микроклимата, освещения, возможности

¹ Публикация подготовлена в рамках Гранта Президента РФ № МК-7802.2016.6 «Интернет вещей и социальная онтология».

дистанционного управления электронными устройствами и активно использует сеть Интернет для обмена данными. К этому сегменту можно отнести и такие гаджеты, как умные часы, фитнес-браслеты, следящие в режиме реального времени за основными биологическими параметрами, состоянием систем организма, уровнем потребляемых и потраченных калорий, с последующим сбором и анализом данных в рамках специальных приложений для смартфона. Очевидны большие перспективы развития Интернета вещей в таких сферах, как, например, медицина и транспорт. Таким образом, в рамках Интернета вещей возможен обмен информацией между объектами в относительной независимости от человека, «вещами» (здесь можно задуматься и об очевидных коннотациях философского понятия «вещи» как субстанциального и часто чувственно воспринимаемого компонента действительности).

Можно сказать, что вещи образуют специфическую сеть взаимодействий, в рамках которой человек может выступать как один из узлов сети. Интернет вещей в этой связи можно рассматривать в качестве своеобразного социально-онтологического феномена, так как он создаёт новую конфигурацию совместного бытия людей и вещей, различных устройств. Социально-онтологический смысл данного явления видится в двух модусах.

Во-первых, человек выступает в качестве составной части структуры или сети, среди «вещей». В какой-то мере человек становится тоже «вещью», элементом в системе информационных потоков и регуляции систем деятельности устройств. Принцип функционирования Интернета вещей напоминает передачу только существенной и необходимой информации, которая с помощью протокола передачи данных должна однозначно пониматься и использоваться узлами сети. Здесь уместно провести параллель с семиологическим понятием кода как принципа, определяющего место знака в системе знаков, правил комбинирования знаков для создания смысловых целостностей и создания сообщений.

Стоит сказать, что влияние информационных технологий стало настолько велико, что сам человек сейчас старается обмениваться с другими только необходимой информацией, всё то, что составляет «семиотически избыточные» данные, может отвергаться. Возможно, именно поэтому сленг, например, геймеров – людей, увлечённых компьютерными играми, или хакеров и особенности общения IT-специалистов не только изобилу-

ют специальными терминами и жаргонизмами, но и стремятся к смысловой ёмкости и, часто, отсутствию лирических отступлений. Одной из причин подобной ситуации может быть почти повсеместное распространение информационного шума, сопровождающее экспоненциальное увеличение информационных потоков в современном мире. В ситуации сильного зашумления информационного пространства человеку часто приходится сознательно перестраивать режим восприятия и порождения информации.

Если обратиться к более глубоким, онтологическим основаниям данного явления, то здесь можно обнаружить деформации онтологического облика современного человека. Сейчас мы всё чаще превращаемся в совокупность формальных идентификационных характеристик и параметров, мы не всегда продумываем глубинные аспекты бытия, не занимаемся размышлениями над экзистенциальными вопросами, что предсказывал ещё М. Хайдеггер, рассуждавший о том, что человек всё чаще отдаёт самые важные рассуждения на откуп «другим», «людям» (*das-Man*), растворяя свою экзистенцию в среде общепринятых мировоззренческих и поведенческих шаблонов [6, с. 126–130].

Если обратить внимание на семиотическую традицию в духе семиотики Ч. С. Пирса, то в рамках этой концепции человек рассматривается как знак, то есть как нечто, отсылающее к чему-то другому. Стоит сказать, что Ч. С. Пирс рассматривал знак как некое сложное образование, главной отличительной особенностью которого является отсылка к другим знакам (в качестве знаков он понимал самые различные феномены) [9, с. 18–22]. Человек в этом смысле тоже выступает в качестве знака как сложной совокупности «гиперссылок», точки соприкосновения культурных, поведенческих, мировоззренческих моделей [2, с. 194]. Возможно, это является одной из причин, влияющих на то, что происходит кризис идентичности в социальном аспекте и разрушение социальной онтологии как незыблемой веры в наличие социальных отношений как чего-то онтологически несомненного, с одной стороны, и в аспекте наполнения своей экзистенции гарантированным ответом на вопрос: «Кто я?» – с другой. Сейчас же в эпоху подвижной и изменчивой идентичности мы ни в чём не можем быть уверенными. Маски и роли, которые циркулируют в социокультурной среде, виртуализирующейся под влиянием информационных технологий, не всегда фиксируют и цементируют

бытийственные основы «Я». Особенно это актуально для жителя крупного мегаполиса, живущего среди калейдоскопа способов самопозиционирования, плюрализма культурных схем, эклектичных моделей поведения.

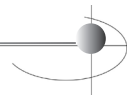
Во-вторых, в рамках Интернета вещей человек в качестве проектировщика сам создаёт сети и старается их контролировать. В этом отношении человек-актор напоминает учёного, который в акторно-сетевой концепции Б. Латура создаёт целую научно-социально-культурную сеть взаимодействий. Ещё в «Пастеризации Франции» Б. Латур описывал историю открытия Л. Пастером микробов [11]. Он рассуждал о том, что такое научное открытие – некий совместный результат действия «сил», среди которых, помимо чисто исследовательского интереса – неудовлетворительный уровень развития гигиены, экономическая заинтересованность сельскохозяйственных производителей, «деятельность» самих микробов, которые активно размножались в созданной исследователями благоприятной лабораторной среде. Убеждая различные социальные группы в реальности микробов, гигиенисты во главе с Пастером добились того, что микробы стали рассматриваться в качестве опасной реальности. Более того, фактически пастеровцы перенесли научную «сеть» лаборатории в реальную жизнь – стали активно применяться методы пастеризации, в гостиницах стали следить за чистотой постельного белья и т. д. Рассуждая в своих работах о науке, Б. Латур развивает идею сети как совокупности элементов самой различной природы, которые взаимодействуют и обеспечивают устойчивость сети, например: факты, подтверждающие выводы из научных положений, практические успехи в применении техники, научно-публикационный аппарат теоретической науки как совокупность мнений знаковых учёных, делающий противодействие в «теоретическом» отношении сети затратным и малоперспективным со стороны отдельных теоретиков, которые взяли бы опровергнуть теоретические представления, финансовую поддержку со стороны различных фондов и государства и многое другое [10, с. 259]. Очень важным в этой теории является понятие «машины» или устройства (в качестве примера можно упомянуть дизельный мотор), некоего чёрного ящика, который за счёт своего успешного функционирования обеспечивает устойчивость всей сети [3, с. 282–333]. Если попытаться экстраполировать данное размышление на особенности функционирования Интернета вещей,

то можно отметить, что многие, если не все, элементы Интернета вещей выступают в качестве важных узлов, многие из них обладают некоторой степенью «искусственного интеллекта» в процессах обмена информацией и регулирования взаимодействий с другими элементами [1, с. 11]. Сеть выступает некой саморегулирующейся структурой, поддерживающей в ряде аспектов функционирование своих элементов.

Сеть науки как общественного института устойчива благодаря ряду факторов: универсальности языка (особенно это касается естественных наук), проверяемости и воспроизводимости на эмпирическом уровне многих положений, системности и опоре на научную традицию.

Методология и методика исследования. Если попытаться экстраполировать модель научной сети, выделенной и описанной Б. Латуром, на Интернет вещей, то можно отметить, что Интернет вещей получает сейчас такое развитие во многом благодаря универсальности протоколов (B2B, B2C), обеспечивающих обмен данными внутри его «гражданского» и промышленного секторов. В сегменте промышленного Интернета вещей разработаны программные продукты, позволяющие не только осуществлять автоматический контроль, но и определять возможности перестройки самого технологического процесса на основе алгоритмов так называемой предсказательной аналитики (*predictive analytics*), теории больших чисел и нейронным вычислениям. Представляются перспективными возможности интегрирования электронной техники, либо оснащению электронными элементами техники и устройств, удобством для использования в повседневной жизни, что также обеспечивает быстрое развитие и устойчивость сетевой структуры Интернета вещей.

Наконец, имеет место заинтересованность политических структур в реализации концепции Интернета вещей, так как это позволяет повысить контроль над сегментами общества и реализовать биополитические механизмы управления, связанные с анализом данных, соотносимых с потребностями и интересами людей, что технологически возможно в сфере статистического анализа, например, поисковых запросов того или иного пользователя. В этом отношении технологии Интернета вещей представляют интерес не только для государственной власти, но и для бизнеса, и прежде всего, крупных компаний, использующих передовые информационные технологии в рекламных и PR-стратегиях.

Ещё одно размышление, касающееся соотнесения акторно-сетевой теории и концепции Интернета вещей, состоит в проблеме перевода. В рамках своей теории Латур рассуждает о «переводе» того, что «сообщают» объекты, с которыми имеет дело наука, сначала на язык науки с использованием терминологии, графических средств и прочего, а затем происходит перевод в область общего культурного контекста [3, с. 179–233], в рамках которого научные результаты обретают статус «реальности», начинают признаваться в кругах, не связанных с научной деятельностью. Например, сложные исследования в области генетики, требующие колоссальных финансовых вливаний, квалифицированного персонала, разветвлённой сети научной коммуникации, продолжают своё функционирование в виде расхожих представлений и сегментов научной картины мира в массовом сознании, некоторые используются в маркетинговых стратегиях (например, маркировка продуктов, свидетельствующая об отсутствии в составе «генетически модифицированных организмов»), ориентированных на сформированные паттерны восприятия обыденным сознанием.

Б. Латур в своей теории пытается обосновать тезис о том, что реальность, в которой живёт человек, является многоуровневой, гибридной, в ней смешиваются различные предметные перспективы, соотносимые с областями исследования различных наук [4]. В этом он близок базовым подходам системоделятельностной концепции Г. П. Щедровицкого, видевшего в человеческой деятельности исток разбивки бытия на различные регионы и предметные поля, если говорить о «позитивной» науке [7, с. 8] – происхождение различных онтологий и рефлексивных позиций. Б. Латур, напротив, оценивает человеческую деятельность по «набрасыванию» смыслов на области действительности в несколько негативном отношении в том смысле, что «вещи» часто не в состоянии говорить за себя и, как правило, учёные или мыслители, осуществляя герменевтическую деятельность, истолковывают «физис» по своему усмотрению, это касается как естественных наук, обобщающих и концептуализирующих эмпирический опыт, так и гуманитарных, где герменевтическая работа ещё заметнее и бывает весьма неоднозначной, например, в ситуации интерпретации результатов социологических наблюдений. Развивая идеи о сетях взаимодействий в рамках социума, Б. Латур размышляет о социальном мире как

совокупности действий «человеков» и «нечеловеков», то есть вещей, объектов, встраивающихся в сети социальных взаимодействий (как, например, те же микробы в рамках сети, связанной с социальными эффектами деятельности гигиенистов или дизельный мотор, скрепляющий сеть, в рамках которой действуют научные, экономические и политические акторы).

Б. Латур предлагает идею «парламента вещей», в рамках которого «вещи» должны учитываться как элементы сетей социально-природно-культурных взаимодействий [12, с. 166–180]. Как правило, их представляют учёные и мыслители в актах истолкования, смыслового позиционирования и практического включения в системы деятельности. Б. Латур предлагает сделать прозрачным этот процесс, то есть разработать методы репрезентации сложной структуры социальных ситуаций, в рамках которых будет показан комплексный природно-социальный характер многих актуальных проблем действительности. Как нам кажется, это означает необходимость перестройки мышления и ухода от жёсткого противопоставления областей «природы», «культуры» в классическом понимании, понимания тонких механизмов включения «вещей» в социогерменевтические процедуры освоения действительности, формирования высокой культуры социальной рефлексии.

Результаты исследования. Конечно, возникает множество вопросов относительно возможности формирования такой культуры мышления и использования подобных практик, например, в реально действующих институтах политического представительства. Однако, внимание к «вещам», своего рода социологический и социально-философский поворот к онтологии «вещей», которая не была бы подчинена онтологии социальных отношений (как в классических концепциях) весьма симптоматично и отражает глубинные онтологические изменения, происходящие в современном мире, в практиках научного и философского его переосмысления. В этом смысле Интернет вещей представляет собой хороший пример реализации потенциалов «вещей», которые начинают играть всё более важную роль в реальном мире, причём, не в отвлечённо-философском смысле, а в качестве чуть ли не социальных акторов, перестраивающих контуры социальной онтологии. В рамках Интернета вещей сами вещи, то есть устройства, часто обходятся без «лого-са» во взаимодействии и между собой, толь-

ко в ситуации контакта с человеком требуется вербальный язык, да и то не во всех случаях.

Показательно, что сейчас многие гаджеты имеют визуально-сенсорные интерфейсы, соотносимые с иконическим принципом взаимодействия. Сам Интернет вещей предполагает оснащение гаджетов и технических устройств датчиками, собирающими информацию и передающими её другим устройствам. Русское слово «датчик» можно перевести на английский как *“sensor”*. Можно задуматься над тем, что «вещи», технические устройства словно взаимодействуют с окружающим пространством посредством «сенсорного контакта» (то есть с помощью возможностей датчиков) и передачи данных. Частный случай сенсорного контакта – контакт с пальцем или другой частью тела человека при использовании сенсорного экрана, например, смартфона. Вещи, таким образом, взаимодействуют более непосредственным образом друг с другом, переводя данные в двоичный код. Человеческое же общение предполагает вербальный код, культура практически полностью логоцентрична.

Сама по себе данная проблема – диалектика вербальности и иконичности сложна и требует отдельного исследования. Мы можем отметить, что снижение культуры в современном обществе, приближение повседневных практик общения, взаимодействия к типу передачи информации в рамках сети, связывающей устройства, в какой-то мере

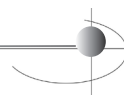
связано с влиянием технологий на жизнь и контуры бытия человека. Безвозвратно ушли в прошлое сентиментальные и пространственные письма, хотя конечно, культура продолжает базироваться на мощных логоцентрических основаниях, которые вряд ли исчезнут в ближайшее время.

Выводы. Таким образом, акторно-сетевая теория представляет собой методологическую концепцию и, одновременно, содержит онтологический компонент, связанный с попыткой представить новые онтологические контуры сетевой социокультурной онтологии гибридной реальности как совокупности людей и «вещей». В этом смысле некоторые её подходы могут использоваться для описания и моделирования концепции Интернета вещей в целом и в частных технологических проявлениях. Часто складывается такая ситуация, что Интернет вещей переосмысливают, в основном, инженеры либо специалисты, рассуждающие в духе научно-технического оптимизма, не всегда уделяя внимание социально-онтологическим аспектам внедрения Интернета вещей. Как нам представляется, анализ онтологических оснований социотехнического феномена Интернета вещей открывает перспективы более глубокого понимания места и влияния информационных технологий на различные сегменты общества, осмысления причин и следствий трансформации социально-онтологических основ современного общества.

Список литературы

1. Индустриальный Интернет вещей: что, где, когда? // Control Engineering Россия. Индустриальный Интернет вещей. 2016. № 1. С. 11–16.
2. Кирющенко В. В. Язык и знак в прагматизме. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 199 с.
3. Латур Б. Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
4. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.
5. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высш. шк. экономики, 2014. 384 с.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: AdMarginem, 1997. 451 с.
7. Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность: в 3 кн. Кн. 2. Понимание и мышление. Смысл и содержание. М.: Вост. лит., 2005. 353 с.
8. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. Культурной Политики, 1995. 800 с.
9. Deledalle G. Charles S. Peirce's Philosophy of Signs.: Bloomington, Indiana University Press, 2000. 199 p.
10. Latour B. Laboratory life. The construction of scientific facts. Princeton: Princeton University Press, 1986. 295 p.
11. Latour B. Pasteurization of France. Cambridge: Harvard University Press, 1988. 283 p.
12. Latour B. Politics of nature. How to bring the sciences into democracy. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 320 p.

Статья поступила в редакцию 05.12.2016; принята к публикации 15.01.2017

Библиографическое описание статьи

Шаев Ю. М. Интернет вещей и акторно-сетевая теория Б. Латура: методология и онтология // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 40–45. DOI: 10/21209/1996-7853-2017-12-3-40-45.

Yury M. Shaev,

*Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Pyatigorsk State University
(Pr. Kalinina 9, Pyatigorsk, 357532, Russia),
e-mail: existentia20065@yandex.ru*

The Internet of Things and B. Latour's Actor-network Theory: Methodology and Ontology¹

This article analyzes the phenomenon of the Internet of things in the context of the actor-network theory of B. Latour. The author examines the possibility of actor-network theory to describe the phenomenon of the Internet of things as a network of "things" and people. The article considers the problems of methodology and social ontology, possibilities of positioning a person, on the one hand, as the initiator of the network of interactions, on the other hand, as a kind of ontological modus along with the things in common practices of interaction. The Internet of things is analyzed by the author as a complex socio-technical phenomenon, reflecting the deep ontological foundations of modern man, living in the information-technology universe.

To achieve this purpose, the present research uses the main methodological provisions of B. Latour's actor-network theory: the concept of scientific-cultural-social network; the phenomenon of the transfer of scientific practices into the socio-cultural reality; the phenomenon of translation as "the functioning continuation" of the scientific network in the space of culture. The article shows the semiotic nature of positioning man as an element of the Internet of things and analyzes some aspects of verbal and non-verbal components of human interaction with the Internet of things. The paper reinterprets the idea of the "parliament of things" as a representational model of the existence of "things" in human practices. This idea is extrapolated to the features of the Internet of things functioning. The author concludes about the necessity of deep social and ontological rethinking of the Internet of things phenomenon from the socio-technical positions.

Keywords: Internet of things, Internet, actor-network theory, methodology, information technologies, network, ontology, social ontology

References

1. Industrial'nyi Internet veshchei: chto, gde, kogda? // Control Engineering Rossiya. Industrial'nyi Internet veshchei. 2016. № 1. S. 11–16.
2. Kiryushchenko V. V. Yazyk i znak v pragmatizme. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2008. 199 s.
3. Latur B. Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vntri obshchestva. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2013. 414 s.
4. Latur B. Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2006. 240 s.
5. Latur B. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. M.: Vyssh. shk. ekonomiki, 2014. 384 s.
6. Khaidegger M. Bytie i vremya. M.: AdMarginem, 1997. 451 s.
7. Shchedrovitskii G. P. Znak i deyatelnost': v 3 kn. Kn. 2. Ponimanie i myshlenie. Smysl i sodержanie. M.: Vost. lit., 2005. 353 s.
8. Shchedrovitskii G. P. Izbrannye trudy. M.: Shk. Kul'turnoi Politiki, 1995. 800 s.
9. Deledalle G. Charles S. Peirce's Philosophy of Signs.: Bloomington, Indiana University Press, 2000. 199 p.
10. Latour B. Laboratory life. The construction of scientific facts. Princeton: Princeton University Press, 1986. 295 p.
11. Latour B. Pasteurization of France. Cambridge: Harvard University Press, 1988. 283 p.
12. Latour B. Politics of nature. How to bring the sciences into democracy. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 320 p.

Received: December 05, 2016; accepted for publication January 15, 2017

Reference to the article

Shaev Yu. M. The Internet of Things and B. Latour's Actor-network Theory: Methodology and Ontology // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 40–45. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-40-45.

¹ The paper is published within the Grant of the President of the Russian Federation № MK-7802.2016.6 "The Internet of Things and Social Ontology".

ФИЛОСОФИЯ МЫШЛЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ

PHILOSOPHY OF THINKING AND COGNITION

УДК 008

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-46-53

Светлана Сергеевна Антипова¹,

аспирант,

*Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса*

(690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41),

e-mail: ps_sveta@mail.ru

Нина Алексеевна Коноплева²,

доктор культурологии, профессор,

*Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса*

(690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41),

e-mail: nika.Konopleva@gmail.com

Теоретико-методологические аспекты анализа метафорических конструкций в текстах российских и китайских поэтов

Статья посвящена теоретико-методологическим подходам к исследованию метафоры как структурному элементу текста. Рассмотрены прагматический, когнитивный, семантический, концептуальный подходы. Охарактеризованы особенности, определены сходства и различия методологий. Проанализированы работы ряда авторов, внёсших решающий вклад в исследование и понимание сущности метафористики. В статье обосновывается, что метафорические конструкции встречаются в различных языковых и культурных явлениях. Особенно богаты метафорами поэтические тексты. Анализируются российские и китайские поэтические тексты: выявляются содержащиеся в них метафоры, являющиеся социокультурными информационными кодами, репрезентирующими специфические черты исследуемого культурно-исторического периода. Социокоды понимаются как основные, знаковые реалии культуры. Любой народ имеет определённый багаж знаний. Часть знаний заключена в культурных кодах. Социокоды содержатся в различных социокультурных явлениях, в том числе в текстах, которые, в свою очередь, богаты метафорическими конструкциями. Для анализа знаний, особенностей культурных обычаев и традиций, картины мира России и Китая начала XX столетия используется декодирование поэтических метафорических конструкций в текстах российских и китайских поэтов, направленное на понимание смыслового содержания поэтических метафор и скрытой за ними культурной информации.

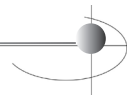
Ключевые слова: метафора, культура, социокультурный код (социокод), смысл, поэтический текст

Вводная часть. Подходы к объяснению сущности метафорического языка многозначны. Научные основы осмысления метафоры были заложены ещё Аристотелем, понимавшим её как скрытое сравнение [1, с. 169]. Сходное представление у Н. Гудмена, отме-

чающего, что «метафора побуждает к сравнению – сравнению... двух различных применений слова [2, с. 245]. В. Н. Телия отмечала, что метафоризация характеризуется подобием, сходством образа реальности с образно-ассоциативным представлением о другой

¹ С. С. Антипова собирает и анализирует материал, оформляет статью.

² Н. А. Коноплева систематизирует и анализирует материал, оформляет статью.

реальности [9]. В свою очередь, в представлениях М. Арбиб, М. Блэка, М. В. Бирдсли, С. С. Гусева и других метафора возникает в результате столкновения смыслов. Так, Д. Бергрэн утверждал, что метафора создаёт напряжение между содержательными элементами, обуславливая возникновение у воспринимающего метафору, осознания одновременного сочетания сходства и различия тех предметов, которые сопоставляются. Метафорические образы, по его мнению, возникают вследствие синтеза и наложения образа объекта, психического переживания и концептуальной образной схемы [2, с. 346].

Понять и объяснить явление метафористики пытались многие учёные – лингвисты, психологи, философы, филологи и литературоведы (Х. Ортега-и-Гассет, М. Блэк, М. В. Бирдсли, Д. Бергрэн, Н. Гудмен, Д. Дэвидсон, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия и др.).

Причём Х. Ортега-и-Гассет, Д. Дэвидсон полагали, что метафора – это истина, в то время как (Дж. Миллер, Р. Сель) доказывали, что – это ложь. М. Блэк уверен, что метафоре нет места в научных трудах, в свою очередь, Э. Маккормак считает, что именно с помощью метафоры делаются научные открытия. Причём можно выявить постоянство в использовании метафорических образований в текстах романтиков и отказ от их использования реалистами. Каждый из учёных приводит ряд аргументов в пользу своего исследования, однако полностью верифицировать сущность и структуру метафоричности пока не удаётся.

Под метафорой в языкознании понимаются разноуровневые единицы вторичной косвенной номинации – номинативные знаки (слова, словосочетания), предикативные знаки (предложения), сложные предикативные знаки (тексты), основанные на переносе формата с фиктивного единичного детонанта на реальный единичный (сложный денотат), между которыми обнаруживается общая константа сравнения [3, с. 38].

Методология и методика исследования. Можно выделить несколько главных подходов в теории метафоры: семантический, прагматический, когнитивный, концептуальный. Лингвистические знания о метафоре сегодня позволяют не взаимоисключать различные подходы, а использовать в анализе комплексный подход.

Семантический подход в исследовании метафоры объединяет ряд теорий, которые можно назвать общей теорией сравнения. В науке его представляют такие учёные, как Дж. А. Миллер, А. Вежбицкая, М. В. Бирдсли,

Т. Добжинская и др. Сторонники сравнительной теории исследования метафоры оперируют имплицитными признаками глубинной структуры метафоры – признаками оппозиции, различия, сходства. Так, Дж. Миллер полагал, что метафора – это стянутое сравнение; вызванная ею (метафорой) мысль касается сходств и аналогий. Дж. Миллер обратился к процессу понимания, как к ключевому аспекту интерпретации текста и вместе с тем метафоры. В связи с этим можно говорить о том, что его подход к проблеме метафоричности не только лингвистический, но и философский. Чтобы понять отрывок, необходимо соотнести синтезируемый текстовый концепт с общим фондом знаний и представлений. Принимая их в качестве истинных, читатель надеется прийти к сути содержания, которую имел в виду автор. Данная интерпретация может совпадать или не совпадать с тем, что читатель знает или полагает относительно реального мира. Если утверждение противоречит этим знаниям или убеждениям, тем не менее, нельзя опровергнуть, что прочитанное истинно. Учёный настаивает, что читатель должен любой ценой держаться за презумпцию истинности [2, с. 264].

По мнению А. Вежбицкой, метафора является сокращённым сравнением. Но, в отличие от Дж. Миллера, она считает, что метафора в своей глубинной структуре имплицитно не сходство, а отрицание, при сохранении целостности семантического и формального признаков. А. Вежбицкая высказывается о глубинной структуре метафоры. Более того, она пишет о тезисе отрицания, который содержится в глубине метафорического образования. Данный тезис исключительно важен, поскольку «его принятие означает признание того, что метафору можно понять и что можно описать её смысл явным образом» [3, с. 112].

Прагматический подход в исследовании метафоры опирается на теорию взаимодействия, теорию отклонения отрицания и принцип верификации. Согласно теории взаимодействия, всякая метафора представляет собой присутствие двух субъектов (говорящего и слушающего). В этом направлении работали такие учёные, как Ф. Уилрайт, Дж. Серль, А. А. Ричардс, Э. Ортони, Н. Гудмен, Д. Дэвидсон.

Джон Р. Серль в своем исследовании обвинил в неадекватности теорию сравнения, продемонстрировав некоторые из заключённых в ней общих ошибок. Недостаток теории сравнения, по его мнению, с одной стороны, состоит в неспособности разделить утверж-

дение о том, что сравнительное выражение является частью значения, а тем самым и условий истинности метафорического выражения, с другой – что сравнительное выражение обуславливает правила вывода, или шаг в процессе понимания, на основе которого говорящие производят метафору, а слушающие понимают её [2, с. 344]. Главная проблема интерпретации метафоры, по мнению Д. Р. Серль, в том, чтобы объяснить, каким образом суть значения высказываемого и значение сказанного для говорящего расходятся, оставаясь в то же время связанными друг с другом. Д. Дэвидсон продолжает развивать данное направление, делая попытку опровергнуть теорию о том, что метафора имеет двойственную сущность. Однако убедительных аргументов в его работе обнаружить не удалось. По мнению Д. Дэвидсона, метафора не сообщает ничего, помимо своего буквального смысла, как и говорящий, использующий метафору, не имеет в виду ничего, выходящего за пределы её буквального значения. Аргументируя своё предположение тем, что в метафоре определённые слова принимают новое, или, как его иногда называют, «расширенное» значение, учёный объясняет суть метафоризации как «случай неоднозначности», отмечая, что «в контексте метафоры определённые слова имеют и новое, и своё первичное значение; сила метафоры прямо зависит от нашей неуверенности, от наших колебаний между этими двумя значениями» [2, с. 289].

Прагматическое направление в исследовании метафоры направлено на аспект семантического взаимодействия двух субстанций в плане их согласованности или несогласованности. При этом опускается вопрос о способах вербального представления метафоры. Открытыми остаются проблемы соотношения метафоричности с системностью языковых явлений, соотношения формы и содержания, соотношения метафорического смысла и метафорического значения.

Функциональный дуализм метафоры позволяет говорить о метафоре в двух аспектах – когнитивном и культурологическом. Когнитивный подход связан с исследованиями таких учёных, как Дж. Лакофф, М. Джонсон, Э. Маккормак. Так, Эрл Маккормак, рассуждая о природе метафоры, упоминает о существовании глубинных структур человеческого разума, выступающих в качестве устройства, порождающего язык. Путём определённых иерархически организованных операций, утверждает учёный, человеческий разум со-

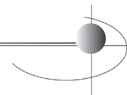
поставляет семантические концепты, в значительной степени несопоставимые, что и является причиной возникновения метафоры, призванной создавать некоторый новый смысл. Кроме того, Э. Маккормак выделяет два уровня глубинных психических структур: семантический и когнитивный, утверждая, что в основе семантического процесса лежит процесс когнитивный. В качестве не исключających друг друга идеальных конструкций когнитивного процесса, порождающего метафору, Э. Маккормак выделяет следующие три уровня объяснения: 1) поверхностный язык; 2) семантика и синтаксис; 3) познание [2, с. 380].

Метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых углубляются представления о мире и создаются новые гипотезы, как посредники между человеческим разумом и культурой. Новые метафорические конструкции изменяют повседневный язык и одновременно меняют способы восприятия и постижения мира. Э. Маккормак отмечает взаимосвязь метафоры и культуры, в связи с тем, что метафоричность объединяет в себе язык, культуру и человеческое восприятие мира, то в контексте данных явлений можно анализировать как метафору, так и культуру. То есть, познав метафору, возможно познать особенности культуры и языка того или иного народа, того или иного культурного периода.

Когнитивная теория метафоры создаёт фундамент для объединения в метафоре языкового аспекта с культурным и познавательным. Она отражает специфику человеческой деятельности, невозможной вне языка, познания и культуры. Для определения места метафоры в контексте культуры важно проследить за особенностями проявления языковой системы в мыслительной деятельности человека в конкретных культурах.

Язык – инструмент культуры, неотъемлемый хранитель информации об окружающем мире в широчайшем диапазоне – от логико-рационального до чувственно-эмоционального восприятия мира, часть этнического самосознания, «имманентный компонент мышления в процессе логико-рационального освоения мира» [6, с. 86].

Ю. С. Степанов подчёркивает, что семиотический характер языка демонстрирует определённую коммуникативную, историческую, социальную направленность и системную организацию. В более поздних исследованиях по связи языка с культурой уточняется характеристика языка как накопителя и

хранителя культурных ценностей, а языковая способность определяется как часть национально-культурного самосознания [8, с. 46].

Психолингвисты трактуют смысл слова как код, который понимается или не понимается, и который может быть преобразован в последовательность языковых знаков [4, с. 69].

Литературоведы под смыслом понимают неразрывное единство эксплицитных изменений и имплицитных значений при актуализации словарного значения языкового знака [10, с. 114].

Лингвистическая трактовка смыслового содержания текста сводится большинством исследователей к тому, что смысл представляет собой некий инвариант, реализующийся в конкретных значениях языковых единиц. Слова, словосочетания и предложения с прямым значением или смыслом представляют собой единицы первичной номинации. Вторым членом понятийно-парадигматического ряда номинации следует считать вторичную номинацию, под которой принято понимать «переосмысление уже имеющихся в языке номинативных средств с целью использования готовых языковых форм в новом для них отношении именования» [9].

В контексте семиотического подхода культура осмысливается как имеющая коммуникативную и символическую природу, а всякая коммуникация, в свою очередь, невозможна без кода, поскольку это способ вложения автором смысла в сказанное, который считывает реципиент. В этом случае кодирование понимается как трансформация определённого значения, поскольку своё значение знак приобретает в конкретном коде и может разниться в зависимости от кода. По мнению Ю. М. Лотмана, код не прибавляет каких-то новых сведений к уже имеющимся сведениям, его задача – трансформировать их, перевести в уже существующую систему значений [5].

М. К. Петров вводит понятие «социокод», являющийся частным случаем культурного кода. Поскольку любой народ имеет определённый багаж знаний, то, как полагает автор, для овладения ими, хранения, трансляции их и дальнейшего накопления необходимо декодирование. Социокод – основная знаковая реальность культуры, удерживающая в целостности и различении фрагментированный массив знания, расчленённый на «"интерьеры"» мир деятельности и обеспечивающий институты общения» [7, с. 168]. На основании этого можно утверждать, что в метафорических

конструкциях содержится социокод – компонент, репрезентирующий этнокультурные особенности. С помощью расшифровки (деконструирования) данных социокодов за метафорическими конструкциями можно обнаружить скрытый смысл произведения, репрезентирующий культуру, картину мира того или иного культурного периода. Таким образом, метафора является инструментом не только трансляции, но и понимания культурно-исторических событий.

Результаты исследования. Далее мы приведём примеры анализа поэтических текстов русских и китайских классиков, имеющих метафорические конструкции:

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
– Ох, Матушка-Заступница!
– Ох, большевики загонят в гроб!

А. Блок¹

В поэтическом тексте А. Блока была выявлена метафора «большевики загонят в гроб», где социокодом можно считать слово «большевики». Понятие «большевики» возникло на II съезде Российской социал-демократической рабочей партии (1903) после того, как при выборах в руководящие органы партии сторонники В. И. Ленина получили большинство голосов (отсюда – большевики), их противники – меньшинство (меньшевики). В 1917–1952 годах слово «большевики» входило в официальное название партии – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков), Российская коммунистическая партия (большевиков), Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). В метафорической конструкции в данном стихотворении понятие «большевик» имеет отрицательный эмоциональный оттенок, что говорит о неприятии народом тех новшеств, что принёс новый, XX век.

Однако в стихотворении С. Есенина выявляется иное отношение к событиям этого культурного периода.

Приемлю всё.
Как есть всё принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

С. Есенин²

В этом поэтическом тексте выявлена метафора «Отдам всю душу октябрю и маю», где социокодами являются слова – октябрь и май. В октябре 1917 года по старому стилю,

¹ Стихи русских поэтов XIX–XX веков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/> (дата обращения: 20.12.2016).

² Там же.

как известно, произошла Великая Октябрьская революция, в результате которой к власти в России пришло советское правительство во главе с В. И. Лениным. Первое мая (День солидарности трудящихся) являлся одним из важнейших праздников СССР. В этот день трудящиеся СССР «выражали свою солидарность с революционной борьбой трудящихся капиталистических стран, с их национально-освободительным движением, выражали решимость отдать все силы борьбе за мир, за построение коммунистического общества». Организованные колонны трудящихся шествовали по центральным улицам городов и посёлков под марши и музыку политической направленности, из громкоговорителей звучали приветствия дикторов и политические лозунги, а с трибун, установленных обычно возле главных административных зданий, демонстрантов приветствовали руководители КПСС и представители власти. Велась трансляция по местным теле- и радиоканалам. Главная демонстрация страны проходила ежегодно на Красной площади Москвы и транслировалась центральными телеканалами, со вставками кадров демонстраций в других крупных городах страны.

Данная метафорическая конструкция с положительной стороны характеризует восприятие автором сложившуюся в стране ситуацию. Авторская позиция такова: он всем сердцем и душой поддерживает новый коммунистический режим и новую жизнь в нём. Другой пример:

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.
Лица пыльны, загорелы,
Веко выглодала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

С. Есенин¹

В этом поэтическом тексте С. Есенина «Сторона ль моя, сторонка» были выявлены метафоры «чахнет старая церквушка», «впилась в худое тело Спаса кроткого печаль», где социокodem являлись слова «церквушка», «Спас». Русская культура на протяжении долгого времени сохраняла свой религиозный характер. Православная христианская вера пришла на Русь из греческой Византии в X столетии и вплоть до наступления XX века была морально-нравственной основой русского человека и государства в целом. На

¹ Стихи русских поэтов XIX–XX веков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/> (дата обращения: 20.12.2016).

протяжении длительного времени наблюдалось живое взаимопроникновение церкви и государства, взаимное соучастие в жизни общества. Благодаря этому была создана богатейшая русская церковная архитектура, иконопись и литература. Тандем между церковью и государством давал возможность обеспечивать социальный мир. Благодаря христианской вере русский человек являлся высокодуховной личностью с глубокими морально-нравственными ценностями и обладал такими личностными качествами, как смирение, доброта, вера, надежда, мир, взаимопомощь, терпение, преданность роду и семье. Все эти качества одновременно являлись основными духовными ценностями всего русского народа. Позиция церкви была сильной вплоть до наступления XX века и свершения Великой Октябрьской социалистической революции.

После вступления в силу нового режима, где одной из главных идей являлся атеизм, ситуация для русской православной церкви изменилась коренным образом. Религия и верующие подверглись гонениям, церкви ликвидировались, а на их месте возводились памятники коммунистическим лидерам.

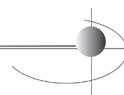
В авторской метафорической конструкции слышится горечь в связи с таким положением дел. Автор с горечью говорит о том, что «старая церквушка чахнет» – пришла в упадок, как бы намекая, что такая участь постигнет все русские православные храмы в скором времени, поскольку в новой, современной на тот момент культуре «религия – опиум для народа», в ней нет места исторически сложившимся ценностям русского народа.

Злая, лающая тьма
Прилегла –
Нападает
Пулеметами
На дома, –
И на членов домового комитета.

А. Блок²

В поэтическом тексте А. Блока выявлена метафора «Злая, лающая тьма нападает на членов домового комитета», где социокodem являются «домовой комитет», «злая лающая тьма». Данные коды олицетворяют веяния новой эпохи. Организация, называемая «домовой комитет» – общественное добровольное объединение граждан по месту жительства, возникла в начале XX века, что было обусловлено появлением новых культурных ценностей, таких, как коллективизм и коммунизм. В целом, организация должна была

² Там же.

заниматься такими видами деятельности, как совместно решать социальные проблемы в жилищной сфере, развивать доброжелательные отношения между жителями (соседями), создавать комфортную среду проживания, осуществлять общественный контроль за содержанием жилых домов. Но по мере существования этой организации суть её была трансформирована – вместо доброжелательных намерений и действий, основными чертами её сотрудников стали явное превышение своих должностных полномочий, использование социального положения ради получения своей личной выгоды, хамство, зависть и злость. Поэтому вполне вероятно, что «злая лающая тьма» олицетворяет именно человеческий фактор служащих данной организации. В метафорической конструкции не ярко выражено авторское отношение к происходящему, тем не менее, данная метафора отражает социокультурную обстановку времени.

我不看你风吹过山下的红屋仰望天空,
横贯南北的白色雾线那是一架飞机的苦 /
«Ветер обвеивает красную крышу под горой,
глядя на небо, белая туманная линия через
север и юг – это печаль самолёта...».

Лу Е¹

В поэтическом тексте Лу Е выявлена метафора «белая туманная линия – это печаль самолёта», где социокodem является «самолёт». Появление нового транспортного средства связано с пришествием XX века. Именно с началом века (1903 г.) был связан запуск и испытание братьями Райт первого воздушного транспортного средства. Спустя уже 10–15 лет самолёты могли быть замечены повсеместно в небе по всему миру, в том числе и в Китае.

Впервые земля накинута красный халат,
Октябрь, словно пушка невиданного калибра,
Прогрохотал,
И в паническом страхе дрожат
Злобные волки и разъярённые тигры!
Октябрь, словно огненный смерч,
Испепелил навечно
Всё, что жестоко и бесчеловечно.

Цзян Гуан-цы²

В поэтическом тексте Цзян Гуан-цы выявлены метафоры «октябрь прогрохотал», «октябрь испепелил всё, что жестоко и бесчеловечно», где социокodem является «октябрь». Отношение у китайских поэтов к советским октябрьским событиям было двойное – кто-то видел в них спасение, а кто-то, наоборот,

рот, – разрушение и гибель. В данном случае китайский поэт даёт положительную оценку российской революционной деятельности – несмотря на пролитую кровь и насилие, в конце концов, общество сплотится под воздействием идей новой идеологии, и наступит долгожданный мир и благополучие.

Генеральский нож остёр и пьян,
Крови пролит целый океан.
Злобный нож остёр до синевы
Тело на земле без головы.

Цзян Гуан-цы³

В данном стихотворении поэта Цзян Гуан-цы в метафоре встречается слово «кровь», являющееся социокodemом и символизирующее беды и катастрофы в жизни простых людей нового времени. Начало XX века в Китае было окрашено цветом крови, чему способствовали такие события, как Синьхайская революция 1911 года (свержение монархии), Опиумные войны, японо-китайская война 1937 года, революция 1924–1927 годов.

И всё-таки вот уже тридцатилетие,
как стали мы просыпаться.
Сейчас мы стоим на переднем крае
битвы с империализмом.
Мы с этим кровавым империализмом
вступили в смертельную схватку;
Он в мире больше всего боится
нашего освобождения,
Он знает – ему похоронным звоном
будет свобода наша.

Го Мо-жо⁴

В поэтическом тексте Го Мо-жо говорится о пробуждающихся силах народа, поднимающегося против векового феодального гнёта, свирепого хищнического иностранного господства. В данной метафорической конструкции «с кровавым империализмом вступили в смертельную схватку», социокodem является «империализм».

Автор, воспевая великую силу китайских рабочих и крестьян, выразил глубокую ненависть к западным империалистам и их верным слугам – милитаристам, компрадорам, помещикам. Кровавый урок поражения революции позволил ему ещё яснее разглядеть свирепое лицо врага, ещё глубже понять, что революционный китайский народ должен связывать себя узами дружбы со всеми нациями мира, вступать в союз с пролетариатом всех стран.

Ведь сегодня с крестьянами – пять миллионов рабочих,

Нам дадут они опыт свой, пушки дадут и винтовки.

³ Там же.

⁴ Там же.

¹ Китайская поэзия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chinapoesy.com/XianDaiAuthorList_6.html (дата обращения: 20.12.2016).

² Там же.

Друг! Восстанье крестьян, руководство рабочего класса –
Вот та сила, которая мир переделает старый!
Го Мо-жо¹

В поэтическом тексте Го Мо-жо выявлена метафора «руководство рабочего класса – сила, которая переделает мир», где социокodem является «рабочий класс». Го Мо-жо один из первых в Китае указывал на неразрывную связь литературы и общественной жизни, творчества художника и борьбы народа за своё раскрепощение. Теме освободительной войны поэт посвящает многие другие боевые стихи, исполненные веры в героизм китайского народа. Рабочий класс – новейшее народное сословие, возникшее благодаря новому пролетарскому режиму. Это социальный класс, наёмные работники, не владеющие средствами производства, живущие продажей своей рабочей силы и производящие прибавочный продукт. Особую силу и власть эти люди получили с приходом коммунистической партии, в момент изменения основных ценностей сознания людей. Среди прочих были такие ценности, как свобода, равенство, братство, что вело к сплочению народных массы, давало веру в себя и в счастливое будущее.

Заключение. Российские и китайские поэтические тексты обогащены метафорическими конструкциями авторских смысловых содержаний, несущих социокodem, репрезентирующий культуру, нуждающийся в интерпретации.

Социокультурная обстановка России и Китая начала XX века во многом сходна в своей нестабильности, переменчивости, богата разнообразными событиями. Этот период можно характеризовать как зарождение дружеских, партнёрских, новых взаимоотношений между КНР и Россией. Всё это было отражено в метафорических конструкциях поэтических текстов как русских, так и китайских поэтов.

Таким образом, анализ российских и китайских поэтических текстов на предмет выявления скрытых смыслов метафорических конструкций позволил сопоставить их типы и сделать вывод о том, что многие метафоры содержат скрытую за этими кодами информацию, являются трансляторами социокультурных событий исследуемого периода. Нами была предпринята попытка декодирования данных текстов с целью выявления скрытой в них информации об отношении авторов к событиям данного культурного периода: конец XIX – начало XX века. Во многих метафорических конструкциях были обнаружены социокультурные коды, являющиеся полисемантичным, многозначным смыслопорождающим культурным феноменом, содержащим символическую информацию, нуждающуюся в историко-культурной интерпретации. Данное исследование помогает глубже осознать роль текста в культурологических исследованиях, понять социокультурную обстановку начала XX столетия не только своего, но и соседнего государства.

Список литературы

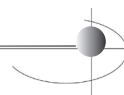
1. Аристотель и античная литература / ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1978. 256 с.
2. Арутюнова Н. Д., Журина М. А. Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
3. Вежицкая А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 133–153.
4. Жинкин Н. И. Грамматика и смысл // Язык и человек. М.: МГУ, 1970. 160 с.
5. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm> (дата обращения: 04.01.2017).
6. Нещименко Г. П. Язык – культура – этнос. М.: Наука, 1994. 233 с.
7. Петров М. К. Язык. Знак. Культура. М.: Наука, 1991. 328 с.
8. Степанов Ю. С. Семиотика. М.: Радуга, 1983. 636 с.
9. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml (дата обращения: 03.01.2017).
10. Хованская З. И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 432 с.

Статья поступила в редакцию 25.01.2017; принята к публикации 26.03.2017

Библиографическое описание статьи

Антипова С. С., Коноплева Н. А. Теоретико-методологические аспекты анализа метафорических конструкций в текстах российских и китайских поэтов // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 46–53. DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-3-46-53.

¹ Китайская поэзия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chinapoesy.com/XianDaiAuthorList_6.html (дата обращения: 20.12.2016).

Svetlana S. Antipova¹,
Postgraduate Student,
Vladivostok State University of Economics and Service
(41 Gogol St., Vladivostok, 690014, Russia),
e-mail: ps_sveta@mail.ru

Nina A. Konopleva²,
Doctor of Culturology, Professor,
Vladivostok State University of Economics and Service
(41 Gogol St., Vladivostok, 690014, Russia),
e-mail: nika.Konopleva@gmail.com

Theoretical and Methodological Aspects of the Metaphorical Structure Analysis in Russian and Chinese Poets' Texts

The article is devoted to theoretical and methodological foundations to the study of metaphor as a structural element of the text and considers pragmatic, cognitive, semantic, and conceptual approaches. It determines the similarities and differences of the methodologies and analyzes the works of a number of authors who have made a decisive contribution to the study and understanding of the essence of metaphoristics. The article shows that metaphorical constructions are used in different languages and cultural phenomena. Poetic texts are especially rich in metaphors. The article analyzes Russian and Chinese poetic texts: identifies the metaphors that are socio-cultural information codes, which represent the specific features of the researched cultural and historical period. Sociocodes are understood as fundamental and significant realities of culture. Every nation has a certain amount of knowledge. Some knowledge is encoded in cultural codes. Sociocodes are found in various sociocultural phenomena, including texts, which, in turn, are rich in metaphorical constructions. To analyze knowledge, features of cultural customs and traditions, Russia's and China's pictures of the world at the beginning of the 20th century the authors use the decoding of poetic metaphorical constructions in the texts of Russian and Chinese poets. It is aimed at understanding the semantic content of poetic metaphors and cultural information hidden behind them.

Keywords: metaphor, culture, socio-cultural code, meaning, poetic text

References

1. Aristotel' i antichnaya literatura / red. M. L. Gasparov. M.: Nauka, 1978. 256 s.
2. Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A. Teoriya metafory: sbornik. M.: Progress, 1990. 512 s.
3. Vezhbitskaya A. Sravnenie – gradatsiya – metafora // Teoriya metafory. M.: Progress, 1990. С. 133–153.
4. Zhinkin N. I. Grammatika i smysl // Yazyk i chelovek. M.: MGU, 1970. 160 s.
5. Lotman Yu. M., Uspenskii B. A. O semioticheskom mekhanizme kul'tury [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm> (data obrashcheniya: 04.01.2017).
6. Neshchimenko G. P. Yazyk – kul'tura – etnos. M.: Nauka, 1994. 233 s.
7. Petrov M. K. Yazyk. Znak. Kul'tura. M.: Nauka, 1991. 328 s.
8. Stepanov Yu. S. Semiotika. M.: Raduga, 1983. 636 s.
9. Teliya V. N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoi kartiny mira [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml (data obrashcheniya: 03.01.2017).
10. Khovanskaya Z. I. Printsipy analiza khudozhestvennoi rechi i literaturnogo proizvedeniya. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1975. 432 s.

Received: January 25, 2017; accepted for publication March 26, 2017

Reference to the article

Antipova S. S., Konopleva N. A. Theoretical and Methodological Aspects of the Metaphorical Structure Analysis in Russian and Chinese Poets' Texts // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 46–53. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-46-53.

¹ S. S. Antipova collects and analyzes the material, formalizes the article.

² N. A. Konopleva systematizes and analyzes the material, formalizes the article.

УДК 141.3

Светлана Сергеевна Касаткина,
кандидат философских наук, доцент,
Череповецкий государственный университет
(162600, Россия, г. Череповец, пр-т Луначарского, 5),
e-mail: SvetlanaCH 5@rambler.ru

К вопросу об использовании системных методов при философском анализе города

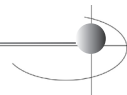
Проблемы урбанистики исследуются в различных отраслях знания. Философский взгляд на город с позиций системного метода способен обобщить и сконцентрировать всевозможные вопросы изучения городского пространства. Существующие элементы системного анализа в социальной философии Т. Парсонса, Н. Лумана, П. Сорокина, Р. Мертон, П. Бергера и Т. Лукмана, Р. Акоффа и других авторов ориентированы, как правило, на понимание социальных объектов науки. Тем не менее, город – универсальный феномен цивилизации, где социальное развитие существует во взаимосвязи с духовными, материальными и иными структурными компонентами пространства. Автор в данной статье рассматривает варианты системных методов различных мыслителей, ищет соответствие исследовательских практик применительно к философскому изучению города, но в итоге приходит к выводу о наибольшей значимости методологии А. И. Умова и его последователей. Город – это система, состоящая из концепта, структуры и субстрата, где первое понятие раскрывает смысловую сторону объекта посредством взаимосвязанного набора параметрических признаков города, второе – сферу отношений (взаимодействий) субъектов города, а третье – многообразие компонентов городской среды. Данный системный анализ города позволяет исследовать его наиболее комплексно, вариативно, эвристично.

Ключевые слова: системный анализ, системные методы социальной философии, город как система, концепт города, структура города, субстрат города

Вводная часть. Современное философское знание в вопросах изучения городов во многом связано с урбанистикой, практическими аспектами географии, социологии, культурологии, истории. Однако теоретически осмысление города также постигаемо методами философии. Город – универсальная категория социально-гуманитарного познания, предметно-объектная сфера философии. Чаще всего практика изучения города фиксируется на конкретных явлениях его пространства. Среди комплексных исследований урбосферы в философском ключе стоит отметить труды В. Ванчугова, Е. Г. Трубиной, Г. В. Горновой, С. Веселовой, В. Афанасьевой и др. Авторы раскрыли видение сути города через методы диалектики, аналогии, сравнительный анализ, комплексный подход. Данная работа ставит своей целью обосновать эвристичность применения элементов различных системных методологий в целом и, в частности, в философском изучении города. Новизна исследования заключается в методологическом обосновании возможности определения города как системы в контексте системного подхода А. И. Умова и его последователей. Город – конструкт цивилизации, который как формирует, так и отражает

общество. В XXI веке удельный вес городских пространств превалирует над остальными, поэтому актуально рассмотреть город как целостность, систему.

Методология и методика исследования. Поиск методологических основ изучения урбосферы зависит от специфики восприятия пространства. Исследовательский опыт системологии применительно к социально-философскому видению города как системы может быть основан на серии устоявшихся в науке подходов. Оптимальными для использования при анализе города можно назвать элементы методологии Т. Парсонса [10]. Так как город – социальная система, то, по теории данного автора, он обозначает комплекс взаимозависимостей между частями, компонентами, процессами и включает в себе как вычленимые регулярные связи, так и аналогичный тип взаимозависимости между ним и внешней средой. Город сравним с ядром системы человеческого действия, связующим звеном между культурой и индивидом, первичным локусом «операционной связи» человеческой эволюции. Системный метод Т. Парсонса сосредоточен на выявлении сути социального взаимодействия, организованного на символических (культурных) уровнях объекта

познания. С одной стороны, город – это организм, который можно рассмотреть в простом наборе терминов как конкретную сущность и на более высоком уровне – в абстрактных компонентах (подсистемах) культурно организованной системы действия. С другой стороны, город – явление социальной системы, создаваемой процессом взаимодействия между индивидуумами с помощью специфических способов взаимосвязи. Также город – это культурная система, в которой различие между социальной и культурной частями является в разнице между его организмом и прочими аспектами индивидуально-личностного характера. Таким образом, теория социальных систем Т. Парсонса позволяет раскрыть город в наборе социокультурных взаимодействий его «акторов» и пространства.

Системный взгляд Н. Лумана [7] применим для характеристики системы города. Системная референция, лежащая в основе его философии общества, является самой системой общества и производит основную операцию – коммуникацию. Н. Луман признаёт, что общество немислимо без коммуникации, но и коммуникация немислива без общества. Генезис и морфогенез объясняются теорией эволюции. Система, описанная Н. Луманом, самовоспроизводится через коммуникацию и постулирует чёткие границы между собой и внешним миром. Воспроизводство коммуникаций из коммуникаций является элементом системного порядка любой социальной системы. Качества внешней среды (физические, химические, органические и прочие условия) взаимозаменяемы субъектами социальной системы в границах собственных операционных возможностей.

Творчество П. Сорокина связывает феномен города с социальным явлением, раскрываясь в системе триады «человек – цивилизация – общество». Социальное явление есть социальная связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы. «Это то, что многие называют “социальной душой”, это то, что другие называют цивилизацией и культурой, это то, что третьи определяют термином “мир ценностей”, в противоположность миру вещей» [11, с. 39]. Социальное явление (город – К. С.) основано на системе взаимодействия между его центрами – людьми, субъектами пространства. Их взаимоотношения имеют внутренние (психические) и внешние (символические) стороны. В зависимости от степени их обоюдного

отождествления зависит организованность социальной системы.

Системный метод П. Бергера и Т. Лукмана [4] основывается на тезисе о том, что общество обладает объективной фактичностью, а человек – социальный продукт. Общество создаётся благодаря деятельности индивидов, имеющих знания в виде субъективных значений или коллективных представлений. Таким образом, город в данном ключе выглядит как система объективной фактичности и результат конструирующей деятельности человеческого сознания.

Творчество Р. Мертон [9] позволяет представить город как систему сквозь призму его авторских постулатов: функциональности (любая часть социальной системы функциональна для всей системы, что обеспечивает высокую степень интеграции всего общества), универсальности функционализма (все социокультурные системы имеют позитивные функции), необходимости (существующие «универсалии» необходимы для существования общества в целом). Постулированность системного подхода Мертона обосновывает город как систему с позиций особого функционализма. Город является крайне функциональным явлением цивилизационного развития.

Системолог Р. Акофф [2] использует термин «система» для обозначения обширного класса явлений, что применимо также для понимания города. По его логике, город можно отнести к концептуальным конструкциям физических сущностей. Системное исследование города доказывает, что он как предмет управления со стороны людей, представляет собой бихевиоральную систему. Её существенной характеристикой является то, что состоит из частей с автономным поведением, причём это явление может рассматриваться или не рассматриваться как система в зависимости от способа подхода к ней со стороны того, кто её изучает. В исследовании города как системы особое внимание отводится понятиям «операция» и «организация», где первое выражено в множестве действий со своими свойствами, которые можно рассматривать как переменные. Город – управляемая бихевиоральная система, основанная на операциях взаимозависимых действий и их организации. Организация определяется характеристиками содержания, структуры, связей и процедур принятия решения. Посредством операционно-организационного взгляда Р. Акоффа можно рассмотреть социальные системы в ракурсах «город и человек», «город и общество», «город и мир» и т. д.

Согласно синергетическому методу И. Н. Бекмана [3], существует системный анализ, который можно использовать при изучении города-системы. Данный метод познания представляет собой последовательность действий по установлению структурных связей между переменными или элементами исследуемой системы. В таком ключе системное исследование представляет собой процедуру описания объекта, способа его функционирования и тенденций развития. Этот системный анализ применяется при решении задач, для которых отсутствуют стандартные решения. Согласно взглядам И. Н. Бекмана, город является самоорганизующейся системой (динамичной, с накоплением опыта), адаптивной системой (самоприспосабливающейся), саморазвивающейся системой (способной самостоятельно выбирать цели своего развития). Из компонентов синергетической теории в исследовании города особое значение приобрела теория фракталов, занимающаяся изучением сложных структур, возникших в результате самоорганизации.

Характеристика системного подхода К. Герасимова¹ основана на том, что система есть множество связанных между собой элементов, рассматриваемых как целое, где элементы – неразложимые далее компоненты сложных объектов, явлений, процессов. Под структурой понимается относительно устойчивая фиксация связей между элементами системы. Целостность системы зависит от её относительной независимости и от среды и других аналогичных систем. Понятие «эмерджентность» выражено в несводимости свойств системы к свойствам элементов системы, что обособляет системную теорию Герасимова. Город вписывается в ракурс системных взглядов данного автора. Системная методология Герасимова включает одиннадцать этапов анализа, следуя которым, можно последовательно познать любой объект научного интереса: а) формулировка основных целей и задач исследования; б) определение границ системы, отделение её от внешней среды; в) составление списка элементов системы (подсистем, факторов, переменных и т. д.); г) выявление сути целостности системы; д) анализ взаимосвязей элементов системы; е) построение структуры системы; ж) установление функций системы и её подсистем; з) согласование целей системы и её подсистем; и) уточнение границ систе-

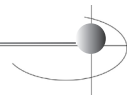
мы и каждой подсистемы; к) анализ явлений эмерджентности; л) конструирование системной модели². Город, будучи универсальным объектом познания, укладывается в данный цикл сложного системного анализа. Однако представленный алгоритм действий сам не обладает системностью, так как наполнен взаимозаменяемыми категориями.

Особый контекст системного метода можно заметить в структуре топологических исследований [1; 8]. Т. И. Макогон, изучая местные сообщества, обнаружила специфику применения инструментария системного анализа и топологической рефлексии для исследования местных сообществ как социально-бытийствующих субъектов. Данный опыт укладывается в возможности изучения города. Согласно топологической методике, в социальной системе «пространство, находящееся между людьми, является топологическим медиумом, пронизывающим человека. В этом медиуме человек находится и именно в нём связан с другими людьми. В топологической модели социальной системы пространство воспринимается как нечто, в чём каждый индивид имеет своё участие» [8, с. 112].

Результаты исследования. Особым эвристическим потенциалом обладает системно-семиотический метод, рассматривающий город как систему с философской точки зрения. Системный метод, будучи частью системно-семиотического, реализуется для интерпретации города как системы, состоящей из концепта, структуры и субстрата. Теоретическую базу и практическую основу данного метода составило творческое наследие профессора А. И. Умова и труды его последователей. Согласно взглядам А. И. Умова, понятие «система» в равной мере применимо к любой области научного знания материальных или идеальных явлений [12; 13]. Термин «система» близок к категориям «вещь», «свойство», «отношение», «количество», «качество», «случайность», «необходимость» и отличается от понятий «материя», «сознание», «пространство», «время», «развитие». Понятия первого типа считаются формальными, а второго – содержательными. Профессор А. И. Умов высказал гипотезу о том, что все формальные категории определимы через триаду: «вещь», «свойство», «отношение», в том числе и понятие «система», являясь совокупностью своих частей и их качеств. «Совокупностью» считается вещь с заданным на ней внутренним отношением, т. е. отношением, корреляты (аргументы) которого

¹ Герасимов К. Б. Моделирование социальных систем: учеб. пособие. – Самара: Изд-во Самарского гос. аэрокосмического ун-та, 2010. – 88 с.

² Там же. – С. 38–39.

не выходят за пределы этой вещи. Подобным отношением является отношение порядка. Его корреляты называются элементами совокупности [12, с. 18]. «Всякая совокупность имеет, по крайней мере, одно внутреннее отношение, образующее из её внутренних элементов единичную вещь – саму совокупность. Однако не всякое внутреннее отношение между элементами образует из них систему. Вещи сами по себе, взятые вне какого-либо отношения друг к другу, никогда не образуют системы. С другой стороны, никогда не образуют системы и отношения в отвлечении от соотносящихся вещей (такие отношения сами, в свою очередь, можно рассматривать как вещи). Вещи, относящиеся друг с другом, то есть вещи с отношением, иногда образуют систему, а иногда нет. Следовательно, наличие вещей и отношений между ними является необходимым, но недостаточным условием образования системы. Для того чтобы определить достаточное условие, необходимо привлечение третьей категории – свойства» [12, с. 19]. Любая система имеет три уровня организации – концептуальный, структурный, субстратный. Концепт системы бытия связан с постановкой цели жизни или с принятием определённых мировоззренческих постулатов. Структура детерминирована концептом. Субстрат определяют сами события. Изучение города посредством метода А. И. Умова позволяет наиболее комплексно охарактеризовать философскую суть города, глубинный смысл его как системы.

Примером определения взаимосвязи системы «второго порядка» служат взгляды о пространственной организации города А. Э. Гутнова, который предполагает вначале определить отношения, а затем свойства вещей. Согласно данному автору, город – это сложное единство, включающее природные факторы и материальные объекты, создаваемые человеком, а также самих людей и связи между составляющими город подсистемами. Они многогранны и в процессе активного развития непрестанно претерпевают изменения. Исследователь замечает, что попытки строгого и полного описания сложной системы города обнаруживают недостаточно глубокое знание множества её составляющих, отсутствие исследовательских средств. Обстоятельства побуждают отказаться от построения целостной картины города и сосредоточить усилия на исследовании отдельных, локальных сторон и аспектов городской действительности [5], что значительно упрощает системный анализ города. Для этого необходимо пред-

ставить город как целостный и развивающийся пространственный объект, отвлекаясь от детального эмпирического анализа составляющих его подсистем. Город является совокупностью организованных пространственных элементов, отношения между которыми рассматриваются безотносительно к тому, какие конкретные факторы социального, экономического, эстетического характера вызывают их к жизни и определяют их содержание. Эти связи интересуют исследователя в плане их воздействия на динамическое «поведение» системы и её развитие во времени и пространстве [5]. Общая архитектура системы города в данном случае определяется иерархией «вкладываемых» друг в друга структур с последующим исследованием специфики его пространственной организации. Подобным образом создаются аналогии в построении систем с различными размерами и физической природой. Пространственная организация изучается в совокупности с социальной.

Однако отметим, что данный системный подход не эвристичен и предлагает сформировать представление о системе города на возможности перебора всей совокупности факторов. Поэтому одной из основ конкретной работы выбран системный метод А. И. Умова, позволяющий с помощью моделей концепта, структуры и субстрата возможность теоретического построения системы города. Исследование опирается на системно-семиотические взгляды И. В. Дмитриевской, которая, продолжая традицию трактовки системного подхода в русле теории А. И. Умова, отмечает, что сущность осознания чего-либо исследуется с теоретико-системных позиций. «Такой подход позволяет выявить системное содержание феноменологических и герменевтических моделей понимания. Существенные стороны понимания достаточно полно выявляются при понимании текста, поэтому результаты его изучения средствами системного подхода можно экстраполировать на любые “понимающие ситуации” – понимание человека, природы, искусства, мира. Для того чтобы была выявлена система как определённая целостность, необходимо задать не множество, а определённое отношение, или точнее, свойства этого отношения. Именно отношения и их свойства играют системообразующую роль» [6, с. 17–19]. Следует признать, что свойства и отношения городского пространства, взятые сами по себе, – это также вещи, которые в контексте других вещей приобретают функции свойств и отношений.

Системообразующим свойством системы является концепт, системообразующим отношением – структура, а множество элементов – субстрат системы [6, с. 19]. Система может рассматриваться на концептуальном, структурном, субстратном уровнях.

Обсуждение результатов исследования. Системообразующее свойство её задаётся смыслом существования города и определяется концептом. Осознанное человеком и обществом представление своей жизни в городе в условиях глобальных изменений, а также выстраивание определённых жизненных приоритетов и практик существования формирует концептуальный уровень города, связанный с системно-семиотическими характеристиками городского пространства.

Представление о социальных взаимосвязях в городском пространстве формирует системообразующие отношения в системе города и определяет структуру системы города. Отношения состоят из многообразных практик взаимосвязи «человек – город», «общество – город», «город – глобальные процессы» в целом. Город отражает вызовы современного мира благодаря динамической

системе ценностей, обусловленной выполнять функции жизнеобеспечения населения, формировать смыслы городской жизни. Субстрат системы города выражен, с социально-философской точки зрения, множеством элементов городской жизни, отражающих его бытие во времени, пространстве и движении, связан с представлениями о городской повседневности, городском быте, городских особенностях.

Заключение. Таким образом, системные методы в социально-философском анализе города являются эффективной практикой его изучения. Методологические приёмы, модели методологического анализа Т. Парсонса, Р. Мертона, Н. Лумана, П. Сорокина, П. Бергера и Т. Лукмана, Н. Бекмана и других авторов позволяют исследовать структурную часть города как системы, связанную с областью социальных взаимодействий. Философский метод А. И. Умова и его последователей расширяет комплекс предметно-объектной сферы изучения города за пределы социальных категорий, позволяя органично исследовать любые вопросы городского развития, следуя принципам формальной логики.

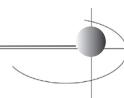
Список литературы

1. Азаренко С. А. Топологии сообщества. Казань: Изд-во «Познание» Ин-та экономики, управления и права, 2014. 228 с.
2. Акофф Р. Системы, организации и междисциплинарные исследования // Гуманитарные технологии. Информационно-образовательный портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gtmarket.ru/laboratory/expertize/6412> (дата обращения: 22.01.2017).
3. Бекман И. Н. Синергетика. Междисциплинарный университет Бекмана [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.beckuniver.uscoz.ru/Kurs_Sinerget/Sinerg_Lec1.htm (дата обращения: 22.01.2017).
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Библиотека «Скептик» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.skepdic.ru> (дата обращения: 22.01.2017).
5. Гутнов А. Э. Город как объект системного исследования // Системные исследования: сб. ст. М.: Наука, 1977. С. 212–236.
6. Дмитриевская И. В. Системная герменевтика: Концепт. Смыслы. Тексты. Иваново: ИГСХА, 2014. 384 с.
7. Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.
8. Макогон Т. И. К вопросу об анализе местных сообществ с точки зрения теории систем и топологии // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2. С. 104–113.
9. Мертон Р. К. Наука и социальный порядок // Вопр. социальной теории. 2007. Т. 1, вып. 1. С. 191–207.
10. Парсонс Т. Социальные системы // Вопр. социальной теории. 2008. Т. 2, вып. 1. С. 38–71.
11. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
12. Умов А. И. Определение понятия «система» и проблема специфики системного подхода к объекту // Логика и методология системных исследований / отв. ред. Л. Н. Сумарокова. Киев, 1977. С. 11–24.
13. Умов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.

Статья поступила в редакцию 30.01.2017; принята к публикации 27.02.2017

Библиографическое описание статьи

Касаткина С. С. К вопросу об использовании системных методов при философском анализе города // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 54–59.

Svetlana S. Kasatkina,
 Candidate of Philosophy, Associate Professor,
 Cherepovets State University
 (5 Lunacharsky Pr., Cherepovets, 162600, Russia),
 e-mail: SvetlanaCH 5@rambler.ru

On the Question of Using System Methods for Philosophical Analysis of the City

Urban problems are studied in various branches of knowledge. The philosophical view of the city from the standpoint of the system method is able to compile all sorts of questions of urban space study. The existing elements of the system analysis in the social philosophy of T. Parsons, N. Luhmann, P. Sorokin, R. Merton, P. Berger and T. Luckman, R. Ackoff and others focus, as a rule, on understanding social objects of science. Nevertheless, the city is a universal phenomenon of civilization, where social development exists in relation to the spiritual, material and other structural components of space. In this article the author examines the options of the system methods of different thinkers, checks the research practices in relation to the philosophical study of the city, but eventually finds the greatest significance of A. I. Uymov's methodology and the methodology of his followers. The city is a system consisting of the concept, structure and substratum, where the first notion reveals the semantic side of the object by means of an interconnected set of parametric features of the city, the second – the sphere of relations (interactions) of the city entities, and the third – the diversity of the urban environment components. This system analysis of the city allows the author to explore it complexly, variatively, heuristically.

Keywords: system analysis, system methods of social philosophy, city as a system, concept of the city, city structure, substrate of the city

References

1. Azarenko S. A. Topologii soobshhestva. Kazan': Izd-vo «Poznanie» In-ta jekonomiki, upravlenija i prava, 2014. 228 s.
2. Akoff R. Sistemy, organizacii i mezhdisciplinarnye issledovaniya // Gumanitarnye tehnologii. Informacionno-obrazovatel'nyj portal [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gtmarket.ru/laboratory/expertize/6412> (data obrashhenija: 22.01.2017).
3. Bekman I. N. Sinergetika. Mezhdisciplinarnyj universitet Bekmana [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.beckuniver.ucoz.ru/Kurs_Sinerget/Sinerg_Lec1.htm (data obrashhenija: 22.01.2017).
4. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Biblioteka «Skeptik» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.skepdic.ru> (data obrashhenija: 22.01.2017).
5. Gutnov A. Je. Gorod kak ob#ekt sistemnogo issledovaniya // Sistemnye issledovaniya: sb. st. M.: Nauka, 1977. S. 212–236.
6. Dmitrievskaja I. V. Sistemnaja germenevtika: Koncept. Smysly. Teksty. Ivanovo: IGSHA, 2014. 384 s.
7. Luman N. Obshhestvo kak social'naja sistema / per. s nem. A. Antonovskogo. M.: Logos, 2004. 232 s.
8. Makogon T. I. K voprosu ob analize mestnyh soobshhestv s točki zrenija teorii sistem i topologii // Vestn. Tom. gos. un-ta. Ser. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2011. № 2. S. 104–113.
9. Merton R. K. Nauka i social'nyj porjadok // Vopr. social'noj teorii. 2007. T. 1, vyp. 1. S. 191–207.
10. Parsons T. Social'nye sistemy // Vopr. social'noj teorii. 2008. T. 2, vyp. 1. S. 38–71.
11. Sorokin P. Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo. M.: Politizdat, 1992. 543 s.
12. Uymov A. I. Opredelenie ponjatija «sistema» i problema specifiky sistemnogo podhoda k ob#ektu // Logika i metodologija sistemnyh issledovanij / otv. red. L. N. Sumarokova. Kiev, 1977. S. 11–24.
13. Uymov A. I. Sistemnyj podhod i obshhaja teorija sistem. M.: Mysl', 1978. 272 s.

Received: January 30, 2017; accepted for publication February 27, 2017

Reference to the article

Kasatkina S. S. On the Question of Using System Methods for Philosophical Analysis of the City // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 54–59.

УДК 11

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-60-66

Александр Юрьевич Нестеров,

доктор философских наук, доцент,

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева

(443086, Россия, г. Самара, ул. Московское шоссе, 34),

e-mail: aynesterow@yandex.ru

Границы технического сознания: немыслимое vs. невозможное¹

В статье обсуждается возможность анализа классической проблемы самосознания в контексте философии техники. Вопрос о развитии ставится в виде концепции усложнения технического сознания от первой природы к третьей природе. Техническое сознание понимается как набор таких процедур, в которых человек создаёт «новое» или искусственные объекты. Природа понимается как среда, в которую человек включается за счёт врождённых и приобретённых навыков, как тот фон, который на прагматическом уровне обеспечивает процессы семиозиса. Культура понимается как семиозис в собственном смысле, как он осуществляется человеком и иными живыми существами. Обсуждается схема соотношения понятий «мыслимое», «немыслимое», «возможное» и «невозможное». Рост самосознания подразумевает эмансипацию в познании миров и сред, в которых участвует человек, последовательный отказ от отождествления «себя» с восприятием, эмоциями, логикой или техникой. Техническое развитие от первой природы к третьей показывает, что человеческое заключается в освоении правил соединения самостоятельно существующих миров: человек лишь приводит их к взаимодействию, не создаёт и не разрушает. Рост самосознания обусловлен открытием объективности сначала природы как мира физических законов, затем логики и грамматики как мира автономных логических и грамматических правил, ментальной сферы, порождающей субъективные образы и эмоции, наконец, мира техники или техносферы как бесконечного набора предустановленных форм решений и действий.

Ключевые слова: техническое сознание, (не)мыслимое, (не)возможное, философия техники, третья природа

Наиболее общей проблемой, к которой имеет отношение настоящее рассуждение, является классическая проблема самосознания, как она сформулирована в рациональной философии. Каковы основания, позволяющие некоторому индивиду утверждать, что «он есть»? Каковы онтологические предпосылки, обеспечивающие рост самосознания или изменение «качества бытия»? Какие процедуры обеспечивают наличие самосознания и возможность его трансформации? С одной стороны, это исключительно общие вопросы, на которые, как часто кажется, невозможно найти внятный ответ. С другой стороны, рационализм накопил достаточный опыт, чтобы подходить к ним с позиций ясности и отчётливости, исключающих произвольную метафизику.

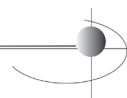
Вопрос о самосознании мы вводим в рамках модели технического или проективного сознания. Сам термин «сознание» берётся не в натуралистическом или эмпиристском смысле (то есть не в качестве предмета ней-

рофизиологии или той или иной «теории сознания» [см., напр., 4 и 5]), но в смысле указания на набор процедур, которые осуществляет человек в отношении себя, среды, других людей, общества и т. п. Как таковой набор осуществляемых человеком процедур представим в виде двух классов: процедур рецепции (восприятия) и проекции (деятельности). Рецептивное определение самосознания заключается в том, что человек есть то, что он способен увидеть, воспринять или понять. Проективное определение – в том, что человек есть то, что он способен сделать. Собственно техническим сознанием мы в дальнейшем будем называть набор таких процедур, в которых человек создаёт «новое» или искусственные объекты.

Техническое сознание в условиях первой, второй и третьей «природы»

Развитие человека (эволюция человечества как вида), осуществляющееся через расширение границ языка и деятельности, определяется трансформацией рецептивных и

¹ Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-6200.2016.6 «Семиотические основания техники и технического сознания».

проективных процедур в их оппозиции к естественной природе или естественному окружению человека. В рамках определённого рода идеализации под рецепцией понимается решение субъектом проблемы понимания эпистемологическими, герменевтическими и т. п. средствами, а под проекцией – решение проблемы выражения посредством фантазии и вымысла, художественной деятельности и техники. Структура субъекта понимается в трансцендентальном смысле, через набор синтаксических, прагматических и семантических правил, определяющих инстанции чувственного восприятия, рассудка и разума в рецептивном и проективном планах; структура объекта понимается как набор значений, сформированных семантическим правилом на уровне чувственного восприятия. Управление понимается как такое воздействие субъекта на объект, в котором целевая причина задаёт конкретный механизм или алгоритм взаимодействия синтаксических правил двух и более слоёв семиозиса в человеческом сознании (как правило, это рассудок и восприятие), формирующий новые значения (как правило, либо в структурах языка, фиксируемых рассудком, либо в физическом мире, фиксируемом восприятием).

Развитие человека обобщённо может быть представлено как усложнение процедур управления. Концептуально это усложнение осуществляется в эволюции оппозиции «природа – культура» к оппозициям «вторая природа – культура» и «третья природа – культура». Понятия природы и культуры мы употребляем во многом по аналогии с оппозицией среды и системы у Н. Лумана или знака и фона в общей семиотике. В общем случае природа – это среда, в которую человек включается за счёт врождённых и приобретённых навыков, это тот фон, который на прагматическом уровне обеспечивает процессы семиозиса. Культура – это собственно сам семиозис, как он осуществляется человеком и иными живыми существами. Взаимодействие природы и культуры – это в собственном смысле прагматическое измерение семиозиса, в котором знак впервые становится знаком за счёт навыка, делающего нечто знаком на некотором незнаковом фоне. Проективный семиозис как набор процессов образования и применения знаков отличается от рецептивного, сугубо распознающего семиозиса тем, что он изменяет фон (условия осуществления прагматического правила): созданные знаки образуют системы, выполняющие роль фона для вновь создаваемых знаков. В глобальном смысле

(когда в качестве субъекта семиозиса берётся цивилизация или человечество в целом) это подразумевает трансформацию природы культурой. Поскольку «техника создаёт то, что называется материальной культурой» [11, с. 46], а «материальная культура – это вторая природа, вся сплошь искусственная, которая однако заменяет природу натуральную для культурного человечества» [11, с. 48], постольку усложнение семиозиса заключается, в первую очередь, в техническом изменении фона, на котором нечто является или не является знаком (или среды, относительно которой нечто является или не является системой) [8].

В традиционно изображаемом разными источниками архаическом мышлении культура подразумевает некоторого рода навык выживания в условиях естественной внешней среды. Если для животных такого рода навык задан биологически, природно, то у человека он формируется рефлексивно, неприродно, под воздействием исторической памяти и мировоззрения. Человек, в отличие от животного мира, использует культуру не для эволюции в смысле Дарвина, а для создания искусственной среды, позволяющей снять риски естественного мира [11]. Таким образом появляется вторая природа. Соответственно, на втором шаге культура в виде рефлексии, истории и мировоззрения возникает как навык выживания уже в условиях второй природы, закономерным образом приводя к созданию третьей природы, а затем и четвёртой. Проблемы, с которыми сталкивается человек в этом развитии, хорошо задокументированы в спорах сторонников и противников прогресса и просвещения последних двух веков [7]. Здесь подчеркнём ещё раз, что понятие культуры используется нами не в субстанциональном, но сугубо в функциональном, проективном смысле, который подразумевает, что «культура» имеет место там, где имеет место семиозис. Построение той или иной классификации «культур» в связи с теми или иными направлениями или правилами семиозиса было бы интересной задачей, но мы её здесь не ставим и не решаем, ограничиваясь указанием на то, что философия техники от П. К. Энгельмейера, Ф. Дессауэра и вплоть до наших дней понимает «культуру» как набор результатов технической деятельности (проективного семиозиса) относительно природы (незнакового фона).

Определение культуры как неприродных, то есть не вытекающих из необходимости удовлетворения естественных биологических

потребностей человека навыков, составляющих сущность человека, выражающих его дух или сознание, возникает в условиях второй природы, в условиях, когда человек в достаточной мере овладел навыками управления материальным миром, чтобы противопоставить себя окружающей действительности. Иными словами, человек отделяет себя от природы в осознаваемой и теоретически хорошо оформленной рефлексии тогда, когда научается создавать искусственные объекты, воздействуя на материю, составляющую некоторый класс чувственно воспринимаемых объектов. Обнаруживая некоторый набор правил, который нельзя изменить, человек его извлекает с помощью рассудка и разума и применяет, открывая для себя области языкового выражения, поэтического вымысла, с одной стороны, и технического действия, техносферы – с другой.

В условиях первой или архаической природы человек ничем не управляет, представляя собой воспринимающее и действующее на основании каких-то внесубъектных объективных механизмов существо: здесь пока ещё отсутствует проблема соотношения возможного и действительного, определяющая систему субъекта в условиях второй и третьей природы. Точнее было бы сказать, что соотношение возможного и действительного здесь носит пока ещё взаимнооднозначный характер: для каждой задачи управления есть одно решение, и именно оно должно быть принято, поскольку никакого «я» ещё нет (пример по В. Сёркину: лодку строю не я, лодка строится сама моими усилиями [10]). Для второй природы определяющим становится знание правил, законов и принципов, раскрывающее веер возможностей на фоне как действительного, так и желаемого: некоторое основанное на знании и памяти множество возможных решений приводится в соответствие с наличными ресурсами и стоящими задачами. В условиях второй природы рождается собственно техническое действие в качестве системы управления искусственными объектами.

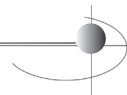
Третья природа возникает тогда, когда (в терминах гегелевой диалектики) вторая природа и навыки, возникшие в виде антиприродного человеческого противопоставления второй природе, приходят к синтезу и устанавливаются в виде нового тезиса. Подобная маловразумительная метафизическая конструкция обретает значение, когда рассматривается в рамках развития человечества, эволюции человеческого вида на фоне эво-

люции природы. Концепция второй природы обусловлена навыком создания искусственных объектов. Но что такое искусственный или технический объект на этом первом шаге? Это новый объект чувственного восприятия, для которого естественными остаются структуры рассудка и разума. Законы природы, структуры мышления (в виде синтаксиса естественных языков и математики), формы рефлексии являются здесь сугубо естественными, и именно расширение знания о естественном создаёт поле возможностей для создания нового, искусственного в области действительного, то есть эмпирически данного, воспринимаемого, фиксируемого органами чувств, мира объектов или физического мира. Для формирования третьей природы сфера искусственного должна была расширяться с наблюдаемых объектов до структур мышления, соответственно, область нового здесь включает в себя не только возможные технические расширения наблюдаемого мира объектов, но и технические расширения ненаблюдаемого мира структур мышления.

Немыслимое и невозможное

Проблемы понимания и выражения, задающие человеческое самосознание на фоне природы, их переплетение в комплексных решениях проблем управления в процессе развития от первой к третьей природе во многом определяются предельными границами языка и деятельности. Как определить уровень развития отдельного человека или надчеловеческого субъекта (народа, общества и т. п.)? В психологическом смысле в качестве базиса для ответа можно использовать принцип удовольствия, понятый в качестве сугубо человеческой способности откладывать удовлетворение тех или иных телесных потребностей, то есть рационально планировать и конструировать ту или иную деятельность в соответствии с целью и последовательно её осуществлять [9]. В философском смысле этого мало, уровень развития субъекта подразумевает конкретные механизмы использования языка и деятельности языком на фоне способа целеполагания. Субъекты первой, второй и третьей природы различаются сложностью языка и деятельности, сложностью целей и процедур управления, а саму эту сложность легко извлечь из того, что для того или иного субъекта остаётся немыслимым, из того, как он понимает корреляцию между немыслимым и невозможным.

«Немыслимое» – это термин рефлексии, фиксирующий предельные границы рефлексии. Мыслимыми являются те или иные

абберрации чувственного восприятия (например, фантастические существа, объекты или способности в беллетристике), мыслимыми являются нарушения рассудочных структур (логики, грамматики, в целом те или иные соотношения рассудка и восприятия), однако нарушения структуры рефлексии (с позиции любого семиотического правила) являются невысказанными. Рефлексия, фиксируя некоторое наличное положение дел в восприятии (действительное) и способы его трансформации рассудком (возможное), сама по себе, то есть в смысле оппозиции действительного и возможного, природного и исторического, остаётся неизменной. Тезисы элейской школы о невысказанности небытия, о боге как о «едином», развёрнутые Античностью в виде онтологической и логической системы, реалистская концепция бога Ансельма как того, «выше чего ничто не может быть помыслено», фигуры «доброго бога» Д. Беркли, «предустановленной гармонии» Г. Лейбница, «природы» и «материи» в новейшей истории показывают не только тот очевидный факт, что мыслимое нуждается в невысказанном в качестве фона и условия возможности, но и то, что невысказанное фиксируется через порядок рефлексии: могут нарушаться причинно-следственные связи, ход времени и развёртывание пространства, неизменной остаётся лишь метафора онтологического или герменевтического круга, описывающего и структурирующего иерархию многого и единого. Именно эта метафора является основанием для утверждения о самотождественности человеческого субъекта в истории, то есть для тех случаев, когда исследователь задаётся вопросом о том, каковы основания для трансляции исторического предания, что делает возможным понимание древних текстов. Невысказанно, следовательно, иной порядок рефлексии, нежели тот, что культивируется человеком от индуизма до современного трансгуманизма, невысказанное – это предел понимания.

Неизменность рефлексии, выраженная в метафоре круга, позволяет понять развитие как разотождествление невысказанности и невозможности. Рост самосознания заключается в обнаружении самостоятельности и независимости от структуры рефлексии как таковой правил физического мира, логики и грамматики, фиксируемых восприятием и рассудком. Если античные, средневековые и новоевропейские мыслители вплоть до Х. Вольфа отождествляли мыслимое и реальное (соответственно, невысказанное оказы-

валось нереальным, невозможным), так что структура рефлексии совпадала со структурой универсума (очевидно, последним мыслителем, всерьёз отождествлявшим логику и онтологию, был Гегель), то в философии с конца XVIII века, а в науке и технике – после Ф. Бэкона, Г. Галилея, Р. Декарта, И. Ньютона и других мыслимое оказывается способом учёта реального (невысказанное, соответственно, не совпадает с невозможным, структура рефлексии описывает человеческое «сознание», но не универсум как таковой). Если система категорий Аристотеля описывает набор предельных понятий, фиксирующих границы любого возможного мира, то система категорий И. Канта описывает уже только набор трансцендентальных форм рассудка в их границах, грамматические же категории языка, приходящие в «новой логике» Венского кружка на смену универсальным логическим формам, описывают лишь границы применения некоторого конкретного алфавита в рамках заданных синтаксических правил, не претендуя ни на фиксацию полной картины человеческого рассудка, ни тем более на фиксацию универсума; аналогичные процессы развития в языкознании и литературоведении XX века показывают зависимость как логического анализа, так и способов выражения рефлексии от форм языка (гипотеза Сепира-Уорфа). Невозможное – это, в отличие от невысказанного, предел деятельности. Несовпадение пределов понимания и пределов деятельности представимо в виде вполне конкретной эпистемологической схемы для любого рода вопроса: всякий вопрос или конкретная проблема возникают и решаются как: 1) нечто мыслимое и одновременно возможное; 2) нечто мыслимое, но невозможное; 3) нечто невысказанное, но возможное; 4) нечто невысказанное и одновременно невозможное. Такого рода схема описывает соотношение рецепции в целом как совокупности процедур познания и понимания с проекцией как совокупностью процедур деятельности. По ней можно проанализировать любого рода «природу», на фоне которой выстраивается культура как человеческое в человеке.

Оппозиция (не)мыслимого и (не)возможного – это условие возможности техники в смысле Ф. Дессауэра. «Техника есть реальное бытие из идей посредством финалистского формирования и обработки из данного природой инвентаря» [2, с. 406]. Мыслимое – это в целом продукт рефлексии, представленный вымыслом, воображением, фантазией, субъективным представлением и т. п. Мыс-

лимое фиксирует инобытие действительного, которое складывается из ощущения («непроизвольного знака» в терминах Ф. Майера) как продукта восприятия и коммуникативного («произвольного») знака, и выражается, как правило, в стремлении к изменению, к улучшению, в потребности, желании или целеполагании. Возможное – это осуществимость мыслимого теми средствами, которыми располагает субъект. Соотношение мыслимого и возможного всегда предельно конкретно реализовано в технике, составляющей достояние того или иного субъекта (человека, народа, цивилизации), соответственно, немислимое и невозможное – это границы, составляющие необходимый фон техники. Если, например, схема Д. И. Дубровского, показывающая четыре позиции в соотношении знания и незнания [3], позволяет увидеть уровень развития того или иного субъекта в терминах проблемно-ориентированной эпистемологии, то обсуждаемое нами соотношение (не)мыслимого и (не)возможного позволяет связать эпистемологию и герменевтику с техникой, то есть теорией деятельности в самом широком смысле.

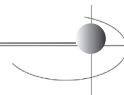
В условиях первой природы проблема соотношения немислимого и невозможного не возникает, при переходе от первой ко второй природе возникает проблема разотождествления немислимого и невозможного: в качестве самостоятельных сред возникает литературное (в целом художественное) и техническое творчество, в котором разыгрываются проблемные ситуации «мыслимого, но невозможного» и «немислимого, но возможного» на фоне анализа предельных условий этих ситуаций. Литература и техника закрепляют собственно человеческую, вторую среду на фоне естественной природы. Деантропоморфизация физического мира, тематизация «любви» и «смерти», открытие объективности, неподконтрольности индивидуальному субъекту процессов, происходящих в его теле и сознании вкупе с достигнутым за счёт техники расширением управления, способности к созданию искусственных объектов и предметов не только в физическом мире, но и структуре рассудочных форм – эти результаты последних полутора веков подводят к наиболее существенному вопросу современности: как именно происходит переход к третьей природе? Как немислимое, становясь предметом размышления для большого числа людей, изменяет среду обитания всего человечества? Почему «невозможное» на пороге третьей природы оказывается каталоги-

зировано и учтено, а немислимое представляется в виде «технологической сингулярности» сродни концу света?

Историческое и концептуальное развёртывание человеческого в человеке подразумевает эмансипацию в познании миров и сред, в которых участвует человек, последовательный отказ от отождествления «себя» с восприятием, эмоциями, логикой или техникой. Техническое развитие от первой природы к третьей показывает, что человеческое заключается в освоении правил соединения самостоятельно существующих миров: человек лишь приводит их к взаимодействию, не создаёт и не разрушает. Рост самосознания обусловлен открытием объективности сначала природы как мира физических законов, затем логики и грамматики как мира автономных логических и грамматических правил, ментальной сферы, порождающей субъективные образы и эмоции, наконец, мира техники или техносферы как бесконечного набора предустановленных форм решений и действий. Человеческое определяется способностью распознавать синтаксические, семантические и прагматические правила этих миров и приводить их во взаимодействие друг с другом. Рецептивное и проективное взаимодействие миров посредством человека, расширение области этого взаимодействия – и есть человеческое в человеке, то, что создаёт историю и культуру.

Проективное взаимодействие миров в человеке осуществляется фантазией как таковой, языком и техникой. О фантазии или вымысле нельзя сказать ничего, не воплощая её в языке или технике. Язык как объективный посредник между воображением и восприятием употребляется либо прямо, нехудожественно, с целью зафиксировать или изменить то или иное положение вещей, либо фикционально, художественно. В отличие от языка, который вполне успешно употребляется как истинный, ложный, фикциональный или бессмысленный, артефакты техносферы могут либо работать, либо не работать, в этом смысле диапазон применения техники существенно скромнее: технически успешно в физическом мире могут быть воплощены только истинностные формы языка.

Посредством языка и техники в последние полвека перехода от второй к третьей природе до массового сознания было доведено представление о немислимом как о границе рефлексии, представление о невозможном фактически сдвинуто до границы мыслимого как такого. Отдельные усилия та-

ких авторов, как М. Каку [6], Р. Курцвейл [12], Д. Ицков [1] и другие, направленные на каталогизацию невозможного с позиций законов физического мира, на прогноз развития технологий кибернетического бессмертия, создания нового рынка аватар-технологий, раздвигают горизонты обывательского мышления, в том числе и в научных сообществах. В этом свете наиболее интересной темой, проблематизирующей человеческие состоя-

ния и их продолжение в ближайшем будущем новой природы, является моделирование техникой процедур рецептивной и проективной рефлексии и те реальные нарушения в структуре естественного самосознания, которые такое моделирование вызовет. Именно в области техносферы человек третьей природы пока находится в допроблемной ситуации с точки зрения понимания и выражения, ему пока просто нечего воображать.

Список литературы

1. Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: Изд-во МБА, 2013. 272 с.
2. Дессауэр Ф. К философии техники. Что есть техника? – Термин и сущность // Онтология проектирования. 2016. № 3. С. 390–406.
3. Дубровский Д. И. Взаимосвязь знания и незнания // Обман. Философско-психологический анализ. М.: Рэй, 1994. С. 85–98.
4. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368 с.
5. Иванов Д. В. Природа феноменального сознания. М.: Либроком, 2013. 240 с.
6. Каку М. Физика невозможного: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2010. 456 с.
7. Нестеров А. Ю. Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода // Вестн. Самарского гос. аэрокосмического ун-та. 2015. Т. 14, № 1. С. 235–246.
8. Нестеров А. Ю. Проективный семиозис в герменевтике (на примере технического сознания) // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4. С. 134–140.
9. Першин Ю. Ю. Архаическое сознание: сущность и принципы: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. Омск, 2014. 271 с.
10. Сёркин В. Шаманский лес. Магадан: Зебра, 2007. 141 с.
11. Энгельмейер П. К. Философия техники [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vevivi.ru/best/filosofiya-tehniki-pkyengelmeiera-ref52562.html> (дата обращения: 10.10.2016).
12. Kurzweil R. The singularity is near. New York, 2006. 652 p.

Статья поступила в редакцию 10.11.2016; принята к публикации 17.01.2017

Библиографическое описание статьи

Нестеров А. Ю. Границы технического сознания: немислимое vs. невозможное // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 60–66. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-60-66.

Alexander Y. Nesterov,

*Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Samara National Research University
named after Academician S. P. Korolev
(34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russia),
e-mail: aynesterow@yandex.ru*

The Boundaries of Technical Consciousness: Unthinkable vs. Impossible¹

The article discusses the possibility of analyzing the classical problem of self-consciousness in the context of the philosophy of technology. The question of development is posed in the form of the concept of technical complexity of consciousness from the first nature to the third nature. Technical consciousness is understood as a set of procedures in which a person creates “new” or artificial objects. Nature is understood as the environment in which the person is included due to innate and acquired skills, like the background, which on a pragmatic level ensures the processes of semiosis. Culture is understood as a semiosis in the proper sense, as it is carried out by man and other living beings. The article discusses the scheme of the correlation of the terms “thinkable”, “unthinkable”, “possible” and “impossible”. The growth of self-consciousness implies emancipation in the cognition of the worlds and environments in which people are involved, a consistent refusal to identify “oneself” with perception, emotions, logic, or technique. The technical development from the first to the third nature shows that the human is to learn

¹ This work is supported by the Council for Grants of the President of the Russian Federation, project MD-6200.2016.6 “Semiotic Foundation of Technology and Technical Consciousness”.

the rules of connecting independently existing worlds: a person only leads them to collaborate, neither creates nor destroys them. The growth of self-consciousness is due to the discovery of the objectivity of nature, firstly, as the world of physical laws, then logic and grammar as the world of self-contained logical and grammatical rules, the mental sphere, generating subjective images and emotions, and finally, the world of technology or techno-sphere as an infinite set of preset forms of decisions and actions.

Keywords: technical consciousness, (un)thinkable, (im)possible, philosophy of technology, third nature

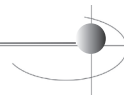
References

1. Global'noe budushchee 2045. Konvergentnye tekhnologii (NBIKS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya. M.: Izd-vo MBA, 2013. 272 s.
2. Dessauer F. K filosofii tekhniki. Chto est' tekhnika? – Termin i sushchnost' // Ontologiya proektirovaniya. 2016. № 3. S. 390–406.
3. Dubrovskii D. I. Vzaimosvyaz' znaniya i neznaniya // Obman. Filosofsko-psikhologicheskii analiz. M.: Rei, 1994. S. 85–98.
4. Dubrovskii D. I. Problema ideal'nogo. Sub"ektivnaya real'nost'. M.: Kanon+, 2002. 368 s.
5. Ivanov D. V. Priroda fenomenal'nogo soznaniya. M.: Librokom, 2013. 240 s.
6. Kaku M. Fizika nevozmozhnogo: per. s angl. M.: Al'pina non-fikshn, 2010. 456 s.
7. Nesterov A. Yu. Vopros o sushchnosti tekhniki v ramkakh semioticheskogo podkhoda // Vestn. Samarskogo gos. aerokosmicheskogo un-ta. 2015. T. 14, № 1. S. 235–246.
8. Nesterov A. Yu. Proektivnyi semiozis v germenevtike (na primere tekhnicheskogo soznaniya) // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2015. № 4. S. 134–140.
9. Pershin Yu. Yu. Arkhaicheskoe soznanie: sushchnost' i printsipy: dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.13. Omsk, 2014. 271 s.
10. Serkin V. Shamanskii les. Magadan: Zebra, 2007. 141 s.
11. Engel'meier P. K. Filosofiya tekhniki [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.vevivi.ru/best/filosofiya-tehniki-pkyengelmeiera-ref52562.html> (data obrashcheniya: 10.10.2016).
12. Kurzweil R. The singularity is near. New York, 2006. 652 p.

Received: November 10, 2016; accepted for publication January 17, 2017.

Reference to the article

Nesterov A. Yu. The Boundaries of Technical Consciousness: Unthinkable vs. Impossible // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 60–66. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-60-66.

УДК 378

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-67-74

Владимир Валерьевич Петров,
кандидат философских наук,
Новосибирский государственный университет
(630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1),
научный сотрудник,
Институт философии и права СО РАН
(630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8),
e-mail: v. v. p@ngs.ru

Эволюция концепций развития научных исследований в условиях реформ¹

В работе обозначены принципы формирования концепции исследовательских университетов в условиях реформирования научно-образовательной сферы; при этом университеты рассматриваются, прежде всего, с позиций социального лидерства, что в конечном итоге приводит к изменению интеллектуальных стандартов. Проведён анализ наиболее удачных существующих концепций, выявлены их сильные и слабые стороны, обозначены обязательные критерии, определяющие развитие научных исследований в период системных трансформаций и рассмотрен механизм количественной и качественной оценки деятельности исследовательского университета. Показано, что несмотря на многочисленные различия в подходах к сравнению университетов, тем не менее, можно выделить общую часть для многих используемых зарубежных формальных и неформальных классификаций исследовательских университетов, где в качестве основных параметров будут выступать, во-первых, высокая доля расходов на научные исследования в бюджете университетов; во-вторых – подготовка в университете специалистов высшей научной квалификации. В результате проведённого сравнительного анализа отмечено, что перевод академических исследований в университетский формат в российских условиях проблематичен, поскольку многочисленные отечественные концепции производства научного знания, в основу которых положен положительный опыт развития ведущих западных университетов и научно-образовательных центров, по-прежнему далеки от идеальных, несмотря на то, что они прошли многочисленные согласования, корректировки и доработки. Сделан вывод о том, что в современных условиях реформирования отечественной научно-образовательной сферы развитие фундаментальных исследований может переместиться в университеты только при снятии существующих концептуальных, ресурсных и нормативно-правовых ограничений.

Ключевые слова: академическая наука, исследовательские университеты, производство фундаментального знания, инновационное развитие, интеллектуальный потенциал

В условиях системных реформ в России произошли значительные изменения в структуре научно-образовательного сектора, что отчётливо проявляется в стремлении государства перенести научные исследования из сектора науки в образование (по аналогии с западными моделями развития) – за 13 лет практически в два раза уменьшилось количество научно-исследовательских организаций (с 2686 в 2000 году до 1719 в 2013 году) и одновременно в два раза увеличилось количество организаций высшего образования, осуществляющих научные исследования (390 и 671 соответственно)². Но академический сектор науки отличается от вузовского

по-прежнему повышенной долей уникальных комплексов и крупных установок в основных фондах. Так, общая стоимость основных средств академической науки к 2000 году составляла около 21 % и в 2013 году 25 % от основных средств сферы научных исследований и разработок. Это объясняется наличием в академическом секторе уникальных комплексов и установок, таких, как радиотелескопы, установка для исследований в области термоядерного синтеза, мезонная фабрика, нейтринная обсерватория, научно-исследовательские суда и др. Безусловно, наука и образование должны быть неразрывно связаны между собой, но если в классическом

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-03-00437 «Реформируемая наука. Институциональные и социальные последствия реформы академической науки в России».

² Доклад по Плану реструктуризации научных организаций, подготовленный в соответствии с поручением Президента Российской Федерации В. В. Путина от 27.12.2014 г. № Пр-3011 (п. 2, подп. в), данного по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, состоявшегося 08.12.2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ipr-ras.ru/wnews/fano-wgreport-2015-04-17.pdf> (дата обращения: 20.05.2016).

западном понимании производством научно-го знания занимаются университеты, которые создают идеи, при этом правительство формирует нормативную базу, а бизнес обеспечивает ресурсами, то в российской модели развития науки и образования исторически сложился иной подход, когда научными исследованиями занимались институты специально созданной для этого Академии наук, в то время, как на университеты возлагалась преимущественно образовательная функция. В рамках современного общества университеты являются одним из основных факторов экономического и социального развития, выступая при этом в качестве инструмента реформирования общества в целом. При этом в условиях формирования общества знания (постиндустриального общества) университеты рассматриваются, прежде всего, с позиций социального лидерства, что в конечном итоге приводит к изменению интеллектуальных стандартов [3, с. 118]. В частности, пытаясь адекватно ответить на вызов современности, в системе науки и высшего профессионального образования директивно созданы федеральные и национальные исследовательские университеты. При этом отечественная концепция данных университетов, несмотря на то, что она прошла многочисленные согласования, корректировки и доработки, по-прежнему далека от идеальной, хотя в основу её создания положен положительный опыт развития ведущих западных университетов и научно-образовательных центров. Более того, остаётся непонятным, почему при разработке данной концепции практически никаким образом не учитывался практический опыт успешной реализации университетской идеи, относящийся как к технологическим (например, Московский физико-технологический институт), так и к классическим (Новосибирский государственный университет) университетам.

Соответственно, с одной стороны, проведение конкурса и официальное номинирование его победителей в качестве национальных исследовательских университетов в определённом смысле стало практическим воплощением тех идей, которые в том или ином виде дискутировались в академическом сообществе на протяжении длительного времени. Но с другой стороны, до сих пор остаётся неясным, в какой степени начавшаяся программа реорганизации университетов соответствует мировой практике и предлагавшимся концептам.

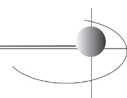
Как правило, в качестве образца для сравнения выбирается система организации

науки и высшего образования в США, апеллируя при этом как раз к международным университетским рейтингам: больше половины первой сотни университетов оказываются американскими¹. Конечно, в основе американской модели успешного университета лежит ещё более старая модель средневековых университетов Европы, но, тем не менее, сегодня именно США обладают лидирующим потенциалом в области инноваций.

Анализ развития исследовательских университетов в США имеет глубокую академическую и экспертную традицию. Как мы отмечали в наших предыдущих работах [6–8], во второй половине XX века в Америке было разработано и применялось несколько классификаций, позволяющих ранжировать университеты по различным категориям. Наиболее известной из них является используемая с 1971 года классификация Фонда Карнеги [13]. Несмотря на многочисленные различия в подходах к сравнению университетов, можно выделить общую часть для всех используемых в США формальных и неформальных классификаций исследовательских университетов, где в качестве основных параметров выступают, во-первых, высокая доля расходов на научные исследования в бюджете университетов; во-вторых – подготовка в университете специалистов высшей научной квалификации.

Изначально подобные критерии определялись в качестве основных и при разработке российских концепций исследовательских университетов ещё в 1990-е годы. Так, в 1996 году появилась концепция «Федерального исследовательского университета», идеологом которой выступил ректор МГТУ им. Н. Э. Баумана И. Б. Федоров [11, с. 8]. Несколько позже, в рамках программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 гг.» была разработана концепция российского исследовательского университета и обоснована целесообразность создания в системе ВПО сети исследовательских технических университетов, которая стала наиболее популярна в экспертном сообществе. В рамках этих концепций исследовательский университет понимался как комплексное высшее учебное заведение интеграционного типа, которое сочетает в себе функции не только трансляции знания, но и научных исследо-

¹ Например, Академический рейтинг университетов мира 2013 (Шанхайский рейтинг) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.educationindex.ru/article_ranking-shanghai-2013.aspx (дата обращения: 19.10.2016).

ваний фундаментального и прикладного характера. В образовательном аспекте исследовательский университет ориентируется на передачу новой генерации специалистов новейших достижений науки, техники и технологий и создаётся для подготовки специалистов всех уровней на основе единства учебного процесса и научных исследований. В концепции особо подчёркивалось, что в исследовательском университете должна быть сильная гуманитарная составляющая – широко представлены юридические, экономические и гуманитарные науки.

Параллельно развивались и другие подходы, которые частично пересекались, но не противоречили «концепции Федорова». Нашей задачей не является провести полный детальный анализ всех разработанных российских концепций исследовательского университета, тем более, что в формате научной статьи в периодическом издании это практически невозможно – мы постараемся остановиться только на общих ключевых принципах концепций, отправной точкой для которых являлись классификационные схемы и опыт университетов США. В качестве примера можно обратиться к принципам, обозначенным В. А. Журавлевым [2]. Им обозначено, что университет может выступать в качестве исследовательского при наличии следующих признаков: во-первых, присутствует тесная интеграция обучения и исследования на всех ступенях образовательного процесса; во-вторых, доля обучающихся по программам магистров, кандидатов и докторов наук выше, чем доля студентов первой ступени обучения; в-третьих, присутствуют мультидисциплинарные программы послевузовской подготовки; в-четвёртых, снижена учебная нагрузка на преподавателя, что позволяет ему заниматься научными исследованиями; в-пятых, необходимо проведение крупных фундаментальных исследований, финансируемых не только из бюджета, но и других источников, в том числе и на некоммерческой основе; в-шестых, присутствует тесная связь с бизнесом, что позволяет осуществлять коммерциализацию результатов научных исследований; в-седьмых, университет интегрирован в глобальное образовательное пространство и взаимодействует с мировыми научно-исследовательскими центрами; и, наконец, университет оказывает определяющее воздействие на научно-техническое и социально-экономическое развитие региона.

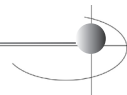
Другим достаточно популярным проектом развития исследовательских университе-

тов в России стала концепция, представленная президентом Томского государственного университета профессором Г. В. Майером (в прошлом – с 1995 по 2013 г. – ректор ТГУ) [5, с. 8]. Примечательно, что в рамках данной концепции не только сделана попытка предложить обязательные критерии, определяющие развитие исследовательского университета, но и предложен механизм количественной и качественной оценки деятельности университета, что особо приветствуется со стороны министерства для подготовки отчётности. В рамках этой концепции успешного исследовательского университета мы обратим внимание на следующие показатели: во-первых, наличие ведущих научных и научно-педагогических школ, которые являются лидерами в ключевых направлениях фундаментальной науки и технологий. Это должно подтверждаться документально – премиями международного и национального уровней, грантами РФФИ, РГНФ, министерств и ведомств; наличием научных школ, которые имеют статус ведущих, значительным количеством защищённых докторских и кандидатских диссертаций; публикацией научных монографий в центральных и зарубежных издательствах; выполнением работ не только по заказу российских министерств и ведомств, но и зарубежных и международных организаций. Кроме того, для реализации данной концепции в составе кадрового потенциала университета требуется высокая доля докторов и кандидатов наук. Отдельно обозначен вопрос финансирования – значительный объём средств для реализации НИОКР должен привлекаться из сторонних источников; а также необходимо развитие патентно-лицензионной деятельности. Во-вторых, «томская концепция» предполагает наличие инфраструктуры и материально-технической базы фундаментальных и прикладных научных исследований. К числу критериев оценки этого показателя отнесены научно-исследовательские институты, созданные по постановлениям Правительства РФ, уникальные научные объекты и оборудование, совместные учебно-научные центры, созданные совместно с Российской академией наук; технопарки и инновационно-технологические центры. В-третьих, для развития исследовательского университета необходима интеграция научных исследований и образовательного процесса на всех уровнях подготовки (университетский курс, магистратура, аспирантура, докторантура, переподготовка и повышение квалификации, стажировка) и наличие инфраструктуры подготовки кадров

высшей квалификации. В качестве верифицируемых индикаторов признаётся наличие и количество докторских и кандидатских советов, количество специальностей докторантуры и аспирантуры и численность докторантов, аспирантов, профессоров и доцентов, обладающих правом руководства аспирантами, а также результативность докторантуры и аспирантуры. В-четвёртых, необходимо наличие информационной базы учебно-научной деятельности и возможность трансляции информации научно-образовательному сообществу, то есть наличие научных библиотек, интернет-центров, компьютерного парка, системы дистанционного обучения, сетевых коммуникаций, издательских центров, позволяющих выпускать периодические научные издания, монографии и учебные пособия. В-пятых, требуется наличие системы отбора и научной поддержки талантливой молодёжи на уровнях довузовского, вузовского и послевузовского образования, что предполагает оценку эффективности деятельности центров довузовской подготовки, специализированных школ и учебно-научных центров, вовлечение студентов и молодых учёных к участию в олимпиадах, стажировки студентов, аспирантов и молодых учёных в ведущих научных центрах и др. В-шестых, исследовательскому университету необходимо интегрироваться в мировое научно-образовательное пространство и тесно сотрудничать с мировыми научно-образовательными центрами и фондами. Это можно оценить по количеству грантов международных организаций, выполнению совместных научно-образовательных проектов и программ и деятельности совместных научно-образовательных центров. В-седьмых, по замыслу разработчиков, исследовательскому университету требуется высокий уровень учебного процесса. В качестве индикатора обозначен квалификационный уровень профессорско-преподавательского состава, большой набор специализаций и направлений подготовки, баланс естественнонаучной и гуманитарной составляющих, наличие новых образовательных технологий, привлекательность вуза (соотношение иногородних студентов к общему количеству студентов); междисциплинарность образовательного процесса, возможности и материальная база нравственного, культурно-эстетического и физического воспитания студентов [12]. Разработчики данной концепции так же, как разработчики концепции Федорова, обращают особое внимание на то, что в исследовательском университете обя-

зательно изменяется количественное соотношение между студентами бакалавриата и магистратуры – количество последних резко увеличивается. При этом в магистратуру исследовательского университета принимаются не только студенты, закончившие бакалавриат данного университета, но и выпускники других вузов с широкой региональной географией (в данной концепции речь идёт конкретно о Томском государственном университете, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах – *прим. В. П.*). Подразумевается, что исследовательский университет готовит специалистов более высокого уровня, которые могут работать в исследовательских учреждениях, производственных фирмах. И, что тоже очень важно, именно из этих магистрантов на конкурсной основе отбираются люди для поступления в аспирантуру, которая в исследовательском университете приобретает региональный статус. Завершающим этапом подготовки кадров высшей квалификации является наличие докторантуры. Ведущие западные исследовательские университеты как раз характеризуются тем, что на младших курсах там обучается минимальное количество студентов.

В начале 2000-х годов в России наряду с понятием «исследовательские университеты» появилось понятие «ведущие вузы», которые в целом также, по мнению министерства, должны были ориентироваться на соединение образовательной и научно-исследовательской функций. Было обозначено, что статус «ведущего вуза» может быть присвоен 15–20 вузам федерального значения, и 80–85 вузов будут отнесены к категории «ведущего вуза по направлению». Сюда должны были попасть и региональные вузы, успешно развивающие ту или иную область исследований. Предусматривалось, что статус «ведущего» будет присваиваться на конкурсной основе на пять лет. Он должен был стать гарантом получения дополнительного финансирования из госбюджета, а также давать его обладателям определённую степень свободы в разработке стандартов и методик обучения и некоторых других аспектов университетской деятельности [10, с. 345]. Ведущие вузы должны отличаться от всех остальных в первую очередь тем, что наряду с образовательной функцией в них проводятся фундаментальные и прикладные исследования, они участвуют в инновационной деятельности, а также глубоко интегрированы в мировое образовательное, научное, культурное и информационное пространство.

Как видим, в целом концепции создания исследовательских университетов в России совпадают между собой и во многом основаны на американском опыте организации образования научных исследований [8, с. 26]. Кроме того, в рамках реформирования отечественной системы высшего профессионального образования предполагалось официальное выделение и закрепление из числа вузов России «ведущих» университетов, которые позиционировались как важнейшие центры сохранения элиты высшего образования и научно-исследовательской деятельности. Фактически это означало, что на несколько десятков административно выделенных университетов будет возложена ответственность за развитие науки и образования в масштабах всей страны. Несмотря на то, что концепция «ведущего университета» во многом пересекалась с концепцией не только «исследовательского университета», но и «федерального», которая возникла несколько позже, часть профессионального сообщества придерживалась альтернативной точки зрения, в рамках которой обосновывалась необходимость существенной поддержки в первую очередь не столичных, а региональных университетов. При этом её сторонники также обращались к американскому опыту развития исследовательских университетов. Дело в том, что крупные региональные университеты выступают как федеральнозначимые научно-образовательные центры, являясь при этом серьёзнейшим фактором развития регионов посредством своих инновационных и технопарковых структур. Принимая во внимание сложившуюся в России сильнейшую социально-экономическую и правовую асимметрию, нельзя забывать, что университет выполняет культурную и социальную миссию в регионе [9, с. 251]. Исследования проблем конкретных регионов могут вести только высшие учебные заведения, расположенные в них. А если исходить из концепции «ведущих» вузов, предложенной министерством, то основная их часть окажется сосредоточенной в Москве и Санкт-Петербурге, что, конечно же, вызывает недовольство и отторжение такого проекта у региональных вузов. Кроме того, один из самых главных упреков в адрес данной концепции может быть выражен следующим образом: во всем мире дифференциация университетов на элитные, элитарные и исследовательские происходит эволюционным путём, а не определяется директивами со стороны министерства, сопровождаемая предоставлением каких-либо льгот.

Параллельно некоторое время имело хождение понятие «национальный университет» (некий мегауниверситет, объединяющий в себе несколько крупных вузов региона), концепция которого предусматривала форму государственно-частного партнёрства: частный бизнес осуществляет софинансирование образовательной деятельности, участвуя в преподавании, разработке программ, а также в определении политики вуза через своих представителей в попечительском совете [4, с. 160–161]. Некоторое время не существовало жёсткого разделения между понятиями «национальный университет» и «исследовательский университет», но сегодня они разведены в стороны в двух разных категориях: федеральный университет и национальный исследовательский университет.

С точки зрения организации научной деятельности концепты исследовательских университетов, разработанные в регионах, обладающих развитой сетью академических учреждений, как правило, базируются на принципах интеграции с научно-исследовательскими учреждениями РАН. «Исследовательский университет» – особый тип университета, представляющий собой центр подготовки высококвалифицированных кадров, деятельность которого определяется инновационно-исследовательским, междисциплинарным характером обучения, органичным единством научного и учебного процесса, основанного на тесной интеграции с академическим и отраслевым сектором науки; осуществляющий фундаментальные и прикладные исследования в областях, определяющих развитие науки, техники и технологий» [1, с. 352]. Исходя из данного определения, представляется, что сегодня в России на статус исследовательского университета могут претендовать не более двух десятков вузов. Но если обратиться к базовому Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», то в статье 28, п. 4. обозначено: «Образовательные организации высшего образования осуществляют научную и (или) творческую деятельность, а также вправе вести подготовку научных кадров (в докторантуре)»¹. Таким образом, из закона следует, что задачей каждого университета, независимо от статуса (опорного, ведущего, исследовательского, федерального, регионального,

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.минобрнауки.рф/документы/2974 (дата обращения: 13.10.2016).

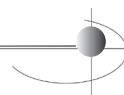
областного, городского и т. д.), помимо образовательной деятельности, является обязательное проведение исследований. Вместе с тем очевидно, что далеко не каждый университет в принципе располагает возможностями для проведения исследований. Поэтому исключительно важно понимать, что независимо от того, в рамках каких концепций будет развиваться практическая реализация основных программ развития отечественных университетов, выполняющих фундаментальные исследования, в российских условиях возникает большое число ограничений развития инновационной системы. Во-первых, это концептуальные ограничения, поскольку изначально взятая за основу американская модель не соотносится с принципами отбора вузов в России – в США понятие «исследовательский университет» имеет фактический, а не формальный характер, как это сделано в РФ путём директивного назначения. Во-вторых, это ресурсные ограничения, прежде всего связанные с правом собственности. Американские университеты имеют богатые фонды развития, диверсифицированное финансирование, академическую свободу, автономную систему управления, располагают землёй и недвижимостью. В России ведущие университеты, получившие статус «национальных исследовательских», являются полностью государственными вузами, которые не располагают ни подобными активами, ни собственными ресурсами, ни высокой сте-

пенью автономии. В-третьих, существенно ограничивающими развитие являются нормативно-правовые ограничения: в законодательстве страны нет единого чёткого определения места и роли исследовательских университетов в национальной инновационной системе; не обозначены механизмы их взаимодействия с академическими институтами в условиях реформы РАН. Для университетов административно и жёстко определены направления, порядок, объём и сроки расходования средств, получаемых из госбюджета; кроме того, существует серьёзная проблема реализации возможности софинансирования из бюджетов разного уровня и привлечения средств бизнес-сообщества.

Без снятия этих ограничений перемещение центра производства фундаментального знания из академических институтов в университеты, на что ориентирована череда многочисленных реформ сферы науки и образования, окажется весьма и весьма проблематичным. В свою очередь, это приведёт к тому, что исследовательские университеты, пока ещё следующие гумбольдтовским традициям, рискуют превратиться в «массовые университеты современного типа», которые вместо генерации новых знаний станут выполнять совершенно иную функцию – обеспечивать рабочие места для управленческого аппарата наряду с полной или частичной занятостью студенчества и профессорско-преподавательского состава.

Список литературы

1. Водичев Е. Г., Лисс Л. Ф., Узбекова Ю. И. Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект. Новосибирск: Гео, 2013. 396 с.
2. Журавлев В. А. Классический исследовательский университет: концепция, признаки, региональная миссия [Электронный ресурс] // Университетское управление: практика и анализ. 2000. № 2. Режим доступа: <http://www.umj.ru/index.php/pub/inside/203/> (дата обращения: 20.05.2016).
3. Ладынец Н. С. Университетское образование: идеалы, цели, ценностные ориентации. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1992. 276 с.
4. Лисс Л. Ф. Высшая школа в переходные эпохи // Высшая школа в системе регионального научно-образовательного потенциала: сб. науч. ст. Новосибирск: Сова, 2008. 212 с.
5. Майер Г. В. О критериях Исследовательского университета // Университетское управление. 2003. № 3. С. 6–9.
6. Петров В. В. Организационная культура производства фундаментального знания в условиях системных трансформаций: российская специфика // Гуманитарный вектор. Сер. Философия, культурология. 2016. Т. 11, № 2. С. 65–71.
7. Петров В. В. Региональная специфика развития вузовской науки в условиях глобализации // Профессиональное образование в современном мире. 2015. № 4. С. 180–191.
8. Петров В. В. Университет в условиях глобализации: организация, структура, управление // Философия образования. 2016. № 4. С. 20–28.
9. Петров В. В., Поцелуева А. И. Университет в эпоху перемен: варианты развития // «Третья миссия» университета в современной России: новации и интеллектуальные традиции: сб. науч. тр. V Сиб. филос. семинара. Новосибирск: НГУ, 2016. С. 247–253.
10. Российская экономика в 2004 г. Тенденции и перспективы. М., 2005. Вып. 26. 684 с.
11. Федоров И. Б. Подготовка инженерных и научных кадров в исследовательских и научных университетах // Инновации в высшей технической школе России: сб. ст. М.: МАДИ (ГТУ), 2002. С. 5–13.

12. AlmaMater (газета ТГУ). 2004. № 2365. 28 мая.
13. The Carnegie Classification of Institutions of Higher Education. 2000 / ed. by A. C. McCormick. Menlo Park, CA: The Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching, 2001. 198 p.

Статья поступила в редакцию 13.11.2016; принята к публикации 27.12.2016

Библиографическое описание статьи

Петров В. В. Эволюция концепций развития научных исследований в условиях реформ // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 67–74. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-67-74.

Vladimir V. Petrov,
Candidate of Philosophy,
Novosibirsk State University
(1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russia),
Research Fellow,
Institute of Philosophy and Law
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, Russia),
e-mail: v. v. p@ngs.ru

The Evolution of Scientific Research Development Concepts Under Reforms¹

The article outlines the principles for the formation of the concept of research universities in the conditions of reforming the science and education spheres; herewith universities are considered, first of all, from the standpoint of social leadership, which ultimately leads to a change in intellectual standards. The article analyzes the most successful existing concepts, identifies their strengths and weaknesses, outlines the essential criteria that determine the development of scientific research in the period of systemic transformation and considers the mechanism for quantitative and qualitative evaluation of the research university activities. It is shown that despite numerous approaches to the comparison of universities, it is possible to identify a common ground for many used foreign formal and informal classifications of research universities, where the basic parameters are, first, a high share of spending on research in the budget of universities; second – training of highly qualified scientific specialists at the university. As a result of the comparative analysis it is pointed out that the transfer of academic research into a university format in Russian conditions is problematic because numerous domestic scientific knowledge production concepts, which are based on the positive experience of the leading Western universities and scientific-educational centers, are still far from ideal, despite the fact that they have passed numerous approvals, adjustments and improvements. The author concludes that in modern conditions of reforming the national scientific and educational spheres the development of basic research can move to universities only with the removal of the existing conceptual, resource and regulatory restrictions.

Keywords: academic science, research universities, production of fundamental knowledge, innovative development, intellectual capacity

References

1. Vodichev E. G., Liss L. F., Uzbekova Yu. I. Vysshaya shkola v usloviyakh sistemnykh transformatsii: sravnitel'no-istoricheskii aspekt. Novosibirsk: Geo, 2013. 396 s.
2. Zhuravlev V. A. Klassicheskii issledovatel'skii universitet: kontseptsiya, priznaki, regional'naya missiya [Elektronnyi resurs] // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2000. № 2. Rezhim dostupa: <http://www.umj.ru/index.php/pub/inside/203/> (data obrashcheniya: 20.05.2016).
3. Ladyzhets N. S. Universitetskoe obrazovanie: idealy, tseli, tsennostnye orientatsii. Izhevsk: Izd-vo UdGU, 1992. 276 s.
4. Liss L. F. Vysshaya shkola v perekhodnye epokhi // Vysshaya shkola v sisteme regional'nogo nauchno-obrazovatel'nogo potentsiala: sb. nauch. st. Novosibirsk: Sova, 2008. 212 s.
5. Maier G. V. O kriteriyakh Issledovatel'skogo universiteta // Universitetskoe upravlenie. 2003. № 3. S. 6–9.
6. Petrov V. V. Organizatsionnaya kul'tura proizvodstva fundamental'nogo znaniya v usloviyakh sistemnykh transformatsii: rossiiskaya spetsifika // Gumanitarnyi vektor. Ser. Filosofiya, kul'turologiya. 2016. Т. 11, № 2. S. 65–71.
7. Petrov V. V. Regional'naya spetsifika razvitiya vuzovskoi nauki v usloviyakh globalizatsii // Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire. 2015. № 4. S. 180–191.

¹ This article is prepared with the financial support of the RFH. Project № 15-03-00437 "Reformed Science. Institutional and Social Consequences of the Academic Science Reform in Russia".

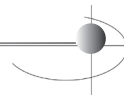

8. Petrov V. V. Universitet v usloviyakh globalizatsii: organizatsiya, struktura, upravlenie // *Filosofiya obrazovaniya*. 2016. № 4. S. 20–28.
9. Petrov V. V., Potselueva A. I. Universitet v epokhu peremen: varianty razvitiya // «Tret'ya missiya» universiteta v sovremennoi Rossii: novatsii i intellektual'nye traditsii: sb. nauch. tr. V Sib. filos. seminara. Novosibirsk: NGU, 2016. S. 247–253.
10. Rossiiskaya ekonomika v 2004 g. Tendentsii i perspektivy. M., 2005. Vyp. 26. 684 s.
11. Fedorov I. B. Podgotovka inzhenernykh i nauchnykh kadrov v issledovatel'skikh i nauchnykh universitetakh // *Innovatsii v vysshei tekhnicheskoi shkole Rossii*: sb. st. M.: MADI (GTU), 2002. S. 5–13.
12. AlmaMater (gazeta TGU). 2004. № 2365. 28 maya.
13. The Carnegie Classification of Institutions of Higher Education. 2000 / ed. by A. C. McCormick. Menlo Park, CA: The Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching, 2001. 198 p.

Received: November 13, 2016; accepted for publication December 27, 2016

Reference to the article

Petrov V. V. The Evolution of Scientific Research Development Concepts Under Reforms // *Humanitarian Vector*. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 67–74. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-67-74.

УДК 1.11

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-75-84

Давид Михайлович Спектор,

кандидат архитектуры, доцент,

Московский архитектурно-строительный институт

(111024, Россия, Москва, ул. 3-я Кабельная, 1),

e-mail: daspektor@mail.ru

М. Хайдеггер: необратимость времени-бытия

В статье аспекты временности рассматриваются через призму философии Хайдеггера. Наиболее пристальное внимание уделяется при этом бытию сущего и «изначальной временности». Критика первой части статьи имеет методологический характер и направлена на положения феноменологии, сопоставляемые с теми достоверностями исторического характера, которые принципиально не попадают в круг интроспекции. В частности, трактовка бытия в её феноменологическом обрамлении сопоставляется с диалектикой «общественного бытия», предшествующего «вот-» (субъекту) и его (условия его возможности) исторически создающее. Поскольку это так, и исходная связь вот-бытия и бытия сознанием подвергается сомнению – равно как и существо «стремления», в себя имплицитно включившего не-развёрнутое «время». Автономия гипотетического времени, дедуцированного из круга сознания, ведёт к онтологическому разрыву с «заботой»; последняя также не оперта на фундамент бытия и облечена в формы внешних обстоятельств, что закономерно ведёт к конституированию двух форм времени, из которых одно – истинное (познание бытия как бытие сознание), в то время как иное – «расхожее» (не-истинное). Умозрительная посылка лишает «время» ряда чрезвычайно существенных предикатов, в том числе обусловленных диалоговым и агональным его характером. Научная новизна исследования заключается в последовательном подведении под вот-бытие обстоятельств становления человека общественным существом. «Вот», под которое подведён прототип особи (обособленного бытия), стремится к (общности) бытия, но и воссоздаёт последнее в устремлённости; бытие удерживает «вот» (*subjectum*) на краю падения при помощи установок, общим условием бытия которых предстают время и пространство. Время в такой связи обретает понятное назначение и историю, коренным образом отличную от «истории сознания-бытия» (бытия-сознания).

Ключевые слова: бытие, вот-бытие, сознание, стремление, бытие-к-смерти, необратимость, инобытие

Вводная часть. Аналитику идей Хайдеггера следует исходно поместить в историческую рамку, каковая может быть представлена следующим описанием: «Хайдеггер сказал однажды об онтологии: “Мы называем эту науку в отличие от позитивных наук темпоральной наукой. <...> Все онтологические положения имеют характер *Veritas temporalis*”» [12, с. 15]. Но прямая корреспонденция онтологии и времени не является эксклюзивной; «онтология», в том числе в изложении Хайдеггера, обладает рядом пред-определений, вне которых невозможно понять пан-темпоральной конституции. Воспользуемся в целях первичной ориентации следующим весьма фундаментальным выводом-заключением: «Бытие сущего в отличие... от сущего временит себя как изначальная временность. Таков итог “фундаментальной онтологии” Хайдеггера» [12, с. 37].

Методология и методика исследования. Таким образом, намечается нить предстоящей реконструкции: это «бытие сущего в отличие от сущего», истоки и смысл

подобного отличия и его отнесение к смыслу временности. «Смысл отличия» может быть интерпретирован в различной модальности; но если проявления ограничены фиксацией, историко-диалектическую реконструкцию интересуют причины, породившие рассматриваемые различия, и связанные с этим обоснования.

С тем нить проводимой Хайдеггером позиции предварительно означена: бытие в отношении себя-сущего – и само их отношение, определённое как время. Подобное начало порождает множество вопросов и, прежде всего, относительно опор в предопределении бытия, сущности и их отношения; они в абстрактном обзоре могут находиться на путях генезиса (антропологии, этнографии и пр.) и реконструкций, в ходе которых под бытием предполагается нечто, взятое в «истоке», и его первичные формы; иной путь представлен феноменологией, интроспекцией и пр. «себя обосновывающими» путями («...По своей сущности феноменология должна претендовать на роль “первой” философии, кото-

рая предложит средства для любой критики разума, какую ещё предстоит осуществлять, и именно потому она требует самой полной беспредпосылочности и, что до неё самой, то абсолютной ясности рефлексивного усмотрения» [3, с. 138]).

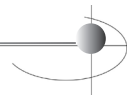
В такой связи следует упомянуть Маркса, видимо, наиболее радикального критика нищеты идеалистической философии. Стоит заметить: критика Хайдеггера менее радикальна, и завершается она возвратом к (субъективированному) сознанию в качестве суррогата (модифицированного) бытия. Хайдеггер не разделяет радикализм понимания Марксом сознания – осознанного бытия («Сознание (*das Bewusstsein*) никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием (*das bewusste Sein*)» [7, с. 491]), изначально отталкиваясь не от сознания как модуса бытия, но от «бытия сознания», которое он называет *Dasein* – «вот-бытие». Последнее, согласно Хайдеггеру, есть «сущее, которое, понимая себя в своём бытии, относится к этому бытию. Тем самым выявлено формальное понятие экзистенции. Вот-бытие экзистирует» [15, с. 52–53] (по отношению к семантике основных категорий Хайдеггера и преемственности их интерпретаций имеются различные соображения; упомянем в такой связи Гольдмана: «Заменяя “тотальность” на *Sein* (Бытие), а “субъект” на *Dasein* (Бытие-здесь), Хайдеггер... сможет критиковать – и, видимо, вполне обоснованно – любую философию, которая ещё использует термины “субъект” и “объект”... На самом же деле нет большого различия между утверждением, что “бытие-здесь” ставит вопрос о смысле “бытия” и что для того, чтобы его поставить, необходимо задать вопрос о его собственном “бытии” – “бытии” “бытия-здесь” – и утверждением, что субъект ставит вопрос о смысле истории и что этот вопрос предполагает вопрос о его существовании в качестве исторического существа и части той исторической реальности, которая образует объект вопроса» [2, с. 83–84]; добавим к этому и то, что революционное «подручное», предопределившее «исходный исход» за рамки «субъекта», также отягощено аллитерациями с более прозрачной «орудийностью»).

Результаты исследования. Вряд ли в скупой констатации отнесённости-к-бытию явлено понятие экзистенции, пусть целиком формальное. Это понятие проявляется по мере того, как сущее отличается от своего бытия – того более, по мере утверждения истоков отличия. Формально предопределе-

нием влечения служит интенциональность (его-всеобщее). «Таким образом, конкретизация максимы “к самим вещам” “в период прорыва феноменологии” даёт следующее определение последней: “*феноменология – это аналитическая дескрипция интенциональности в её априорности*”» [10, с. 85].

Итак, вот-бытие «устремлено» к бытию, «относится» к нему; в неизменной манере положение феноменологически фиксируется, «имеет место», не объясняясь, но объясняя; вот-бытие «связывает» с бытием сознание, каковое вместе с тем воплощает и мотив «устремления», не нуждающегося ни в каких внешних импульсах (и, вместе с тем, разомкнутое в отношении *Leben-Unterhaltung*; фильтр осмысленности сталкивается с тематикой «прошлого», или «всегда-уже», в материи, «естественных потребностях», эросе). Положение, основанное «положением относительно оснований», формирующих проклятие, *circulus vitiosus* начала: «Никакая мыслимая теория не может заставить нас усомниться в принципе всех принципов: любое дающее из самого первоисточника созерцание есть правовой источник познания, и все, что предлагается нам в “интуиции” из самого первоисточника (так сказать, в своей настоящей живой действительности), нужно принимать таким, каким оно себя даёт, но и только в тех рамках, в каких оно себя даёт» [3, с. 60–61]. Поскольку же «такого рода данности» суть продукт о-сознания, то последнее выступает обоснованием основания; разумеется, возникает вопрос, правомерно ли рассматривать «прямую экспликацию» в качестве *causa sui*, «метода метода», либо метод предстоит ещё установить, подвергнув сомнению призрачную возможность «предоставления слова самим вещам».

Вот-бытие *относится* к бытию, что в феноменальном срезе бесспорно; но в проекции на «изначальное» вопрос не столь ясен; исход должен был открыть бытию, *предшествующему сознанию*, перспективу «первого», первобытности в отношении установления «вот-», и не только сущностью, но сущностью сознания; «вот-» не появляется на исторической сцене в готовом виде (как (и) его о-сознание); прежде бытие относится к «вот-» (индивиду, сознания лишённому) с тем, чтобы последний, от него отделившись, уже-сознательно осуществлял «бытие» в существенно-определённой форме не-собственно-своего (не-своего-натурально-обособленного, но собственного уже в-духе-манифестации «самого-бытия»). И если бытие

и вот- не имеют себя (бытия) вне сознания, последнее ранее их и их (как идея) исключительно порождает (чистый идеализм).

Искомая сущность-человека, отделённая от (метафизической) вне-временности, в свете онтологии предстаёт первым предметом времени (истории); в её рамках (как «изначальной временности») «вот-бытие» не может отнестись к бытию прежде, чем, собственно, возникнет и утвердится, прежде, чем начнёт (сознательно) к нему относиться; такому отношению отделение (форма) предшествует, и далеко не только в отношении вдруг поставленного в центр (темпорального) «вот» (сознания), но в необходимых формах парцеллярной собственности, права, семьи и пр. Бытие и время (бытие-время) «обладают» историей, в её рамки заключая по-явление о-сознания (поскольку это так, бытие-время до- как и вне сознания, возможные *некогда*, не менее возможны (необходимы) в отношении к сознанию; сознание не только формально временно, но как процесс предметно; сознание корнями и кроной прорастает в толщу установок (трансцендентальное), как в том числе «синтаксис и семантику» культуры, и вне таковых немислимо; это положение вполне осознаёт Гегель, отказывая «Духу» в «сознании» вплоть до утверждения государственности/цивилизации, предопределяя этим бытие-в-ином изначальным (устроением самого-бытия).

Этот момент Хайдеггер пропускает: вот- устремлено-к-бытию «изначально»; но стремление осуществляется в форме о-сознания; последнее возникает из ничего (идеи о-идеи себя). Вот-бытие есть сущность, всегда пребывающая при-бытии, к нему устремлённая по «путеводной нити понимания»; но оно не-бытие, но у-стремление, обладающее структурным характером времени (ведь *Da-sein* – изначальное набрасывание, поскольку не едины, но стремятся к единству; их отношение есть императив, стремление вот- к бытию; но в подобном априори легко спутать глубину и тавтологию; бывшее время, возникающее в- отношении (реальности), подменено всегда уже-наличествующим «стремлением», каковое и претендует на все прерогативы новаторской «темпоральности»).

Между тем ортодоксальный исход не столь безальтернативен, как может показаться: в нём многие интервенции философии жизни скорее хоронятся, чем обретают *vita nova*; «вот» априори отрезано от позитивной связи с бытием; связь, напротив, констатируется, но не обусловлена, исходна, обоснована

иная: развитие (историзм), временность (также в многообразии форм), значение (ценность). Сама она олицетворяет старый добрый ноумен (последний в силу того нельзя соотнести ни с каким наличным стремлением: голодом, половым и пр.). Маркс *допустил* бытие, предшествующее сознанию; его научная смелость, опираемая на орудийные аппроксимации, не нащупала под собой онтологической почвы; но, ставя «сознание» в отношении к (природному) бытию, предварительно отличенному от существования (живого) введением в совместно-удовлетворяемую нужду обще-орудийного способа удовлетворения, он подменяет тем трансцендентализм непосредственно-общественной природой в её орудийном измерении; так в полосе рефлексии появляется бытие, обуславливающее (в силу структурного устройства) сознание (будучи пред-размечено исторически-определённой формой (для Маркса её представляет совместно-разделённая деятельность; независимо от определённости первичной формы вот-бытия, перед ним выдвинуто бытие, производное не от той или иной формы «вот-», но от (не-биологической) необходимости обретения общей формы в-мире-совместно-совместимого действия, исторически обусловленного «в сущности» институтами, языком, орудиями, их интериоризациями, и пр.). Бытие (человека) предварительно очерчивается в существе с тем, чтобы последнее обрело потенциал трансляции *способа* бытия, заключившего становление (в сохранении и удержании обретенных навыков, приёмов, умений в их овнешненной и орудийной форме). Вместе с тем бытие «непосредственно-общественное»; вменяемая ему непосредственность вызвала долгие споры, но общая интенция этого девиза символична: «человек» постольку человек, поскольку представляет существо общественного (согласно Аристотелю, *zoon politikon*); но и «бытие» возникает и утверждается в общественном отношении, специфическом (необходимом для самосохранения, но, поскольку таковое в своё время вызвало трансформацию предков, их становление человеком, то необходимого в видах сохранения самой человечности), обладающего сознанием/осознанным бытием, как *одним* из предикатов – и предикатом со-общения, языком. И это новаторство интуитивно приемлемо, но в отношении рациональной интерпретации не справляется с рядом вопросов, среди которых главенствует вопрос *истоков субъективности*, или, в более узкой спецификации, вопрос о человечности обще-

ственного и орудийно действующего существа, *лишённого сознания* (вместе с тем его бытие безусловно-мотивировано нуждой и в силу того объяснимо; но нужда опосредована со-общением и развивается в отношении мотивов (воли) и сознания (оперирующего всё более изощрённым инструментарием обобщения); наибольшую трудность представляет момент перехода от «общности» к свободно-му *modus operandi*).

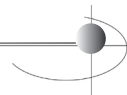
Хайдеггер более осторожен; субъективное в онтологическом отношении возникает изнутри «подсобности»; будучи «изначально» помечено «пониманием», оно «способно» следовать «путеводной нити» «сбывания». «Бытие ... это фундаментальная реальность, отталкиваясь от которой, *Dasein* вопрошает; она имеет характер бытия, которому свойственна историчность, темпоральность и оно наделено значением» [2, с. 125]. Этими лозунгами идеология обнажает в «характере наброска» блеск и нищету констатирующей феноменологии. Так «фундаментальная реальность» обретает вмиг «характер бытия»; от неё отталкивается *Dasein*; предопределение, обретшее видимость позиции, не отделило «фундаментальную реальность» от «имения характера бытия»; логически более точно связывание бытия с вопрошанием (делом) вот-бытия; реальность при этом выступает формой бытия, нуждающейся в уточнении в отношении сущности (и сущности реальности, и реальности как тотальности осуществления).

В ходе так намеченной устремлённости и определяется «вопрошание» как центральная категория бытия. Вопрошание же конституировано открытостью (вот-бытия). Открытость не означает раскрытие мира вот-бытием (картины мира), но погружённость в него, «инобытие-в-мире». Последнее в открытости и изначальноном понимании настроено или расположено прежде всякого сознания как его прообраз, имеющий экзистенциальную структуру проекта (*Entwurf*). Но в этом «забвении сознания» утрачивается существо ранее допущенного, лишь при помощи сознания связавшего вот-с (его же) бытием. Актуализируется в этом различие «открытости» всякого погружённого в мир живого и человеческой погружённости в её оснащённости «изначальным» пред-пониманием. Оно как до-предикативное мимоходом устраняет барьер между переживанием и сознанием, живым и человеческим, не задерживаясь на этом фундаментальном переходе-к-миру. «В понимании экзистенциально заключён спо-

соб бытия вот-бытия как возможности-бытия (*Sein-können*). Вот-бытие не есть нечто наличное, которое в придачу обладает ещё способностью нечто мочь, но оно первично есть возможность-бытия (*Möglich-sein*)» [15, с. 143]. Но чем обусловлено первичное-есть, помимо нехватки-бытия? Что обуславливает бытие-восприятие сознанием, если не врождённые (смутные) идеи бытия, полноты «возможного» (осуществления)? «Так есть», имплицитно вот-бытие конституирующее, «изначально» вменившее ему всё то, что служило в менее продвинутых реконструкциях лишь предметом уяснения (анамнез невольно подразумевается открытой структурой такого вот-).

Звеном бытия, обусловившим вовлечение заинтересованности в посюстороннее (телесно-ориентированное), выступает «забота».

Переопределяя вот-бытие к «заинтересованности», Хайдеггер выдвигает в её центр «заботу» в единстве бытия-в-мире, вперёд-себя-бытия и бытия-при-внутри-мировом сущем. Так, «Забота как изначальная структурная целостность экзистенциально-априорно предшествует всякому фактическому "поведению" и "положению" вот-бытия... Феномен заботы поэтому отнюдь не выражает приоритета "практического" отношения перед теоретическим... "Теория" и "практика" суть бытийные возможности сущего, чьё бытие следует определять как заботу (следует акцентировать "изначальную структурную целостность" заботы в "единстве бытия-в-мире, вперёд-себя бытия и бытия-при-внутри-мировом сущем"; забота изначально вобрала проективное вот-бытие, первично представленное сущностью в вот-, заместив прежнее (наличное) *Ego*; но попутно она вместила "единство трёх родов бытия", которое остаётся "развернуть" во времени, сопоставив с расхожими трактами "прошлого, настоящего, будущего"; однако "стремление", не опираемое на онтологию различия в позитивной акцентировке, не может быть внутренне дифференцировано на то различие (в отношении бытия), что позаимствовано из "расхожего", но ещё имплицитно укрыто в оболочку "пока, ещё, всегда" и пр. *Д. С.*)» [15, с. 193]. В хоре «вот-бытия» явственно звучат ноты «так-есть». Потому «Настоящее не замкнуто, оно трансцендируется в будущее и в прошлое, моё мгновение сейчас никогда не есть, как говорит Хайдеггер, на-стойчивость, бытие включённое в мир, но экзистенция или, ещё, экстаз. В конце концов, лишь потому, что я

есть открытая интенциональность, я есть временность». Я временен, поскольку я неотделим от времени, «изначально» включён в него «и есть» время (кажется, из подобного синкретизма время-моего-я видится не слишком отчётливо. Д. С.) [6, с. 112].

Я не есть я, но нечто иное; но в данном обосновании времени- темпоральности отчётливо звучат нотки тавтологии; то я, которое в инновации похоронено (подлежащее, субъект, эго) выступает в этой конструкции логическим и абсолютно необходимым основанием, с тем обнажая негативизм новаций.

Отвергнутый субъект «сохранён» в «заброшенности», вновь и вновь проявляясь в конституции «настоящего», в его «падении», «обречённости» вещам, существу, будущему как «проекта» [1, с. 403].

Между тем чистое вот-бытие не размечено разнородностью у-стремлений (напротив, укреплено единством «заботы»). набросок, как и бытие-при-сущем, единство бытия в мире, заимствованы из «расхожести» и препятствуют тематическим реконструкциям бытия-единства, не приведённого в ясную связь с «наброском»; вне его «единство» укореняется в субстанции, и даже в ней сохраняет связь с императивностью негативного предопределения (все упомянутые категории отрицают изначальное вкупе с историзмом; время не обладает историей, история не заключает генезис времени). Вот-бытие дано не (только) в устремлении-к-бытию; так-есть изначально изоморфно ему и уже-всегда-есть-бытие (в само-устремлённости в своё-иное); но «всегда» огранено человеком и историей; проблема «начал» таким образом целиком опущена, тем самым выход за пределы так-есть наглухо перекрыт, начиная с окна прошлого, в котором «всегда» должно разбиться о непрозрачность материи, животности и эволюции и вместить вот-бытие в несущественность вот-, его поглощённость бытием поистине тотально-человеческим (родовым).

Обсуждение результатов. Забота – «изначальная структурная целостность» съела человека подобно библейской субботе. Всё же овца соответствует возведённому в большей мере. Но порядок конституций «человека беззаботного» (*homoludens*; «*Homoeostanimalrationale, mortale, risuscapax*») обделён вниманием. Между тем «озабоченному» нечего и незачем нечто противопоставлять бытию, поскольку сам он и есть оно (в том числе в форме времени). Дифференциация возникает в том случае, в котором вот- есть что противопоставить бытию (идею,

инобытие), помимо «стремления» (которое должно из чего-то изойти и оттолкнуться); логический анализ построений Хайдеггера ведёт к неизбежной тотальности времени-бытия как вечности-истины. Но в предлагаемом ипостаси времени взяты целиком из расхожего, суть инструментальные опции заботы с пропущенным временем-бытием.

«Время-бытие» целиком собирается из стремления, каковое в сущности представляет институты временения; «время» вне себя в само-устремлённости ничем более не задано.

Так подготавливается презумпция временности; утверждается, что лишь из «временности» становится понятной расчлennенная структурная целостность *Dasein* как «заботы». Каждый из моментов заботы отнесён к определённому «модусу времени» (в истинном): «бытие-всегда-уже в мире» представляется прошлым, «забегание-вперёд» – будущим, «бытие-при-внутримировом сущем» выступает формой настоящего. Но если вот-бытие при-открывает мир (бытие-фундаментальную реальность), необходимо в его (обособленном) строении раскрыть порядки раскрытия и из них и их необходимости воссоздать «время» в неравенстве реальности – миру, в дистанции, удерживающей мир и «вот-бытие» от их слияния в автономии.

«Если временность составляет изначальный бытийный смысл вот-бытия, для этого сущего в его бытии речь идёт о самом бытии, то заботе должно требоваться "время" и тем самым она должна считать с помощью "времени". Временность вот-бытия создаёт "счёт времени". Опытное узнаваемое (*erfahren*) в этом счёте "время" есть ближайший феноменальный аспект временности. Из неё вырастает повседневно-расхожее понимание времени» [15, с. 235].

Здесь конструкция «если... то» придаёт выводу вид логически-обусловленного; но, вообще говоря, «потребное» (эмпирическое) время возникает спонтанно, не будучи связано с «подлинным» как «онтологическим смыслом заботы» [15, с. 323]. В такой связи невозможно понять, что отделило подлинную временность в её конечности и смысловой целостности от «ортодоксальной» в её механическом счёте (необходимости расходования – энергии, жизни, субститутов времени; в повседневно-расхожее помещено «опытно-узнаваемое»; но разве оно не включает в себе отпечаток «бытия-к-смерти» в понятиях «траты» и «растраты»? И нельзя ли отнести их неузнанность на счёт близости фундамен-

тального бытия к так-обозначившемуся трюизму?).

В этом пункте идеализм Хайдеггера высвечивается под новым углом: до него производимые реконструкции связывали «время» с «мерой движения»; не отвлекаясь на достаточно прояснённый вопрос различий в таком отношении классиков (в частности [1]), отметим, что новаторство Хайдеггера в этом пункте заключается в беспримерном идеализме «изначального», каковое в себе и само-отношении самодостаточно. Сущее в отношении к иному (сущему же), в том числе пресловутом «движении», опирается на прообраз, но рождает в счёте иное (опытное) время (различия изначального и счётного времени в очередной раз скорее фиксированы, нежели объяснены; однако то, что счёт «требует (чувства) времени», не свидетельствует о том, что изначальное время вышло из иного источника; уже Платон и Аристотель утверждают, что в таком просчитывании время возникает, правда, подразумеваемая субстанцию считывания, душу).

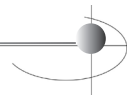
Хайдеггер, утверждая, что «Временность "есть" вообще не сущее. Она не есть, а временится» [15, с. 328], отсылает с тем к исходным априори, не эксплицируя смысл «фактичности падения» (эмпирической временности) и его причины. Но если учесть генезис «заботы», это чревато изменением смысла «подлинности», каковая может оказаться производной от подсобной «потребности» в счёте. Подобный метаморфоз оправдан «преодолением механистичности» расхожее «подсчёта»: «...именно потому, что в озобо-чении Забота стремится сжаться в "актуализации" и свести на нет своё отличие от ожидания и удержания, "теперь", изолированное таким образом, может быть представлено в качестве абстрактного момента» [8, с. 78]. Забота вынуждена «стремиться» ко времени и сводить на нет своё (существенное) отличие от него. Хайдеггер пропускает здесь то, что хотя «временность... не есть, но временится», но *есть* как «фундаментальная реальность»; в результате время характеризуют два фундаментальных знака. «Проблема... в том, как из конечной подлинной временности возникает неподлинная... Только потому, что изначальное время конечно, „производное“ может временно как бесконечное» [15, с. 330–331]. Некоторые расширения могло бы привнести робкое указание на фактические обстоятельства начал; в попытке произвести время из самого себя монизм Хайдеггера рождает сложное расщепление времени на

«истинное» (познание истины) и расхожее (привычное в плане сопровождения-заботы). Не вдаваясь в подробности, отметим временность времени априорно-умозрительной осмысленности. Но исходным пунктом «мерности» выступает не абстракция «бесконечного времени», но *-действие*, обращённое к- и отражённое в ином-противодействии. В этом танце (*противостояния*) и возникает образ уместного – изначального, из следования нити идеально-статуарного целиком выпавший (успеть и успешность в их онтологии).

Темперированный абрис – не единственное, отделившее «вот-бытие» от счёта времени (см., в частности [4; 11; 13]). В круг изначальности не введены нити содержательной обусловленности; монизм идеализации включает тем самым недопустимый пропуск предмета (подлежащего). «Изначальное» обнажает изначальный же пробел (рефлексии): беспредметность мотива/стремления, чудным образом удовлетворяемую предметно (сбыаемую).

Между тем вот-бытие применяет меру времени прежде всего не к себе в стремлении к (своему) бытию, но к иному как ему под-опытному; изначальность же среди прочего это «под-» упускает, погружая бытие в «изначально-сущее». Данный пропуск скрывает «изначально-конечную временность» в её конституирующей как фундаментальную реальность функции, подменяя её изначальным бытием-стремлением к-смерти (поскольку бытие-фундаментальная реальность «извечно»).

Вот-бытие стремится к осуществлению, и эта устремлённость принята за время; но в устремлённости не разделены акт-слияния (озарение, откровение и пр.) и акт-осуществления (воплощения); пропуск пропуска (субъекта-вот) укрылся на время в гомогенном стремлении, но не исчез, вкупе с целым тотального обоснования (объекта предметом как природой, другим, Другим). И ближайшим раскрытием недостающего выступает пропуск заботой Другого как фундамента онтологического обстоятельства, предшествующего *Lebenswelt*. В «вот» вот-бытие осуществляется в меру вытеснения-ассимиляции другого (вот-), и это осуществление не введено в онтологическую конструкцию (вот-со-бытия – с другим и с Другим). «Временность, т. е. конечность человеческого существования, есть основа его историчности, в которой имеет свой базис фактическая, эмпирическая история» [1, с. 17]. «Конечность» (бытие-к-смерти) возникает в рассуждении во

вне-исторической форме обречённости человека «законам природы»; вместе с тем на исторической сцене «смерть» проявляется в форме внешнего воздействия, конкретной угрозы, каковая действительно есть «основа историчности», но не в ракурсе безусловного закона, а в установке на инициацию «духа» (ощущение присутствия какового (сакральное) следует предпослать «изначальному») в предстоянии-отражении нависающей внешней угрозы (бытия-другого-рода) и воодушевления-противостояния-ему-как-наступающему-грядущему).

Из принципиальных несостыковок вытекают более частные; так, «теперь» определено заботой, обустроивающей тактику жизни в её повседневности. Механизм временения (в структуре «теперь») ближайшим образом наследует Гуссерлю. «...если... чистый синтез осуществляет рекогносцировку, то это означает: он разведывает не сущее, которое он может выносить вперёд себя как равное себе, а горизонт возможности вынесения вперёд себя вообще. Его разведывание в качестве чистого есть изначальное образование этого «вперёд» (*Vorhafen*), т. е. будущего» [14, с. 163]. Подобное вынесение напитано аналогами постигающего сознания; реальная же рекогносцировка служит подсобным и второстепенным моментом «утверждения будущего» в сбывании про-явленного-в-откровении. Таковое, следовательно, конституирует вот- в его уже есть-в-бытии, но ещё-не реализации (виртуальном со-держании). Разведывание же вторично и восстанавливает пропущенный локус наступления-инобытия (как в сущности конституирующий «наступающее»).

Во многом аналогичны претензии и к следующей сентенции: «Временение не означает "последовательность" экстазов. Будущее не позднее прошедшего, прошедшее не раньше настоящего» [15, с. 18]. Но Хайдеггер не проходит путь их различения до конца, играя на пороге аналогии счётных и референтных рубрик; совершенно понятно, что представления о времени, как прошлое, настоящее, будущее, не следуют друг за другом; но это не решает проблемы соотношения со структурой референции-идеала, упомянутое пре-следование обуславливающей. Между тем настоящее утверждает подлинность, сбываясь, с тем вытесняя иное. Рубрики ближайшим образом делятся, со-полагая структуры идеального и реального (времени), как и их переход-обращение (реализм метода в знании и реалистичность воли в ней самой).

Так пред-очерчивание мерности в изначальном акцентирует в нём упорядоченность диспозиции *Χρόνος*. Феноменология придаёт ей симметрию в облике *qualiti*, указывая на иной исходный пункт (событие/со-бытие). Событие же как центральный пункт вот-бытия предстаёт не рассмотренным перекрестьем вертикали бытия-рода (рода бытия) и горизонта столкновения родов бытия, *αὐτόν*; лишь в подобном перекрестье вот- обретает определённую со-бытия «конца» (соприкосновения как и взаимопроникновения) и «начала» (из медианы кульминации).

Но поиск смысла вот-бытия осуществляется на пути, странным образом от предшествующих рассуждений оторванным, и опирается на понятие смерти в биологической (бытийной) расположенности. «В смерти вот-бытие не завершено, не просто исчезло, уж тем более не закончено.<...> Подобно тому как вот-бытие, напротив, постоянно, пока оно есть, уже есть своё ещё-не, так есть оно всегда уже свой конец. Подразумеваемое смертью окончание означает не законченность (*zu-Ende-sein*) вот-бытия, но бытие к концу (*Seinzum Ende*) этого сущего. Смерть есть способ бытия, который вот-бытие берёт на себя, как только оно есть» [15, с. 245]. Предпосылка, обуславливающая «время» весьма банальной тратой (времени же) жизни. Вот-бытие, в очередной раз из рамок вот- конструируемое, вновь обретает смысл в само-определении (или в его преодолении), иначе в трюизме «живём вместе, умираем поодиночке», и вопреки философски-очевидному: «Поэтому смерть в большей степени затрагивает продолжающих жить, чем умерших». Со ссылкой на Эммануэля Левинаса: «Но страшит не моё собственное бытие, а небытие любимого... То, что мы называем несколько девальвированным словом "любовь", означает прежде всего тот факт, что смерть другого действует на меня сильнее, чем моя собственная» (*La mort et le temps*. Paris, 1991. P. 121) [9, с. 44–45].

Одиночество перед лицом смерти устраняет актуальность бытия-к-смерти; между тем таковое предстаёт исторически-обусловленным содержанием (абстрактного) стремления в категории политического.

Стоическое спокойствие перед лицом непрестанного наступления смерти не выдержано, впрочем, в законности, и дано в императиве. «Присутствие» не погружено в вот– «из будущего, обеспечивая трагическую позицию принятия гнета бытия». Вот-бытие, по мысли Хайдеггера, может покинуть бытие,

раздавленное перманентным ужасом надвигающегося конца. «Бытие к смерти есть сущностно ужас» [15, с. 266].

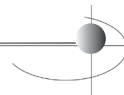
Но если ужас и выступал повивальной бабкой человечности, то в родстве с изумлением (вопрошанием), и породив ребёнка, разрешившегося от бремени бытием-в-мире. История представляет историю людей, от предопределённости (себя) освободившихся и в мире действующих (от гнёта) свободно, но прочно связанных с бытием условий освобождения, предопределённостью свободы в её изначальном, имеющем исторически-определённый образ экстаза не-абстрактного (метафизического), но конкретно – священного: «На это обратили внимание Хайдеггер и его последователи Больнов и Шмитц, которые в своей феноменологии житействования определили экзистенцию как постоянное ожидание послания: “смертные живут, поскольку ожидают послание от божеств”» [9, с. 44]. Всё же упомянутое внимание не сказалось прямо на общей конструкции онтологии, хотя: «В этом же самом раннем лекционном курсе Хайдеггер даёт краткое толкование “принципа всех принципов”, который обнаруживает выявленный выше *онтологический смысл* положения “феноменология – это ‘Как’ исследования”, и этот смысл является по существу *сакральным*. Этот принцип, утверждает Хайдеггер, “не теоретической природы, даже если Гуссерль этого и не говорит. Это первичная интенция истинной жизни вообще, изначальная установка переживания и жизни как таковой, абсолютная, тождественная самому переживанию *симпатия жизни*”» [5, с. 35]. Здесь не место вдаваться во все перипетии данного толкования; отметим лишь, что оно даёт иной очерк бытия-к-смерти в его имманентной связью с со-бытием и конкуренцией родов (бытия; как показал автор в ряде работ, пафос и «нуминозное» предопределяет возможность родового бытия как единственно-человеческого (бытия-единства).

Заключение – выводы. Заброшенность, обречённость, разобщённость, или случайное привнесённое «единство» под сенью исторических призраков – поздние отпрыски упомянутой симпатии. «История всякий раз делается на основе решения, подлинность ко-

торого исходит из бытия-свободного-к-смерти и из связи, которую это решающее решение – если брать термины Хайдеггера – создаёт между индивидом и общностью (*Gemeinschaft*) народа (*Volk*)... Хайдеггер называет это подлинное в общности с Народом бытие-с судьбой. Речь не идёт ни об общности человечества, ни о всеобщей истории – которая, согласно Хайдеггеру, суть лишь пустая болтовня, – но об общности народа и подлинном воспроизведении жизни прежних героев» [4, с. 138–139]. Подобные сентенции, впрочем, не обретают связи с фундаментальными уложениями симпатии, связав прочие и отчасти поэтические инвективы с «сакральным» (в форме бытия-к-смерти) неясным образом: «Мировая ночь распространяет свой мрак. Эта мировая эпоха определена тем, что остаётся вовне бог, определена “нетостью бога”... Нетость бога означает, что более нет видимого бога, который неопровержимо собирал бы к себе и вокруг себя людей и вещи и изнутри такого собирания складывал бы и мировую историю, и человеческое местопребывание в ней. В нетости бога возвещает о себе, однако, и нечто куда более тяжкое. Не только ускользнули боги и Бог, но и блеск божества во всемирной истории погас. Время мировой ночи – бедное, ибо все беднее. И оно уже сделалось столь нищим, что не способно замечать нетость бога» [16, с. 265]. Проникновенные строки с несомненностью указывают на то, что некогда «видимый бог» был, «неопровержимо собирая к себе» и «вокруг себя» людей и вещи, и изнутри этого собирания складывал мировую историю и человеческое местопребывание в ней; но если это так (а это, безусловно, так вне зависимости от коннотации термина «был» (и его подстилающего бытия); но и в мало к чему обязывающей «психологической интерпретации» бог (боги и демоны) «были», «собирали» и действовали), то из этого и следует исходить в онтологии. Но этот безусловный зачин не принят к рассмотрению, в какой связи «изначальное» Хайдеггера не разорвало родовой связи с феноменологией сознания-я, в какой связи изначальное время-бытие, устремлённое к своему-вот, не оперлось на *Lebenswelt* сакральной «симпатии», укрывшись в ледяном кристалле сознания.

Список литературы

1. Гайденок П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.
2. Гольдман Л. Лукач и Хайдеггер. СПб.: Владимир Даль, 2009. 293 с.

3. Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 489 с.
4. Дальхауз К. К. временной структуре музыки / пер. с нем. и коммент. С. М. Филиппова // Феноменология и герменевтика искусства (Музыка – Сознание – Время). Пермь: ПРИПИТ, 2003. 295 с.
5. Куренной В. «Сами вещи» Мартина Хайдеггера // Исследования по феноменологии и философской герменевтике. Минск: ЕГУ, 2001. 156 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Феноменология. СПб.: Лаборатория метафизических исследований филос. факультета СПбГУ: Алетейя, 2001. 160 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии. Сочинения. М.: Гос. изд-во полит. лит. 2-е изд. 1955–1966. Т. 13. 655 с.
8. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская кн., 1998. 313 с.
9. Слотердайк П. Сферы. Микросферология. Т. 1. Пузыри. СПб.: Наука, 2005. 654 с.
10. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
11. Циммерман Б. А. Интервал и время // Композиторы о современной композиции: хрестоматия / сост. Т. С. Кюрегян, В. С. Ценова. М., 2009. 356 с.
12. Черняков А. Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высшая религиозно-филос. шк., 2001. 460 с.
13. Boulez P. Boulez on music today / Translated by S. Bradshaw and R. Bennett. Cambridge, Massachusetts: Harvard University press, 1971.
14. Heidegger M. Kant und das Problem der Metaphysik. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1951.
15. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1960.
16. Heidegger M. Holzwege. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1980.

Статья поступила в редакцию 14.10.2016; принята к публикации 10.01.2017

Библиографическое описание статьи

Спектор Д. М. М. Хайдеггер: необратимость времени-бытия // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 75–84. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-75-84.

David M. Spector,

*Candidate of Architecture, Associate Professor,
Moscow Institute of Architecture
(1, 3rd Cable St., Moscow, Russia, 111024),
e-mail: daspektor@mail.ru*

M. Heidegger: Irreversibility of Time-being

This article discusses the aspects of temporality in the light of Heidegger's philosophy. The most careful attention is paid to the being of being and the "primordial temporality". The critique in the first part of the article is methodological and is aimed at phenomenology positions, which are compared with those reliabilities of a historical nature that in principle do not fall into the circle of introspection. In particular, the interpretation of being in its phenomenological frame is compared with the dialectic of "social being" that precedes "here-" (subject) and historically creates it (the conditions of its possibility). Since this is so, the article questions the initial connection of here-being and consciousness-being as well as "aspiration" being, implicitly including non-deployed "time". The autonomy of hypothetical time, deduced from the circle of consciousness, leads to an ontological rupture with "concern"; the latter also does not rest on the foundation of being and is clothed in the forms of external circumstances. It naturally leads to the constitution of two forms of time, one of which is true (the cognition of being as consciousness being), while the other is "common" (not true). The speculative premise deprives "time" of a number of extremely significant predicates, including those caused by its dialogical and agonal character. The scientific novelty of the research lies in consistent summarizing the circumstances of the emergence of man as a social being. "Here," under which the prototype of the individual (of a separate being) is brought, tends to the commonality of being, but also recreates the latter in aspiration; being keeps "here" (subjectum) on the edge of falling through a series of arrangements, the general conditions of their being are time and space. Time in this connection acquires an understandable purpose and history that is radically different from the "history of consciousness being (being-consciousness)".

Keywords: being, here-being, consciousness, aspiration, being-towards-death, irreversibility, otherness

References

1. Gaidenko P. P. Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropeiskoi filosofii i nauke. M.: Progress-Traditsiya, 2006. 464 s.

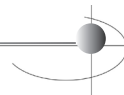

2. Gol'dman L. Lukach i Khaidegger. SPb.: Vladimir Dal', 2009. 293 s.
3. Gusserl' E. Idei chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kn. 1. Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu. M.: Dom intellektual'noi knigi, 1999. 489 s.
4. Dal'khauz K. K. vremennoi strukture muzyki / per. s nem. i komment. S. M. Filippova // Fenomenologiya i germenevtika iskusstva (Muzyka – Soznanie – Vremya). Perm': PRIPIT, 2003. 295 s.
5. Kurennoi V. «Sami veshchi» Martina Khaideggera // Issledovaniya po fenomenologii i filosofskoi germenevtike. Minsk: EGU, 2001. 156 s.
6. Liotar Zh.-F. Fenomenologiya. SPb.: Laboratoriya metafizicheskikh issledovaniy filos. fakul'teta SPbGU: Aleteiya, 2001. 160 s.
7. Marks K., Engel's F. K kritike politicheskoi ekonomii. Sochineniya. M.: Gos. izd-vo polit. lit. 2-e izd. 1955–1966. T. 13. 655 s.
8. Riker P. Vremya i rasskaz. T. 1. Intriga i istoricheskii rasskaz. M.; SPb.: Universitetskaya kn., 1998. 313 s.
9. Sloterdijk P. Sfery. Mikrosferologiya. T. 1. Puzyri. SPb.: Nauka, 2005. 654 s.
10. Khaidegger M. Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni. Tomsk: Vodolei, 1998. 384 s.
11. Tsimmerman B. A. Interval i vremya // Kompozitory o sovremennoi kompozitsii: khrestomatiya / sost. T. S. Kyuregyan, V. S. Tsenova. M., 2009. 356 s.
12. Chernyakov A. G. Ontologiya vremeni. Bytie i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya i Khaideggera. SPb.: Vysshaya religiozno-filos. shk., 2001. 460 s.
13. Boulez P. Boulez on music today / Translated by S. Bradshaw and R. Bennett. Cambridge, Massachusetts: Harvard University press, 1971.
14. Heidegger M. Kant und das Problem der Metaphysik. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1951.
15. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1960.
16. Heidegger M. Holzwege. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1980.

Received: October 14, 2016; accepted for publication January 10, 2017

Reference to the article

Spector D. M. M. Heidegger: Irreversibility of Time-being // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 75–84. DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-3-75-84.

УДК 81:1 (81:42)

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-85-90

Светлана Сергеевна Чистанова,*кандидат культурологии, доцент,**Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова**(655017, Хакасия, г. Абакан, ул. Ленина, 90),**e-mail:chistanovaSS@ngs.ru*

Концепт иллокуции в теории речевых актов Джона Остина

Статья посвящена лингвистической философии, а именно теории речевых актов Джона Остина. Объект исследования этой теории – акт речи, произнесённый в ситуации непосредственного общения. Все речевые акты Остин разделил на три типа действий: локутивные, иллокутивные, перлокутивные. Локутивный акт – непосредственно произнесение высказывания, иллокутивный акт – выражение чего-либо, перлокутивный акт – достижение определённого эмоционального результата. Остин попытался определить и классифицировать иллокутивные речевые акты, выявив иллокутивные глаголы. Причём иллокутивные глаголы должны употребляться с первым лицом единственного числа настоящего времени активного залога. Остин предложил классификацию иллокутивных глаголов в соответствии с иллокутивной силой: вердиктивы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы, экспозитивы. Остин не дал точного определения иллокутивного речевого акта и иллокутивных глаголов. Он описал иллокутивные речевые акты, собрал, классифицировал иллокутивные глаголы на английском языке. Это главный недостаток теории Остина – для каждого языка нужно давать собственное определение и собирать глаголы, что слишком примитивно по отношению к столь сложному объекту. Другим недостатком теории Остина является общий недостаток философских лингвистических теорий – их редко применяют на практике к анализу текста. Поэтому у теории Остина масса последователей из числа лингвистов. Автора статьи интересует возможность применения принципов теории речевых актов к анализу текста. Для анализа выбран гимн Хакасии – текст рекламного и историко-политического характера. Именно в рамках оксфордской школы появилась лингвистическая философия, изучающая особую «логику» функционирования обыденного языка.

Ключевые слова: философия языка, теория речевых актов, иллокутивный речевой акт, анализ текста, гимн Республики Хакасия

Вводная часть. Подобно многим лингвистам, разобравшись с суффиксами и артиклями, проанализировав слова и выражения, научившись работать с целыми текстами, автор данной статьи задумалась о том, почему то или иное высказывание мы обличаем в форму вопроса, повествования или приказа. Что за операции производит наш мозг за доли секунды, в течение которых мы решаем, какие именно языковые средства надо выбрать, чтобы достичь своей цели. И наконец, почему, несмотря на (казалось бы) точное следование правилам стилистики, не всегда и не все наши собеседники понимают нас правильно. Поиск ответов на эти вопросы привёл нас к аналитической философии, именно философы задались подобными вопросами раньше лингвистов.

Одной из форм аналитической философии выступает лингвистическая философия, появившаяся в Англии в середине XX века. Главным объектом лингвистической философии является обыденный язык, обыденное словоупотребление. Надо отметить, что в начале XX века лингвистическая мысль на-

ходила во власти идей структурной лингвистики, которая понимала язык как знаковую систему с чётко выделенными структурными элементами и стремилась к формальному описанию языка [6]. Это постепенно приводило к тому, что теоретическая лингвистика становилась всё более абстрактной, игнорировала сами языковые элементы, преувеличивая роль отношений между элементами системы. Именно в это время происходит всплеск интереса к искусственным языкам, эсперанто переживает «возрождение», всё шло к тому, что концепция языка могла развиваться в теорию знаковых систем. Но в 50-е годы XX века начался другой этап в изучении лингвистики, который совпал с линией развития лингвистической философии. Всё это привело к выделению и формированию прагматики как области лингвистических исследований, и важнейшую роль в этом процессе сыграла теория речевых актов Джона Остина.

Методология и методика исследования. Джон Лэнгшо Остин (1911–1960) – британский философ, получил образование в Оксфордском университете, где стал про-

фессором философии и работал до конца жизни. Дж. Остин радикально отвергает теоретическое познание, он пытается доказать возможность существования множества значений одного слова и показать возможности соотнесения этих значений. Его главная идея – создать модель анализа, которая позволит высказать действительную сложность мира, а не рассматривать его через призму заранее сконструированной теории.

Языковые ситуации, по Остину, самые сложные вещи в мире. Каждый речевой акт неотделим от действия, все фразы – это явные или скрытые призывы, побуждения, желания или приказы совершить какое-либо действие. При этом действие правильно и необходимо, если оно соответствует высказыванию. Пример Остина: положим, некто видит корабль на приколе, разбивает висящую на носу корабля бутылку шампанского о корабль и заявляет, что нарекает этот корабль «Товарищ Сталин». Налицо следующая ситуация: корабль не был назван и был совершён постыдный поступок. Можно возразить, ведь церемониал соблюден. На самом деле, действия этого некто были неуместны, т. к. у него не было права осуществить данное действие. Но даже если действие совершает человек, наделённый правом на его осуществление, то действие тоже не всегда уместно. Как в случае, если святой окрестил бы пингвина. Остин приходит к заключению, что при анализе обыденного языка нужно учитывать то, в каких ситуациях действия, совершаемые при помощи слов, уместны [4, с. 32].

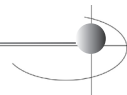
Умение соотносить речевые акты, конкретные обстоятельства и ситуацию приобрести совсем не просто, оно зависит от уровня владения языковой игрой в максимальном количестве её проявлений. Так, например, один из героев популярного сериала «Теория большого взрыва», физик-теоретик с интеллектом выше среднего, регулярно попадает в просак и вызывает негодование друзей, коллег и восторг зрителей отсутствием знаний об уместности своих действий в определённых обстоятельствах. Количество ситуаций, в которых уместно какое-либо действие, постоянно варьируется, всегда можно найти какой-либо особо трудный случай, и вся история человечества не сможет подсказать нам правильный ответ на вопрос об уместности.

Логичным представляется и отношение Остина к толковым словарям: толковый словарь показывает варианты употребления слова, но не даёт понимания его «значения».

Потому что «значение слова» существует только в предложении, т. е. в живом контексте языка. Он вводит понятия перформативного и констатирующего высказываний, в его трактовке это – развитие логических представлений о границе между осмысленными и бессмысленными высказываниями. Осмысленные и бессмысленные высказывания противопоставляются истинным и ложным. Критерии истины и лжи, по Остину, нельзя вывести однозначно по трём причинам: из-за множества языковых игр, из-за отсутствия правил языковой игры, из-за невозможности точно определить значение слова. То есть не нужно искать наиболее примитивное словоупотребление, нужно находить наибольшее количество различных словоупотреблений.

Результаты исследования. Эти идеи были преобразованы в теорию речевых актов, в целостном виде Дж. Остин изложил теорию речевых актов в курсе лекций, прочитанных им в Гарвардском университете в 1955 году, «Как совершать действия при помощи слов» («Howto do Things with Words»). Объект исследования в теории речевых актов – акт речи, произнесённый в ситуации непосредственного общения со слушающим. Все речевые акты Остин разделил на три типа действий: локутивные, иллюкутивные и перлокутивные. Сам Дж. Остин в лекциях не считает возможным дать точные определения этих понятий, даёт только примеры. Локуция: Он сказал мне: «Стреляй в неё!». Иллюкуция: Он настоял (посоветовал или приказал) мне её застрелить. Перлокуция: Он убедил меня её застрелить. Действие: Он добился того, что она убита. То есть мы сами можем определить, что локутивный акт – непосредственно произнесение высказывания, иллюкутивный акт – выражение чего-либо, отношения к цели, к условиям осуществления акта, перлокутивный акт – достижение определённого эмоционального результата [5, с. 94–107].

Соответственно, локуцией занимается семантика, перлокуцией – риторика, Остину и прагматике остаётся иллюкуция. Хотя сам Остин считает невозможным разграничить эти акты. Иллюкуция невозможна без перлокуции, а перлокуцию нельзя отделить от локуции. Остин попытался выявить отличительные признаки иллюкутивного речевого акта, это сделать достаточно сложно, не имея определения понятия, он приводит примеры: вопрос, ответ, информирование, уверение, предупреждение, назначение, критика, констатация. Остин считал, что для того чтобы определить и классифицировать иллюкутив-

ные речевые акты, нужно выявить все глаголы, обозначающие действия, производимые при говорении, которые можно использовать для объяснения силы высказывания, т. е. иллокутивные глаголы. Причём иллокутивные глаголы, по мнению автора теории, должны употребляться с первым лицом единственного числа настоящего времени активного залога.

После изучения словаря Остин предложил следующую классификацию иллокутивных глаголов в соответствии с их иллокутивной силой (всего в его списке тысяча иллокутивных глаголов), он называет их «классами употреблений»:

1) вердиктивы, любые суждения, решения (полагать *makeit*, понимать *understand*, описывать *describe*, анализировать *analyse*, характеризовать *characterize*, оценивать *rate*);

2) экзерситивы, выражение приказов, советов, влияния, проявление власти (назначать *appoint*, приказывать *order*, требовать *claim*, советовать *advise*, унижать *degrade*, называть *name*, давить *press*, выбирать *choose*, приговаривать *sentence*);

3) комиссивы, обещания, обязательства и намерения (обещать *promise*, поддерживать *espouse*, планировать *plan*, одобрять *favour*, брать на себя ответственность *undertake*, гарантировать *guarantee*, клясться *vow*, принимать *adopt*, побеждать *champion*, препятствовать *oppose*);

4) бегахитивы, установки социального поведения (извиняться *apologize*, благодарить *thank*, делать комплимент *compliment*, поздравлять *congratulate*, приветствовать *welcome*, хотеть *wich*, протестовать *protest*, оспаривать *challenge*);

5) экспозитивы, результаты обсуждений, доказательств, прояснение причин (замечать *remark*, упоминать *mention*, информировать *inform*, спрашивать *ask*, докладывать *report*).

Интересно отметить, что количество иллокутивных глаголов, о которых идёт речь, самим автором определяется как «10 в 3 степени», а не 1000, как написано в данной статье. Иллокутив таков: я полагаю, что таких глаголов от 0 до 999, а не около 1000. То есть класс употребления экспозитив. Перлокуция: автор подчеркнул научность своей речи. Впрочем, автор понятий при изложении своей теории указывает на неудобоваримость некоторых случаев и высказывает надежду на более свежую и совершенную классификацию. В случае с автором статьи результатом данного речевого акта было: Остин намекнул, что я не сильна в математике.

Ни в курсе лекций «Как совершать действия при помощи слов», где была изложена теория речевых актов, ни позже Остин не дал точного определения иллокутивного речевого акта и иллокутивных глаголов. Он описал иллокутивные речевые акты, собрал и классифицировал в первом приближении иллокутивные глаголы. Понятно, что всё это было сделано на английском языке. Это главный недостаток теории Остина – для каждого конкретного языка нужно давать собственное определение и собирать глаголы, проводя «простейший тест» на первое лицо единственного числа активного залога. Что с точки зрения современной лексикологии слишком примитивно по отношению к столь сложному объекту. Именно в этой форме иллокутивные глаголы аннулируют значение истинности всего предложения, и сами совершают действие. То есть если глагол этого не сделал, то он не иллокутивный. Другим недостатком теории Остина является общий недостаток философских лингвистических теорий – их редко применяют на практике к анализу текста. Поэтому у теории Остина масса последователей из числа лингвистов, многие предложили свои собственные оригинальные классификации речевых актов, некоторые даже пытались выявить языковые средства, выражающие речевые акты, например, Т. Баллмер и В. Бренненштуль. Они проанализировали и классифицировали 4800 глаголов английского языка [1]. Или А. Вежбицкая, издавшая семантический словарь английских глаголов речевых актов, в нём все глаголы разбиты на 37 групп [2].

В другом направлении была осуществлена формализация теории речевых актов и заложены основы иллокутивной логики – Дж. Серлем и Д. Вандервекемом. В рамках этого направления обсуждаются правила употребления выражений, пока ни одно правило (насколько известно автору) не сформулировано, но и дискуссия не окончена, хотя по одной из версий таких правил совсем не существует [8].

Ещё одним направлением развития теории речевых актов является создание модели речевого акта. Моделирование речевого общения занимает учёных до сих пор, предложено много разных моделей. Но самое большое влияние теория речевых актов оказала на теорию дискурса. Представители данной теории различают текст и дискурс, понимают под последним текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и т. д.)

факторами, т. е. дискурс – это целенаправленное социальное действие, участвующее во взаимодействии людей и механизмах сознания.

Обсуждение результатов. В рамках данной статьи, однако, нас интересует возможность применения принципов теории речевых актов к анализу конкретных текстов. Понятно, что в качестве самого простого вида текста для попытки подобного анализа стоит использовать тексты рекламного и историко-политического характера, т. к. они направлены, в первую очередь, на манипуляцию сознанием адресата, на формирование у него определённой перлокуции. Для анализа автором статьи был выбран текст гимна Хакасии. Несомненно, данный вид текста можно отнести и к рекламному, и к историко-политическому тексту. Тот факт, что официальный гимн Республики Хакасия был утверждён в начале 2015 года [7], позволяет нам смело предпола-

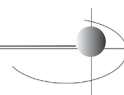
гать, что перлокуция, которую призван сформировать этот текст, актуальна, она отвечает современным политическим и социальным запросам общества. Текст любого гимна несёт в себе очень важную коммуникативную задачу, это один из государственных символов, его исполняют на всех официальных мероприятиях, т. е. государственный гимн показывает регион с самой лучшей стороны и, естественно, каждое слово в гимне, и даже их последовательность, имеет значение [9].

Надо отметить, что дискуссия вокруг текста гимна Республики Хакасия велась 8 лет. После объявления конкурса в 2007 году депутатам было представлено 2 варианта гимна Республики, причём оба текста с музыкой существовали задолго до конкурса, т. е. они создавались не по поручению Верховного Совета РХ, а в результате творческого порыва поэтов и композиторов. Приведём оба текста на русском языке.

<i>Вариант № 1</i>	<i>Вариант № 2</i>
Стихи: Владислав Торосов Музыка: Герман Танбаев	Стихи: Ольга Кривенко Музыка: Татьяна Шалгинова
Хакасия, край мой, на юге Сибири, Там, где в Саянах шумит Енисей! Чудо природы, ты лучшая в мире! Создана Богом на благо людей! Хакасия! Тобой восхищаюсь, Глядя на горы, тайгу и поля. Воздухом Родины я наслаждаюсь, Силы даёт мне родная земля! Ты строишь заводы, плотины возводишь, Сеешь хлеба и разводишь коней, Недра вскрываешь, дороги проводишь Руками чудесных твоих сыновей! Гордится держава тобою, кипучей, Хакасия – дружных народов семья! Мужай и цветы, край мой могучий! Частица России, Отчизна моя! Хакасия! Тобой восхищаюсь, Глядя на горы, тайгу и поля. Воздухом Родины я наслаждаюсь, Силы даёт мне родная земля! Ты строишь заводы, плотины возводишь, Сеешь хлеба и разводишь коней, Недра вскрываешь, дороги проводишь Руками чудесных твоих сыновей!	Шёпот тайги, запах степей, Море жарков, крик журавлей. К сопкам летит песня моя, Всё о тебе, Хакасия! Край белоснежных саянских вершин, Древний и юный, ты в мире один! Солнцем согреты просторы твои, И в поднебесье кричат журавли! Мой маленький остров Добра и Любви! К тебе возвращусь я хоть с края земли! Твой ласковый голос, как звон серебра, Хакасия, край мой Любви и Добра! Эта земля – дом наш родной Связаны мы единой судьбой. Пусть обретёт счастье навек Каждый живущий здесь человек! Хакасия, край мой Добра и Любви! Живут здесь, как братья, народы твои! Трудом, созиданьем прославим тебя, Хакасия, край мой, родная земля! Хакасия, край мой, святая земля!

Итак, локутивный речевой акт есть, следует выявить иллокутивный: что хотели выразить авторы каждого варианта. Если верить Остину, то каждое высказывание – это явное или скрытое побуждение, намерение, призыв совершить какое-либо действие. Зна-

чит нужно выразить это намерение, используя иллокутивные глаголы. На первый взгляд, логичным кажется использовать вердиктивы, т. е. глаголы, которые выражают осуществление суждения, но, ещё раз прочитав объяснения Остина о сравнении видов иллокутивных

глаголов, будем использовать экспозитивы, т. к. именно этот класс употреблений используется для прояснения причин.

При попытке найти нужный иллокутивный глагол сразу возникает трудность следующего плана: иллокутивный глагол – это всегда глагол конкретного языка с его конкретной грамматикой и лексикой, в тоже время речевой акт – лингвистическая универсалия. Мы не можем просто взять глагол из списка, предложенного нам исследователем другого языка (например, Остином) и применить его к конкретному тексту. Следующая сложность – невозможность подобрать иллокутивный глагол для всех речевых актов. Лингвисты предлагают свой выход из этого затруднения – разложить иллокутивный речевой акт на элементарные компоненты, и уже из них можно сложить смысл любого высказывания. Но мы пойдём другим, более простым путём (мы же только рассматриваем возможность применения принципов теории речевых актов к конкретному тексту), предложенным филологами-русистами, они предлагают использовать глагол *говорить/сказать* как универ-

сальный. Итак, используем глагол *говорить*, имея в виду, что это экспозитивный глагол.

Заключение

Иллокутивный речевой акт варианта № 1	Иллокутивный речевой акт варианта № 2
Я говорю, что Хакасия – моя родина с красивой природой, развитой промышленностью и сельским хозяйством, часть России, где живут люди разных национальностей	Я говорю, что Хакасия – древний и в то же время молодой регион с красивой природой, где все живут в любви, по Хакасии я скучаю, когда нахожусь за её пределами

После того, как мы определили иллокутивный речевой акт, становится ясно, чем призывают нас гордиться авторы обоих текстов, и какой из вариантов гимна уместен, вернее, успешен.

Традиционно оксфордская школа рассматривается как периферийное направление в аналитической философии, но именно в рамках этой школы появилась лингвистическая философия, изучающая особую «логику» функционирования обыденного языка.

Список литературы

1. Баллмер Т., Бренненштуль В. Классификация речевых актов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/journals/> (дата обращения: 31.01.2017).
2. Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика / сост. и вступ. ст. Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой; общ. ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 251–275.
3. Никоненко С. В. Аналитическая философия: основные концепции. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 546 с.
4. Остин Джон. How to do Things with Words [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.michaeljohnsonphilosophy.com/wp-content/uploads/2013/04/austin-how-to-do-things-with-words.pdf> (дата обращения: 23.10.2016).
5. Остин Джон. Избранное / пер. с англ. Л. Б.Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.
6. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. 448 с.
7. Республика Хакасия обрела собственный гимн: новостная ст. с официального сайта правительства Республики Хакасия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.r-19.ru/news/politics/respublika-khakasiya-obrela-sobstvennyy-gimn/> (дата обращения: 29.10.2016).
8. Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт? Косвенные речевые акты. Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 151–222.
9. Чистанов М. Н. К вопросу о возможных интерпретациях исторического сознания // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 295. С. 95–98.

Статья поступила в редакцию 26.10.2016; принята к публикации 10.01.2017

Библиографическое описание статьи

Чистанова С. С. Концепт иллокуции в теории речевых актов Джона Остина // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 85–90. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-85-90.

Svetlana S. Chistanova,

*Candidate of Culturology, Associate Professor,
Katanov State University of Khakassia
(90 Lenin St., Abakan, 655017, Russia),
e-mail: chistanovaSS@ngs.ru*

Illocution Concept in Speech Act Theory by John Austin

This article focuses on linguistic philosophy, namely, the theory of speech acts by John Austin. The object of research of this theory is the act of speech uttered in a situation of direct communication. Austin divided all speech acts into three types of actions: locutionary, illocutionary, perlocutionary. A locutionary act is a spoken statement, an illocutionary act is an expression of something related to the purpose, to the conditions of the act, a perlocutionary act is the achievement of a certain emotional effect. Austin tried to determine and classify illocutionary speech acts by identifying illocutionary verbs. Illocutionary verbs should be used with the first person singular present indicative active form. Austin suggested the following classification of illocutionary verbs according to the illocutionary force: verdictives, exercitives, commissives, behabitives, expositives. Austin did not give a precise definition of the illocutionary speech act and illocutionary verbs. He described the illocutionary speech acts, collected and classified illocutionary verbs in English. This is the main flaw of Austin's theory: for each language it is necessary to give its own definition and collect verbs. It is too primitive in relation to such a complex object. Another flaw of Austin's theory is the general lack of philosophical linguistic theories: they are rarely used in practice to analyze the text. Therefore, the theory of Austin has plenty of followers among linguists. The author of the article is interested in the possibility of applying the principles of the speech act theory to the analysis of specific texts. For the analysis the national anthem of Khakassia is taken. It is a text of advertising, historical and political nature. It was within the framework of the Oxford school that linguistic philosophy emerged, studying the special "logics" of the functioning of everyday language.

Keywords: philosophy of language, theory of speech acts, illocutionary act, text analysis, anthem of the Republic of Khakassia

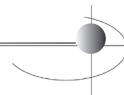
References

1. Ballmer T., Brennenshtul' V. Klassifikatsiya rechevykh aktov [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.cambridge.org/core/journals/> (data obrashcheniya: 31.01.2017).
2. Vezhbitskaya A. Rechevye akty // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika / sost. i vstup. st. N. D. Arutyunovoi i E. V. Paduchevoi; obshch. red. E. V. Paduchevoi. M.: Progress, 1985. S. 251–275.
3. Nikonenko S. V. Analiticheskaya filosofiya: osnovnye kontseptsii. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 546 s.
4. Ostin Dzhon. How to do Things with Words [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.http://michael-johnsonphilosophy.com/wp-content/uploads/2013/04/austin-how-to-do-things-with-words.pdf> (data obrashcheniya: 23.10.2016).
5. Ostin Dzhon. Izbrannoe / per. s angl. L. B. Makeevoi, V. P. Rudneva. M.: Ideya-Press: Dom intellektual'noi knigi, 1999. 332 s.
6. Pirs Ch. S. Izbrannye filosofskie proizvedeniya / per. s angl. K. Golubovich, K. Chukhrukidze, T. Dmitrieva. M.: Logos, 2000. 448 s.
7. Respublika Khakasiya obrela sobstvennyi gimn: novostnaya st. s ofitsial'nogo saitа pravitel'stva Respubliki Khakasiya [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.r-19.ru/news/politics/respublika-khakasiya-obrela-sobstvennyy-gimn/> (data obrashcheniya: 29.10.2016).
8. Serl Dzh. R. Chto takoe rechevoi akt? Kosvennye rechevye akty. Klassifikatsiya rechevykh aktov // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. M., 1986. Vyp. 17. S. 151–222.
9. Chistanov M. N. K voprosu o vozmozhnykh interpretatsiyakh istoricheskogo soznaniya // *Vestn. Tom. gos. un-ta*. 2007. № 295. S. 95–98.

Received: October 26, 2016; accepted for publication January 10, 2017

Reference to the article

Chistanova S. S. Illocution Concept in Speech Act Theory by John Austin // *Humanitarian Vector*. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 85–90. DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-3-85-90.

УДК 165: [159.922+159.96]

Анна Владимировна Ярославцева,*кандидат философских наук,**Новосибирский государственный медицинский университет**(630091, Россия, г. Новосибирск, ул. Красный проспект, 52),**e-mail: almarlis@yandex.ru*

Изменённые состояния сознания как инструмент контроля когнитивных процессов и состояний

В статье рассматривается одна из малоизученных функций изменённых состояний сознания (ИСС): контроль, регуляция когнитивных процессов и когнитивных состояний. Наличие данной функции отмечается в отдельных психологических, психиатрических, нейронаучных исследованиях. В современной психологии аддиктивное поведение связывается с изменёнными состояниями сознания. Целью аддиктивного поведения и, следовательно, изменённых состояний сознания некоторые исследователи считают структурные преобразования личности и когнитивной сферы с целью устранения психологического дискомфорта, снятия психического напряжения, то есть, иными словами, контролируемое сознанием, целенаправленную трансформацию психических процессов и состояний. В психиатрии выдвигалась идея экзистенциальной адаптации как основной функции изменённых состояний сознания, что также может быть интерпретировано в терминах направленных, контролируемых изменений когнитивной сферы для достижения прагматических (экзистенциальных) целей. На нейрофизиологическом уровне нейробиологические корреляты ИСС фиксируются в моменты перехода к новому функциональному состоянию когнитивной системы, затрагивают другие регуляторные, в том числе контролируемые физиологические процессы, системы организма. Изменённые состояния сознания «ответственны» за качественные характеристики (феноменальные содержания) опыта сознания. Творческие ИСС, согласно свидетельствам от первого лица, также служат цели контроля состояний психики и сознания. Таким образом, разнообразие когнитивных состояний, выражающееся в наличии множества доступных изменённых состояний сознания и основывающееся на естественной изменчивости сознания, предстаёт в качестве необходимого условия целенаправленной регуляции когнитивной сферы.

Ключевые слова: сознание, состояния сознания, изменённые состояния сознания, функции изменённых состояний сознания, когнитивные процессы, когнитивные состояния

Вводная часть. Тезис о том, что одна из основных функций сознания – регулятивная, является общеизвестным и общепринятым. При этом обычно речь идёт о регуляции поведения человека. Гораздо реже в учебной и справочной литературе можно встретить не менее оправданное утверждение, согласно которому регулятивная функция распространяется на когнитивные процессы (например, мышление) и когнитивные состояния, включая состояния психики и психические процессы [5]. Также общепринятой является констатация связи между регулятивной функцией сознания и способностью сознания к целеполаганию и оцениванию: сознание осуществляет контроль (регуляцию) поведения человека и когнитивных процессов и состояний преимущественно путём постановки целей и процедур оценивания.

Статья посвящена проблеме роли изменчивости сознания, которая находит своё выражение в дифференцированном множестве доступных состояний сознания, в осуществлении регулятивной функции.

Методология и методика исследования. В конце прошлого века отечественный эпистемолог И. П. Меркулов выдвинул тезис, согласно которому одной из когнитивных функций изменённых состояний сознания является контроль когнитивных состояний. Также он предложил описание «механизмов», благодаря которым опыт ИСС усиливает сознательный контроль психических состояний, мышления и т. п., то есть одну из важнейших функций сознания.

Эволюционная эпистемология, – направление, в рамках которого работал И. П. Меркулов, – разделяет основоположения теории эволюции, в частности, утверждение о том, что дифференциация является основой развития. Когнитивное разнообразие в рамках представлений о когнитивной эволюции – необходимое и достаточное условие когнитивного развития. Этот тезис подкрепляется указаниями на широкую представленность когнитивного разнообразия на биологическом и социокультурном уровнях. Когнитивное разнообразие может быть представлено внутри

одного и того же социокультурного контекста в форме доминирования у индивидов «правополушарного» и «левополушарного» типов мышления [6, с. 62]. Поскольку состояние сознания зависит от состояния когнитивной системы в целом, а также находит своё выражение в состоянии когнитивной системы, в этом случае получающие преимущественное распространение состояния сознания могут различаться [12]. И. П. Меркулов также отмечает, что люди мыслят оппозициями – минимальной, простой формой разнообразия [6, с. 48, 85], причём мышление оппозициями представлено не только в логике архаического мышления. Существует генетическая предрасположенность людей к выдвиганию бинарных альтернатив: «Оперирование оппозициями – это, скорее всего, устойчивый элемент бессознательной стратегии образного мышления, присущая ему особенность обработки когнитивной информации» [6, с. 86]. Источником когнитивного разнообразия и дифференциации с биологической точки зрения также является межполушарная асимметрия [6, с. 56]. Биологически обусловлено (поскольку проявляется у многих наиболее эволюционно близких к людям животных) удовольствие от изобретения нового, играющее огромную роль в увеличении многообразия культурных содержаний [6, с. 127–128]. Помимо перечисленного, среда обитания требует когнитивного разнообразия: необходимость творчества, варьирования когнитивных состояний и вытекающего из этого получения новых когнитивных результатов, вызывается, требуется быстрыми изменениями окружающей среды [6, с. 133].

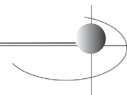
Существенная укоренённость когнитивного разнообразия в биологических структурах, сложившихся в ходе эволюции, и его представленность в обществах и культурах ставит перед нами вопрос о том, каким образом когнитивное разнообразие, выражающееся, в том числе, в спектре доступных изменённых состояний сознания, может оказаться условием контроля, целенаправленной трансформации когнитивных процессов и состояний.

И. П. Меркулов пришёл к выводу о том, что осознание негативных состояний, ситуаций и положений дел создаёт непосредственную угрозу жизни, здоровью и психике как современных, так и первобытных людей [6, с. 90]. Более того, контроль психических состояний, состояний сознания необходим именно формам жизни с высокоразвитой психикой и сознанием, поскольку среди мно-

жества доступных состояний далеко не все позволяют эффективно действовать и даже выживать. С точки зрения И. П. Меркулова, изменённые состояния сознания выступали в качестве постоянного и контролируемого источника положительных эмоций [6, с. 91–92], что являлось действенным инструментом контроля состояний психики и сознания.

Результаты исследования. Примечательно, что современные психологи несколько иначе интерпретируют функции изменённых состояний сознания, однако также приходят к выводу о том, что одной из функций ИСС является контроль состояний психики (и сознания). В современной психологии аддиктивное поведение связывается с изменёнными состояниями сознания, с одной стороны [7, с. 7], и с контролем психических состояний, направленным на устранение дискомфорта, – с другой.

Так, Д. Н. Долганов утверждает, что девиации в целом, как одна из форм когнитивного разнообразия дают возможность контроля психики в следующем смысле: аддиктивное поведение рассматривается автором как частный случай изменений в состоянии сознания (частный, поскольку гениев автор не относит к лицам с аддиктивными реализациями по причине социальной значимости результатов их деятельности). Тем не менее, общая парадигма такова: «В ходе аддиктивных реализаций фиксируются изменения не только на уровне личности, но и на уровне сознания, поскольку личностные особенности в определённой мере влияют на формирование сознания субъекта, предопределяя субъективное мировосприятие... в ходе аддиктивных реализаций вслед за деформацией личности происходит перестройка сознания и восприятия окружающей действительности... аддиктивная личность формирует принципиально новый когнитивный образ мира, который, представляя собой определённую информацию о внешнем мире, отражает явления сознания». Аддиктивное поведение он относит к «способам устранения психологического дискомфорта», «устранения... психического напряжения» [2, с. 27]. Долганов ссылается на работы новосибирского психиатра и психотерапевта Ц. П. Короленко, одного из основателей современной аддиктологии, и психолога Н. В. Дмитриевой, которые также считают, что аддиктивное поведение является одним из связанных с изменением состояния сознания средств для решения психологических проблем, устранения психологического дискомфорта [4].

Обсуждение результатов исследования. Сходное понимание изменённых состояний сознания находим в психиатрии. С. В. Дремов и И. Р. Семина отмечают, что изменённые состояния сознания можно рассматривать не только как негативный процесс. Именно маргинализация ИСС в психиатрии, их интерпретация в рамках клинической парадигмы привела к «неразработанности проблемы сознания в психиатрии» [3, с. 3]. Авторы отстаивают необходимость междисциплинарного подхода к сознанию, развития психиатрического понимания сознания «в русле общепсихологического и общепсихологического знания» [3, с. 4], – и выдвигают идею «адаптивности» изменённых состояний сознания. Экзистенциальная адаптация, – специфически человеческий способ приспособления, первичный и наиболее значимый план психофизиологической и социальной адаптации [3, с. 87], – базируется на естественной способности сознания изменяться. Способность сознания к изменению является способом преодоления экзистенциальных проблем. Психиатры часто сталкиваются с вызванными нарушением этой способности сознания экзистенциальными тупиками – результатами нерешённых экзистенциальных проблем. Аддиктивное поведение, в частности, «алкогольные эксцессы могут быть представлены в этом контексте как компенсаторный способ искусственного изменения сознания, который, однако, не способствует новым конструктивным самоидентификациям» [3, с. 94], – в отличие от «нормальной» и «естественной» изменчивости сознания.

В нейронауке также отмечается наличие функции контроля у изменённых состояний сознания. П. В. Хало, В. Л. Сахаров и Ю. М. Бородинский, исследуя пароксизмальную активность неэпилептических диапазонов в изменённых состояниях сознания, в конечном счёте приходят к выводу о том, что пароксизмальная активность мозга может быть рассмотрена как способ «оптимизации функциональных состояний человека и произвольной активации его резервных возможностей» [8]. Церебральные неэпилептические пароксизмы наблюдаются при генерализованных тревожных расстройствах, посттравматических стрессовых и дистимических расстройствах, экстернализованных тревожных расстройствах (в частности, обсессивно-компульсивном), – а также отмечались в исследованиях «творческих состояний, вызванных гипнотическим трансом», «психотехник циклического дыхания», парадоксальной

фазе сна, при сенсорной депривации, исследованиях феноменов «кожного зрения» и во многих других исследованиях необычных когнитивных состояний [8], – т. е. в очень широком спектре изменённых состояний сознания, что позволяет говорить о пароксизмальной активности как о корреляте упомянутых состояний сознания.

С другой стороны, исследования показывают, что пароксизмальная активность является «ЭЭГ-коррелятом перехода к новому функциональному состоянию, в частности, к состоянию активации резервных возможностей человека» [8], к новому функциональному состоянию мозга. Учёт феноменальных переживаний в отдельных случаях даже позволяет делать заключение о глубине функциональной перестройки организма: «В исследованиях П. В. Быкова не до конца понятна роль наличия переживаний кинестетической модальности на сессиях циклического дыхания. Можно предположить, что корреляция между повышением пароксизмальной активности с наличием переживаний кинестетической модальности на сессиях циклического дыхания говорит о более глубоких функциональных перестройках организма» [8]. Анализ локализации пароксизмальной активности позволяет делать заключение о масштабности и системности перестройки систем, регулирующих процессы, протекающие в организме в целом, которая оказывается, таким образом, неразрывно связанной с нейрологическими коррелятами и феноменальными проявлениями изменённых состояний сознания: при выходе из психотехнически индуцированного трансового состояния творческой активности «наблюдалось усиление α -пароксизмов в обеих затылочных областях, т. е. происходил перебор в хаотической деятельности мозга различных программ выхода из транса и формирование нового системогенеза, в результате чего мозг через пароксизмальную активность начинал работать в новом адекватном адаптивном режиме без функциональной латерализации. Центром этого процесса очевидно является гиппокамп с последующим вовлечением гипоталамуса, вместе они включают и регулируют нейроэндокринную и иммунную системы» [8]. Пароксизмальная α -активность также наблюдалась при переходе к рассматриваемому трансовому состоянию.

Одновременно мы сталкиваемся с изменёнными состояниями сознания, выступающими в качестве средств контроля состояний психики и сознания, не только в интерпрета-

циях ситуаций, требующих психологического или психиатрического вмешательства или в контексте специализированных нейрофизиологических исследований. Сон – известное всем людям ИСС – выступает в качестве достаточно хорошо изученного инструмента контроля физиологических состояний и состояний психики/сознания. Нарушение биологически предусмотренного цикла изменений состояний сознания путём чередования периодов сна и бодрствования ведёт к многочисленным соматическим (увеличивается риск возникновения сахарного диабета, ожирения, сердечно-сосудистых заболеваний) и когнитивным (от раздражительности и нарушений памяти до клинических форм депрессии) проблемам [13]. Из чего следует простейший вывод: естественные циклические изменения состояний сознания – важнейший механизм контроля физических и когнитивных внутренних состояний. Что, помимо прочего, никоим образом не противоречит утверждениям о том, что сон – источник положительных и поэтому ценных, священных, способствующих выживанию, сохранению и развитию общества и культуры эмоций [6, с. 95], но согласуется с ними.

Выходя за рамки психологии, психиатрии и нейрофизиологии с их специфическими предметными областями, мы обнаруживаем, что, в частности, «ощущение интеллектуального дискомфорта и даже состояние фрустрации, появляющееся в результате несогласованности перцептивных и вербальных репрезентаций, образного и речевого понимания, периодически могут возникать не только у детей, но и у взрослых – эти ощущения, в частности, нередко выступают побудительными мотивами творческих поисков учёных, поэтов и писателей» [6, с. 142] – и дают возможность контроля состояний сознания. Зачастую творчество, которое неразрывно связано со входением в ИСС [11], выступает механизмом контроля внутренних состояний. Подтверждения этому можно найти в отчётах от первого лица: так, в турне по Америке Джо Кокера и группы «Бешеные псы и англичане» Кокер как-то сказал: «Если бы я не был певцом, я бы, наверное, убил кого-нибудь. Потому что накипело...» (*“if I hadn't been a singer, I would probably have murdered somebody. Because the sort of amount of...”*), – на тридцать девятой минуте документального фильма “Joe Cocker – Mad Dogs and Englishmen (Live 1970)”. В данном случае творчество явным образом трансформирует и направляет «душевные порывы», которые в противном слу-

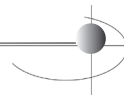
чае могли бы принять социально-опасную форму.

Состояние сознания – это не только состояние физических, химических, биологических аспектов когнитивной системы. Оно включает в себя и такой аспект, как феноменальные содержания сознания [12]. Затрагивая ситуацию творчества, нельзя не отметить такую особенность ИСС, как их способность выступать в качестве средства обогащения и моделирования феноменального опыта сознания, то есть в качестве одной из форм контроля, регуляции содержания опыта сознания.

Уже отмечалось, что изменённые состояния сознания в архаический период были основным источником когнитивного разнообразия феноменальных содержаний опыта сознания. Поскольку отличающиеся от обыденных квалиа воспринимались людьми как достоверные свидетельства о реальности (а не как, например, симптомы наличия «сбоев» в когнитивной системе), новая когнитивная информация, обретаемая в опыте изменённых состояний сознания, оказывалась источником формирования архаических форм мировоззрения и систем знания [10, с. 108–109].

П. А. Гордеев утверждает, что у членов общества есть потребность в новом [иррациональном] опыте, «необычных переживаний», – изменённые состояния сознания решают задачу удовлетворения этой потребности. Он также отмечает, что иррациональный опыт индивидуумов может быть «окультурен», обогатить человеческую культуру, – эта задача решается при условии институционализации ИСС. Таким образом, индивидуальная и социокультурная значимость опыта изменённых состояний сознания сводится преимущественно к обогащению феноменальных содержаний опыта сознания и пролиферации их объективированных (т. е. культурных) форм, – т. е. к функции модуляции и контроля содержания опыта сознания [1].

Согласно К. В. Шитихиной, принятие положений о том, что состояние сознания включает в себя феноменальные аспекты субъективного опыта, и о том, что они трансформируются вслед за изменением «причинно-механического контекста, в котором феноменальные содержания сознания вызываются» или «бессознательных механизмов репрезентации в головном мозге», опосредующие отношения между миром и сознанием, влечёт за собой в качестве вывода тезис, согласно которому получение новой информации – основная функция изменённых состояний сознания. Одновременно К. В. Шитихина

полагает, что в ИСС на основании предыдущего опыта происходит моделирование и разрешение ситуаций в субъективной реальности. Таким образом, речь идёт уже не только о контроле внутренних состояний, или о «решении научных и творческих задач», упоминаемых автором, но об адаптации к объективной реальности и когнитивном контроле объективно сущих ситуаций и положений дел [9], который в эволюционной эпистемологии рассматривается в качестве важнейшей, обеспечивающей адаптацию и выживание, функции сознания и когнитивной системы в целом [5, с. 53].

Заключение. Обобщая ранее изложенное, отметим, что рассматривая регулятив-

ную функцию сознания применительно к множеству ИСС, мы наблюдаем не только то, что делает сознание, но и как оно это делает, — изменяясь. В качестве одного из основных инструментов сознательного контроля, регулятивной функции сознания выступает изменчивость сознания, обеспечивающая контроль и целенаправленную трансформацию когнитивных процессов и состояний. Одной из функций изменённых состояний сознания оказывается модуляция, контроль, регуляция феноменальных качеств опыта сознания, состояний психики и сознания, с целью адаптации к естественной и социокультурной среде, её когнитивного контроля.

Список литературы

1. Гордеев П. А. Институциональное измерение изменённых состояний сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1: в 2 ч. Ч. 1. С. 61–64.
2. Долганов Д. Н. К вопросу о перспективах изучения системы личных конструкторов при аддиктивном поведении // Сиб. психол. журн. 2006. № 23. С. 27–32.
3. Дрёмов С. В., Сёмин И. Р. Изменённые состояния сознания: психологическая и философская проблема в психиатрии. Новосибирск: СО РАН, 2001. 204 с.
4. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Психосоциальная аддиктология [Электронный ресурс]. Новосибирск: Олсиб, 2001. Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/2243538/> (дата обращения: 25.08.2016).
5. Меркулов И. П. Когнитивная модель сознания // Эволюция. Мышление. Сознание. (Когнитивный подход и эпистемология). М.: Канон+, 2004. С. 35–64.
6. Меркулов И. П. Когнитивная эволюция. М.: РОССПЭН, 1999. 310 с.
7. Руководство по аддиктологии / под ред. В. Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007. 768 с.
8. Хало П. В., Сахаров В. Л., Боромянский Ю. М. Пароксизмальная активность и активация резервных возможностей организма [Электронный ресурс] // Инженерный вестн. Дона. 2014. № 4–2. Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/paroksizmalnaya-aktivnost-i-aktivatsiya-rezervnyh-vozmozhnostey-organizma> (дата обращения: 11.01.2017).
9. Шитихина К. В. Возможность получения информации в ИСС // Акад. вестн. 2011 № 3. С. 135–138.
10. Ярославцева А. В. Изменённые состояния сознания как эпистемологическая проблема. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 124 с.
11. Ярославцева А. В. Функции изменённых состояний сознания в культуре: творчество // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Филос. науки. 2016. Вып. 40, № 5. С. 69–74.
12. Revonsuo A., Kallio S., Sikka P. What is an altered state of consciousness? // Philosophical Psychology. 2009. April. Vol. 22, No. 2. P. 187–204.
13. Sleep disorders and sleep deprivation: an unmet public health problem / Committee on Sleep Medicine and Research, Board on Health Sciences Policy; Harvey R. Colten and Bruce M. Altevogt, editors. N. W.; Washington: The National Academies Press, 2006. 404 p.

Статья поступила в редакцию 28.01.2017; принята к публикации 26.02.2017

Библиографическое описание статьи

Ярославцева А. В. Изменённые состояния сознания как инструмент контроля когнитивных процессов и состояний // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 91–96.

Anna V. Yaroslavtseva,

Candidate of Philosophy,

Novosibirsk State Medical University

(52 Krasnyi Prospekt St., Novosibirsk, 630091, Russia),

e-mail: almarlis@yandex.ru

Altered States of Consciousness as an Instrument of Cognitive Processes and State Control

The article deals with one of the little studied functions of altered states of consciousness (ASC): control, regulation of cognitive processes and cognitive states. The presence of this function is noted in separate psychological, psychiatric, and neuroscience studies. In modern psychology addictive behavior is associated with altered states of consciousness. Some researchers consider that the aim of addictive behavior and, consequently, of altered states of consciousness is structural transformations of the personality and cognitive sphere to eliminate psychological discomfort, relieve mental stress, that is, in other words, a consciously controlled, purposeful transformation of mental processes and states. In psychiatry, researchers put forward the idea of existential adaptation as the main function of altered states of consciousness, which can also be interpreted in terms of intended, controlled changes in the cognitive sphere to achieve pragmatic (existential) goals. On the level of neurophysiology, the neurological correlates of ASC are fixed when there is a transition to a new functional state of the cognitive system, concerning other regulatory systems, including the systems that control the physiological processes of the body. Altered states of consciousness are "responsible" for the quality characteristics (phenomenal contents) of conscious experience. Creative ASC, according to the evidence from the first person, also serve the purpose of controlling the states of the psyche and consciousness. Thus, a variety of cognitive states, expressed in the presence of a multitude of accessible altered states of consciousness and based on the natural variability of consciousness, appears to be a necessary condition for a purposeful regulation of the cognitive sphere.

Keywords: consciousness, states of consciousness, altered states of consciousness, altered states of consciousness functions, cognitive processes, cognitive states

References

1. Gordeev P. A. Institutsional'noe izmerenie izmenennykh sostoyanii soznaniya // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Vopr. teorii i praktiki. 2014. № 1: v 2 ch. Ch. 1. С. 61–64.
2. Dolganov D. N. K voprosu o perspektivakh izucheniya sistemy lichnykh konstruktov pri addiktivnom povedenii // Sib. psikh. zhurn. 2006. № 23. S. 27–32.
3. Dremov S. V., Semin I. R. Izmenennyye sostoyaniya soznaniya: psikhologicheskaya i filosofskaya problema v psikiatrii. Novosibirsk: SO RAN, 2001. 204 s.
4. Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V. Psikhosotsial'naya addiktologiya [Elektronnyi resurs]. Novosibirsk: Olsib, 2001. Rezhim dostupa: <http://www.studfiles.ru/preview/2243538/> (data obrashcheniya: 25.08.2016).
5. Merkulov I. P. Kognitivnaya model' soznaniya // Evolyutsiya. Myshlenie. Soznanie. (Kognitivnyi podkhod i epistemologiya). M.: Kanon+, 2004. S. 35–64.
6. Merkulov I. P. Kognitivnaya evolyutsiya. M.: ROSSPEN, 1999. 310 s.
7. Rukovodstvo po addiktologii / pod red. V. D. Mendelevicha. SPb.: Rech', 2007. 768 s.
8. Khalo P. V., Sakharov V. L., Borodyanskii Yu. M. Paroksizmal'naya aktivnost' i aktivatsiya rezervnykh vozmozhnostei organizma [Elektronnyi resurs] // Inzhenernyi vestn. Dona. 2014. № 4–2. Rezhim dostupa: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/paroksizmalnaya-aktivnost-i-aktivatsiya-rezervnykh-vozmozhnostey-organizma>(data obrashcheniya: 11.01.2017).
9. Shitikhina K. V. Vozmozhnost' polucheniya informatsii v ISS // Akad. vestn. 2011 № 3. S.135–138.
10. Yaroslavtseva A. V. Izmenennyye sostoyaniya soznaniya kak epistemologicheskaya problema. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 124 s.
11. Yaroslavtseva A. V. Funktsii izmenennykh sostoyanii soznaniya v kul'ture: tvorchestvo // Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta. Filos.nauki. 2016. Vyp. 40, № 5. S. 69–74.
12. Revonsuo A., Kallio S., Sikka P. What is an altered state of consciousness? // Philosophical Psychology. 2009. April. Vol. 22, No. 2. R. 187–204.
13. Sleep disorders and sleep deprivation : an unmet public health problem / Committee on Sleep Medicine and Research, Board on Health Sciences Policy; Harvey R. Colten and Bruce M. Altevogt, editors. N. W.; Washington: The National Academies Press, 2006. 404 p.

Received: January 28, 2017; accepted for publication February 26, 2017

Reference to the article

Yaroslavtseva A. V. Altered States of Consciousness as an Instrument of Cognitive Processes and State Control // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 91–96.

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

CULTURE AND SOCIETY

DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-3-97-105

УДК 2-67

Юлия Викторовна Гаврилова,
кандидат философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru

Механизмы возникновения религиозного синкретизма¹

Процесс генезиса и эволюции религий характеризуется синкретизмом. Действию синкретизма подвержены как отдельные структурные элементы религий, так и религиозные системы в целом. Особое внимание автор уделяет исследованию синкретизма системообразующего элемента любой религии – религиозного сознания. Исследование направлено на выявление, изучение и объяснение механизмов возникновения синкретизма на индивидуальном и общественном уровнях религиозного сознания. В этих целях анализируются особенности функционирования психики и сознания человека. Выявление и изучение механизмов возникновения синкретических религий, связанных с активностью психики и сознания, осуществляется с опорой на основные положения философии сознания, на основе теории иерархического строения психики, разработанной Л. М. Веккером и обновлённой когнитивной теоретической модели религиозного сознания, созданной У. Жерве и Дж. Хенрихом. Анализ социокультурных механизмов религиозного синкретизма основывается на применении компаративистского подхода, позволяющего исследовать синкретизм в различных типах культур, а также выявить общие и особенные закономерности его распространения. Применение данной методологии позволило выявить ментальный механизм формирования религиозного синкретизма, действие которого заключается в особенностях репрезентации в момент перевода сознанием полученной информации с «языка образов» на «язык символов»; доказать значительную роль чувственного субъективного опыта человека в процессе синкретизма религий. На основе полученных результатов автор делает вывод, что ведущее место в процессе возникновения религиозного синкретизма отводится механизмам социокультурного характера, однако данный процесс невозможен без предпосылок и механизмов, связанных с работой психики и сознания человека.

Ключевые слова: синкретизм, механизмы, психика, сознание, когнитивные способности, ментальность

Вводная часть. На ранних этапах становления социума процессы конструирования и эволюции социальной реальности характеризовались синкретизмом. Начиная с первобытнообщинной эпохи синкретизм в понимании слитности, нерасчленённости, синтезированности разнородных структурных элементов, характеризовал явления и процессы духовного и материального бытия. Во-первых, синкретизм проявлялся на уровнях индивидуального и общественного

сознания, определяя особенности мышления и мировоззрения человека. Во-вторых, предметно-практическое освоение человеком действительности также было подчинено закономерностям функционирования синкретизма. Однако в ходе эволюции социума синкретизм сменился упорядоченностью однородных элементов и их строгой организованностью в структуре социальной системы. В результате содержание уровней индивидуального и общественного сознания, подобно

¹ Статья публикуется при поддержке государственного задания вузу Минобрнауки на тему «Социокультурные условия и индикаторы эффективности обеспечения социальной безопасности трансграничного региона современной России».

предметно-практической деятельности человека, приобрело свою специфику и дифференцировалось на соответствующие формы. Данное обстоятельство даёт основание некоторым исследователям считать синкретизм исключительно исторически первой стадией развития явлений и процессов [7; 10; 14]¹. Однако такой позиции исследователей противоречит факт проявления синкретизма на современном этапе развития социума.

В настоящее время синкретизм в духовной сфере приобретает общемировой масштаб и характеризуется высокой степенью интенсивности. Действием механизмов синкретизма оказались охвачены большинство религий современного мира, искусство, литература; появились и получили масштабное распространение идеи и учения синкретического характера. Особенно синкретизм затрагивает религиозные системы и приводит к утрате некоторых особенностей этноконфессионального сознания отдельных народов. Религиозный синкретизм «стирает», трансформирует формировавшиеся веками традиционные религиозные идеи, обряды, обычаи, либо заменяет их новыми, которые могут оказаться чуждыми для определённых социальных групп. В результате возможно обострение религиозных и даже национально-культурных противоречий, приводящих к социальным конфликтам. Однако необходимо отметить, что вектор воздействия синкретических религий на человека и общество обладает не только отрицательной направленностью. При определённых условиях взаимодействие разнородных религиозных систем вызывает стабилизирующие процессы в обществе, способствует информационному обогащению содержания индивидуального и общественного сознания.

Всё больше распространяясь территориально, религиозный синкретизм проявляется через синтез и интеграцию религий разной функциональной, стадийно-временной, этнонациональной, культурно-исторической специфики. В итоге синкретизм вызывает трансформацию религий современного мира – приводит к полной либо частичной гибели одних и формированию на их основе других, иногда внутренне противоречивых, но устойчивых религий.

Что же способствует возникновению возможности слияния, соединения воедино подчас полностью несовместимых и разно-

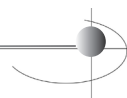
функциональных религиозных образов, идей, представлений и ритуалов? Что приводит к сохранению, укреплению и распространению религий синкретического толка? Такая масштабность и яркость проявления религиозного синкретизма на современном этапе развития социума может быть объяснена высокой активностью механизмов синкретизма религий, то есть действием комплекса социокультурных факторов и биопсихических предпосылок.

Большинство исследователей в качестве основ религиозного синкретизма определяют социальные, политические, экономические и культурные процессы. Среди учёных, считавших, что синкретизм религий порождён исключительно эволюцией культуры, межкультурным взаимодействием, а также развитием социально-экономических условий и социальной реальности в целом, необходимо назвать М. Элиаде, А. Тойнби, А. Б. Рановича, Н. С. Капустина, Н. В. Кокшарова, С. Н. Артановского и др. Так, например, А. Тойнби усматривал причину появления синкретичных религий в расшатывании и разрушении общественных установок в условиях социального кризиса и распада. Он отмечал: «...в области религии, так же, как и в области языка, искусства, манер или нравов, синкретизм является внешним проявлением внутреннего чувства всесмещения, рождающегося благодаря расколу в душе в эпоху социального распада» [11, с. 341]. В то время, как Н. В. Кокшаров в формировании синкретизма религий приоритет отдавал диалогу культур. Он писал: «... диалог культур невозможен без диалога религий и диалога внутри религий»². Под диалогом культур учёный понимает активное взаимодействие и взаимопроникновение культур и их компонентов. Таким образом, возникновение и распространение синкретизма религий определялось в качестве неотъемлемой части эволюции социальных и культурных процессов и подчинялось особенностям их функционирования.

Соглашаясь с исследователями в том, что синкретизм религий невозможен без процессов, протекающих в социальной, экономической, политической и культурной сферах жизнедеятельности общества, всё же необходимо отметить роль механизмов синкретизма, действие которых кроется внутри структурных элементов религий. Такие механизмы заключаются в религиозном сознании

¹ Веселовский А. Н. Три главы из истории поэтики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.az.lib.ru/w/weselowskij_a_n/text_0080.shtml/ (дата обращения: 18.01.2016).

² Кокшаров Н. В. Взаимодействие культур: диалог культур [Электронный ресурс] // CREDONEW. – 2003. – № 3. – Режим доступа: <http://www.credonew.ru/content/view/352/> (дата обращения: 28.04.2016).

и связаны с функционированием сознания индивидов. Наиболее чувствительным к проявлению синкретизма оказывается религиозное сознание – фундамент любой религии. Религиозный синкретизм обнаруживается, прежде всего, на уровне индивидуального религиозного сознания, а затем получает своё выражение и укореняется в общественном сознании. Следовательно, можно предположить наличие зависимости формирования и распространения религиозного синкретизма от закономерностей функционирования индивидуального и общественного уровней религиозного сознания. Это даёт возможность говорить о существовании определённых механизмов синкретизма религий. Прежде всего, такие механизмы следует искать в процессах развития и функционирования психики и сознания человека. Эти механизмы также могут концентрироваться вокруг психических процессов: восприятия, ощущения, переживания и пр. Ещё О. Шпенглер отмечал особую роль другого восприятия традиционных религиозных доктрин, видя в этом сущность и причину синкретизма религий. Он писал: «То, что история религий называет ныне синкретизмом, феномен, уясняемый негативно как разрушение статико-пластического богочувствования, понимаемый положительно, есть не что иное, как проявление магического чувства. Это – лежащий в основе другой картины природы новый принцип, иначе воспринимающий силы этой природы» [12, с. 273].

Роль психических процессов в ходе генезиса религий достаточно полно изучена современной наукой. Такие известные исследователи, как Т. Лоусон, Р. Макколи, С. Гатри, П. Буайе, Д. Спербер и другие, в попытках выявить психические, природные причины генезиса религий, разработали уникальные когнитивные теории происхождения религиозного сознания [13; 14; 16; 17]. Однако, детально исследовав роль когнитивных процессов в ходе зарождения религиозного сознания, данные учёные не ставили целью выявить механизмы религиозного синкретизма, охватившего практически все религиозные системы современного мира.

Необходимо отметить, что для продуктивного исследования генезиса синкретизма религий следует изучать его основания комплексно, то есть учитывая активность факторов, механизмов и условий различного характера, как социокультурного, так и «психобиологического». Например, Т. В. Бернюкевич, исследуя синкретизм и проблемы проявления буддийских идей в культуре России

конца XIX – первой половины XX века, справедливо отмечает, что изучение таких сложных и многогранных явлений и процессов требует системного, комплексного подхода. Она пишет: «Определяя особенности влияния буддийской философии на культуру России, нельзя не учитывать многоплановость этого воздействия, вследствие чего его анализ должен включать исследование многих философско-культурологических проблем, среди которых – вопросы формирования философской культуры России, куда органично входила проблема диалога “Восток – Запад”; проблемы изучения культуры как таковой и понимания “чужой культуры”, его способов и методов. Необходимо выявление социокультурных и исторически-конкретных условий, при которых происходило это влияние буддизма на русскую культуру» [1, с. 25–26].

Таким образом, существование, распространение и устойчивость религиозного синкретизма в современном мире возможно понять, изучая предпосылки, механизмы и факторы, его порождающие. Учитывая наличие оснований религиозного синкретизма разного характера и разной степени интенсивности, особое внимание необходимо уделить механизмам, связанным с работой психики и сознания индивида. Именно посредством работы психики и сознания возможно возникновение структурно сложных синкретических религий.

Методология и методика исследования. Психические механизмы возникновения синкретических религиозных систем, связанные с функционированием сознания индивидов, возможно исследовать, опираясь на основные положения философии сознания, а также применяя некоторые методологические принципы и теории когнитивного религиоведения.

Системообразующим элементом любой религии, в том числе и синкретической, является религиозное сознание. Поэтому механизмы возникновения синкретических религий, заключённые в особенностях функционирования психики и сознания человека, необходимо исследовать, опираясь на понимание сознания как единства биологического и социального, то есть представленного биологической формой и социальным содержанием. Биологическая форма сознания выражена активностью психики индивида, роль которой в ходе возникновения синкретических религиозных систем можно объяснить посредством изучения различных психических процессов. Среди них особое место принадлежит ког-

нитивным процессам, которые, согласно когнитивной науке, сложились в ходе эволюции человека. Как отмечают представители когнитивного религиоведения, эти механизмы имеют большое значение в процессе формирования религиозного сознания, обеспечивая усвоение, репрезентацию и передачу религиозных понятий, другими словами – обуславливая содержание и форму религиозных систем в целом [17; 18]. Таким образом, определить, являются ли когнитивные процессы механизмами возникновения и распространения синкретических религиозных систем возможно, опираясь на когнитивные теории религиозного сознания, разработанные представителями когнитивного религиоведения.

Особый интерес вызывает «обновлённая когнитивная теоретическая модель религиозного сознания», создателями которой являются исследователи У. Жерве, Дж. Хенрих и др. [19; 20]. Применение «обновлённой теоретической модели», в отличие от стандартной когнитивной модели формирования религиозного сознания, позволит выявить причины и механизмы распространения и сохранения религиозного синкретизма, так как именно «обновлённая теоретическая модель» объясняет существование религии наличием и функционированием не только когнитивных процессов, но и активностью социокультурных факторов. Иными словами, «обновлённая теоретическая модель» предлагает учитывать специфику взаимодействия психики и сознания человека с конкретной социокультурной средой и на этом основании определить особенности существующих религиозных систем. Кроме того, данная модель позволяет выявить «границы» между религиозными системами и определить, как понятия и представления одной религии соотносятся с понятиями и представлениями другой религии, как они воспринимаются и интерпретируются индивидами.

В связи с тем, что когнитивные теории религиозного сознания возникли в рамках междисциплинарной когнитивной науки, то неизбежно использование теоретических и экспериментальных данных когнитивной антропологии, эволюционной психологии и нейронауки.

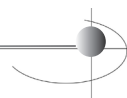
Наиболее важное место в методологии исследования механизмов возникновения синкретических религиозных систем занимает компаративистский подход. Применение компаративистики позволяет выявить общие и различные черты, присущие разнообразным религиозным системам, в том числе син-

кретичным и не синкретичным, и на этой основе понять качественное своеобразие факторов, вызвавших религиозный синкретизм. Кроме того, значение компаративистского подхода для данного исследования возрастает в связи с необходимостью сравнивать различные типы культур и цивилизаций, в условиях которых сформировались синкретические религиозные системы, что способствует выявлению и исследованию социокультурных механизмов религиозного синкретизма. Таким образом, компаративистский подход позволяет выявить и исследовать общие и специфические закономерности генезиса и функционирования синкретических религий и тем самым объяснить их распространённость в современном мире.

Безусловно, социокультурные механизмы играют доминирующую роль в ходе возникновения синкретических религиозных систем. Психические механизмы являются лишь предпосылками данного процесса, они занимают подчинённое положение по отношению к социокультурным факторам, но их роль в возникновении религиозного синкретизма во многом специфична и достаточно велика. В связи с тем, что социокультурная среда оказывает непосредственное влияние на сознание человека, его психику, в том числе и на когнитивные процессы, социокультурные и психические механизмы возникновения религиозного синкретизма необходимо рассматривать в неразрывном единстве. Для этой цели следует применять в комплексе компаративистский подход и теоретические принципы когнитивного религиоведения.

Понимание особенностей возникновения и сохранения синкретических религий возможно посредством исследования работы когнитивных механизмов формирования синкретических образов, понятий и идей. Однако особое внимание необходимо уделить не столько анализу содержания такого рода образов, понятий и идей, а, прежде всего, тому *что* и *как* они «продуцируют» в сознании человека, что происходит с его сознанием, с его личностью. Сам же процесс возникновения синкретических религиозных систем завершается текстологическим и эмпирическим обрамлением синкретизированных образов, понятий и идей.

Своеобразной системой координат для исследования такого рода механизмов возникновения синкретических религий может служить теория иерархического строения психики человека, разработанная Л. М. Веккером [4; 5; 6]. Согласно его теории, психика

состоит из трёх основных и четырёх сквозных психических процессов, которые в совокупности обуславливают формирование ментальной реальности индивида и способствуют конструированию им образа окружающей действительности. К основным психическим процессам принадлежат когнитивные, эмоциональные и регуляционные процессы. Мышление, как важнейший компонент сознания, Л. М. Веккер относит к когнитивным процессам. Сквозными психическими процессами Л. М. Веккер называет память, внимание, воображение и речь. Причём сквозные психические процессы выступают как процессы, «связанные с функцией психического отражения времени и потому проникающие во все основные психические процессы, которые отражают пространство-время и модальность-интенсивность объективного мира»¹. Это напоминает о том, что деление психики на определённые уровни и процессы весьма условно, а функционирование механизмов формирования синкретических религий необходимо рассматривать через активность находящихся в неразрывном единстве основных и сквозных процессов психики. Опираясь на столь стройную теорию структуры психики, попытаемся определить роль психики и сознания человека в процессе формирования синкретических религий.

Результаты исследования. Религия – это сложная система, в структуру которой входят: религиозное сознание, религиозные отношения, религиозная деятельность, религиозные организации и институты. Все вышеперечисленные структурные элементы религии занимают определённое место в данной системе и выполняют ряд функций, поддерживающих её существование. Однако системообразующим, онтологическим элементом религии выступает религиозное сознание, возможность существования которого состоит в неразрывной связи с сознанием как таковым. Поэтому религиозное сознание подчиняется закономерностям существования сознания как такового и может быть исследовано посредством изучения его активности.

Религиозное сознание функционирует на уровнях индивидуального и общественного сознания, также в его структуре условно выделяют два уровня: обыденное и концеп-

туальное религиозное сознание. Синкретизированное религиозное сознание не является исключением и представлено такими же структурными уровнями, однако их содержание во многом специфично, что отражается на особенностях функционирования синкретических религий. Причём каждый из этих уровней отличается своеобразием: временными рамками возникновения, внутренним содержанием, степенью распространения и закрепления в индивидуальном и общественном сознании.

Религиозные образы, представления и идеи, присущие сознанию отдельного индивида и отражающие специфику его обыденного, повседневного бытия, составляют содержание так называемого индивидуального обыденного религиозного сознания. На этом уровне процесс формирования религиозного синкретизма протекает более интенсивно, чем на концептуальном уровне и на уровне общественного сознания. Индивидуальное обыденное сознание по сравнению с концептуальным и общественным уровнями оказывается более восприимчивым к усвоению образов, представлений и идей «чужой» религии.

Однако в условиях существования социума религиозное сознание, прежде всего, выступает одной из форм общественного сознания, является результатом определённых отношений между группами индивидов и призвано удовлетворять их потребности. Поэтому процесс синкретизма религий на данном уровне обременяется длительными временными рамками и системой общественных отношений. При этом необходимо отметить, что общественное религиозное сознание невозможно сводить к конгломерату религиозных сознаний отдельных индивидов; это не механическая совокупность, при которой совокупное качество тождественно качеству составляющих данную совокупность частей. Однако общественное религиозное сознание неотделимо от психики и сознания человека и базируется на общественных связях и отношениях.

Таким образом, общественное религиозное сознание – это сформированное в сознании отдельных индивидов и функционирующее через них, органично целое образование, для которого характерно наличие неаддитивных свойств. Будучи интегративной системой, общественное религиозное сознание наделяет свои элементы новыми свойствами, которыми они не могут обладать вне данной системы. Так, например, общество поддер-

¹ Чередникова Т. В. Информационная модель мышления Л. М. Веккера в исследованиях расстройств мышления при шизофрении методом факторного анализа [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2011. – № 3. – Режим доступа: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/495-cherednikova17.html> (дата обращения: 10.09.2016).

живает некоторые религиозные идеи отдельных индивидов и придаёт им мировоззренческий статус. Иными словами, религиозное сознание общества обладает относительной самостоятельностью от религиозного сознания отдельного человека, «с требованиями, принципами и ограничениями общественного сознания вынуждены считаться все без ограничения» [9, с. 36].

Стоит отметить, что общественную сущность религиозное сознание приобретает через комплекс связей и отношений, существующих в той или иной социальной системе. Иными словами, религиозное сознание обладает общественно-индивидуальной природой. Возникнув на заре человечества, религиозные образы, представления и верования прочно закрепились в общественном сознании и на протяжении всей истории развития социума проходили красной нитью сквозь обыденный уровень социального бытия. В современных условиях существования социума религиозное сознание как одна из форм общественного сознания сформировано, однако процесс наполнения данной формы новым содержанием продолжается. В современном мире в результате синкретизма религий индивидуальное и общественное религиозное сознание приобретают новое содержание.

Проявление синкретизма и наполнение новым образно-идейным содержанием охватывает, прежде всего, и наиболее масштабный уровень обыденного индивидуального сознания. Это связано с тем, что при взаимодействиях с внешней средой, например, с «чужой», неизвестной для индивида религией, происходит не только получение новой информации, но её переживание, рецепция, интериоризация, результатом которых является напластование, смешение образов, представлений и идей. Концептуальный уровень религиозного сознания не является исключением. Роль прочувствования и репрезентации на концептуальном уровне также велика и, как следствие, происходит конструирование новых синкретических религиозных учений и практик. Так, например, исследуя процесс рецепции идей буддизма в России, Т. В. Берньюкевич справедливо отмечает, что «особенностью обращений к буддизму со стороны философов, учёных, политических деятелей и авторов религиозно-философских концепций было такое освоение буддийских идей, в процессе которого проходило присвоение им новых смыслов, с помощью чего подтверждались собственные идейные конструкции» [2, с. 57]. Это ещё раз подтверждает роль

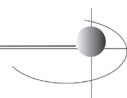
сознания индивидов в ходе возникновения синкретических идей. Безусловно, в этом процессе ведущая роль принадлежит факторам и механизмам социокультурного характера, однако нет информации без интерпретации, а интерпретация во многом зависит от мышления, ощущений и переживаний индивида, от его субъективного опыта.

Согласно теории ментальной иерархии, разработанной Л. М. Веккером, «...исходным регулятором психической деятельности является образ» [3, с. 33]. Однако для возникновения религиозного синкретизма одних образов недостаточно. Несмотря на то, что возникновение образов играет в данном процессе немаловажную роль – образы, смешиваясь и соединяясь, конструируются в новые, синкретичного характера, – всё же главным будет репрезентация этих образов, позволяющая понять их видимые или скрытые (внутренние) свойства.

Репрезентация образов происходит, по теории Л. М. Веккера, благодаря двуязычности мышления, то есть возможности перевода информации с «языка образов» на «язык символов». Как отмечает Л. М. Веккер: «Мышление <...> представляет собою оперирование символическими и образными операндами, в ходе которого осуществляется обратимый перевод с одного языка на другой» [6, с. 137]. Перевод информации с «языка образов» на «язык символов» и наоборот с «языка символов» на «язык образов» представляет, на наш взгляд, действие одного из механизмов синкретизма, который можно назвать ментальным механизмом возникновения религиозного синкретизма. Такое название данный механизм получил в связи с тем, что его действие раскрывается на основе теории ментальной иерархии, разработанной Л. М. Веккером.

Работу ментального механизма религиозного синкретизма можно описать так: человек в процессе жизнедеятельности сталкивается с определёнными социокультурными условиями, тем самым получает новую информацию, которая отражается посредством новых образов. Далее начинается взаимообратный перевод с «языка образов» на «язык символов». Данный процесс сопровождается репрезентацией, в результате которой происходит смешение, напластование различных элементов образов, что способно вызывать религиозный синкретизм.

Особо стоит отметить, что чувственный опыт играет значительную роль в процессе синкретизации религиозного сознания, в частности, в ходе «языкового перевода» и ре-

презентации. На это указывает Т. В. Чередникова, анализируя информационную модель мышления, предложенную Л. М. Веккером. Она пишет: «В силу более простой структуры символического языка переход с его уровня на язык образов является процессом декодирования информации, то есть раскрытия всей её полноты с помощью чувственного опыта»¹. Чувственный опыт, ощущения и переживания индивида составляют его субъективный опыт, роль которого в ходе возникновения религиозного синкретизма трудно переоценить.

Действительно, вслед за известным исследователем психологии религии У. Джеймсом, главной чертой религиозного сознания, его сутью необходимо считать субъективный религиозный опыт, основанный на *ощущениях* присутствия трансцендентного, на так называемых состояниях-переживаниях. Джеймс связывал понятие «субъективный опыт» с религиозным опытом. Под религиозным опытом он понимал субъективные религиозные феномены в различных формах: мистические видения, галлюцинации, экстатические состояния, экзальтированные созерцания. При этом особое внимание он уделял религиозному чувству, то есть, каково это *ощущать* проявление божественного [8]. В данном случае речь идёт не о тактильных, а об эмоциональных *ощущениях*.

Согласно теории Л. М. Веккера, эмоции – это непосредственное отражение отношений субъекта к объекту; эмоциональные переживания и ощущения содержат отпечаток как внешнего воздействия на субъект, так и индивидуальности субъекта [4; 5; 6]. Например, религиозные ритуалы, практики, молитвы, соблюдение постов оказывают воздействие на психику и сознание человека, что вызывает эмоциональные переживания и ощущения присутствия трансцендентного. Переживание присутствия трансцендентного может выражаться посредством экстероцептивных и интероцептивных ощущений, что облегчает процесс синкретизации религиозного сознания, способствует более лёгкому запоминанию и усвоению новых религиозных идей и практик. Исследователь роли религий в современном мире С. Харис так характеризует результат воздействия религий на сознание

человека: «Любые изменения характера ваших переживаний – после сорока дней и ночей в пустыне, после двадцати лет жизни в пещере или когда ваши синапсы испытывают воздействие антагониста серотонина, – это всегда изменение содержания вашего сознания. Каковы бы не были переживания Иисуса, это был опыт сознания. Если он любил ближнего, как самого себя, это описание опыта Иисуса, в ответ на присутствие других людей» [15, с. 328]. Таким образом, воздействие религиозных ритуальных практик на сознание изменяет его содержание и трансформирует сами ритуальные практики.

Те религии, в которых человек в ходе выполнения ритуалов и практик острее переживает реальность трансцендентного, занимают более прочные позиции в обществе. Это связано с работой психосоматических механизмов конструирования и запоминания возникающих образов, в том числе и религиозного характера. Конструирование синкретических религиозных образов в сознании человека протекает гораздо успешнее в процессе взаимодействия и взаимопроникновения «ритуализированных религий», ориентированных на практическое переживание, прочувствование трансцендентной реальности. В синкретизме практико-ориентированных религий репрезентация образов ярче, эмоциональнее, а их запоминание и усвоение прочнее, так как для человека более важно опытное, чем умозрительное восприятие реальности. Будучи носителем определённого вида культуры и существуя в конкретно исторических условиях, индивид, наделённый тем или иным религиозным сознанием, способен воспринимать и репрезентировать «другой», не характерный для его социокультурной системы, набор религиозных идей и практик. Полученная индивидом новая информация накладывается на принятые в его системе существования социальные связи и отношения, на его субъективный религиозный опыт, подвергается процессам репрезентации, интериоризации и облекается в новые «смешанные» синкретические представления, идеи и практики. Следовательно, механизмы возникновения религиозного синкретизма должны рассматриваться в неразрывном единстве и соподчинённости.

Список литературы

1. Бернюкевич Т. В. Буддизм в российской философской культуре: «чужое» и «свое». М.: Либроком, 2009. 160 с.

¹ Чередникова Т. В. Информационная модель мышления Л. М. Веккера в исследованиях расстройств мышления при шизофрении методом факторного анализа [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2011. – № 3. – Режим доступа: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2011n3-17/495-cherednikova17.html> (дата обращения: 10.09.2016).

2. Бернюкевич Т. В. Рецепция буддизма в России и вопросы становления российской культуры // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия. Культурология. Социология. Социальная работа. 2016. Т. 11, № 3. С. 56–61. DOI 10.21209/2308-877X-2016-11-3-56-61.
3. Вассерман Л. И., Чередникова Т. В. Нейропсихологический потенциал единой теории психологических процессов Л. М. Веккера // Теоретическое наследие Л. М. Веккера: на пути к единой теории психических процессов: материалы науч. симп., посвящ. 90-летию со дня рождения Л. М. Веккера /отв. ред. М. А. Холодная и М. В. Осорина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 261 с.
4. Веккер Л. М. Психические процессы: в 3 т. Т. 2. Мышление и интеллект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 341 с.
5. Веккер Л. М. Мир психической реальности: структура, процессы и механизмы / сост. А. В. Либин. М.: Русский мир, 2000. 389 с.
6. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов / под общ. ред. А. В. Либина. М., 1998. 685 с.
7. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А. М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
8. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 423 с.
9. Общественное сознание и его формы / предисл. и общ. ред. В. И. Толстых. М.: Политиздат, 1986. 367 с.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. 712 с.
11. Тойнби А. Постыжение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
12. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1998. Т. 1. 663 с.
13. Boyer P. Thenaturalness of religious ideas. 344 p.; Idem. Religion explained: the evolutionary origins of religious thought. New York, 2001. 384 p.
14. Jonas H. The Gnostic Religion: The Message of the Alien God and the Beginnings of Christianity. Boston: Beacon Press, 1958. 302 p.
15. Harris S. The end of faith: Religion, Terror, and the Future of Reason. W. W. Norton & Company, 2004. 336 p.
16. Sperber D. Explaining culture: A naturalistic approach. Oxford, 1996. 192 p.
17. Pyysiainen I. How religion works: Towards a new cognitive science of religion. Leiden; Boston: Brill, 2001. 272 p.
18. Tremblin T. Minds and Gods: The cognitive foundations of religion. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. 256 p.
19. Gervais W. M., Henrich J. The Zeus problem: Why representational content biases cannot explain faith in Gods // Journal of Cognition and Culture. 2010. Vol. 10, № 3, 4. P. 383–389.
20. Sorensen J. Religion, evolution and an immunology of cultural systems // Evolution and Cognition. 2004. Vol. 10, № 1. P. 61–73.

Статья поступила в редакцию 31.10.2016; принята к публикации 26.12.2016

Библиографическое описание статьи

Гаврилова Ю. В. Механизмы возникновения религиозного синкретизма // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 97–105. DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-3-97-105.

Yulia V. Gavrilova,

Candidate of Philosophy, Associate Professor,

Transbaikal State University

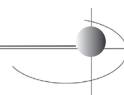
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia),

e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru

Mechanisms of Religious Syncretism Emergence¹

The process of the genesis and evolution of religions is characterized by syncretism. Syncretism affects both separate structural elements of religions and religious systems as a whole. Particular attention is paid to the study of syncretism backbone element of any religion – religious consciousness. The research aims to identify, study and explain the mechanisms of syncretism on the individual and public levels of religious consciousness. To that end, the author analyzes the features of functioning of human mind and consciousness. Identification and study of the emergence mechanisms of syncretic religions related to the activity of mind and consciousness are based on the main ideas of consciousness philosophy, the theory of the hierarchical structure of mind developed by L. M. Vekker and the updated cognitive theoretical model of religious consciousness created by W. Gervais and J. Heinrich.

¹ The article is published with the support of the Government task given to the university by the State Ministry of Education and Science "Social and Cultural Conditions and Performance Indicators to Ensure Social Security of the Cross-border Region in Modern Russia".

The analysis of social and cultural mechanisms of religious syncretism is based on the comparative approach that allows the author to explore syncretism in different types of cultures, as well as to identify common and special laws of its dissemination. The application of this methodology enables the author to reveal the mental mechanism of religious syncretism formation. Its effect consists in the representation of the features of consciousness at the time of translating the received information from "the language of images" to "the language of symbols". Using this methodology, the author proves a significant role of the person's subjective sensory experience in the process of religious syncretism. On the basis of these results the author concludes that the leading role in the emergence of religious syncretism is given to the mechanisms of social and cultural character but this process is not possible without presuppositions and mechanisms related to the work of the mind and human consciousness.

Keywords: syncretism, mechanisms, mind, consciousness, cognitive ability, mentality

References

1. Bernyukevich T. V. Buddizm v rossiiskoi filosofskoi kul'ture: «chuzhoe» i «svoe». M.: Librokom, 2009. 160 s.
2. Bernyukevich T. V. Retseptsiya buddizma v Rossii i voprosy stanovleniya rossiiskoi kul'tury // Uchenye za-piski ZabGU. Ser. Filosofiya. Kul'turologiya. Sotsiologiya. Sotsial'naya rabota. 2016. T. 11, № 3. S. 56–61. DOI 10.21209/2308-877X-2016-11-3-56-61.
3. Vasserman L. I., Cherednikova T. V. Neiropsikhologicheskii potentsial edinoi teorii psikhologicheskikh protsessov L. M. Vekkera // Teoreticheskoe nasledie L. M. Vekkera: na puti k edinoi teorii psikhicheskikh protsessov: materialy nauch. simp., posvyashch. 90-letiyu so dnya rozhdeniya L. M. Vekkera / otv. red. M. A. Kholodnaya i M. V. Osorina. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008. 261 s.
4. Vekker L. M. Psikhicheskie protsessy: v 3 t. T. 2. Myshlenie i intellekt. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1976. 341 s.
5. Vekker L. M. Mir psikhicheskoi real'nosti: struktura, protsessy i mekhanizmy / sost. A. V. Libin. M.: Russkii mir, 2000. 389 s.
6. Vekker L. M. Psikhika i real'nost': edinaya teoriya psikhicheskikh protsessov / pod obshch. red. A. V. Libina. M., 1998. 685 s.
7. Vygotskii L. S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T.3. Problemy razvitiya psikhiki / pod red. A. M. Matyushkina. M.: Pedagogika, 1983. 368 s.
8. Dzheims U. Mnogoobrazie religioznogo opyta. SPb.: Andreev i synov'ya, 1992. 423 s.
9. Obshchestvennoe soznanie i ego formy / predisl. i obshch. red. V. I. Tolstykh. M.: Politizdat, 1986. 367 s.
10. Rubinshtein S. L. Osnovy obshchei psikhologii. SPb.: Piter, 2000. 712 s.
11. Toinbi A. Postizhenie istorii. M.: Progress, 1991. 736 s.
12. Shpengler O. Zakat Evropy. M.: Mysl', 1998. T. 1. 663 s.
13. Boyer P. Thenaturalness of religious ideas. 344 p.; Idem. Religion explained: the evolutionary origins of religious thought. New York, 2001. 384 p.
14. Jonas H. The Gnostic Religion: The Message of the Alien God and the Beginnings of Christianity. Boston: Beacon Press, 1958. 302 p.
15. Harris S. The end of faith: Religion, Terror, and the Future of Reason. W. W. Norton & Company, 2004. 336 p.
16. Sperber D. Explaining culture: A naturalistic approach. Oxford, 1996. 192 p.
17. Pyysiainen I. How religion works: Towards a new cognitive science of religion. Leiden; Boston: Brill, 2001. 272 p.
18. Tremblin T. Minds and Gods: The cognitive foundations of religion. Oxford; New York: Oxford University Press, 2006. 256 p.
19. Gervais W. M., Henrich J. The Zeus problem: Why representational content biases cannot explain faith in Gods // Journal of Cognition and Culture. 2010. Vol. 10, № 3, 4. P. 383–389.
20. Sorensen J. Religion, evolution and an immunology of cultural systems // Evolution and Cognition. 2004. Vol. 10, № 1. P. 61–73.

Received: October 31, 2016; accepted for publication December 26, 2016

Reference to the article

Gavrilova Yu. V. Mechanisms of Religious Syncretism Emergence // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 97–105. DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-3-97-105.

УДК 008:72

Надежда Юрьевна Гришанина,

консультант,

Северо-Западное управление Министерства культуры РФ

(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Мал. Морская, 17),

e-mail: nadezhda.grishanina@szfo-mkrf.ru

Интерьер как «портрет помещения»: современные возможности сохранения культурного наследия

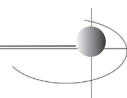
В статье рассматриваются современные аспекты сохранения культурного наследия, теоретические положения реставрационных работ и практические наработки, опыт реставрации интерьеров с технологической стороны и с точки зрения философского осмысления прошлого. Методологической основой исследования стал сравнительно-исторический подход. В исследовании автор использует методы сравнительного и исторического анализа, мониторинг технического состояния объектов культурного наследия; на основе проведённой работы выдвигает положение о том, что реставрация является важным элементом формирования социокультурной составляющей общественных отношений, а также современным способом трансляции традиций народа. Анализ теоретических и практических вопросов реставрации интерьеров памятников архитектуры позволяет выявить контекст единой социокультурной среды на основе выполнения памятником функций различных уровней, направленных на обеспечение непрерывности отображения ценностей; организацию отношений человека со своим социальным и культурным наследием с целью обеспечения эффективности обоюдных контактов; сформулировать направления оптимизации работы реставраторов. Автор рассматривает круг научных проблем в том ракурсе, что традиционно интерьер считался частью культуры, исторический интерьер – частью культурного наследия, относился к сфере искусства, он вмещал архитектурные решения, различные технологии и способы создания, в том числе с применением живописи, рисунка, текстовых знаний человека. В XVIII–XX веках интерьер выполнял и эстетические функции. Материалом для мониторинга стали реставрационные работы под руководством Министерства культуры РФ начала XXI века. Результаты исследования станут частью концепции проектно-реставрационных работ интерьеров памятников архитектуры в России XVIII–XX веков.

Ключевые слова: культура, культурное наследие, сравнительно-исторический подход, мониторинг, реставрация, социокультурная среда

Вводная часть. Эволюция реставрационных процессов памятников архитектуры в той или иной стране определяется, прежде всего, двумя составляющими – уровнем развития культуры и состоянием экономико-правовой системы в сфере сохранения культурного наследия. На пересечении этих двух факторов наибольшее значение имеет специфика предмета отображения, в данном случае – методологических подходов в реставрации и понимания необходимости современного воссоздания памятников архитектуры. Поэтому для исследователя в сфере реставрации вопрос отражения явного или опосредованного отношения людей к культуре и условиям их жизни становится ключевым для дальнейших исследований. Значимым показателем эффективности реализации реставрационных проектов является взаимодействие государства, строительно-реставрационных организаций и социально-культурной активности общества. Теоретические положения реставрационных работ и практические наработки опыта российских

и зарубежных реставраторов интерьеров являются важным элементом формирования социокультурной составляющей общественных отношений, а также способом трансляции и ретрансляции традиций народа.

Существует целый ряд российских и зарубежных исследований, изучающих феномены реставрации как способа сохранения культурного наследия. Сегодня вопросы реставрации изучаются на уровне философской, культурологической, социальной, экономической области знаний и сферы деятельности (Baldini U., 1978–81; Brandi C., 2007; Бобров Ю. Г., 2004; Майстровская М., Соловьев Н., 2013; Махлина С. М., 2009). Источники указывают на то, что интерьер, как и архитектура в целом, прошёл сложную историю развития в общественном бытии. Как отдельное понятие в культуре, искусстве и строительном деле, он выделился из совмещения функций покрытия и ограждения, ограничения определённой замкнутой (освоенной, безопасной, личной) территории по горизонтали и по вертикали. Естественным центром средоточия и

ценностью такого замкнутого пространства являлось существовавшее или хранимое в нём физическое тело (Каган М. С., 1996; Кошаев В. Б., 2014).

Традиционно интерьер считался частью культуры, исторический интерьер – частью культурного наследия и относился к сфере искусства, так как вмещал в себя технологии живописи, рисунка, текстовые знания человека (концепция «интерьер как текст»). В XVIII–XX веках интерьер традиционно выполнял и эстетические функции. Эстетика «предпринимала на протяжении всей своей истории самоотверженные усилия в стремлении постичь сущность искусства» [3, с. 22]. Сущность искусства определялась как «отражательная» и как «созидательная», как «познавательная» и как «оценочная», как «идеологическая» и как «игровая»; в нём видели способ «самовыражения» художника и способ его «общения» с другими людьми; его рассматривали как специфический «язык» и как передаваемые этим языком ценностные смыслы. Ни одна другая сфера культуры и форма деятельности – ни наука, ни мораль, ни техника, ни язык, ни религия, ни спорт – не порождали столь разноречивые и исключаящие друг друга дефиниции. Исследования показывают, что искусство есть единственный плод деятельности, воссоздающий человеческое бытие в его целостности, то есть моделирующий сложнейшую систему «человек» и потому оказывающийся изоморфным ей или хотя бы гомоморфным (структурно подобным). «Круг культуры» – движение от человека к человеку, опосредованное создаваемой им предметностью. В культурологии феномен архитектуры рассматривается как объёмно-пространственный (пластический) феномен, а интерьер – самая важная составляющая этого феномена. В культурно-бытовом понимании интерьер имеет преимущественную ценность по сравнению с другими характеристиками архитектурных сооружений, поскольку предназначен для жизни, непосредственного нахождения, перемещения, трудовой деятельности людей. При этом интерьер является социальным феноменом: он связан со становлением, развитием и функционированием разнообразных форм коллективной (общественной, культовой, гражданской, родовой, семейной) жизни, отражает её изменяющуюся во времени и пространстве структуру (подходы: Делез Ж., Бодрийяр Ж., Каган М. С., Бобров Ю. Г. и др.).

Методология и методика исследования. Выбор методологической базы в работе

определяется проблематикой и предметом исследования. Вопросы понимания процессов становления и развития реставрации в условиях недостаточной научной проработанности темы требуют обращения к историческому анализу. Исследования проводились на стыке философии, культурологии и искусствоведения, с применением данных инженерного анализа (мониторинг).

Историко-сравнительный анализ интерьера, а также наблюдения и участие в реставрационной деятельности интерьеров позволяет выделить в интерьере как способе организации и демонстрации социального пространства, следующие фазы: ограждение (очерчивание границ), установление иерархии пространства (центр/периферия, право/лево, верх/низ, середина/углы) [6].

Методология исследования направлена на то, чтобы решить насущные теоретические и практические задачи реставратора – предотвратить или же восстановить провалы и разрушения, восстановить спираль движения от человека к человеку через функционирование памятника архитектуры как здания, сооружения, ансамбля. В задачах реставрации интерьера памятников архитектуры решается вопрос бытия в этом интерьере и сохранения его как традиции, символа будущему поколению. Интерьер выступает как «портрет помещения».

В исследовании применяется сравнительный анализ. Работы, посвящённые рассматриваемой теме, размещённые в культурно-ориентированных изданиях советского периода (Филатов В. В., 1980; Ямщиков С. Я., 1986) анализируются в исследовании на основе принципов объективности и системности, единства сравнительно-исторического подхода. Автор обращается к первоисточникам – документации, регламентирующей реставрационную деятельность и технической документации объектов культурного наследия. В качестве методологической основы в работе представлен сравнительно-исторический анализ для отслеживания динамики развития реставрационных процессов в контексте сохранения культурного наследия страны. В частности, этот метод применяется для анализа форм участия государства и бизнеса (благотворителей) в процессе реставрационного движения. Прикладным методом является мониторинг технической документации и технического состояния объектов культурного наследия, применяемый на практике в реставрации (составление методик, документации).

Результаты исследования. Мониторинг российских объектов реставрации (памятники архитектуры) показал: применительно к интерьеру монументальная живопись не отделима от конструкции помещения (то, что мы называем интерьером), предполагает существование в данном закреплённом пространстве (так называемое недвижимое искусство). Так, монументальная живопись – плафон, изображения военной атрибутики по штукатурке Аванзала Зимнего дворца (Эрмитажа) являются одновременно видом монументальной живописи и частью интерьера, создаваемого для данного зала. Историко-культурное развитие интерьера объясняет его социальную сущность, так как интерьер, как и архитектура в целом, относится к социальным феноменам.

Социально-бытовое назначение современного интерьера также учитывает его историко-культурологические этапы формирования. Подобно тому, как годами люди учились грамотно, эстетично и практично ограничивать своё пространство, превращали его в вид искусства, так и в современной архитектуре и дизайне интерьер в своём формировании «повторяет» исторические фазы.

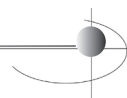
Десятки примеров реставрации интерьеров, исследованные в данной работе, показали, что в интерьере важная роль отводится композиции. Анализируя возможности реставрации как способа репрезентации истории и сохранения культурного наследия, отметим, что долгие годы представления о композиции, как основе архитектурного творчества, связывались с изучением проблемы восприятия, что обусловило зависимость теории композиции от развития философских жизненных концепций [5]. Данная концепция основана на идеях гештальтпсихологии, отражённых в работах Р. Арнхейма, функциональной психологии (работы Гропиуса В.) и, конечно, формальной школы русской психологии, повлиявшей на композиционные подходы представителей школы Н. Ладовского, ведущих архитекторов того времени – И. Голосова, А. Веснина, К. Мельникова, И. Леонидова, Я. Чернихова. Таким образом, идея схожести интерьера памятника архитектуры с портретом подтверждается психолого-культурологическими исследованиями.

Выявлено: реставрация учитывает культурологические функции воссоздания памятников. Эволюция интерьеров двигалась по пути функциональной специализации и пространственного размежевания различных функций, разведения их по разным простран-

ствам – зала, кабинет, молельня, спальня, гостиная, диванная, бильярдная, столовая, детская, гардеробная комнаты. В XXI веке преимущественное развитие получили производственный, учебный, зрелищный интерьер. Современный интерьер совмещает рабочее пространство и зону отдыха, спальное место и место для хранения вещей, он полифункционален и представляет совмещение нескольких функциональных зон в одном пространстве. Для завершения данного фрагмента исследования необходимо назвать и современный, наиболее активно развивающийся тип интерьера, – многофункциональный (торгово-выставочный, культурно-развлекательный), транспортных коммуникаций, а также жилой. Запросы сегодняшнего времени учитываются в реставрации. В современном пространстве интерьер выполняет функцию границы «зоны контакта» со средой, схождения и взаимодействия разных реальностей, а также отражает взаимодействие стилей и функций как универсального принципа жизни в её биологическом, социальном, культурном, информационном, эмоциональном проявлениях.

Архитектурная составляющая строений противопоставляет (разделяет) и связывает природный и культурный миры-пространства, обеспечивает их взаимодействие и целостность человека, его физическую (телесную) сохраняемость и оптимальное функционирование. Её характер и способ организации определяют характер взаимоотношения человека с окружающим миром, социумом и самим собой (враждебный или дружественный, противоборство или слияние, сохранение своей автономности и целостности окружающего ландшафта, вторжение в окружающую среду или её проникновение внутрь здания). Сравнительно-исторический анализ памятников архитектуры в России XVIII–XX веков показал: интерьер как часть архитектуры и в годы утраты своего прямого назначения остаётся «лицом» памятника.

Если рассматривать архитектурное сооружение как материальную поверхность вместе с двойным пространством, ограничиваемым ею изнутри и окружающим её снаружи, то интерьер обеспечивает организацию внутреннего пространства как зоны, преимущественно предназначенной для жизни, то есть для пребывания в нём (внутри здания) людей. Как культурный феномен имеет смысл только в случае наполнения, т. е. заполнения людьми. Составляющими частями в интерьере могут выступать внутренняя поверхность

(конфигурация) самой оболочки (её визуально воспринимаемые границы: стены, потолок, пол), их физические характеристики и ограничиваемое (моделируемое) ею внутреннее пространство.

Отмечена важность исходных составляющих интерьера: характеристики ограничивающих поверхностей; пространственные параметры помещения (физические размеры, высота потолков, форма/конфигурация), степень прорезанности стен (количество окон и дверей, их величина, размеры и форма, система или места расположения); проективные характеристики: возможность наполнения (для какого количества человек предназначено), функциональное назначение (есть ли совмещение функций); тип и характер занятий, возможность их изменения, размещение людей и возможности их передвижения (перемещения) в пространстве, длительность нахождения, быстрота наполняемости, возможности естественного и потребность в искусственном освещении [9, с. 4–6].

Исследования показали: характеристики ограничивающих стен, потолка, пола, как плотность, массивность, высота, толщина, степень прорезанности отверстиями, указывают на доминирование одной или другой коммуникативной тенденции: стремления к изолированию внутреннего и внешнего пространств и отделения мира человека от противостоящих сил природы и социума. Такой интерьер несёт идею противоборства, иногда – конфликта, враждебности; чаще – визуального стирания стен-границ-препятствий-барьеров; выдвигается идея их взаимоотжествления вплоть до растворения одного в другом.

Обсуждение результатов. Реставрация – это своего рода повторение. Как указывает Ж. Делез, повторять – «значит, вести себя по отношению к единичному или особенному, лишённому подобного или равноценного. Возможно, такое повторение, как внешнее поведение, является откликом на более тайную вибрацию, более глубокое, внутреннее повторение движущего им особенного» [3, с. 13]. Работы Ж. Делеза занимают значительное место в современных дебатах об обществе, политике, творчестве и субъективности. Проблемы мировоззренческого характера в реставрации и подходы к их изучению, решению во многом совпадают с трактовкой действительности Ж. Делезом. Несомненно, они имеют прикладной характер, однако его учение позволяет объяснить, зачем нужно воспроизводить старое новыми способами.

В реставрации такой подход ощущается всюду – от технологии выбора красок для покрытия отреставрированной или законсервированной поверхности до принятия решения о сносе памятника или его реставрации. И Бодрийяр, и Делез указывают на то, что внешнее движение вещей ориентируется, в первую очередь, на внутреннее движение, ищет во внутреннем «поддержки». И здесь в реставрации встаёт вопрос целеполагания: зачем? с какой целью? Если с мировоззренческой точки зрения этот вопрос долго может оставаться риторическим, то в конкретных процессах восстановления утраченного он становится очень практическим: что и как делать для того, чтобы утраченное служило человеку во всех формах своего проявления?

Ж. Делез говорит о том, что из повторения можно сделать «даже нечто новое; соединить его с испытанием, отбором, отборочным испытанием; представить его высшим объектом воли и свободы» [3, с. 14]. Он ссылается, в частности, на Кьеркегора: «не извлекать из повторения нечто новое, не выманивать у него нечто новое. Только созерцание, только созерцающий извне дух “выманивает”. Напротив, речь идёт о том, чтобы действовать, превратить повторение как таковое в новизну, то есть свободу и задачу свободы» [3, с. 15]. Таким образом, в повторении «одновременно содержится мистическая игра гибели и спасения в целом, вся театральная игра смерти и жизни, положительная игра болезни и здоровья».

Вопросы решения проблемы «как сделать правильно» в реставрации широко обсуждаются научным сообществом, реставраторами-практиками: так, в 2014 году «Российская газета» опубликовала материал о реставрации усадьбы Вяземских-Долгоруковых в Малом Знаменском переулке Москвы. Новое перекликается с прошлым, и «вместе» они создают ансамбль: «Дата символического начала строительства музейного городка была выбрана не случайно. Именно 29 августа 1898 года был заложен первый камень в здание Музея изящных искусств, которое спроектировал Роман Клейн. Эту дату, как и 29 августа нынешнего года (2014 год – *прим. Н. Г.*), можно было увидеть на металлической пластине, прикреплённой к одной из сторон новенького кирпича – наряду с координатами усадебного здания в системе спутниковой навигации. Кирпич, как уже понятно, не простой: сделанный вручную из цельного куска глины, он несёт ещё и клеймо “П”, благодаря которому видно, что он сделан на Петровской группе заводов, основанных ещё при Петре I» [2].

Повторение опыта и технологий выступает как логос единичного, особенного (Делез Ж., Бодрийяр Ж.). В ситуации публичной закладки камня журналисты задают каверзный вопрос, который, конечно, волнует всех неравнодушных к судьбе российских памятников: «Вы имеете в виду вопрос соотношения реконструкции и его реставрации? Можно ли сделать, чтобы этот московский старинный особняк не выглядел после завершения работ образцовым новоделом “с иголки”?» И представитель компании-реставратора ответил насущно: «Важно, чтобы не было подмен. Надо выполнить проект реставрации так, как он задуман, не подменять в ходе строительства нужные материалы современными, а “неудобные” решения – упрощёнными» [2].

Автор работы исследовал документацию и внешний вид различных объектов реставрации: жилые здания, музеи, ансамбли сооружений. Реставрационные процессы как способ сохранения культурного наследия наиболее отчётливо проступают в храмовой реставрации. Выявлено, что интерьеры российских храмов и церковных строений отражают: духовные потребности российского общества, местные особенности восприятия, искания художников и архитекторов, познание новой живописной интерпретации. Предпосылками создания уникальных интерьеров церковных строений являются и климатические особенности региона (страны), и индивидуальные особенности в их использовании (функциональности).

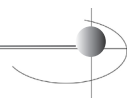
Отмечено: музей как памятник архитектуры является на сегодня объектом изучения воссоздания прошлого. Как отмечает О. В. Лысикова, музей в современном мире допускает множественность в оценке существенных характеристик: «Музей – уникальное явление истории и культуры человечества, овестьствованное хранилище времени. <...> Музей – средство расширения культурного и информационного горизонта, своеобразный инструмент, оформляющий в историческом контексте процессы общения и взаимодействия носителей различных культур и субкультур, представителей различных социальных, возрастных, этнических групп» [5, с. 6].

Музей объединяет и различные конфессиональные сообщества. Россия как страна с преобладающим исторически православным вероисповеданием, позиционирует своё отношение к религиозным ценностям посредством сохранения храмов, построек, предметов религиозного поклонения. Русская культура всегда выделялась среди других

своей «отзывчивостью», о которой говорил Ф. М. Достоевский. Религия «вернулась в наш обиход» [5, с. 37], стала неотъемлемой частью жизни России. Священнослужители разных конфессий присутствуют на государственных торжествах, культурных, политических мероприятиях, участвуют в обсуждении программ образования, общественных форумах. Религия стала частью и современной культуры. Национальный характер русского искусства проявляется через философскую категорию «общее и особенное» [5, с. 123].

Функциональное значение храмов определяется в философии довольно чётко. Храмы для россиян – место служения религиозным идеям, вместе с тем это и место поиска себя, для многих становления личности, пространство возможности определения ценностей. В храмовом строении общее характеризуется идейной связью прошедших эпох, особенное – разнообразием подходов в изображении идеала. У каждой более-менее развитой религиозной традиции – и у православия тоже – есть своя культурная составляющая. По мнению В. Н. Катасонова, это и есть собственно религиозная культура. Человек и храм, человек и музей – эти категории поиска истины в наше время пересекаются ещё и потому, что многообразие и обилие реставрируемых церковных маков на просторах России говорят не только о религиозности россиян, но и об интересе к прошлому, к культуре своего народа. Черты величавости, которые проявляются как доминирующие особенности в данном виде архитектуры, часто говорят о духовной силе русского искусства. Они помогают человеку понять прошлое, понять себя в современности. По большому счёту, они помогают идентификации личности (принятие – отторжение, интерес – безразличие, поиск – равнодушие).

Документы, разработанные Министерством культуры РФ с целью воссоздания культурных ценностей, свидетельствуют о том, что интерес к храмам как части культурного наследия обусловлен следующими обстоятельствами: для русского искусства всегда были актуальны ценности и традиции общественной жизни. Как отмечают исследователи, «не мудрствования и самость, не самокопание и личные настроения, а вселенская духовная мощь, державность, раздолье великой реки жизни, где личность художника не исчезает, а её пророческое значение многократно умножается» [5, с. 124]. Самопознание и саморазвитие личности как в действующей

щем храме, так и в музее, проходит на уровне восстановления связи между знаниями (или верой) и эмоциями.

В ходе исследований выявлено: в российской истории немало примеров, когда храмы служили различным целям в разные годы: культовое строение, общежитие, слесарная мастерская, тюрьма, столовая, клуб. Это можно продемонстрировать на примере сооружений Соловецких островов. В настоящее время ведутся реставрационные работы объекта культурного наследия «Ансамбль Соловецкого монастыря и отдельные сооружения островов Соловецкого архипелага» (Архангельская область, Приморский район). Соловецкие острова расположены недалеко от Полярного круга, здесь среди холодного северного моря на протяжении четырёх тысячелетий создавались ценнейшие памятники культуры. Соловецкий монастырь возник в 1429–1430-е годы, основной период каменной застройки монастыря трудами игумена Филиппа (Колычева) пришёлся на середину XVI века.

Церковные строения, являющиеся объектами культурного наследия и выполняющие функции музеев, раскрывают значения самого памятника. При этом многие бывшие музеи становятся храмами или другие строения передают для хозяйственного или иного исторического пользования, возвращается их первоначальная функция, а значит, возрождается внутренняя жизнь памятника. В зданиях высокой степени сохранности исторический интерьер сохраняется максимально, при минимальном современном вмешательстве в облик и структуру, дополняется информацией по истории храма, его художественных особенностях. При низкой степени сохранности первоначального храмового исторического интерьера проводятся исследования на возможность реставрации, воссоздания на определённый период времени существования памятника. Это подтверждается сметами и документацией, изученными в ходе работы над статьёй.

Такой подход наблюдается в реставрации ансамбля Соловецкого монастыря. Объекты культурного наследия, входящие в ансамбль Соловецкого монастыря, после многочисленных перестроек и разрушений восстанавливаются, в основном, на период середины XVI века. Концепция архитектурного облика и интерьеров монастыря (музейных, церковных, хозяйственных строений) направлена на выявление историко-художественных и уникальных технических особенностей строений

на один период времени строительства, но с возможностью сохранения поздних добавлений и современного приспособления для функционирования монастыря.

Исключительной особенностью проектно-реставрационных работ данного памятника является функциональное разграничение объектов (храмов, корпусов, строений, башен, прясел) при использовании монастырём и музеем, но которое происходит под общим одним руководством настоятеля монастыря, являющимся по совместительству директором музейного комплекса монастыря. Такое решение с одним руководителем единого комплекса ансамбля Соловецкого монастыря помогает избежать концептуальных и практических разногласий в проектных решениях, которые могут задерживать сроки восстановления памятников.

Согласно Федеральному закону «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», мнение пользователя является важным и учитывается при оформлении задания на проведение работ по сохранению. Однако окончательное решение о согласовании проектных решений остаётся за органом охраны данного объекта культурного наследия¹. Возвращение памятника монастырю невозможно без современного приспособления для его функционирования. Начиная с XV века монахи застраивали Соловецкий архипелаг, расположенный в Белом море, приспособляли его к возможности существования в этих широтах. Результатом стало то, что уже к концу XVII века Соловецкий монастырь стал центром русского севера и образцом ведения хозяйства. Все строения острова – храмовые, жилые, хозяйственные, гидротехнические были уникальными в архитектурном и техническом исполнении.

В процессе восстановления были приняты решения по возможности вернуть именно историческое разграничение в функциональном использовании разрушенных и перестроенных объектов, сохраняя и выявляя исторические конструкции и облик, но с применением необходимого приспособления для современного существования и приёма туристов, паломников на территории памятника.

¹ Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 09.03.2016 г.) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 12.12.2016).

В качестве демонстрации сказанного приведём пример реставрации объекта «Поваренный и Квасоваренный корпус», в нём на 2016 год завершены работы по приспособлению под кухню и столовую для паломников и туристов, равно как и «Здание общей трапезы на погребях». Отреставрированное здание Поваренного и Квасоваренного корпуса согласно проекту реставрации и приспособления, предназначается для размещения в нём следующих функций: на первом, втором этажах – основные помещения кухни летнего периода, служебные и технические помещения, включая санузлы и котельную, летняя трапезная для трудников и паломников, также основная кухня (горячий, молочный и другие цеха и т. п.) для братской трапезы, которая находится в здании Общей трапезы. В северной части третьего этажа будут располагаться летняя трапезная для паломников и туристических групп, санузлы и служебные помещения. В чердачном пространстве располагается вентоборудование.

Реставрационный проект был осуществлён на основе архитектурного облика памятника, сложившегося после его кардинальной перестройки, выполненной на рубеже XVIII–XIX веков, и надстройки третьего этажа в середине XIX века. Согласно утверждённому проекту реставрации, было предусмотрено максимально полное сохранение облика здания, сложившегося к началу XX века, с выявлением и максимально возможно полной реставрацией древних архитектурных форм и деталей в уровне первого этажа, и с сохранением поздних архитектурных элементов в тех случаях, когда первоначальные детали, находившиеся в этих местах, были полностью утрачены. Все проектные предложения были подтверждены архивными материалами и исследованиями, материалами натурных исследований, являющимися составной частью проекта.

При этом замене подлежали только поздние несущие конструкции XX века. После упразднения монастыря в 1921 году здание Поваренного корпуса перестраивалось дважды – в 1923 и 1932 годах, когда оно сильно пострадало от пожаров, во время которых были утрачены перекрытия и кровля. В интерьерах современная планировка и вид совмещены с выявленными ранними историческими архитектурными деталями, которые законсервированы и оставлены в виде зондажей.

Ещё одним примером синтеза современного и исторического является устройство стеклянного балкона в интерьере объекта

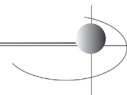
«Святительский корпус». Балкон образован из перекрытий, проложенных не до конца, по металлическим балкам; он проходит вдоль всей стены раскрытого участка раннего строения с архитектурными деталями XVII века (нишами, оконными проёмами), позволяет увидеть в коридоре весь фасад ранней части строения, полностью всех его этажей. Также сохраняются интерьеры ранней части, в то время как поздняя часть объекта, пристроенная к участку XVII века, имеет уже современную планировку.

Заключение. Сегодня реставрационные процессы имеют большие возможности в деле сохранения культурного наследия, формирования отношения населения к памятникам прошлого. Способы и виды реставрации зависят от функционального назначения памятника после реставрации, не всегда это назначение «повторяет» исторические этапы.

Так, характер экспозиции в интерьерах на части объектов Ансамбля Соловецкого монастыря диктуется, в первую очередь, сохранностью памятника. Музейные экспозиции в интерьерах объектов («Сушило», «Мельница») направлены на выявление архитектурных и технических особенностей памятников с применением в экспозиции современных технических возможностей – световых экранов, музейного оформления интерьера освещением, современных макетов памятников со светящимися отопительными каналами, которые проходят в стенах, полах памятников и в основном скрыты от посетителей и многое другое.

Реставрация памятников архитектуры на примере мониторинга работ Ансамбля Соловецкого монастыря показала, что в современных условиях можно сохранить и восстановить не только историческую и художественную ценность объекта, но и его утилитарную ценность. Утилитарная ценность памятников архитектуры как используемых зданий имеет подчинённое значение по отношению к художественной и исторической ценности, однако она очень существенна.

То, что происходит сегодня на Соловецких островах, можно назвать наделением памятника современными функциями, возрождением утраченной культовой функции. Сочетание музейной и храмовой деятельности приводит к благоприятному процессу, когда памятники лишаются так называемой отстранённости от современности [7, с. 66]. Наблюдатели отмечают: эмоциональное воздействие Соловков сегодня становится всё более органичным: люди едут полюбоваться

уникальной северной природой, северным сиянием, поклониться святым местам, посетить историко-мемориальный комплекс. Такой подход – пример изменения отношения к проблеме использования памятников архитектуры.

Важно, что в ситуации взаимодействия храма и музея возрождается историко-бытовое значение памятника. Как правило, памятник возводился в своё время для какой-либо определённой цели. Ансамбль Соловецких островов показателен в том плане, что там присутствуют несколько функциональных предназначений – бытовое, охранное, культовое, жилищное, торговое, даже пенициктарное. Правильный выбор новой функции в условиях существования после реставрации –

важная научно-практическая задача. От неё зависит и дальнейшая судьба памятника.

Анализ проведения современных реставрационных работ на объектах Ансамбля Соловецкого монастыря показал: синтез музея и церкви на одной территории памятника возможен. Для сосуществования этих двух институтов необходимо, в первую очередь, руководствоваться максимальным физическим сохранением самого памятника, разработкой решений по выявлению его исторических особенностей и тактичным вмешательством с целью современного приспособления, учитывая исторические функции строений, тем самым возрождая внутреннюю жизнь памятника, а значит, реанимируя и продолжая его историю создания и дальнейшего существования.

Список литературы

1. Бобров Ю. Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. М.: Худ.-пед. изд-во, 2004. 256 с.
2. Васильева Ж. Кирпич краеугольный [Электронный ресурс] // Российская газета. Режим доступа: <https://www.rg.ru/2014/08/30/kirpich-site.html> (дата обращения: 12.07.2016).
3. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. 172 с.
4. Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. 415 с.
5. Катасонов В. Н. Культура и религия (о границах культуры и её религиозных истоках) // Христианство. Культура. Наука. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. 478 с.
6. Кошаев В. Б. Декоративно-прикладное искусство. Понятия. Этапы развития. М.: Владос, 2014. 272 с.
7. Лысикова О. В. Музеи мира. М.: Фланта-Наука, 2004. 128 с.
8. Майстровская М., Соловьев Н. Всеобщая история интерьера. М.: Эксмо, 2013. 570 с.
9. Матюнина Д. С. История интерьера. М.: Парадигма, 2012. 552 с.
10. Махлина С. М. Семиотика культуры повседневности. СПб.: Алетейя, 2009. 449 с.
11. Реставрация и исследование памятников культуры // Центр. науч.-реставрационные проектные мастерские / под ред. А. Б. Бодэ. М.; СПб.: Коло, 2012. Вып. 5. 160 с.
12. Филатов В. В. Утраты в древнерусской живописи. Их восполнение и тонирование [Электронный ресурс] // Древнерусское искусство: монументальная живопись XI–XVII вв. М.: Наука, 1980. 407 с. Режим доступа: <http://www.pro-21.ru/mir-knig/kultura/10279-drevnerusskoe-iskusstvo-monumentalnaya-zhivopis-xi-xvii-vv-kultura-i-iskusstvo.html> (дата обращения: 19.11.2016).
13. Ямщиков С. Спасённая красота. М.: Просвещение, 1986. 192 с.
14. Baldini U. Teoria del restauro e unita di metodologia // Firenze. 1978–1981. Vol. 1–2.
15. Brandi C. Teoria del restauro. Torino, Grafiche Cesina, 2011.

Статья поступила в редакцию 26.01.2017; принята к публикации 28.02.2017

Библиографическое описание статьи

Гришанина Н. Ю. Интерьер как «портрет помещения»: современные возможности сохранения культурного наследия // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 106–114.

Nadezhda Y. Grishanina,

Consultant,

*North-Western Department of the RF Ministry of Culture
(17 Malaya Morskaya St., Saint-Petersburg, 199034, Russia),
e-mail: nadezhda.grishanina@szfo-mkrf.ru*

The Interior as a “Portrait of the Room”: Modern Possibilities for Preserving Cultural Heritage

The article deals with some modern aspects of preserving cultural heritage, theoretical principles of restoration work and practical materials, experience of interiors restoration from the technological point of view and from the point of view of philosophical comprehension of the past. The methodological basis of the study is a compara-

tive-historical approach. The study uses the methods of comparative and historical analysis, monitoring of the technical condition of cultural heritage sites. On the basis of the work carried out, the author puts forward a position that restoration is an important element in the formation of the socio-cultural component of social relations, as well as a modern way of translating the traditions of the people. The analysis of theoretical and practical issues of the restoration of architectural monuments allows the author to identify the context of a single socio-cultural environment based on the performance of the functions of various levels by the monument, aimed at ensuring continuity in the display of values, organizing human relationships with their social and cultural heritage in order to ensure the effectiveness of mutual contacts, formulating directions for optimizing the work of the restorers. The author considers a range of scientific problems in the perspective that traditionally the interior was considered part of culture, the historical interior was part of cultural heritage, it belonged to the sphere of art, it accommodated architectural decisions, various technologies and methods of creation, including painting, drawing, textual human knowledge. In the 18th-20th centuries the interior performed also aesthetic functions. Restoration works became the materials for monitoring under the leadership of the Ministry of Culture in the early 21st century. The results of the research will become part of the concept of design and restoration work of the interiors of architectural monuments in Russia in the 18th and 20th centuries.

Keywords: culture, cultural heritage, comparative and historical approach, monitoring, restoration, socio-cultural environment

References

1. Bobrov Yu. G. *Teoriya restavratsii pamyatnikov iskusstva: zakonomernosti i protivorechiya*. M.: Khud.-ped. izd-vo, 2004. 256 s.
2. Vasil'eva Zh. Kirpich kraeugol'nyi [Elektronnyi resurs] // Rossiiskaya gazeta. Rezhim dostupa: <https://www.rg.ru/2014/08/30/kirpich-site.html> (data obrashcheniya: 12.07.2016).
3. Delez Zh. *Razlichie i povtorenie*. SPb.: Petropolis, 1998. 172 s.
4. Kagan M. S. *Filosofiya kul'tury*. SPb., 1996. 415 s.
5. Katasonov V. N. *Kul'tura i religiya (o granitsakh kul'tury i ee religioznykh istokakh)* // *Khristianstvo. Kul'tura*. Nauka. M.: Izd-vo PSTGU, 2009. 478 s.
6. Koshaev V. B. *Dekorativno-prikladnoe iskusstvo. Ponyatiya. Etapy razvitiya*. M.: Vlado, 2014. 272 s.
7. Lysikova O. V. *Muzei mira*. M.: Flinta-Nauka, 2004. 128 s.
8. Maistrovskaya M., Solov'ev N. *Vseobshchaya istoriya inter'era*. M.: Eksmo, 2013. 570 s.
9. Matyunina D. S. *Istoriya inter'era*. M.: Paradigma, 2012. 552 s.
10. Makhlina S. M. *Semiotika kul'tury povsednevnosti*. SPb.: Aleteiya, 2009. 449 s.
11. *Restavratsiya i issledovanie pamyatnikov kul'tury* // *Tsent. nauch.-restavratsionnye proektnye master-skie / pod red. A. B. Bode*. M.; SPb.: Kolo, 2012. Vyp. 5. 160 s.
12. Filatov V. V. *Utraty v drevnerusskoi zhivopisi. Ikh vospolnenie i tonirovanie* [Elektronnyi resurs] // *Drevnerusskoe iskusstvo: monumental'naya zhivopis' XI-XVII vv.* M.: Nauka, 1980. 407 s. Rezhim dostupa: <http://www.pro-21.ru/mir-knig/kultura/10279-drevnerusskoe-iskusstvo-monumentalnaya-zhivopis-xi-xvii-vv-kultura-i-iskusstvo.html> (data obrashcheniya: 19.11.2016).
13. Yamshchikov S. *Spasennaya krasota*. M.: Prosveshchenie, 1986. 192 s.
14. Baldini U. *Teoria del restauro e unita di metodologia* // Firenze. 1978–1981. Vol. 1–2.
15. Brandi C. *Teoria del restauro*. Torino, Grafiche Cesina, 2011.

Received: January 26, 2017; accepted for publication February 28, 2017

Reference to the article

Grishanina N. Yu. The Interior as a "Portrait of the Room": Modern Possibilities for Preserving Cultural Heritage // *Humanitarian Vector*. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 106–114.

УДК 130.2

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-115-125

Владимир Сергеевич Глаголев¹,
доктор философских наук, профессор,
Московский государственный институт
международных отношений МИД России
(119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76),
e-mail: kfmgimo@gmail.com

Светлана Михайловна Медведева²,
кандидат политических наук, доцент,
Московский государственный институт
международных отношений МИД России
(119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76),
e-mail: svetamedvedeva@mail.ru

Религиозные образы в русском и американском кино: поиск Бога и человека

Религиозные образы присутствуют в таких текстах культуры, как кинематограф, наравне с пострелигиозными образами, сохраняющими нравственный потенциал религиозных по праву преемственности их общей эстетической оболочки. При этом удерживается общее для них начало – импульс к познанию действительности преимущественно через чувственный канал, развёрнутый в сторону освоения дихотомии добра и зла и поиска совершенства. С научной точки зрения важно проследить демаркацию между, с одной стороны, религией как одной из специфических форм познания действительности, и религиозной идеологией, призванной решать иные задачи. Сопоставление образного языка российского и американского кинематографа позволяет выделить универсальный характер поставленных вопросов с точки зрения их выражения средствами языка национальных кинематографических школ. Это, в свою очередь, даёт возможность выстраивать перспективные пути взаимодействия культур на основе взаимопонимания и взаимного уважения, что является сегодня одной из весьма непростых задач. Анализ тем и сюжетов российского и американского кинематографа, претендующего на проблемность, показал, что религиозные и пострелигиозные образы здесь группируются вокруг таких тем, как религиозное образование; эсхатология (апокалиптика и постапокалиптика), персонализм, чудо. Иррациональный характер последнего соответствует обострению противоречий современного этапа глобализации и развитию сюжетов мировой политики, влекущих пересмотр соотношения модернизации и консерватизма с учётом потенциала религиозных идеологий. Тем интереснее вывод о дистанцировании проблемного кинематографа обеих стран от «лобового» идеологизма и погружение в анализ проблематики нравственного выбора, соединяющего свободу и необходимость в решительном и ответственном поступке. Именно такой поступок в «снятом» виде предполагает генетическую связь с динамическим пониманием религиозного образа в качестве имеющего мощный социальный заряд и способного транслировать его аудитории.

Ключевые слова: философия культуры, религиозные образы, пострелигиозные образы, познание в науке, искусстве и религии, религия и идеология в российском и американском кинематографе

Вводная часть. Актуальность обращения к сопоставлению языка кинематографа двух стран определяется, во-первых, необходимостью демаркации религии в широком смысле и религиозной идеологии как спекуляции ценностными стандартами тех или иных вероисповеданий; а также внешне сходных с тем и другим феноменов – например, художественных образов, включающих в себя религиозный компонент. Во-вторых, имеет смысл разграничить собственно культовую сторону

религии, где идеология как раз может занимать существенное место, – и специфическое «религиозное познание», отличное от научного познания или познания средствами искусства, и в то же время имеющее с ними ряд сходных черт. Подобные уточнения позволят строже развести сравниваемые феномены, в языке часто обозначаемые одними и теми же выражениями. С другой стороны, сравнение двух выдающихся культур, создавших уникальными средствами собственной кинема-

¹ В. С. Глаголев разрабатывает теоретико-методологические основания исследования, проводит анализ российского кино, формулирует выводы.

² С. М. Медведева разрабатывает теоретико-методологические основания исследования, проводит анализ американского кино, формулирует выводы, оформляет статью.

тографической школы образы, имеющие универсальное общечеловеческое содержание, даёт возможность лучше понять особенности каждой из них, формируя пространство для взаимопонимания и поиска взаимоприемлемых решений.

С этой точки зрения определенной **новизной** отличается сама постановка вопроса: каковы векторы взаимного сближения и взаимного отталкивания религии и других форм познания в культуре каждой из стран? И каким путём происходит идеологизация/деидеологизация религиозно-образного содержания в каждой из национальных кинематографических традиций?

Данные о методологии и методике исследования. Методология, избранная авторами для своего исследования, включает в себя *компаративный анализ*, предполагающий выделение наиболее существенных тем и проблем в каждой из изучаемых кинокультур, рассмотрение их в связи с «аксиоматиками» каждой из национально-культурных сред, а затем – сопоставление полученных моделей друг с другом на предмет выявления общих черт и различий. Обращение преимущественно к качественным (а не к количественным) методам изучения, тем не менее, предполагает *динамический подход* к описанию предмета. И не только потому, что кино принадлежит к *временным* искусствам [5, с. 400], но и потому, что вопрос о роли и значении здесь религиозных образов имеет внутреннюю динамику развития (например, когда утверждается единство образа и мысли [5, с. 468; 19, с. 56–60 и др.]), иногда поддержанную заочной дискуссией мастеров; но чаще представляющую собой развёртывание самостоятельных поисков в каждой из культур. Тем более интересно сопоставить результаты, к которым пришла каждая из них, будучи относительно независима от этого «заочного диалога».

Результаты исследования и их обсуждение. Стоит также подчеркнуть, что, в силу безбрежности темы, поле рассмотрения изначально было сужено до религиозных образов, принадлежащих лишь одной конфессии – христианству, тогда как другие, не менее интересные, участники диалога светских и конфессионально-ориентированных произведений кинематографа (например, последователи ислама) оказались вне этого поля. Также подверглось заметному сокращению собственно кинематографическое содержание, в котором были избраны только так называемые «проблемные» фильмы, несущие

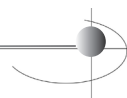
в себе направленный импульс к осмыслению темы добра и зла в особом «бого-человеческом» ракурсе. Сравнение философско-культурологических интерпретаций религиозных образов в кинематографе России и США проводится также не на основе идеи принципиальной несоизмеримости культур [10, с. 6], но исходит как раз из стремления их сопоставить, – возможно, с целью понять именно «русский подход» к проблеме соизмеримости.

Со времен отечественного режиссера С. Эйзенштейна и американского Д. Гриффита в практике киноискусства наших стран особое значение придавалось техническим возможностям документирующей съёмки, то есть точности следования деталям, использованию бесконечных вариаций монтажных стыков и особенно контрастов. Затем, обретя речь, «Великий немой» избавился от экспрессивной манеры образной выразительности – её место занял психологизм, сохраняющий в «типическом» основы исходной социокультурной мотивации [7, с. 267–279; 14, с. 184–192].

Прежде чем обсуждать религиозные темы и религиозные образы в современном американском кино, необходимо коротко охарактеризовать религиозный состав американского общества. Несмотря на разнообразие вероисповеданий, население современных США является преимущественно христианским. По данным института Геллапа (опрос январь–ноябрь 2012 г.) около 77 % взрослых американцев идентифицируют себя с христианской религией. Из них 52 % – протестанты или представители других «некатолических» христианских религий, 23 % – католики, 2 % – приверженцы Церкви Иисуса Христа Святых Последних дней. 5 % процентов ассоциируют себя с нехристианскими религиями (иудаизм, ислам и др.). 18 % американцев не имеют определённой религиозной идентичности [16].

Приведённые данные позволяют понять, во-первых, почему в современных США снимается так много фильмов, так или иначе связанных с религиозной тематикой (это может быть собственно экранизация религиозных сюжетов, размышления о вопросах веры и религиозных практик, обрядов и т. п.), во-вторых, почему религиозные темы и образы американского кино заимствованы, преимущественно, из христианства.

Со своей стороны, современная религиозная структура российского общества стала предметом жарких дискуссий в кругах социологов, философов и религиоведов, стремящихся наиболее точно и полно определить её особенности [13]. К 2010-м годам

в профессиональном сообществе всё реже стали звучать разговоры о «религиозном возрождении», охватившем Россию в начале перестройки. Согласно мнению наиболее скептически настроенных исследователей, опирающихся на принятые в науке стандарты операционализации понятия «верующий» (интересно, что к их числу относится ежедневное интернет-издание «Православие и мир»), исповедующими христианство можно считать лишь тех, кто воцерковлен, то есть регулярно (не реже раза в неделю) посещает церковные таинства – таких в стране порядка 7 % (плюс–минус 1 %) – [8]. С другой стороны, Фонд «Общественное мнение» в 2013 году фиксировал 64 % православных, 1 % представителей других христианских конфессий, 6 % последователей ислама; 1 % – представители иных религий; 25 % – не считают себя верующими людьми [24]. Более оптимистичная служба «Среда» по данным 2012 года называет то же число неверующих – порядка 25 % населения; однако православных среди оставшихся лишь 41 %, а 1,5 % считают себя православными, но не принадлежат при этом к РПЦ и не являются старообрядцами [1].

Таким образом, христианская проблематика и связанные с ней сюжеты и образы [4, с. 131–140; 17, с. 173–179; 18, с. 8–26] не случайно составляют значительный пласт образного языка российского кинематографа, средствами искусства сохранившего христианский метанарратив в народном сознании в годы гонений и поддерживавшего интерес к нему как в период гласности, так и в постперестроечное время. При этом идеологизация советского периода [12, с. 189], построенная на неприятии религиозных ценностей, сегодня нередко оказывается «вывернута наизнанку» в требовании «соответствовать религиозным ценностям» как их понимают те или иные слои населения.

С точки зрения истории российского кино обращает на себя внимание экранизация в далёком 1918 году повести Л. Н. Толстого «Отец Сергей» (режиссёр Протазанов Я., в главной роли – Мозжухин И.), которая продемонстрировала огромные возможности раскрытия глубинных смыслов религиозного сознания не только игрой актёра, но и смелыми приёмами работы режиссёра и оператора. В то же время, киноведы отмечают, что перепостановка этой картины в 1928 году вызвала резкую идеологическую критику со стороны официальных изданий, упрекавших создателей картины в «заведомом возбуждении интереса к церкви» [2, с. 5].

Подобных ограничений не знала американская кинематография. Более того, ортодоксальная часть киноаудитории этой страны, как показывают исследования, «влияла на регламентацию кинозаказов» [21, с. 272–275]. Попытаемся вкратце охарактеризовать то, каким образом религия появляется на американских экранах, какие религиозные сюжеты наиболее популярны, в каком виде они подаются. Следует заведомо оговориться, что данный вид продукции весьма разнообразен как в плане тематики, так и в плане используемых жанров. Так, существует давняя весьма респектабельная традиция экранизации различных сюжетов Ветхого и Нового Завета в жанре, который условно может быть обозначен как историческая драма («Пророк Иеремия: обличитель людей» (1998), мини-сериал «Библия» (2013), «Исход: цари и боги» (2014), «Визуальная Библия: деяния святых апостолов» (1994), «Варрава» (2012) и т. п.) К этому виду продукции относятся киноленты о земной жизни Иисуса Христа, которых за историю Голливуда было снято несколько десятков и которые можно выделить в самостоятельный киножанр.

Однако Голливуд охотно заимствует из религии не только полноценные сюжеты и повествования, но и отдельные элементы религиозной картины мира [25]: образы (Бога, ангелов, демонов), мифы о различных событиях (Апокалипсисе), практики и обряды (например, обряд экзорцизма). Названные сюжеты активно эксплуатируются в различных типах голливудских фильмов, – например, в триллерах.

На религиозные темы снимаются также комедии («Действуй, сестра!» (1992), «Майкл» (1996), «Брюс Великолепный» (2005) и т. п.). Кроме того, по мотивам евангельских событий была снята рок-опера «Иисус Христос – суперзвезда» (1973), дискуссии о которой в российском обществе в очередной раз возобновились в 2016 году, когда глава Синодального отдела Московского патриархата по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Владимир Легойда назвал это произведение «являющим отблеск христианской культуры» [11].

Многообразие образов, тем и жанров американского кинематографа, связанных с религиозной проблематикой, явно свидетельствует о: 1) масштабах производства (большинство кинолент имели многомиллионные бюджеты); 2) востребованности работ такого рода; 3) готовности американского зрителя воспринимать религиозные темы не только под разным углом зрения, но и находясь в

разном душевном состоянии: и в виде лёгких, полностью развлекательных кинолент, и виде картин, требующих серьёзной рефлексии и сопереживания.

Однако уместен вопрос: насколько все эти многочисленные кинопроизведения вообще имеют отношение к религии? Насколько они нацелены на пробуждение у зрителя некоего религиозного переживания? Или религиозная символика служит своеобразным бутофорским материалом, лишь дополняющим основной замысел фильма? Ответ на это вопрос неоднозначен. Разумеется, в американском прокате представлено немало лент, в которых религиозные сюжеты используются скорее не как цель, а как средство. Примером может служить фильм П. Хаймса «Конец света» (1999). Картина снята в лучших традициях американских блокбастеров с хрестоматийными персонажами и сюжетными ходами. Герой (в исполнении А. Шварценеггера) противостоит самому дьяволу, пытающемуся в конце времён забрать свою невесту. Герой, естественно, побеждает и предотвращает Апокалипсис. Конечно, и в таком кино ставится вопрос о выборе между добром и злом, Богом и дьяволом, однако, очевидно, что цель картины – не столько поразмышлять вместе со зрителем, сколько увлечь последнего сценами погонь и красочными спецэффектами.

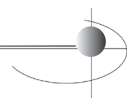
Вместе с тем, в Голливуде снимаются также фильмы, призванные пробудить у зрителя непосредственное религиозное переживание. Разумеется, примеров и вариантов такого кино также немало. Ограничимся рассмотрением одной кинематографической традиции, в которой, на наш взгляд, религиозные представления и настроения отражены наиболее выпукло. Речь идёт о картинах, посвящённых земной жизни Иисуса Христа. Следует заведомо оговориться, что с точки зрения пробуждения религиозного чувства картины о Христе имеют очевидное преимущество перед похожими лентами о жизни ветхозаветных патриархов и пророков, поскольку образ Христа затрагивает самое средоточие христианской веры, фокусируя внимание на острых смысловых проблемах. Именно такие фильмы привлекают и волнуют, вызывают живой отклик. Об этом недвусмысленно свидетельствует обилие критики и даже протестов (со стороны церкви и религиозных общин), которые возникали и возникают при их выходе в прокат.

Выше уже говорилось о том, что за историю Голливуда было снято, по меньшей мере, несколько десятков фильмов о зем-

ной жизни Спасителя. Первые картины появились во времена немого кино, с звукового кино производство фильмов о Христе набирает обороты. Из наиболее успешных и знаковых картин: «Царь царей» (1961), ремейк немого фильма с аналогичным названием, «Величайшая из когда-либо рассказанных историй» (1965), «Бен Гур» (1959), «Варрава» (1961), «Слово Божие» (1973), «Иисус Христос – суперзвезда» (1973), «Иисус (1979), «День, когда умер Христос» (1980), «Последнее искушение Христа» (1988). Можно говорить о том, что в настоящее время Голливуд переживает своеобразный бум производства подобных фильмов. За последние годы сняты следующие киноленты: «Страсти Христовы» (2004), «Магдалина: освобождение от позора» (2006), «Дорога в Эммаус» (2010), «Иисус: мечта веков» (2014), «Сын Божий» (2014), «Убийство Христа» (2015), «Бен Гур» (2016). Вот далеко не полный перечень фильмов, снятых по данной теме.

Можно с уверенностью говорить о наличии в американском кинематографе определённой традиции как в плане изображения самого Христа, так и в плане подачи новозаветной истории. Разумеется, режиссёры и актёры стараются выработать своё собственное видение и демонстрируют творческий подход к сюжету, однако это не исключает наличия некоторых стереотипных моментов.

Так, прежде всего, подчёркивается человеческая природа Спасителя, тогда как его божественность скорее подразумевается. Христос в американском кино – это, прежде всего, хороший человек, добрый, приветливый и миролюбивый. Он печётся о простых людях, он близок, доступен и понятен. Примечательно, что американский кинематограф экранизирует определённый («типовой») набор эпизодов из евангельской истории: Нагорная проповедь, прощение блудницы, Тайная вечеря и т. п. Эпизоды заимствованы, в основном из трёх синоптических Евангелий (Евангелие от Иоанна экранизировалось в значительно реже). Это существенная деталь, потому что именно синоптические Евангелия подчёркивают человечность Христа, тогда как у св. Иоанна Христос трансцендентен, отстранён и загадочен. Важно отметить, что в американском кино не упоминаются такие спорные с точки зрения современной морали высказывания Христа, как: «Не мир я пришёл принести, но меч» (Мф. 10:34), «Я послан только к погибающим овцам дома Израилева» (Мф. 15:24). Можно сделать вывод, что в американской

культуре востребован образ Христа – добро-го человека, а не гневного Христа или Христа, израильского националиста, хотя сам евангельский текст позволяет интерпретировать этот образ по-разному.

Разумеется, в США снимаются также фильмы, выходящие за рамки указанной традиции, в которых зрителю предлагается какая-то альтернативная интерпретация или форма подачи евангельских событий. К их числу можно отнести фильмы «Иисус Христос – суперзвезда» (1973), «Последнее искушение Христа» (1988) и «Страсти Христовы» (2004).

«Иисус Христос – Суперзвезда» (1973) и «Последнее искушение Христа» (1988) имеют общую черту: в них осуществлена психологизация образа Сына Божьего. Новозаветные события передаются через внутреннюю драму Спасителя. Различия только в составляющих этой драмы: в первом случае Христос сознаёт собственное бессилие и бессмысленность своей проповеди, во втором – сомневается и боится принять свою миссию. Внимание к внутренним переживаниям Иисуса заметно отличает эти две картины от фильмов, снятых в более традиционном ключе, где Спаситель представлен целостной, гармоничной личностью, а момент сомнений, хотя и присутствует, но не доминирует в сюжетах фильмов.

Также в обеих картинах появляются эпизоды или сюжеты, слабо согласующиеся с Евангелиями. Например, в киноленте «Иисус Христос – суперзвезда» появляется сцена, когда Христос расталкивает теснящих его нищих и прокажённых (изображённых в непривычно для таких фильмов антипатичном виде) и кричит им: «Вас слишком много, меня слишком мало!». В обоих фильмах чрезвычайно сильно по сравнению с евангельским сюжетом разработан образ Иуды. Фактически это второй драматический герой. В «Последнем искушении Христа» Иуда даже представлен единственным человеком, кто понимает миссию Христа, а его предательство интерпретируется как попытка заставить Иисуса выполнить своё предназначение. В российском религиоведении последнее время появились работы, рассматривающие данное явление с позиций трансгрессии христианского метанарратива [9], что происходит, в том числе, по линии героизации образа Иуды в тантрическом по духу ключе.

Следует подчеркнуть, что психологизация образа Христа выглядит вполне органично в рамках западной в целом и американской культур в частности, поскольку для

них как раз характерен повышенный интерес к психологическим изысканиям и проблемам морального выбора. В итоге, в обоих фильмах создаётся очень сильный, внутренне драматичный образ Христа. Но, как результат, он вызывает много споров и даже неприятие со стороны церкви.

Интересно, что третий фильм из этого ряда – «Страсти Христовы» – развивает образ Спасителя в принципиально ином направлении. Акцент сделан именно на его физических страданиях. Психологические моменты минимизированы даже по сравнению с более традиционными лентами. Следует отметить также то, что фильм Мела Гибсона в каком-то смысле не столько разрушает наметившуюся выше традицию американского кино, сколько гипертрофирует её. Действительно, многие режиссёры до и после Гибсона стремились создать картины максимально аутентичные, приближённые к реалиям жизни Христа (насколько это вообще возможно). Примером может служить фильм «Иисус» (1979), поставленный по тексту Евангелия от Луки. Однако Гибсон явно всех превзошёл. Фильм снят на реконструированном арамейском и латыни с закадровым переводом или субтитрами, в сцене бичевания актёра, игравшего роль Христа, дважды ударили кнутом, крест, который актёр с огромным трудом несёт на Голгофу, весил 70 кг и т. п.

От более традиционных лент «Страсти Христовы» отличает, прежде всего, эмоциональный настрой. Действительно, большинство фильмов о Христе – это всё-таки светлое кино. Разумеется, зритель страдает во время просмотра сцен истязания и распятия, но общее ощущение от фильмов остаётся светлым. Гибсон идёт принципиально иным путём. Он заведомо ограничивается последними 12 часами жизни спасителя. Сцены истязания Спасителя сняты во всех подробностях и затянуты. Здесь активно эксплуатируются эмоции ужаса и отчаяния. Для этого в картину вводятся элементы фильмов ужаса (инфернальный образ Сатаны, в сцене самоубийства Иуды лица детей преобразуются в морды демонов). Примечательно, что сатана действительно упоминается в трёх синоптических евангелиях во время искушения в пустыне, однако в «Страстях Христовых», если судить по длительности пребывания этого персонажа на экране, это фактически второе действующее лицо. В результате создаётся чрезвычайно гнетущее впечатление. В этом и состоял, надо полагать, замысел его создателей.

Таковы разноплановые подходы к изображению центрального образа христианства средствами американского кинематографа.

Для российского кинематографа изображение Христа и евангельских сюжетов – большая редкость, чем для американцев. Исключение составляет, как ни странно, советский период: развёрнутый эпизод «Страсти по Андрею» из фильма Андрея Тарковского «Андрей Рублёв» (1966). (Заметим, что первоначально название этого эпизода предполагалось дать всему фильму). Здесь тема физического и душевного страдания соединена со страданием духовным, открытостью страдающего сознания к непредзаданности происходящего. Христос, несущий на Голгофу крест, показан в по-настоящему динамическом ключе. Он как будто не знает, что будет дальше. Отчаянная готовность претерпеть до конца, смешанная с надеждой и верой в обетование Отца Небесного делает этот образ чрезвычайно приближенным к кинематографическим трактовкам евангельских сюжетов, свойственным американской традиции.

Стоит, однако, заметить, что рубеж XX–XXI веков принёс новое для России явление – появление мультфильмов для детей, посвящённых евангельским сюжетам. Младенец Христос предстаёт в мультипликационном фильме Михаила Алданова «Рождество» (1996), где религиозный сюжет максимально приближен к прочтению образа средствами «вписывания» его в канву простой и понятной повседневности – стирки белья, тепла лампы, прохудившейся крыши сарая и прорывающегося сюда света, звезды и божественного младенца.

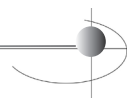
Яркую и интересную страницу в отечественном мультипликационном кино представляет работа коллектива авторов «История Ветхого Завета в стихах» (режиссёр Толкалин А., 2010). Несомненной удачей этого многосерийного мультфильма явилось сочетание видеоряда и аудиодорожки, где, помимо музыки Антона Вискова, в исполнении Ивана Верховых звучат замечательные стихи (Курмангалин Я., Кокин И., Пономарёва Н.). Образы ветхозаветных праведников здесь также максимально приближены к возможностям восприятия аудитории за счёт введения жизненно достоверных «милых деталей». Отвечая задаче формирования в сознании ребёнка представлений о добре и зле, эти образы соответствуют идее патернализма и вместе с тем задают вопрос о мере ответственности, которую каждый человек обязан брать на себя, если хочет быть по-настоящему

му свободным (что в трактовке русской религиозно-философской традиции тождественно тому, чтобы быть православным). По сути эти мультфильмы ставят глубокие философские вопросы. Ответ на них ищется в попытке с детской простотой посмотреть на сложные вещи. Отчасти такой подход связан с опорой на евангельскую заповедь «если ... не станете, как дети» (Мф. 18:3). С другой – со спецификой русской традиции, уклоняющейся от идеологических досмотров в уюте детских книг и фильмов, бережно сохраняющих интерес аудитории к универсальным ценностям [23, с. 34].

Значительный потенциал для развития современных динамических трактовок христианских по происхождению образов в серьёзном американском кино дают, как уже упоминалось, фильмы об Апокалипсисе и появление своеобразного жанра постапокалипсиса. Развитие этой темы – её актуализация в связи с появлением ядерного оружия и научным исследованием возможных последствий его применения, – например, наступления ядерной зимы. Экраны всего мира обошёл фильм «На последнем берегу» С. Крамера (1959) и ремейк Р. Малкэ с тем же названием (2000). Он стал своеобразным меседжем о хрупкости жизни человека на Земле. Актёрская игра убедительно раскрывала этапы катастрофы, надвигающейся на оставшееся пока в живых население Австралии, обречённое на мучительную смерть от гигантских облаков радиоактивной пыли, последствия ядерной войны. Этот фильм – страстное предупреждение тем, кто готов играть жизнью людей планеты ради групповых интересов международных корпораций и других групп, полагающихся на применение грубой силы в качестве главного аргумента мировой политики [22, с. 2].

В своеобразной перекличке с мировоззренческой концепцией С. Крамера и Р. Малкэ находится фильм отечественного режиссёра А. Сокурова «Солнце» (2005). В нём режиссёр исследует неординарную проблему: фундаментальную переакцентировку установок, происходящую в сознании двух вчерашних антагонистов – императора Японии Хирохито и командующего американскими оккупационными войсками в побеждённой Японии генерала Дугласа Макартура.

Ещё вчера император имел статус земного воплощения небесной богини Аматэрасу и считался её потомком, его культ носил характер всеобщего поклонения. Сегодня он – фактически военнопленный, ответственный

за все жестокости, совершённые его государством в ходе Второй мировой войны, прежде всего, перед американским народом. Генералу Макартуру, располагающему на территории Японии правами президента в решении всех конкретных вопросов, касающихся этой страны, предстоит принять ответственное решение относительно судьбы поверженного микадо. По существу, речь идёт о том, считать ли его по-прежнему главным военным преступником, каким он был до 15 августа 1945 года, когда в своём обращении по радио к нации отдал приказ о полной капитуляции. Для того чтобы психологический контекст и глубинное содержание происходящего были максимально достоверными, А. Сокуров пригласил японского актёра Иссыя Огата на роль императора и американца Роберта Доусона на роль Макартура. Японская и английская речь, звучащие в фильме, дополнительно работают на обеспечение достоверности происходящего общения. Каждая сторона защищает, насколько это возможно для неё, свои интересы. Добровольный отказ императора от мифа о его божественном статусе облегчит американским властям легитимацию на японской земле демократии западного.

В фильме явно присутствует противопоставление режиссёром идеологем, в том числе, и религиозного плана, и свободного (то есть нравственно-ответственного) поведения, – которому, впрочем, не противопоставлена религиозность как таковая. Это – вполне христианский вектор влияния. Тем более ценен вывод, что этот вектор не носит ни национальной, ни религиозной исключительности. Нравственность оказывается обратной стороной веры, имеющей не только узкоконфессиональный, но и общечеловеческий культурно-внеконфессиональный потенциал [20, с. 196–206].

Характерно, что А. Сокуров отказался от шаблонных клише в создании образа японского императора. Хирохито с молодости находил время и использовал немалые возможности, имевшиеся у него, для углублённых занятий океанологией. Особенно его интересовали редкие обитатели морских глубин. Эта сторона духовной жизни императора-учёного получила освещение в фильме, создавая объёмный образ личности, готовый развиваться ценой отказа от ранее усвоенных традиций и заученных публичных ролей.

Преображение личности – всегда чудо. История Японии последних 70 лет говорит, что преобразование, случившееся с императором Хирохито после 15 августа 1945 года,

имело значительные последствия для судеб японского народа в этот период. Таким образом, российский кинематограф вводит персоналистическое прочтение вопроса о добре и зле. Аналог его, впрочем, прочно утвердился в американском кинематографе.

Чудо – тот аргумент, который находит американский кинематограф для снятия «постапокалиптического синдрома». С этой точки зрения характерен фильм Ч. Кэмерона «Бездна» (1989), где обширный научно достоверный материал о проектах подводного строительства и водного природопользования организован на основе выхода за рамки допустимых показателей жизнеобеспечения живых организмов. В природе чудес такого рода не бывает, и как говорит современная наука, быть не может [Ср.: 27]. Чудо, однако, приобретает особое место в структуре кино-метафоры, использующей видеоряд в специфическом пространственно-временной «развёртке» [26]. С другой стороны, чудо в христианской традиции – не просто логически невозможное; но иррациональное присутствие логически невозможного в самой ткани природного и социального мира явлений; парадоксальное соединение веры знания, неоспорное – техники и чуда [Ср.: 25].

Мирное сотрудничество разных цивилизаций (конфронтирующих социально-политических и военных полюсов, представленных США и СССР) оказывается возможно только благодаря чуду: гигантские волны цунами останавливаются на пике своего подъёма и плавно возвращают мировой океан в исходное состояние. Чудо обеспечила некая гуманная сверхцивилизация, своего рода «Бог из машины». Иначе было не договориться...

Нравственный подвиг человека, способного преодолеть себя и нырнуть в бездну неизвестного, в этом фильме предстаёт как обязательное условие контакта. По существу, герой опускается не столько в бездну океана, но скорее в бездну своего сознания, своих страхов и стереотипов, без преодоления которых найти взаимопонимание с «предполагаемым врагом» – представителем другой культуры, попавшем в графу «чужие» [3, с. 362–365], – не только невозможно, но и опасно для обеих сторон, готовых выпустить друг по другу ядерные заряды. Аналогом этой бездны выступают в российском кинематографе отнюдь не героизированные персонажи фильмов П. Лунгина «Остров» (2006) и В. Хотиненко «Поп» (2009), для которых ограниченность внешнего социального манёвра компенсируется глубиной духовного подвига

как прорыва, спасающего в том числе и живые человеческие жизни. Спасающие — но без «хэппи-энда», а с полным пониманием необратимости земных реалий.

С другой стороны смотрят на эту проблему персонажи комедии российского режиссера Таисии Игуменцевой «Отдать концы» (2013). Жители забытой богом русской деревни поверили в скорый приход Апокалипсиса, что заставило их действовать в соответствии со своими самыми сокровенными побуждениями. Лёгкая грусть, добрый юмор в сочетании с иронией и социальным критицизмом составляют философско-культурный фундамент этого фильма. Тема чуда в сочетании с критикой сциентизма как современной магии присутствует в по сей день популярной в России работе К. Бромберга по сценарию братьев Стругацких «Чародеи» (1983). Сюжет этого фильма далёк от христианских образов, тем интереснее наличие здесь нравственного заряда, относящего «настоящее чудо» не к технике, но к области морали как свободного поступка, — что косвенно подтверждает влияние на образный ряд христианского метанарратива. По сути это актуализированное прочтение «постхристианских» (или даже точнее — «пострелигиозных») образов, сотканых из проблематики, сопряжённой с христианством, но не сводимой к непосредственным образам христианства [15, с. 231–239].

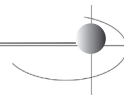
Выводы. Итак, российское и американское кино имеет много общего в подходе к темам и сюжетам, связанным с демонстрацией религиозных образов или отсылки к ним. При этом интеллектуальное кино чётко раз-

водит визуальную и идеологическую «бутафорию» — и собственно религиозные мотивы, которые нередко выступают в облики нравственных вопросов о сути свободного поступка и возможности его соотнесения с высшими ценностями. В качестве таких ценностей выступают как собственно конфессиональные (Христос), так и абстрактно-философские (идея совершенства, проецируемая на человека («добро») и политику («мир во всём мире»). Познание средствами религиозно и нравственно ориентированных чувств, а также конфессионально ангажированной мысли нередко противопоставляется науке и сближается с искусством.

Среди распространённых сюжетов можно выделить эсхатологизм и апокалиптизм, тему чуда как иррационального допущения возможности желаемого присутствия совершенства в природной и социально-политической действительности. Персоналистическое прочтение религиозных и пострелигиозных образов также роднит американское и российское кино. Правда, американская версия персонализма на сегодняшний день значительно более героизирована, чем российская. Все это позволяет предположить, что очная и заочная дискуссия философско-культурологического плана, которая присутствует как реальность в сознании зрителя (как подготовленного, так и неподготовленного), даёт шанс для продолжения полноценного диалога между нашими народами, направленного на достижение взаимопонимания и решение неотложных задач в сфере безопасности и сотрудничества.

Список литературы

1. Арена. Атлас религий и национальностей России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sreda.org/arena> (дата обращения: 06.11.2016).
2. Газета «Кино». 1928. № 40.
3. Глаголев В. С. Религиозно-этническое наполнение образов «свой» и «чужой» в динамике политической конъюнктуры // Диалог культур и партнёрство цивилизаций: XIV Междунар. Лихачевские науч. чт.; Рос. акад. наук, Рос. акад. образования, Конгресс петербургской интеллигенции. СПб.: СПбГУП, 2014. С. 362–365.
4. Глаголев В. С., Силантьева М. В. Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиций и традиции динамики // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2010. № 2. С. 131–140.
5. Делез Ж. Кино-2. М.: Ад Маргинем, 2004. С. 291–615.
6. Дробницкий Д. Россия и американская исключительность [Электронный ресурс] // Взгляд. 2016. 18 апр. Режим доступа: <http://www.vz.ru/columns/2016/4/18/805920.html> (дата обращения: 06.11.2016).
7. Жабский М. И., Тарасов К. А. Конкурентоспособность российского кино в социокультурной перспективе // Культура и искусство. 2013. № 3. С. 267–279.
8. Зайцев А. Сколько православных в России? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/skolko-pravoslavnykh-v-rossii-2/> (дата обращения: 06.11.2016).
9. Замлелова С. Г. Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искарота: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.14. М., 2014. 183 с.
10. Крашенинников Ф. Американское кино и русская правда [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kashin.guru/2015/12/11/kinoipravda/> (дата обращения: 06.11.2016).

11. Легойда отказался видеть кощунство в рок-опере «Иисус Христос – суперзвезда» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lenta.ru/news/2016/11/01/jcs/> (дата обращения: 06.11.2016).
12. Лубашова Н. И. Российская кинематография как социальная история XX в. // Аналитика культурологии. 2014. № 28. С. 186–189.
13. Медведева С. М. Воздействие политических стереотипов на массовое сознание (опыт России, 90-е годы): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2000. 181 с.
14. Медведева С. М. Российская наука и государство: образ учёного в современном российском кино // Вестн. МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 184–192.
15. Медведева С. М. Самопожертвование учёного в изображении отечественного кино // Вестн. МГИМО-Университета. 2015. № 5. С. 231–239.
16. Ньюпорт Ф. В США 77 % населения идентифицируют себя как «христиане» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gallup.com/poll/159548/identify-christian.aspx> (дата обращения: 19.10.2016).
17. Силантьева М. В. Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности // Вестн. МГИМО-Университета. 2012. № 2. С. 173–179.
18. Силантьева М. В. Новые принципы «философии границы» в глобальном мире: десуверенизация или «постсуверенизация»? // Полис. Политические исследования. 2014. № 3. С. 8–26.
19. Силантьева М. В. «Первобытное мышление» и художественный образ: визуализация как единство абстрактного и конкретного // Философия и искусство: материалы V Междунар. конф. 2016. С. 56–60.
20. Силантьева М. В. Ценностный потенциал христианства перед теоретическими вызовами современности // Вестн. Русской христианской гум. акад. 2009. Т. 10, № 2. С. 196–206.
21. Тимофеева Н. Г. У истоков американского жанрового кино. Влияние конфликта между Голливудом и ортодоксальной частью зрителей на формирование содержания кинофильмов первой половины XX века // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 44. С. 272–275.
22. Торкунов А. В. Дефицит демократии и международное сотрудничество // Международные процессы. 2009. Т. 7, № 3. С. 16–24.
23. Шестакова И. В. Российский кинематограф в условиях процесса глобализации // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 1. С. 32–35.
24. Ценности: религиозность. Сколько россиян верят в Бога, посещают храм и молятся своими молитвами? [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». 2013. 14 июня. Режим доступа: <http://www.fom.ru/obshchestvo/10953> (дата обращения: 06.11.2016).
25. Stone B. P. Religious Faith and Science in Contact [Электронный ресурс] // Journal of Religion and Film. 1998. Т. 2, № 2. Режим доступа: <https://www.unomaha.edu/jrf/stonear2.htm> (дата обращения: 19.11.2016).
26. Maarten Coëgnarts and Peter Kravanja, University of Antwerp. Towards an Embodied Poetics of Cinema: The Metaphoric Construction of Abstract Meaning in Film [Электронный ресурс] // Alphavill. Journal of Film and Screen Media. Winter 2012. Issue 4. PP. 1–18. Режим доступа: <http://www.alphavillejournal.com/Issue%204/PDFs/ArticleCoegnarts&Kravanja.pdf> (дата обращения: 19.11.2016).
27. Feuer J. Alien Zone: Cultural Theory and Contemporary Science Fiction Cinema. 1990. 231 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2017; принята к публикации 10.02.2017

Библиографическое описание статьи

Глаголев В. С., Медведева С. М. Религиозные образы в русском и американском кино: поиск Бога и человека // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 115–125. DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-3-115-125.

Vladimir S. Glagolev¹,
*Doctor of Philosophy, Professor,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(76 Vernadskogo Pr., Moscow 119454, Russia),
e-mail: kfmgimo@gmail.com*

Svetlana M. Medvedeva²,
*Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
(76 Vernadskogo Pr., Moscow 119454, Russia),
e-mail: svetamedvedeva@mail.ru*

Religious Images in Russian and American Cinema: in Search for God and Human Being

Religious images are broadly present in such texts of culture as cinema, as well as postreligious images, which preserve the moral potentiality of religious ones because of the continuity of their aesthetic forms. At the same time both religious and postreligious images retain their shared origin – a drive to comprehend the reality mostly through the sensory channel deployed towards the development of the dichotomy of good and evil and search for perfection. From the scientific point of view it is important to analyze the demarcation between, on the one hand, religion as one of the particular forms of reality comprehension and, on the other hand, religious ideology, targeted to solve other goals. The comparative analysis of the figurative language of Russian and American cinematic forms contributes to understanding the universal character of those questions from the point of view of their expression by means of the language of national cinematographic schools. Furthermore, it helps to define prospective ways of interrelation between both cultures on the basis of mutual respect and understanding, which is one of today's most difficult tasks. The analysis of themes and plots of Russian and American cinema, claiming to be problematic, reveals that religious and postreligious images are grouped around such themes as religious education, eschatology (apocalypses and postapocalypses), personalism and miracle. The irrational character of the latter corresponds to the aggravation of the contradictions of the current stage of globalization and the development of plots of world politics that entail a revision of the balance of modernization and conservatism, including the potential of religious ideologies. The article concludes about distancing the problem cinema of both countries from "frontal" ideology and immersion in the analysis of the problems of moral choice, which combines freedom and necessity in a decisive and responsible action. Such an act in the "withdrawn" form presupposes a genetic connection with the dynamic understanding of the religious image as having a powerful social charge and capable of broadcasting it to the audience.

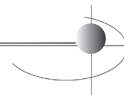
Keywords: philosophy of culture; religious images; postreligious images; knowledge in science, art and religion; religion and ideology in Russian and American cinema

References

1. Arena. Atlas religii i natsional'nostei Rossii [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: [http://www.sreda.org/arena\(data obrashcheniya: 06.11.2016\)](http://www.sreda.org/arena(data obrashcheniya: 06.11.2016)).
2. Gazeta «Kino». 1928. № 40.
3. Glagolev V. S. Religiozno-etnicheskoe napolnenie obrazov «svoi» i «chuzhoi» v dinamike politicheskoi kon'yunktturnosti // Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii: XIV Mezhdunar. Likhachevskie nauch. cht.; Ros. akad. nauk, Ros. akad. obrazovaniya, Kongress peterburgskoi intelligentsii. SPb.: SPbGUP, 2014. S. 362–365.
4. Glagolev V. S., Silant'eva M. V. Religiozno-kul'turnoe prostranstvo evropeiskoi Rossii: faktory dinamiki traditsii i traditsii dinamiki // Izv. Irkut. gos. un-ta. Ser. Politologiya. Religiovedenie. 2010. № 2. S. 131–140.
5. Delez Zh. Kino-2. M.: Ad Marginem, 2004. S. 291–615.
6. Drobnitskii D. Rossiya i amerikanskaya isklyuchitel'nost' [Elektronnyi resurs] // Vzgl'yad. 2016. 18 apr. Rezhim dostupa: <http://www.vz.ru/columns/2016/4/18/805920.html> (data obrashcheniya: 06.11.2016).
7. Zhabskii M. I., Tarasov K. A. Konkurentosposobnost' rossiiskogo kino v sotsiokul'turnoi perspektive // Kul'tura i iskusstvo. 2013. № 3. S. 267–279.
8. Zaitsev A. Skol'ko pravoslavnykh v Rossii? [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.pravmir.ru/skolko-pravoslavnykh-v-rossii-2/> (data obrashcheniya: 06.11.2016).
9. Zamlelova S. G. Sovremennye teologicheskie i filosofskie traktovki obraza ludy Iskariota: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.14. M., 2014. 183 s.
10. Krashenninnikov F. Amerikanskoe kino i russkaya pravda [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.kashin.guru/2015/12/11/kinoipravda/> (data obrashcheniya: 06.11.2016).
11. Legoida otkazalsya videt' koshchunstvo v rok-opere «Iisus Khristos – superzvezda» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.lenta.ru/news/2016/11/01/jcs/> (data obrashcheniya: 06.11.2016).

¹ V. S. Glagolev develops the theoretical and methodological grounds for the study, analyzes Russian cinema and formulates the conclusions.

² S. M. Medvedeva develops the theoretical and methodological grounds for the study, analyzes American cinematic tradition, formulates the conclusions and issues the article.

12. Lubashova N. I. Rossiiskaya kinematografiya kak sotsial'naya istoriya XX v. // *Analitika kul'turologii*. 2014. № 28. S. 186–189.
13. Medvedeva S. M. *Vozdeistvie politicheskikh stereotipov na massovoe soznanie (opyt Rossii, 90-e gody): dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02. M., 2000. 181 s.*
14. Medvedeva S. M. Rossiiskaya nauka i gosudarstvo: obraz uchenogo v sovremennom rossiiskom kino // *Vestn. MGIMO-Universiteta*. 2014. № 2. S. 184–192.
15. Medvedeva S. M. Samopozhertvovanie uchenogo v izobrazhenii otechestvennogo kino // *Vestn. MGIMO-Universiteta*. 2015. № 5. S. 231–239.
16. N'yuport F. V SShA 77 % naseleniya identifikiruyut sebya kak «khristiane» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gallup.com/poll/159548/identify-christian.aspx> (data obrashcheniya: 19.10.2016).
17. Silant'eva M. V. Diffuznaya identichnost' – sovremennaya versiya grazhdanskoj identichnosti // *Vestn. MGIMO-Universiteta*. 2012. № 2. S. 173–179.
18. Silant'eva M. V. Novye printsipy «filosofii granitsy» v global'nom mire: desuverenizatsiya ili «postsuverenizatsiya»? // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2014. № 3. S. 8–26.
19. Silant'eva M. V. «Pervobytnoe myshlenie» i khudozhestvennyi obraz: vizualizatsiya kak edinstvo ab-straktnogo i konkretnogo // *Filosofiya i iskusstvo: materialy V Mezhdunar. konf.* 2016. S. 56–60.
20. Silant'eva M. V. Tsenostnyi potentsial khristianstva pered teoreticheskimi vyzovami sovremennosti // *Vestn. Russkoi khristianskoi gum. akad.* 2009. T. 10, № 2. S. 196–206.
21. Timofeeva N. G. U istokov amerikanskogo zhanrovogo kino. Vliyanie konflikta mezhdu Gollivudom i orto-doksal'noi chast'yu zritelei na formirovanie sodержaniya kinofil'mov pervoi poloviny XX veka // *Izv. RGPU im. A. I. Gertsena*. 2007. № 44. S. 272–275.
22. Torkunov A. V. Defitsit demokratii i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo // *Mezhdunarodnye protsessy*. 2009. T. 7, № 3. S. 16–24.
23. Shestakova I. V. Rossiiskii kinematograf v usloviyakh protsessa globalizatsii // *Mir nauki, kul'tury, obra-zovaniya*. 2010. № 1. S. 32–35.
24. Tsennosti: religioznost'. Skol'ko rossiyan veryat v Boga, poseshchayut khram i molyatsya svoimi molitvami? [Elektronnyi resurs] // *Fond «Obshchestvennoe mnenie»*. 2013. 14 iyunya. Rezhim dostupa: <http://www.fom.ru/obshchestvo/10953> (data obrashcheniya: 06.11.2016).
25. Stone B. P. Religious Faith and Science in Contact [Elektronnyi resurs] // *Journal of Religion and Film*. 1998. T. 2, № 2. Rezhim dostupa: <https://www.unomaha.edu/jrf/stonear2.htm> (data obrashcheniya: 19.11.2016).
26. Maarten Coëgnarts and Peter Kravanja, University of Antwerp. Towards an Embodied Poetics of Cinema: The Metaphoric Construction of Abstract Meaning in Film [Elektronnyi resurs] // *Alphavill. Journal of Film and Screen Media*. Winter 2012. Issue 4. PP. 1–18. Rezhim dostupa: <http://www.alphavillejournal.com/Issue%204/PDFs/ArticleCoëgnarts&Kravanja.pdf> (data obrashcheniya: 19.11.2016).
27. Feuer J. *Alien Zone: Cultural Theory and Contemporary Science Fiction Cinema*. 1990. 231 r.

Received: January 12, 2017; accepted for publication February 10, 2017

Reference to the article

Glagolev V. S., Medvedeva S. M. Religious Images in Russian and American Cinema: in Search for God and Human Being // *Humanitarian Vector*. 2017. Vol. 12, № 3. PP. 115–125. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-115-125.

УДК 81-26:008

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-126-131

Дэцзидэма,

преподаватель,

Хэйлунцзянский институт иностранных языков

(150025, г. Харбин, Зона развития Ли Минь, ул. Шиданайлу, 1),

e-mail: d.yuan1988@yandex.ru

К вопросу об исследованиях письменных языков в контексте проблемы «язык и культура»

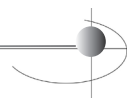
В статье определяются аспекты изучения письменных языков в контексте проблемы «язык и культура». Необходимость включения вопросов генезиса и развития письменных языков в широкий культурологический контекст связана с рядом причин, анализ которых представлен в работах российских культурологов, филологов и лингвистов. Интегрирующим фактором междисциплинарной парадигмы изучения языка является культурологическая направленность языковых исследований, целью которой является выявление системных связей между разными сферами действительности (в данном случае между языком и этническим сообществом, языком и идеологией, языком и властью, языком и обозначаемым им миром и т. п.) в их отношении не только друг к другу, но и человеку как субъекту культуры. В статье определены основные направления изучения роли письменных языков в контексте проблемы «язык и культура»: язык как средство реализации «логик смыслов», «логоцентрические» функции языка, язык как средство межкультурной коммуникации и способ аккумуляции культурного опыта и др. Анализ данных аспектов позволяет сделать вывод о том, что при определении роли письменных языков в культуре продуктивен функциональный подход, позволяющий содержательно рассмотреть кумулятивную (отражение, фиксация, сохранение культурной информации) и коммуникативную функции языка. Выявление роли языка в межкультурной коммуникации – это определение языковой специфики информационного взаимодействия культур, при этом «контактность» культур может быть как прямой, так и опосредованной, при которой большое значение имеют письменные языки.

Ключевые слова: язык и культура, письменные языки, культурологическая парадигма, «логоцентрические» функции языка, межкультурная коммуникация

Как известно, рассмотрение проблемы «язык и культура» находится в пространстве исследований разных дисциплин. Это и филологические науки, и культурология, и философия культуры, и философия языка, и культурная антропология, и лингвокультурология, и психология и т. д. Даже если делать акцент на собственно языковой проблематике, то нельзя не согласиться с мнением известнейших лингвистов о междисциплинарности самих наук о языке. Выдающийся российский лингвист В. И. Абаев считал, что «языкознание и литературоведение – это два раздела одной большой науки, науки о человеке. Формализация этих наук равносильна их дегуманизации... В любой науке переход от описательной стадии к объяснительной неотвратимо связан с вовлечением в свою орбиту данных тех или иных смежных наук» [4, с. 27]. Абаев перечисляет смежные для языкознания науки: антропологию, философию, психологию, социологию, историю, культурологию, фольклористику, литературоведение [4, с. 27]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров во «Введении» к своему фундаментальному

труду «Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы» к этому списку добавляют богословие, библиистику, агиографию – те сферы знания, которые связаны с религией [4, с. 27].

В современных работах о языке часто указывается на его функцию коммуникации, однако с ней связана не менее важная функция – познавательная. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров отмечают, что В. Гумбольдт на первое место ставил именно гностическую (познавательную) функцию, считая, что язык возникает прежде всего как средство познания мира [3, с. 30]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров разделяют эту гностическую функцию на две: кумулятивную и дискурсивную. Кумулятивная функция языка – функция отражения, фиксации и сохранения в языковых единицах информации о постигнутой человеком действительности [4, с. 30]. Эта функция – уровень статики языка. Динамике познавательной деятельности соответствует дискурсивная, или нарративно-контемплативная, функция языка, эта связана с пове-

ствованием и мышлением, «формированием и сцепкой мыслей» [4, с. 31].

В сфере рассмотрения проблематики отношений языка и культуры оригинальной и весьма продуктивной представляется концепция выдающегося лингвиста Ю. С. Степанова. Культура рассматривается им как автономная сфера бытия, которая развивается по собственным законам самоорганизующейся системы (причём данная система – семиотическая). Язык как структурный стержень таких самоорганизующихся систем (и культуры в том числе) развивается эволюционно: 1) тропизмы растений (т. е. движения растений – например, изгибы стебля под влиянием света); 2) коммуникативные системы животных («язык» пчёл и т. п.); 3) человеческий (естественный) язык; 4) искусственные языки (математической логики, компьютерный и т. д.) [1, с. 31].

Данное утверждение имеет большое значение для определения роли письменных языков. В этом контексте концепт определённого письменного языка своим содержанием связан как с «материальным носителем» (фрагментом реальности), так и с самим знаковым выражением, также связанным с определённой культурой. Таким образом, концепт письменного языка концентрирует в себе эту связь между культурой и миром. При этом следует отметить особую «переживаемость» концептов, поскольку Ю. С. Степанов писал, что от понятий концепты отличаются тем, что они не только рационально осмысляются, но и переживаются. О внелингвистическом значении идей Степанова свидетельствует то, что сам он представлял свою концепцию не как «открытие», а как «филиацию» идей, особый их «метаморфизм», определённую ступень в концептуальной эволюции. Понятие «филиация идей» раскрывается следующим образом: «Филиация идей, по ЮС, подобна световому лучу, по которому “внутренний человек (дух и разум человека) осторожно ступает как канатоходец, чтобы идти всё выше”» [1, с. 32].

Понимание языкового концепта как воплощения связи между культурой и миром (причём эта связь имеет семиотическую природу), а самого языка как структурного стержня таких самоорганизующихся систем (и природных, и социальных) позволяет предметно определить роль языка не только в культуре, но и в мире в целом.

В настоящее время в отечественной философии и культурологии присутствует целый ряд работ о связи языка и культуры. Одной

из наиболее оригинальных (в том числе и по объекту исследования) является философская концепция известного исследователя арабской философии А. В. Смирнова. В своих исследованиях А. В. Смирнов опирается на анализ семантических различий логико-смысловых структур разных культур, которые находят соответствующее выражение в языках.

Основные положения своей теории А. В. Смирнов излагает в монографии «Логика смысла: теория и её приложение к анализу классической арабской философии и культуры» (М., 2001) [9]. Впоследствии положения этой теории исследователь дополняет предложением различать в объекте анализа чужой культуры «номинальность» и «содержательность». Под «номинальностью» Смирнов предлагает понимать системы универсалий той культуры, которую мы рассматриваем. А под «содержательностью» он понимает то «эксплицитно выраженное смысловое наполнение, которое обычно выступает в работе исследователя как “раскрытие” объекта»¹. По существу, содержательность – это процедура раскрытия смысла, которая ведёт к описанию процедуры смыслообразования [2, с. 6–11]. Само это смыслообразование реализуется в языке и через язык. Специфические интуиции смыслополагания свойственны каждой культуре, и именно «интуиция делает определённую оформленность смысла очевидной для нас». Эти различные интуиции смыслополагания, получая своё оформление в языке, становятся «основаниями рациональности» (разной рациональности разных культур) и причиной различной «знаковости» разных культур [2, с. 6–11].

Вообще, если говорить о семантическом пространстве культуры и его связях с языком, то, как пишет Т. В. Бернюкевич, «семантика слова в широком смысле – это реализация отношения между языковыми выражениями и миром, данный мир может быть не только реальным, но и трансцендентным, сакральным, воображаемым. Слова, словосочетания, предложения обозначают то, что включено в этот мир (а вернее, миры) – предметы, действия и способы этих действий, качества (или свойства) предметов» [3, с. 127–132].

И хотя эти отношения между выражениями естественного языка и действительным или воображаемым миром рассматриваются лингвистической семантикой, однако в современной гуманитарной науке существует тен-

¹ Универсалии культуры / отв. ред. М. С. Степанянц. – М.: Вост. лит., 2001. – С. 295.

денция междисциплинарности в исследовании культуры. Поэтому «целесообразно рассмотрение проблем лингвистической семантики в поле такой проблемной области наук о культуре, как культурная семантика, которая исследует любые культурные объекты как средства трансляции культурно-значимой информации. Лингвистическая семантика в этом случае изучает эти процессы применительно к естественным языкам» [3, с. 127].

Современные культурологи видят в акцентуации роли языка в культуре – особенность культуры на протяжении целого ряда веков, основную интенцию её развития. Так, А. А. Пелипенко отмечает, что основным направлением европейской культуры явилось её стремление к логоцентричности. Согласно идеям А. А. Пелипенко, логоцентризм – это универсальная макропарадигма культуры, господствующая с осевой эпохи. В логоцентрической парадигме знак и символ выступают онтологически первичным источником всякого культурного бытия: сакрализованное слово создаёт реальность. В логоцентрической парадигме презумпруется духовный Абсолют как сверхиерархическая инстанция (логос), одним из коррелятов которого выступает Должное. Здесь Должное – это не нормы и идеалы вообще, а именно метафизический Абсолют, ядерный смысловой комплекс всей логоцентрической системы. Люди, мыслящие в логоцентрической парадигме, исходят из объективного, внеположенного человеку Должного – мерила «правильного» социального порядка [7; 8]. По мнению Пелипенко, все дискурсы книжно-письменной культуры – это логоцентризм. Абсолют, заданный словом, – это квинтэссенция логоцентризма [6].

Генезис и становление логоцентризма известный культуролог связывает с генезисом и становлением языка. Язык в этом случае из фактора и формы развития культуры превращается в её источник: «В логоцентристской парадигме сакрализованное слово становится не только заменителем (адекватным репрезентантом) реальности, но и её онтологическим источником. Слово выступает оптимальной и универсальной формой кодирования и продуктивного воспроизведения отношений дискретности и континуальности, и поэтому языковая реальность выражает реальность культуры в максимальной степени» [6, с. 16–17].

Предваряя своё исследование о связи языка и культуры, автор книг по социолингвистике и семиотике Н. Б. Мечковская замечает, что «в кругу ... измерений человека и социума

особое место занимают три признака: язык, этничность (национальность) и конфессионно-вероисповедная принадлежность¹. Существуют определённые типологии языков в их отношениях и соотношениях с религиями. Эти типологии определяют как связь отдельных языков с религиозной жизнью, так и роль языка в духовной культуре разных народов, стран и цивилизаций.

Связь между письменными языками и религией наиболее отчётливо прослеживается в надэтнических формах религий, которые содержат достаточно сложные учения и культы. Это такие религии, как ведизм, буддизм, ветвь, зороастризм, христианство, ислам. Часто эти религии служили основанием для объединения многих народов в пространстве единой духовной культуры. Книги, излагающие религиозные учения (например, Откровение) стали почитаться и признаваться священными. Сам язык, на котором эти учения излагались, также получал сакрализацию. Закреплённость религиозных идей и догматов в письменном языке одновременно придавала уверенность в надёжности и неизменности религиозных учений и вызывала уважение к вероучительным книгам и их языку².

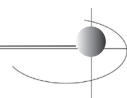
В науке также применяется выделение языков пророческих и апостольских. В истории культуры языки, на которых было изложено впервые или записано, а впоследствии канонизировано то или иное религиозное вероучение, стали называть «пророческими» ('профетическими') или «апостольскими» ('посланными') языками. Мечковская отмечает, что таких языков немного: у индусских народностей первый культовый язык – ведийский, позже близкий к нему санскрит; у китайцев, японцев, корейцев – вэньянь и письменно-литературный тибетский; у народов, исповедовавших зороастризм, – авестийский язык; у мусульман – письменно-литературный арабский язык и классический персидский. Апостольские языки христиан Европы – греческий и латынь, у православных есть свой первый культовый язык – церковнославянский (старославянский)³. На наш взгляд, роль подобного культового языка выполнял и старомонгольский язык.

В Новое время религиозно-языковая ситуация начинает меняться. Н. Б. Мечковская пишет о том, что под влиянием процессов секуляризации народные языки постепенно становятся основными языками образова-

¹ Мечковская Н. Б. Язык и религия: пособие для студ. гум. вузов. – М.: ФАИР, 1998. – С. 9.

² Там же. – С. 14–15.

³ Там же. – С. 15–16.

ния и науки, на них переводятся религиозные книги и в культовых религиозных обрядах классические культовые языки уступают место народным языкам. Однако она замечает об особенностях ситуации в исламском мире и языковой ситуации в Русской православной церкви¹. По нашему мнению, в подобных уточнениях нуждается и история функционирования старомонгольского языка как языка буддийских текстов.

В рамках исследований проблематики «язык и культура» особого внимания заслуживает рассмотрение роли языка в межкультурной коммуникации. Как известно, развитие теории межкультурной коммуникации началось в XX веке. Её становление связывают с работами американского антрополога и лингвиста Эдварда Холла, именно его можно назвать основоположником межкультурной коммуникации. Именно в книге Э. Холла и Д. Трагера «Культура как коммуникация» (1954) был предложен для использования в научном мире сам термин «межкультурная коммуникация» для обозначения отражения особой области человеческих взаимоотношений, связанной с взаимодействием. В современной гуманитаристике сегодня есть множество определений понятия «межкультурная коммуникация». Обратимся к определению, которое представлено в работе, определяющей связь языка и культуры – монографии Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура», о концептуальных положениях которой мы уже писали: «Этим термином называется адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [4, с. 26].

Данным определением пользуется автор книги «Язык и межкультурная коммуникация» С. Г. Тер-Минасова. Целью её исследования является определение предметного поля, проблематики, задач и научного инструментария межкультурной коммуникации в аспекте выявления в ней языковых факторов и возможностей [11, с. 14]. Рассматривается и такая относительно новая дисциплина, как лингвокультурология, причём в интерпретации С. Г. Тер-Минасовой это не лингвистическая, а комплексная дисциплина.

В настоящее время опубликовано немало работ, в которых обосновывается необходимость становления теории межкультурной коммуникации, определяются её связи с другими науками, выявляются новые обогащаю-

щие её теории. В рамках культурологии вопросы межкультурной коммуникации получают своё обоснование и дальнейшее развитие. В работе «Теория культуры» под редакцией известных культурологов С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова межкультурная коммуникация определяется следующим образом: «Межкультурная коммуникация – информационное взаимодействие культур в процессе и в результате прямых или опосредованных контактов между разными этническими или национальными группами» [10, с. 318]. Однако междисциплинарный характер межкультурной коммуникации не исключает наличия специфических характерных для каждой отдельной науки подходов к её исследованию. В результате постепенно сложились три методологических подхода к изучению межкультурного общения: функциональный, объяснительный и критический².

Безусловна значимость межкультурной коммуникации для развития и сосуществования культур как процесса, в котором разнообразные векторы социокультурного взаимодействия (интеграция – дифференциация; универсализация – партикуляризация; конфликты – сотрудничество) взаимно обуславливают друг друга, делая его диалектическим [12, с. 212]. Исследователями отмечается, что поскольку межкультурная коммуникация «соприкасается с национально специфическими нормами и правилами речевого поведения субъектов культуры», то осмысление межкультурной коммуникации предполагает обращение к истокам языка и к культуре общения со «своими» и «чужими» [5, с. 261]. Отсюда значимость рассмотрения роли языка в межкультурной коммуникации.

Таким образом, аспекты анализа письменных языков в контексте проблемы «язык и культура» определяются рядом особенностей развития современной гуманитарной науки. Большинство современных исследований о языке имеет междисциплинарный характер, интегрирующим фактором данной исследовательской междисциплинарности может быть культурологический контекст, задающий общую цель этих исследований и определяющий связь человека и культуры, если понимать культурологию как «комплексную синтетическую науку, изучающую системные связи между разными сферами действительности в их отношении к человеку»³. При определении

¹ Мечковская Н.Б. Язык и религия: пособие для студ. гум. вузов. – М.: ФАИР, 1998. – С. 17.

² Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А. П. Садохина. – М.: Юнити-Дана, 2003. – С. 51.

³ Мечковская Н. Б. Язык и религия: пособие для студ. гум. вузов. – М.: ФАИР, 1998. – С. 17.

роли письменных языков продуктивен функциональный подход, позволяющий содержательно говорить о кумулятивной (отражение, фиксация, сохранение культурной информации) и коммуникативной функциях языка. Новому пониманию роли языка в культуре способствуют концепции, рассматривающие язык в экстралингвистическом плане как эволюционирующую универсальную систему (Ю. С. Степанов). Следует отметить, что в этой самоорганизующейся системе само знаковое выражение связано с «материальным носителем» (фрагментом реальности). Язык есть средство выражения, объективации смысловых логик (А. В. Смирнов), которые, в свою очередь, являются рационализацией интуиций различных культур. Рассмотрение роли языка в рамках культурной семанти-

ки позволит более предметно и сущностно определить отношения между языковым выражением и миром, как реальным, так и трансцендентным (Т. В. Бернюкевич), рассмотреть языковые способы трансляции культурно-значимой информации. Особую роль в выражении связи с трансцендентным (сакральным) миром и в самом процессе трансцендирования играют так называемые культовые языки, к которым, например, относится старомонгольский язык. Определение функций языка в межкультурной коммуникации – это определение языковой специфики информационного взаимодействия культур, причём «контактность» этих языков может быть как прямой, так и опосредованной, при которой, разумеется, большое значение имеют письменные языки.

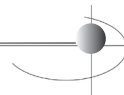
Список литературы

1. Арутюнова Н. Д., Кубрякова Е. С. Юрий Сергеевич Степанов. Очерк научной деятельности // Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Ю. С. Степанова / отв. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. 600 с.
2. Бернюкевич Т. В. О некоторых дискуссионных вопросах концептуализации и типологического сравнения культурных универсалий в современной отечественной философии // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Философия, социология, культурология, социальная работа. 2009. № 4. С. 6–11.
3. Бернюкевич Т. В. Концепт «нирвана» в контексте рецепции буддийских идей в философской культуре России конца XIX – начала XX века // Гуманитарный вектор. Сер. Филология, востоковедение. 2012. № 4. С. 127–132.
4. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческих концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
5. Домнич С. П. Межкультурная коммуникация как социокультурный феномен: философско-антропологическое измерение: сб. науч. тр. // Гилея: науч. вестн. Философские науки. Вып. 82. С. 251–267.
6. Пелипенко А. А. Избранные труды по теории культуры. М.: Согласие, 2014. 728 с.
7. Пелипенко А. А. Русская система в культурном измерении [Электронный ресурс] // Фонд «Либеральная миссия». Дискуссион: Куда ведет кризис культуры? Семинар второй. 2010. 21 окт. С. 9. Режим доступа: <http://www.teoriaprava.hse.ru/library/41-article/221--q-q> (дата обращения: 19.11.2016).
8. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. М.: Языки рус. культуры, 1998. 396 с.
9. Смирнов А. В. Логика смысла. Теория и её приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры. 2001. 504 с.
10. Теория культуры / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. СПб.: Питер, 2008. 592 с.
11. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
12. Шарков Ф. И. Коммуникология: основы теории коммуникации. 3-е изд. М.: Дашков и К, 2012. 592 с.

Статья поступила в редакцию 26.11.2016; принята к публикации 15.01.2017

Библиографическое описание статьи

Дэцидэма. К вопросу об исследованиях письменных языков в контексте проблемы «язык и культура» // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 126–131. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-126-131.

Detszidema,

Lecturer,

Heilongjiang International University,

(1 South Shida Road, Limin Development Zone,

Harbin, China, 150025),

e-mail: d.yuan1988@yandex.ru

On the Question of the Written Languages Analysis in the Context of the "Language and Culture" Problem

The article defines the main aspects of analyzing written languages in the context of the "language and culture" problem. The need to include the questions of written languages genesis and development in a broad cultural context is connected with a range of reasons analyzed in works of Russian culturologists, philosophers and linguists. The integrating factor of the interdisciplinary paradigm of language learning is a cultural focus of linguistic research, the purpose of which is to identify systemic links between different spheres of reality (in this case between language and ethnic community, language and ideology, language and power, language and the world designated by it, etc.) in their relation not only to each other, but also to man as a cultural entity. The main directions of studying the role of written languages in the context of "language and culture" are formulated in this article: language as a means of realizing the "logic of meanings", implementing "logocentric" functions of language, language as an agent of intercultural communication and a way of accumulating cultural experience, etc. The analysis of these aspects allows the author to conclude that a functional approach is productive for determining the role of written languages in culture, it helps to consider the cumulative (reflection, fixation, preservation of cultural information) and communicative functions of language. The identification of the language role in intercultural communication is the definition of the language specifics of cultures information interaction while the "contact ability" of cultures can be both direct and indirect, in which written languages are of great importance.

Keywords: language and culture, written languages, cultural paradigm, "logocentric" functions of language, intercultural communication

References

1. Arutyunova N. D., Kubryakova E. S. Yuri Sergeevich Stepanov. Ocherk nauchnoi deyatel'nosti // Yazyk i kul'tu-ra: Fakty i tsennosti: k 70-letiyu Yu. S. Stepanova / otv. E. S. Kubryakova, T. E. Yanko. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tu-ry, 2001. 600 s.
2. Bernyukevich T. V. O nekotorykh diskussionnykh voprosakh kontseptualizatsii i tipologicheskogo sravneniya kul'turnykh universalii v sovremennoi otechestvennoi filosofii // Uchenye zapiski ZabGU. Ser. Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya, sotsial'naya rabota. 2009. № 4. S. 6–11.
3. Bernyukevich T. V. Kontsept «nirvana» v kontekste retseptsii buddiiskikh idei v filosofskoi kul'ture Ros-sii kontsa XIX – nachala XX veka // Gumanitarnyi vektor. Ser. Filologiya, vostokovedenie. 2012. № 4. S. 127–132.
4. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskikh kontseptsii: leksicheskogo fona, rechevedencheskikh taktik i sapientemy. M.: Indrik, 2005. 1040 s.
5. Domnich S. P. Mezhekul'turnaya kommunikatsiya kak sotsiokul'turnyi fenomen: filosofsko-antropologicheskoe izmerenie: sb. nauch. tr. // Gileya: nauch. vestn. Filosofskie nauki. Vyp. 82. S. 251–267.
6. Pelipenko A. A. Izbrannye trudy po teorii kul'tury. M.: Soglasie, 2014. 728 s.
7. Pelipenko A. A. Russkaya sistema v kul'turnom izmerenii [Elektronnyi resurs] // Fond «Liberal'naya missiya». Diskussii: Kuda vedet krizis kul'tury? Seminar vtoroi. 2010. 21 okt. S. 9. Rezhim dostupa: <http://www.teoriapra-va.hse.ru/library/41-article/221--q-q> (data obrashcheniya: 19.11.2016).
8. Pelipenko A. A., Yakovenko I. G. Kul'tura kak sistema. M.: Yazyki rus. kul'tury, 1998. 396 s.
9. Smirnov A. V. Logika smysla. Teoriya i ee prilozhenie k analizu klassicheskoi arabskoi filosofii i kul'tury. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 2001. 504 s.
10. Teoriya kul'tury / pod red. S. N. Ikonnikovoi, V. P. Bol'shakova. SPb.: Piter, 2008. 592 s.
11. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhekul'turnaya kommunikatsiya. M.: Slovo, 2000. 624 s.
12. Sharkov F. I. Kommunikologiya: osnovy teorii kommunikatsii. 3-e izd. M.: Dashkov i K, 2012. 592 s.

Received: November 26, 2016; accepted for publication January 15, 2017

Reference to the article

Detszidema. On the Question of the Written Languages Analysis in the Context of the "Language and Culture" Problem // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 126–131. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-3-126-131.

УДК 008

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-132-139

Юлия Валентиновна Иванова,

доктор философских наук,

Забайкальский государственный университет

(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),

e-mail: ivanovayuv@gmail.com

Урбанскетчинг как сфера трансформации художественных практик

Феномен урбанскетчинга рассматривается в статье как современная трансформирующаяся арт-практика, имеющая индивидуальную и коллективную формы. В своей коллективной форме урбанскетчинг тяготеет к перформативности, что предполагает приобретение традиционно неисполнительскими видами искусства статуса исполнительских. Интерес к изображению городской среды восходит к художникам-импрессионистам (вторая половина XIX – начало XX в.), на полотнах которых запечатлена повседневная жизнь горожан, своеобразие их облика, быта и развлечений. Определяющими факторами наблюдаемого ныне расцвета урбанскетчинга являются процессы урбанизации, информатизации, рационализации современного общества, а также развитие цифровой фотографии, коммуникативных технологий и социальных сетей. Быстрые зарисовки жизни города в сообществе единомышленников, часто под руководством опытного художника, нацелены на фиксацию смыслов, образов и коллизий социокультурного пространства города, расширению его демократизма, полифункциональности и свободы. Синтез изобразительного искусства с иными культурными феноменами (образованием, спортом, туризмом и др.) способствует обогащению культурного досуга, развитию культурных индустрий и экономики впечатлений. Интернет-сообщества урбанскетчинга, ориентированные на массовую аудиторию, осуществляют динамичное производство эстетических артефактов, выступают источником мультикультурной информации.

Ключевые слова: урбанскетчинг, арт-практика, перформативность, изобразительное искусство

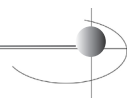
Англицизм «скетч» (от англ. *sketch* – «эскиз») сегодня широко распространён в художественной среде. Он не может быть однозначно переведён на русский язык вследствие своего полисемантизма: у художников это и набросок будущей картины, и зарисовка, и завершённая графическая работа. У дизайнеров скетч – это представление идей на бумаге, визуализация идей для последующей реализации, например, в рекламе. Существуют также театральные и эстрадные скетчи, выходящие за рамки нашей темы.

Художественный скетч – это результат техники быстрого рисования, востребованный в разных сферах современной культуры. К скетчам относятся не только напряжённые студии студентов арт-вузов, но и зарисовки с судебных заседаний; приблизительные изображения разыскиваемых лиц, созданные художниками со слов свидетелей; виртуозные портреты туристов на пешеходных улицах.

Профессиональными художниками скетчи создаются для непосредственного заработка, поддержания творческой формы, фиксации и разработки идей для будущих работ. Любители изобразительного искусства практикуют скетчи ради развлечения, саморазвития, совместного досуга и иных целей. Тема

тика современных художественных скетчей разнообразна: кулинарные, ботанические, трэвел-скетчи (впечатления от путешествий) и другие. Одним из наиболее популярных направлений быстрого рисования является урбанскетчинг – городские зарисовки.

Интерес к изображению городской среды восходит к художникам-импрессионистам (вторая половина XIX – начало XX в.), на полотнах которых запечатлена повседневная жизнь горожан, своеобразие их облика, быта и развлечений. Научные открытия и технические новшества (например, изобретение тюбиков с красками) способствовали трансформации технологий академической живописи с её тёмными мастерскими и реалистически гладкими портретами и натюрмортами. Импрессионисты открыли возможность живописи на пленэре (от фр. *en plein air* – «на открытом воздухе»), в царстве чистых красок, света, теней и рефлексов. Свежие впечатления художников крупными мазками ложились на холст, сохраняя быстротечные состояния световоздушной среды и радостные мгновения городской жизни. Выполненные на пленэре этюды импрессионистов впервые стали расцениваться как полноценные картины. Многие находки данного стиля в той или иной

мере присутствуют и в современном урбанскетчинге.

Урбанскетчинг – это популярный ныне вид культурного досуга, использующий и создающий многообразные возможности в социокультурном пространстве города. Рисовать можно самостоятельно: целенаправленно выходя на городской пленэр или параллельно с иными делами, например, ожидая посадку в самолёт или заказанный ужин в кафе. Для индивидуального урбанскетчинга не требуется быть профессиональным художником, множество любителей изобразительного искусства занимаются им ради собственного удовольствия, не ставя перед собой сверхзадач. В этом случае рисование выполняет рекреационные или психотерапевтические функции. Скетчбук (блокнот для зарисовок), карандаш, перьевая ручка или фломастеры – это минимальный походный комплект, способный в любой момент принести радость творчества его обладателю.

Тенденцией последних лет стала своеобразная институционализация урбанскетчинга – превращение его в форму организованного массового досуга, когда любители рисования собираются группами и сочетают непосредственно рисование с прогулками по городу, посещением кафе и обсуждением результатов. Кульминацией события становится импровизированная выставка-просмотр работ на улице и коллективное фото участников с их картинками. Вечером эти картинки гордо демонстрируются авторами в социальных сетях, получая похвалу (лайки) друзей. С культурологической точки зрения коллективное рисование несёт более широкий функционал, чем индивидуальное – тут можно усмотреть адаптивные, социализирующие, познавательные, знаковые, эмоциональные, компенсаторные и консолидирующие компоненты. Как правило, подготовкой и проведением таких встреч занимаются профессиональные художники или специальные организации, которые заранее продумывают маршрут прогулки, присматривают выигрышные виды для рисования и при необходимости разрабатывают программу обучения участников. Людям нравится учиться, особенно если полученные знания наглядны и прагматичны. Обучение через всю жизнь – лозунг современного динамичного общества.

С художественной точки зрения нельзя сказать, что урбанскетчинг придуман в XXI веке, поскольку он во многом наследует правила архитектурного рисунка и других жанров изобразительного искусства. Но урбанскет-

чинг знаменует трансформацию привычных художественных практик, тяготея к перформативности и синтетичности современного искусства: рисование, которое традиционно было одиночным занятием, объединяется здесь с элементами других сфер культуры: театра, праздника, школы, психологического тренинга, отчасти спорта (прогулки на свежем воздухе).

Урбанскетчинг – не только художественная мода, наряду с дзэнтанглом, дудлингом (медитативное рисование узоров) и книжка-ми-раскрасками для взрослых. Определяющим является то, что уже 10 лет это массовое движение. В 2007 году испано-американский журналист и художник из Сиэттла Габриэль Кампанарио (Gabriel Campanario, Gabi) создал группу на сайте Flickr, посвящённую урбанскетчингу [22]. Сейчас в этой группе около 10 000 участников и почти 230 000 рисунков. В одноимённой группе в Facebook около 54 000 участников [19]. Даже на официальном канале организации на Youtube [21] за неполный год его существования зафиксировано 1638 подписчиков и 60 311 просмотров (данные на начало 2017 г.). С 2009 года действует некоммерческая организация Urban Sketchers (USk) [20], координирующая данное движение.

Миссия движения – «повышение художественной, нарративной (*storytelling*) и образовательной ценности рисования с натуры (*on-location drawing*), продвижение его практик и объединение людей всего мира, рисующих там, где они живут и путешествуют» [17].

Правила и задачи урбанскетчинга сформулированы в его Манифесте и переведены участниками движения на 20 языков мира, включая русский:

«1. Мы рисуем на месте, в помещении или на улице, изображая то, что мы видим, путём непосредственного наблюдения.

2. Наши рисунки рассказывают о нашем окружении, о местах, где мы живём и путешествуем.

3. Наши рисунки – это изображения времени и места.

4. Мы передаём сцены, которые мы наблюдаем, честно и правдиво.

5. Мы используем любые художественные средства и уважаем наши индивидуальные стили.

6. Мы поддерживаем друг друга и рисуем вместе.

7. Мы показываем наши рисунки в интернете.

8. Мы изображаем наш мир, рисунок за рисунком» [16].

Нарушение этих правил (публикация в группах простых портретов, натюрмортов, не фиксирующих городскую среду и не рассказывающих историю) сопровождается деликатными замечаниями модераторов ресурса: «Это не урбанскетчинг».

Особенность движения урбанскетчеров, как и всего современного искусства, – повышенная событийность. В группе на Фликре каждую неделю предлагается общая тема для рисования (например, грузовики или места богослужения). На Фэйсбуке заранее анонсируются предстоящие встречи и события, чем-то напоминающие флэшмобы. Так, в Барселоне (Испания) систематически, примерно раз в квартал, проводятся скетч-марафоны (*BCNsketchcrawl*) [11]. В них участвуют десятки человек. В январе 2017 года запланирована 54-я встреча и ею интересуются более 200 человек. В программе – рисование на нескольких локациях Барселоны с 10–30 до 16 часов, с 16 до 17–30 – обед в кафе и фотографирование. Это типичная для коллективного урбанскетчинга программа, и подобные встречи проводятся по всему миру, в том числе, в Сингапуре, Гонконге, Таиланде, Канаде. На сайте организации говорится о 180 официальных региональных отделениях, включая 10 групп в Испании и Бразилии, 14 в Англии и 39 в США [14].

Ежегодно проводятся всемирные симпозиумы урбанскетчеров. В июле 2017 года в Чикаго, США, будет проводиться Восьмой симпозиум – *The 8th International Urban Sketchers Symposium* [18]. В его программе – торжественный приём, лекции, мастер-классы, демонстрации, закрытые вечеринки, организованные скетч-прогулки (*sketchwalks*) и другие культурно-просветительные мероприятия (*socialactivities*). Полный доступ ко всем мероприятиям симпозиума (*workshopspass*) обойдётся участнику в \$475, не считая оплаты дороги и проживания, участие в основной программе (*basic pass*) – \$160. Мероприятие анонсируется задолго до его проведения, ранняя регистрация даёт 14 %-ную скидку. О значимости события свидетельствует активная поддержка десятка солидных спонсоров, среди которых производители материалов для рисования Watercolors, Cretacolor, Leuchtturm1917, Невская палитра.

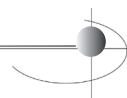
На симпозиумах работают инструкторы – опытные художники. У каждого из них свой стиль рисования и тематические предпочтения (архитектура, водоёмы, кафе, люди в городе; акварель, перьевая ручка, маркеры). Материал об инструкторах доступен на

сайте организации [15] и на Ютьюбе. Рассказ о художнике сопровождается демонстрацией его работ и фотографий его мастер-классов. Перелистывание перед видеокамерой заполненного рисунками скетчбука стал отдельным, обучающим и вдохновляющим жанром видео на Ютьюбе. Многие художники имеют свои каналы на этом ресурсе, популяризирующие их творчество и помогающие зарабатывать различными способами.

Как видим, несмотря на некоммерческий характер организации и призывы к волонёрской деятельности [23], коммерческая составляющая движения также присутствует. Это и реклама новых материалов, и оплата работы инструктора, и развитие скетч-туризма, и открытие платных курсов и школ рисования, работающих в городах или интернете, и публикация красочных учебников и многое другое, что позволяет говорить о формировании мировой субкультуры урбанскетчинга и его институционализации.

Популярность урбанскетчинга обусловлена рядом современных социокультурных процессов и явлений, среди которых, на наш взгляд, наиболее важны урбанизация, увеличение количества свободного времени, обострение проблемы поиска идентичности, развитие интернета и расширение глобальной коммуникации, развитие цифровой фотографии, трансформация современного искусства в сторону перформативности. Рассмотрим влияние этих факторов подробнее.

Урбанизация – это рост городских поселений и распространение городского образа жизни. Город становится центром культурной жизни, обеспечивая коммуникации между людьми и быстрое распространение новых идей и практик. В городе формируется особое социокультурное пространство, полное возможностей, опасностей и коллизий. Город – место, где концентрируются и обостряются социальные и социоприродные противоречия. Интенсивный труд и преобладание общественных, а не общинных отношений (Ф. Тённис) способствуют возникновению потребности в отдыхе, в самовыражении, в поиске возможностей для творческой самоидентификации. Относительно высокий уровень жизни в городе и централизованное решение бытовых проблем по сравнению с деревней (водопровод, бытовая техника, пищевые полуфабрикаты) увеличивает свободное время и открывает возможности для культурного досуга. Большое население города позволяет найти единомышленников и среду для реализации творческого потенциала. Со-

циокультурное пространство города глубоко семантизировано, наполнено смыслом, связано с культурными концептами, включено в социальные иерархии, нормы и распределение власти. Город – индивидуальная и коллективная мозаика знаковых мест и культурных топографий. Поэтому он полон герменевтически перспективных сюжетов для любого вида искусства.

Развитие интернета открывает широчайший доступ к мировой культуре, обеспечивает быстрое распространение идей. В соответствии с теорией «длинных хвостов», при огромном количестве потребителей (как в интернете) любой, даже малопопулярный товар находит спрос [1]. Следовательно, интернет способствует формированию творческих ниш, позволяет учиться любому искусству и показывать свои достижения большой аудитории. Очень важны предоставляемые интернетом возможности для консолидации сообществ. Даже простая маркировка публикации хэштегом (например, *#urbansketching*) позволяет повысить посещаемость ресурса. Хэштеги, которые используются Твиттером с 2007 года, а позже и другими социальными сетями, могут быть расценены как способ выявления квазигрупп по интересам [13]. Социальные сети позволяют находить друзей в далёких регионах, осуществлять общие проекты, получать необходимую поддержку.

Другим фактором развития урбанскетчинга является развитие цифровой фотографии, которое упростило и удешевило для рядового фотолюбителя процесс получения снимков. Теперь не нужно экономить каждый кадр (если не нравится, можно стереть и снять заново), тратить время на проявку плёнки и фотопечать, компьютер (или даже смартфон) исправляет ошибки. Армия фотолюбителей превысила миллиард людей, объём фотопродукции неисчислима. Фотография стала повседневным явлением, утратила эзотерический привкус, заняла прочное место в современной культуре. Любая современная фототехника, даже недорогая, позволяет легко получать яркие и резкие снимки. Обратной стороной этой достаточно позитивной тенденции является своеобразная «инфляция» фотопродукции. Фотографий стало слишком много, они слишком стандартны, перестают быть индивидуальным достижением, привлекать внимание.

Популяризация рисования – это ответ на «фотоинфляцию». Если тысяча туристов сфотографируют Эйфелеву башню, их фотографии будут почти одинаковы. Если же

они нарисуют её, двух одинаковых картинок не найдётся. Каждый рисунок несёт в себе отпечаток личности художника, его мировоззрения, даёт эмоциональную и нарративную оценку изображаемого. Даже неумелый рисунок обычно получает в социальной сети больше лайков, чем фотография того же автора. Лента картинок в группе Фэйсбука «Урбан скетчерс» – это многоголосие сюжетов и культур всего мира, тихое отражение повседневности и отголоски значимых событий, пальмы и снег, сонные улочки провинциальных городов, интерьеры кафе, марши протеста, рок-концерты и шедевры мировой архитектуры. По правилам сообщества автор должен указать место, где была создана картинка. Вот первые 10 локаций в сообществе на момент написания статьи: Кloverдейл, США; Венеция, Италия; Блэкберн, Англия; Хайдарабад, Индия; Париж, Франция; Сингапур; Канагава, Япония; Шпиц, Швейцария; Бриджтаун, Барбадос; Чита, Россия. Разные континенты, разные времена года, разные ландшафты и культуры складываются в один день из жизни планеты. Развитие умений видеть красоту вокруг себя и делиться ею с другими – интернациональная миссия искусства. Проникновение современных художественных практик в публичные пространства меняет представления о статусе искусства и художника. Современные арт-практики разрушают ведущие потребительские установки мегаполиса, обогащают массовую культуру, формируют духовные запросы и повышают креативность граждан.

Один из приёмов урбанскетчинга – поиск и запечатление причудливого скайлайна, границы между крышами города и небом, представляется весьма символическим и архетипичным, как фиксация взаимодействия природы и общества, неба и земли, профанного и сакрального. Урбанскетчинг, отражающий социокультурное пространство города, переполнен смыслами. Чашка кофе и газета на столике кафе, чахлое деревце в каменных джунглях города, поток машин и серые волны смога над ними, шрифтовая какофония лозунгов демонстрации, световые контрасты рок-концерта и неистовство толпы зрителей, – всё это понятные каждому из нас символы современной культуры и её противоречий.

Постклассика снимает оппозицию высокого и низкого, массового и элитарного. Урбанскетчинг доступен всем, он может быть демократичным и элитарным. Стоимость экипировки скетчера варьируется в широких

пределах – от самого дешёвого альбома и карандаша до экстремально дорогих фирменных скетчбуков или специальной бумаги и маркеров Копик (*Copic*), полный набор которых насчитывает 368 цветов и стоит более 160 000 р. в ценах 2017 года [12].

В России продвижением урбанскетчинга сейчас занимается известный художник Анна Эгида. Её онлайн-курсы и вебинары собирают рекордное количество участников. Анна Эгида учит рациональному рисованию: умению видеть в городском пейзаже главные структуры, «несущие конструкции» рисунка, минимумом средств передавать массы городских объектов, их взаимоотношения, распределение на листе. Живая линия, цветовой ритм и гармония, чередование тёмного и светлого, тёплого и холодного – всё это при умелом использовании помогает запечатлеть характер города, вложить в рисунок свои эмоции и впечатления. «Я провожу исследование города, которое позволяет выявлять его характерные детали, даёт представление о духе города... Когда я рисую на улице, у меня есть своя тема исследования, как у научного сотрудника», – говорит А. Эгида [2].

Летом 2016 года в художественной онлайн-школе «Калачёва-скул» [5] Анна Эгида провела бесплатный онлайн-курс экстремального городского скетчинга, состоявший из 10 видеоуроков. Курс экстремального скетчинга стал беспрецедентным событием Рунета и породил несколько мемов [8]. Курс вызвал неожиданный товарный дефицит в канцелярских магазинах страны, поскольку участникам предлагалось обзавестись скетчбуками, линерами (тонкими маркерами) и брашпенами (фломастер-кисть, позволяющий проводить линии разной толщины).

Условие для записи на курс экстрим-скетчинга было задано в традициях сетевого маркетинга: каждому участнику нужно было пригласить трёх друзей. Это условие и авторитет Анны Эгиды определили масштаб события: «На курс записалось 155 000 участников; участие во всех уроках приняли 48 000 человек; регулярно публиковали работы примерно 12 000 художников разного уровня подготовки; свои работы в Инстаграм с тегом #летнийэкстрим опубликовали более 22 000 пользовате-

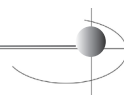
лей; в курсе приняли участие жители более 70 стран – ученики из Японии, Коста-Рики, Австралии, ЮАР, Франции, Таиланда и многих других стран» [8]. В рамках курса проводился творческий конкурс, главным призом которого была поездка в Париж.

Анна Эгида одной из первых в нашей стране начала развивать скетч-туризм, проводить занятия по урбанскетчингу в самых романтических городах мира: Таллине, Барселоне, Вене, Праге и других. Аналогичные занятия проводит немецкий художник российского происхождения Натали Ратковски [10]. Проект Артбукмания предлагает 5 арт-путешествий в разные регионы мира с той же тематикой [9]. Этот список далеко не полон. Скетч-туризм – пример гибридизации современной культуры, синтеза разных сфер культуры и искусства, ответ на запросы экономики впечатлений и возможная сфера развития культурных индустрий.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что урбанскетчинг – это современная трансформирующаяся арт-практика, в своей коллективной форме тяготеющая к перформативности, что предполагает приобретение традиционно неисполнительскими видами искусства статуса исполнительских. Определяющими факторами наблюдаемого ныне расцвета урбанскетчинга являются процессы урбанизации, информатизации, рационализации современного общества, а также развитие цифровой фотографии, коммуникативных технологий и социальных сетей. Быстрые зарисовки жизни города в сообществе единомышленников, часто под руководством опытного художника, нацелены на фиксацию смыслов, образов и коллизий социокультурного пространства города, расширению его демократизма, полифункциональности и свободы. Синтез изобразительного искусства с иными культурными феноменами (образованием, спортом, туризмом) способствует обогащению культурного досуга, развитию культурных индустрий и экономики впечатлений. Интернет-сообщества урбанскетчеров, ориентированные на массовую аудиторию, осуществляют динамичное производство эстетических артефактов, выступают источником мультикультурной информации.

Список литературы

1. Андерсон К. Длинный хвост. Эффективная модель бизнеса в Интернете. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 304 с.
2. Баландин С. Анна Egida: «Я не хочу работать с навязанной историей, я хочу сама её рассказывать» [Электронный ресурс] // 2015. 8 сент. Режим доступа: <https://www.bigvill.ru/city/2384-anna-egida-ya-ne-hochu-rabotat-s-navyazannoj-istoriej-ya-hochu-sama-ee-rassказыvat/> (дата обращения: 23.01.2017).

3. Ефимова А. В. Современные художественные практики в пространстве города как средство актуализации коллективной культурной памяти [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.studydoc.ru/doc/2578201/sovremennye-hudozhestvennyye-praktiki-v-prostranstve-goroda> (дата обращения 23.01.2017).
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь [Электронный ресурс] // Логос. 2002. № 3–4. Режим доступа: <http://www.magazines.russ.ru/logos/2002/3/> (дата обращения 23.01.2017).
5. Курсы рисования для взрослых в студиях Москвы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kalachevaschool.ru/> (дата обращения: 23.01.2017).
6. Массовая культура: современные западные исследования / пер. с англ., отв. ред. и предисл. В. В. Зверевой; послесл. В. А. Подороги. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. 339 с.
7. Немченко Л. Современные художественные практики: перекодирование публичных пространств [Электронный ресурс] // Топографии популярной культуры. Режим доступа: <https://www.public.wikireading.ru/162687> (дата обращения: 23.01.2017).
8. Подготовка к путешествию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kalachevaschool.ru/blog/236400> (дата обращения: 23.01.2017).
9. Расписание арт-путешествий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.artbook-mania.com/raspisanie-art-puteshestvij/> (дата обращения: 23.01.2017).
10. Ратковски Н. По следам мастер-класса в Амстердаме [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.conjure.livejournal.com/1309451.html>; Ратковски Н. Итоги моего мастер-класса в немецком Кёнигсвинтер в замке Драхенбург [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.conjure.livejournal.com/1298871.html> (дата обращения: 23.01.2017).
11. Barcelonasketchcraw [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.facebook.com/barcelonasketchcraw/> (дата обращения: 23.01.2017).
12. Copics. The markers, created for creative people [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.copics.ru/catalog/marker-sketch> (дата обращения: 23.01.2017).
13. Hashtags – Empowering Communication and Marketing [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sitepoint.com/community/t/hashtags-empowering-communication-and-marketing/196981> (дата обращения: 23.01.2017).
14. List of Official Regional Chapters [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.urbansketchers.org/p/list-of-chapters.html> (дата обращения: 23.01.2017).
15. Meet the Symposium Instructors: Khoo Cheang Jin, Malaysia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.urbansketchers.org/2015/05/meet-symposium-instructors-khoo-cheang.html> (дата обращения: 23.01.2017).
16. Our Manifesto [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.urbansketchers.org/p/our-manifesto.html> (дата обращения: 23.01.2017).
17. Ourmission [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.urbansketchers.org/p/our-mission.html> (дата обращения: 23.01.2017).
18. The 8th International Urban Sketchers Symposium [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eventbrite.com/e/8th-urban-sketchers-symposium-chicago-2017-registration-29379980312> (дата обращения: 23.01.2017).
19. Urban Sketchers (Group). Группа в Фэйсбуке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/urbansketchers/> (дата обращения: 23.01.2017).
20. Urban Sketchers [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.urbansketchers.org/> (дата обращения: 23.01.2017).
21. Urban sketchers, the official Youtube channel of the Urban Sketchers organization [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/channel/UCAKqvBoCajSJFnmEo2t0-w> (дата обращения: 23.01.2017).
22. Urban Sketchers. Группа на Фликре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.flickr.com/groups/urbansketches/> (дата обращения: 23.01.2017).
23. Volunteer [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.urbansketchers.org/p/volunteer-opportunities-urban-sketchers.html> (дата обращения: 23.01.2017).

Статья поступила в редакцию 23.01.2017; принята к публикации 28.02.2017

Библиографическое описание статьи

Иванова Ю. В. Урбанскетчинг как сфера трансформации художественных практик // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 132–139. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-132-139.

Yuliya V. Ivanova,

Doctor of Philosophy,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia),

e-mail: ivanovayuv@gmail.com

Urban Sketching as an Area of Transforming Art Practices

The article considers the urban sketching phenomenon as a modern transforming art practice that exists in individual and collective forms. In its collective form, urban sketching tends to performativity, which involves getting a performing status by non-performing art forms. Interest in the images of urban environment dates back to the Impressionists (the second half of the 19th century – early 20th century) whose canvases depicted the daily life of citizens, originality of their appearance, lifestyle and entertainments. The determining factors of current heyday of urban sketching are the processes of urbanization, informatization, rationalization of modern society, as well as the development of digital photography, communication technologies and social networks. Quick sketches of city life in a community of like-minded people, often under the guidance of an experienced artist, are aimed at fixing meanings, images and conflicts of socio-cultural urban space, expansion of its democracy, multi-functionality and freedom. Synthesis of fine arts with other cultural phenomena (education, sport, tourism and etc.) contributes to the enrichment of cultural and leisure activities, the development of cultural industries and experience economy. Internet communities of urban sketching targeting a mass audience, perform a dynamic production of aesthetic artifacts and serve as a source of multicultural information.

Keywords: urban sketching, art practices, performativity, fine art

References

1. Anderson K. Dlinnyi khvost. Effektivnaya model' biznesa v Internetе. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2012. 304 s.
2. Balandin S. Anna Egida: «Ya ne khochu rabotat' s navyazannoi istoriei, ya khochu sama ee rasskazyvat'» [Elektronnyi resurs] // 2015. 8 sent. Rezhim dostupa: <https://www.bigvill.ru/city/2384-anna-egida-ya-ne-hochu-rabotat-s-navyazannoi-istoriej-ya-hochu-sama-ee-rasskazyvat/> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
3. Efimova A. V. Sovremennye khudozhestvennye praktiki v prostranstve goroda kak sredstvo aktualizatsii kollektivnoi kul'turnoi pamyati [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.studydoc.ru/doc/2578201/sovremennye-khudozhestvennye-praktiki-v-prostranstve-goroda> (data obrashche-niya 23.01.2017).
4. Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' [Elektronnyi resurs] // Logos. 2002. № 3–4. Rezhim dostupa: <http://www.magazines.russ.ru/logos/2002/3/> (data obrashcheniya 23.01.2017).
5. Kursy risovaniya dlya vzroslykh v studiyakh Moskvы [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.kalachevaschool.ru/> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
6. Massovaya kul'tura: sovremennye zapadnye issledovaniya / per. s angl., otv. red. i predisl. V. V. Zverevoi; poslesl. V. A. Podrogi. M.: Fond nauchnykh issledovaniy «Pragmatika kul'tury», 2005. 339 s.
7. Nemchenko L. Sovremennye khudozhestvennye praktiki: perekodirovanie publichnykh prostranstv [Elektronnyi resurs] // Topografii populyarnoi kul'tury. Rezhim dostupa: <https://www.public.wikireading.ru/162687> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
8. Podgotovka k puteshestviyu [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.kalachevaschool.ru/blog/236400> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
9. Raspisanie art-puteshestvii [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.artbook-mania.com/raspisanie-art-puteshestvij/> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
10. Ratkovski N. Po sledam master-klassa v Amsterdame [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.conjure.livejournal.com/1309451.html>; Ratkovski N. Itogi moego master-klassa v nemetskom Kenigsvinter v zamke Drakhenburg [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.conjure.livejournal.com/1298871.html> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
11. Barcelonasketchcraw [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.facebook.com/barcelonasketchcraw/> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
12. Copics. The markers, created for creative people [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.copics.ru/catalog/marker-sketch> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
13. Hashtags – Empowering Communication and Marketing [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.sitepoint.com/community/t/hashtags-empowering-communication-and-marketing/196981> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
14. List of Official Regional Chapters [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.urbansketchers.org/p/list-of-chapters.html> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
15. Meet the Symposium Instructors: Khoo Cheang Jin, Malaysia [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.urbansketchers.org/2015/05/meet-symposium-instructors-khoo-cheang.html> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
16. Our Manifesto [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.urbansketchers.org/p/our-manifesto.html> (data obrashcheniya: 23.01.2017).

17. Ourmission [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.urbansketchers.org/p/our-mission.html> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
18. The 8th International Urban Sketchers Symposium [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.eventbrite.com/e/8th-urban-sketchers-symposium-chicago-2017-registration-29379980312> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
19. Urban Sketchers (Group). Gruppav Feisbuke [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.facebook.com/groups/urbansketchers/> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
20. Urban Sketchers [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.urbansketchers.org/> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
21. Urban sketchers, the official Youtube channel of the Urban Sketchers organization [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.youtube.com/channel/UCAKqvBoCajSJFnmEo2t0-w> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
22. Urban Sketchers. Gruppa na Flikre [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.flickr.com/groups/urbansketches/> (data obrashcheniya: 23.01.2017).
23. Volunteer [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.urbansketchers.org/p/volunteer-opportunities-urban-sketchers.html> (data obrashcheniya: 23.01.2017).

Received: January 23, 2017; accepted for publication February 28, 2017

Reference to the article

Ivanova Yu. V. Urban Sketching as an Area of Transforming Art Practices // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, № 3. PP. 132–139. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-132-139.

УДК 2-5(470)

Юлия Михайловна Трещенок,

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет

(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9),

e-mail: yulia86_2004@mail.ru

Представление о ритуальной нечистоте женщины в традиционной культуре

Двойственность женской природы, свойственная архаическим формам мироощущения, берёт свое начало в представлении об амбивалентности природы смерти, выраженной в двух принципах, фундирующих мифоритуальные сценарии обрядов перехода. В женщине, носительнице детородной функции, реализуются оба комплементарных мировоззренческих принципа: «жизнь как антипод смерти» и «смерть как источник жизни». Смерть, будучи логической противоположностью жизни, вместе с тем, представляет из себя порог. Смерть утверждает факт перехода, смены статуса и является гарантом его необратимости. Смерть, как и женщина, в традиционной культуре – одновременно источник блага и опасности деструктивного влияния потусторонней сферы. В данной статье автором предпринята попытка продемонстрировать связь женщины и потустороннего мира, проанализировать характер и природу представлений о ритуальной нечистоте и её источнике. Ритуальная нечистота женщины, понимаемая традиционной культурой как соприродная нечистоте новорождённого и покойника, определяет её пограничное состояние и одновременную ориентированность на две оппозиционные зоны мифоритуального пространства: потусторонний и посюсторонний мир. Двойственность смерти, отчётливо проявляющаяся в продуцирующих ритуалах, притягивает двойственные характеристики к образу женщины и женственности, в свою очередь, образ смерти усваивает женские черты. Помимо самой женщины, характер амбивалентности присваивает то, что связано с деторождением: кровь, будучи универсальным символом жизни иместилищем души, приобретает лик смерти.

Ключевые слова: ритуал, традиционная культура, продуцирующие ритуалы, амбивалентность смерти, обряды перехода, ритуальная нечистота

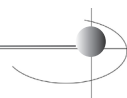
Вводная часть. Распространённость идеи о нечистоте женщины отмечалась многими исследователями. В том числе подчёркивалась неоднозначность представлений о ритуальной нечистоте, а также сложность взаимоотношений ритуально нечистого и сакрального. Проблема амбивалентности сакрального, связанная с синкретизмом сакрального и нечистого, поднятая в работах таких учёных, как У. Робертсон-Смит, Д. Д. Фрэйзер, Э. Дюркгейм, А. Ван Геннеп и других, впоследствии была воспринята другими исследователями. Данная тема стала предметом специального исследования в работах Рудольфа Отто, Роже Кайуа, Мэри Дуглас. Большое внимание в научной литературе уделено представлению о нечистоте у семитов.

Автор настоящей статьи предлагает взглянуть на проблему соотношения ритуально нечистого и сакрального на примере представления о ритуальной нечистоте женщины, свойственного традиционному мировоззрению. При этом автор предлагает рассматривать свойство амбивалентности, выраженное в представлении о неразрывности блага и опасности как основополагающее для понимания сущности архаического мировосприятия.

Универсальное представление о двойственности смерти, которая представляется в качестве источника жизни и её противоположности, является основой для сценариев ритуалов перехода, детерминирует необходимость реализации отношения связи – дистанцирования [18] между оппозиционными сферами мифоритуального пространства: потустороннего и посюстороннего мира. Данная статья демонстрирует, как эти два принципа реализуются в женщине, актуализируясь в свадебном обряде, сообщая женщине одновременно ритуальную санкцию на произведение потомства и потенциал к разрушительному воздействию, что определяет наличие негативных, запретительных ритуалов наряду с апотропеическими и стимулирующими действиями.

Методология и методика исследования. Целью данной статьи автор полагает попытку продемонстрировать, каков источник двойственности в восприятии женщины – носительницы детородной функции. Для реализации данной цели автор использует семиотический и компаративный метод.

Двойственность представлений о смерти и потустороннем мире в традиционной куль-

туре базируется на двух мировоззренческих принципах, которые могут быть выражены в формулах «жизнь *versus* смерть», «через смерть к возрождению».

Результаты исследования. Представление о смерти как антиподе жизни формирует комплекс ритуальных действий, направленных на защиту от угрозы, исходящей из области потустороннего. В то же самое время принцип «возрождение через смерть», лежащий в основании ритуалов жизненного и календарного циклов, утверждает смерть в качестве источника всякой жизни, что определяет направленность ритуального действия на установление контакта с потусторонним миром. На продуцирующее действие смерти и потустороннего мира указывают некоторые традиции, например, общераспространённый ритуал уничтожения божества растительности, обычай рядиться в смерть, покойника во время свадебного обряда. Покойник также неизменный персонаж календарных ряжений, чей образ носит выраженную сексуальную окраску. Ряжение в старика, также демонстрирующего продуцирующую символику, распространено в календарной обрядности, многие специалисты указывают, что старик, как персонаж ряжений, воплощал собой образ предков. О смерти как рождающем начале в первобытном сознании пишет О. Фрейдберг: «Образ рождающей смерти вызывает образ круговорота, в котором то, что погибает, вновь нарождается» [19, с. 63]. На представление о мире мёртвых как источнике жизни и изобилия указывает В. И. Ерёмин, в числе прочего она приводит некоторые примеры, демонстрирующие способность смерти к продуцирующему воздействию: «В Горьковской области берут землю с новой могилы и посыпают её у дома, чтобы вёлся скот» [8, с. 122]. «В Германии соломенное изображение Смерти показывали женщинам, которые только что вступили в брак, чтобы сделать их плодовитыми» [8, с. 121]. Исследуя универсальное мировое представление «через смерть к новому рождению», фундирующее ритуалы и верования, В. И. Ерёмин приходит к выводу, что «только смерть оказалась способной дать производительную силу жизни...» [8, с. 130].

В обществах с вирилокальной формой брака невеста является центральным персонажем свадьбы, в котором проявляется сходство свадебного обряда с родинами и похоронами. Типологическое сходство свадьбы и похорон проявляется в сходстве ритуальных сценариев, на что, применительно к рус-

ской традиции, указывает А. К. Байбурин и Г. А. Левинтон [1]. В отношении невесты обыгрывается мотив ритуальной смерти. Однонаправленность пути подчёркивается в загадках о свадьбе, родах и смерти [1, с. 74]. В гаданиях интерпретация одного и того же результата для всех означает смерть, а для девушки – брак [1, с. 84]. Символическая слепота, пассивность, неприсутствие, обезличенность невесты утверждают её принадлежность к существам, относящимся к потустороннему миру. Употребление ритуального покрывала, скрывающего невесту, служит границей между зонами мифоритуального пространства, отделяющей сферу потустороннего, иноприродного, к которой принадлежит невеста, от посюсторонней сферы. Г. А. Левинтон обращает внимание на необратимость пути невесты [11, с. 220–223]. Соотнесённость невесты, новорождённого и покойника обнаруживает себя в ритуальном употреблении одежды. У киргизов одежду покойника, вывешенную на всеобщее обозрение, обозначали одним и тем же словом, что и приданое новорождённого, и невесты – «сеп» [6, с. 170]. Г. С. Маслова приводит обычай, отмеченный в Архангельской губернии, – использовать в качестве ритуального покрывала невесты куколь – ритуальную одежду покойника [13, с. 55]. В. И. Ерёмин указывает на русский обычай, «утраченный в обряде, но сохранившийся в фольклоре, присылать перед свадьбой девушке “рубашку на смерть”, саван или “умиральную рубашку” (свадебные причитания)...» [8, с. 92]. А. К. Байбурин и Г. А. Левинтон обращают внимание на то, что для «текста» невесты характерно наличие минимального набора похоронного ритуала: обмывание, одевание, вынос [1, с. 81]. Смерть выступает побудительной силой, стимулирующей женскую фертильность. Эксплицированность мотива ритуальной смерти свидетельствует о значимости перехода женщины из периода девичества в период женщины – носительницы детородной функции. При этом смерть утверждает факт этого перехода – приобретения женщиной фертильной потенции, готовой реализоваться в потомстве. Жизненный цикл формируется тремя главными событиями – точками на отрезке жизненного пути человека – рождением, свадьбой, похоронами. При этом свадьба представляется событием равноудалённым от смерти, переходным между двумя крайними точками жизненного пути. В первые годы замужества женщина оказывается в точке наибольшей аккумуляции жизненной энергии, на пике жизненных

сил, необходимых для реализации детородной функции. Таким образом, в этот период для женщины актуализируются оба принципа, она одновременно находится в точке, наиболее удалённой от смерти, то есть в ней реализуется представление о жизни как антиподе смерти, но при этом способность к воспроизводству жизни приобретаетс​а благодаря стимулирующему действию смерти в ходе свадебного ритуала, что утверждает принцип «через смерть к возрождению».

Представление о необходимости обмена ресурсами с потусторонним миром, когда всякое благо считается полученным из иного мира, являющегося источником плодородия и плодovitости, порождает отношение к новорождённому как существам до некоторой степени причастным к миру потустороннего и до определённого момента обладающим свойством ритуальной нечистоты. Так же и женская утроба считается принадлежащей к иноприродному, так как из неё происходят дети. Лоно представляет собой связующий элемент между миром живых и миром мёртвых. О потусторонней природе женской матки, утробы свидетельствует народный термин для их обозначения – «золотник» [3, с. 115]. На золото как атрибут подземного мира в фольклоре указал В. Я. Пропп: «Всё, что окрашено в золотой цвет, этим самым выдаёт свою принадлежность к иному царству» [15, с. 245].

Способность женщины к деторождению делает её причастной к потустороннему миру и определяет её связь со смертью, так что смерть приобретает женские черты и сексуальную окраску, а на женщину переносится свойство двойственности существа, заключающего в себе потенциал к воспроизводству и, одновременно, влекущего угрозу, тянущуюся в сфере потустороннего. А. К. Байбу́рин и Г. А. Левинтон указывают на сопоставление образа Смерти и женщины в фольклоре: «... Сопоставление могилы и утробы... применительно к соитию. ...Представление о Смерти (персонаже) как о жене...» [1, с. 84]. Приведённые примеры демонстрируют частичное слияние образа Смерти с образом женщины и женственности. Г. С. Маслова приводит традицию ряженья в покойника и Смерть в свадебной обрядности. В Киевской губернии, во время свадьбы, рядились в Смерть, человек, изображавший Смерть, надевал женскую рубаху [13, с. 77].

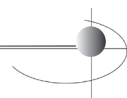
Связь крови, истекающей из женских гениталий, с деторождением сообщает крови характер амбивалентности, которой облада-

ет смерть. Кровь, как и красный цвет, традиционно соотносится с жизнью, жизненными силами. Красный цвет, символизирующий кровь, является универсальным апотропеем, оберегающим от вредоносного влияния и сообщающим плодovitость. Кровь являет собой гипостазированную жизнь, вместилище души. Соотнесённость крови и потустороннего мира сообщает крови потенциал к разрушительному воздействию. Эта противоречивая природа крови, заключающей в себе оппозицию «жизнь – смерть» коррелирует с представлениями об амбивалентности самой смерти как источника плодородия с одной стороны и антипода жизни – с другой.

Подобная двойственность крови может быть проиллюстрирована на примере мировоззрения селькупов. Термином «пылы» селькупы обозначали женскую менструальную кровь и кровавую жертву духам нижнего мира, считали эту кровь «нечистой», так как она связывает два мира – мир живых и мир мёртвых и заключает в себе угрозу для людей [14, с. 127]. «Кровь представлялась жизненным началом, жизненной силой, условием и причиной жизни человека – душой, но в то же время, ... через кровь к человеку из иного мира приходила смертельная опасность» [17].

Связь женщины с потусторонним миром в результате её способности к воспроизводству рождает отношение к ней как к существу, являющемуся как проводником блага, так и источником постоянной угрозы. Способность женщины к производству потомства нуждается в постоянной защите и стимулировании, вместе с тем, существует необходимость в принятии мер по минимизации возможного пагубного влияния иного мира, в соприкосновение с которым женщина может входить ввиду своей природы. Для предупреждения вредоносного воздействия сферы потустороннего традиционная культура предписывает женщине соблюдать некоторые запреты, связанные с ритуальной нечистотой, которую причиняет всё то, что связано с производением потомства – менструация и роды.

Женщина в определённые периоды жизни, младенец и покойник наделены свойством ритуальной нечистоты, имеющей один и тот же источник – контакт с потусторонним миром. Согласно русской традиции, родившая женщина считается нечистой в течение шести недель. В разных областях России опасность, исходящая от новорождённого и покойника, обычно имела место в течение сорока дней [8, с. 44]. Вероятно, сорокадневный

срок, в течение которого молодая мать считается нечистой, соответствует сорока неделям беременности, а девятый и сороковой день в качестве поминальных дней соотносится с девятимесячным и сороканедельным сроком беременности соответственно. В Закарпатье верили, что, если ребёнок умрёт некрещённым, то он станет чёртом и будет беспокоить родителей [4, с. 90]. Согласно народной примете, вода в купели после крещения ребёнка считалась «поганой» [8, с. 45]. У таджиков и киргизов ребёнка, пока ему не исполнится сорок дней, одевают в «собачью рубашечку», считается, что душа вселяется в ребёнка после сорока дней [6, с. 167]. Г. С. Маслова также приводит обычай, имеющий место у восточных славян, — не одевать ребёнка в рубашку и не класть в колыбель до момента крещения [13, с. 103]. Согласно ненецким верованиям, новорождённого ребёнка запрящало класть в люльку непосредственно после родов, в противном случае, люлька становится нечистой [12]. В. И. Ерёмкина приводит следующие примеры народных представлений, связанных с нечистотой, демонстрирующих отношение к родильнице как к источнику угрозы природным благам, в том числе её способность навредить производительной силе природы. У западных славян только что родившую женщину «не пускают одну ходить к колодцу или на реку за водой, чтоб она не испортила воды» [8, с. 44]. В Германии, согласно поверью, если «родильница до истечения шести недель выйдет в поле или в сад, там прекращается рост плодов» [8, с. 44]. Опасность может исходить от самого носителя нечистоты или от вещей, с ним соприкасавшихся. Многие культуры полагали опасной одежду покойника и роженицы, от которой надлежало избавляться. В. И. Васильев приводит примеры подобных обычаев, связанных с рождением ребёнка у ненцев и энцев. После того, как ненецкая женщина родит, она должна переступить через костер в очистительных целях, после чего всю её одежду сжигают. У энцев одна из женщин, принимавших роды, закапывает одежду роженицы в землю [5, с. 106]. У ненцев, если ребёнок рождался в пути, то нарты, на которых происходили роды, не подлежали дальнейшему использованию и немедленно сжигались [12].

Представления об опасности, исходящей от менструальной крови и ритуальной нечистоте менструирующей женщины, чрезвычайно распространены. Мужчины маэ энга опасаются сексуальных отношений с женщиной, но больше всего боятся менструальной кро-

ви, контакт с менструирующей женщиной или менструальной кровью, согласно их представлениям, может сделать их кровь чёрной, «убить её» [7, с. 218].

Представление о ритуальной нечистоте в период менструации и некоторое время после родов демонстрирует высокую степень устойчивости, к примеру, оно имеет место в Русской православной церкви.

К идее о ритуальной нечистоте имеет отношение запрет на перешагивание через предметы и людей, обнаруживающий себя в разных культурах, однако, наиболее разработанный у некоторых северных народов и занимающий важное место в системе их представления о мире. У народов самодийской языковой группы представление об осквернении включает в себя опасность, исходящую от менструальной крови, при этом осквернение может быть сообщено предмету или человеку, оказавшемуся под источником нечистоты, то есть в случае, если женщина перешагнёт через него или, если её поясная одежда окажется поверх него. У ненцев комплекс таких запретов носит название «ся”мэй». Е. В. Лярская приводит данные ненецко-русского словаря, в котором данное слово переводится как: 1) «менструация»; 2) «нечистый»; 3) «поганый» [12]. Этим термином может обозначаться менструирующая женщина, предметы и люди, которым передалось осквернение, новорождённый ребёнок и недавно родившая женщина, покойник и то, что с ним соприкасалось [12]. Схожими представлениями об осквернении обладали соседствующие с народами самодийской группы ханты и манси. Финский исследователь К. Ф. Карьялайнен в своём исследовании сообщает, что, согласно верованиям обских угров, «женщине нельзя подниматься на крышу дома, так как там она может оказаться над людьми или хозяйственной утварью... Если мужчина случайно проходит ниже того места, где в это время находится женщина, то он становится нечистым, однако такой же результат бывает, если он пройдёт под женской одеждой» [10, с. 176]. Согласно исследованию, проведённому Ю. Б. Симченко, сходным образом осквернение передаётся в системе представлений нганасан. Однако, если ненцы считают, что угрозу представляет нижняя часть тела женщины, а также поясная одежда и обувь, то нганасаны мыслят нахождение источника осквернения более локально. Им является та часть штанов женщины, что прикрывает гени- талии [16, с. 13]. Эта деталь штанов женщины носит название «надюма». Ю. Б. Симченко

указывает, что словом «надюма» также обозначают саму систему запретов для женщины, женщину, что нарушила запрет, а также предмет, которому было передано осквернение. Это слово можно перевести на русский язык как «поганный», «грязный», «осквернённый», «запрет» [16, с. 12].

Сходные представления, связанные с запретом на перешагивание через предметы, имеют место в восточнославянской культуре. Беременной женщине запрещалось перешагивать через коромысло, части плуга, упряжь, дышло [2, с. 89]. В Закарпатье на беременную распространялось множество запретов, в том числе, ей не дозволялось перешагивать через дышло, убивать жаб и змей [4, с. 90].

Кроме того, с данной системой представлений народов самодийской группы коррелирует поверье, распространённое у славян, согласно которому, в случае, если рыбаку в сети попадают лягушки, то, значит, через сети переступила «нечистая» женщина (то есть менструирующая) [3, с. 116]. Это поверье обнаруживает семантическую связь менструальной крови и деторождения с лягушкой, так как лягушка, как и змея, имеет хтоническую природу и традиционно связывается с фертильностью.

Отголосок ритуального запрета на перешагивание несёт народная примета, утверждающая, что, если перешагнуть через ребёнка, то он не будет расти.

В связи с верованиями нганасан в данном случае важно отметить понятие о «живой» и «мёртвой» крови, на которое указывает Ю. Б. Симченко. Женщина сама по себе не являлась нечистой и не влекла осквернения, если на ней не были надеты штаны. Попадание крови непосредственно на предметы и людей не представляло угрозы, так как вредоносна лишь «мёртвая» кровь. «Связь надюма с особой частью одежды определялась представлениями о переходе от живого к мёртвому, переселении из одного мира в другой... Женщина считалась существом, которое периодически без опасности для своей жизни выделяет жизненно важные части тела, переходящие в иррациональный мир... Кровь – особый элемент, отличающий живое от мёртвого» [16, с. 14].

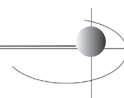
Представления о «живой» и «мёртвой» крови можно сопоставить с представлениями о «живой» и «мёртвой» воде. И та, и другая находятся в нижнем мире, мире мёртвых и могут приносить смерть и исцеление. Параллелизм между кровью и водой имеет место в фольклоре. «Исцеляющую функцию живой

воды в фольклоре может выполнять кровь» [8, с. 68].

Помимо потенциала к деструктивному влиянию в связи с воздействием из сферы потустороннего, кровь обладает апотропеическим и побудительным действием. По мнению Е. Г. Кагарова, кровь, что истекает из половых органов женщины во время менструации и тем более дефлорации, считается «у всех народов могущественным оберегом и, вместе с тем оплодотворяющим средством» [9]. В восточнославянской традиции рубаха, используемая во время обряда первой ночи, впоследствии применялась для излечения болезней [20, с. 53], в случае тяжёлых родов. Обряды, проводимые с этой рубахой, служили для стимулирования плодородия и плодовитости. Неоднозначность, полисемантность обряда первой ночи предоставляет возможность для различных интерпретаций источника апотропеической и продуцирующей силы целой рубахи и функциональной нагрузки самого обряда.

Выводы. Связь крови и зачатия, мифологическая взаимосвязь крови и женского лона с потусторонним миром обуславливало восприятие женщины как существа, периодически вступающего в контакт с иноприродным и находящимся, таким образом, в приграничной зоне мифоритуального пространства, что переносит на неё характер двойственности, свойственный потустороннему миру и смерти. Учитывая особую связь женщины с потусторонним миром, когда женщина, ввиду своей способности к деторождению, является каналом связи между двумя сферами мифоритуального пространства, очевидна необходимость в принятии профилактических мер против потенциально вредоносного воздействия иноприродной сферы. С другой стороны, способность к производству потомства нуждается в постоянной защите и стимулировании, что выражается в различных побудительных ритуалах и, в особенности, проявляется в costume женщины через некоторое время после свадьбы, когда в costume можно обнаружить элементы, указывающие на ритуально закреплённое право и обязанность их обладательницы к продолжению рода. Количество подобных элементов обратно пропорционально возрасту женщины, отсутствие их обозначает, что женщина вышла из фертильного возраста.

Пребывание женщины в мифологическом пространстве [21] на границе между посюсторонним и потусторонним миром, в связи с чем женщина присваивает некоторые ха-

рактические иноприродной сферы, способствует тому, что женщина воспринимается как источник одновременно блага и опасности. В послесвадебный период в женщине реализуются два комплементарных принципа, фундаментальных ритуальных сценарии – «смерть есть противоположность жизни» и «через смерть к возрождению». Благодаря побуждающему действию смерти, проявляющемуся в женщине во время свадебного обряда, последняя получает ритуальную санкцию на

произведение потомства. Так как кровь ввиду связи с деторождением притягивает к себе образ потустороннего мира, на кровь также переносится двойственность, сопутствующая потустороннему миру и смерти. Способность к деторождению нуждается в защите и стимулировании с одной стороны, с другой же, сама женщина, в ком связь с потусторонним проявляет себя через менструацию и роды, представляет угрозу, отношения с ней предполагают ритуальную регламентацию.

Список литературы

1. Байбури А. К., Левинтон Г. А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. (Погребальный обряд). М.: Наука, 1990. С. 64–99.
2. Байбури А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
3. Баранов Д. А., Мадлевская Е. Л. Образ лягушки в вышивке и мифопоэтических представлениях славян // Женщина и вещественный мир культуры: сб. ст. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. С. 111–130.
4. Богатырёв П. Г. Магические действия, обряды и верования Закарпатья // Народная культура славян. М.: ОГИ, 2007. С. 21–131.
5. Васильев В. И. Обрядовая сторона представлений, связанных с рождением ребёнка и свадьбой у ненцев и энцев низовьев Енисея // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М.: ИЭ РАН, 1990. С. 104–132.
6. Губаева С. С. Путь в зазеркалье (похоронно-поминальный ритуал в обрядах жизненного цикла) // Среднеазиатский этнографический сб. М.: Наука, 2001. Вып. 4. С. 164–175.
7. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 288 с.
8. Ерёмин В. И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991. 208 с.
9. Кагаров Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности [Электронный ресурс] // Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. С. 160. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/mae_viii/mae_viii_01.pdf (дата обращения: 10.06.2016).
10. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов: в 3 т. Т. 3. / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск, 1996. 264 с.
11. Левинтон Г. А. Мужской и женский текст в свадебном обряде: (свадьба как диалог) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. С. 210–234.
12. Лярская Е. В. Женские запреты и комплекс представлений о нечистоте у ненцев [Электронный ресурс] // Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Режим доступа: http://www.anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/002/02_09_liarskaya.pdf (дата обращения: 10.06.2016).
13. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984. 216 с.
14. Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 106–128.
15. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
16. Симченко Ю. Б. Понятие надюма у нганасан // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М.: АН СССР, 1990. С. 6–33.
17. Степанова О. Б. Об одной из категорий образов души у селькупов [Электронный ресурс] // Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-154-1/978-5-88431-154-1_47.pdf (дата обращения: 10.06.2016).
18. Трещенок Ю. М. Одежда как репрезентация отношения «связь – дистанцирование» между сферами ритуально-мифологического пространства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 3. С. 172–175.
19. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Л.: Гослитиздат, 1936. 454 с.
20. Фурсова Е. Ф. «Целительные» свойства рубах русских крестьян // Изв. СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. 1992. № 1. С. 49–54.
21. Шахнович М. М. Феноменологическое религиоведение между теологией и «наукой о религии» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2001. № 4. С. 4–12.

Статья поступила в редакцию 17.07.2016; принята к публикации 10.01.2017

Библиографическое описание статьи

Трещенок Ю. М. Представление о ритуальной нечистоте женщины в традиционной культуре // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 140–147.

Yuliya M. Treshchenok,

Postgraduate Student,

Saint Petersburg State University

(7/9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia),

e-mail: yulia86_2004@mail.ru

The Notion of Woman's Ritual Impurity in Traditional Culture

The duality of the female nature inherent in archaic worldviews has its origins in the idea of the ambivalent nature of death that represents itself in two principles constructing the mytho-ritual scenarios of rites of passage. In a woman who possesses the ability of childbirth, two complementary worldview principles are implemented: "life as an opposition to death", "death as a source of life". Death, being the logical opposite of life, at the same time, is a threshold. Death confirms the fact of the transition, the change of the status, and is the guarantor of its irreversibility. Death, like a woman, in traditional culture is both a source of good and the danger of the destructive influence of the other sphere. In this article the author attempts to reveal a connection between a woman and the other world, to analyze the nature and the source of ideas about the ritual impurity and its origin. The ritual impurity of a woman which is understood by traditional culture in the same way as the impurity of a newborn and a deceased, determines the woman's borderline position and simultaneous orientation to two opposite zones of mytho-ritual space: the otherworldly world and this world. The duality of death that reveals itself in fertility rituals attracts dual characteristics to the image of women and femininity, causes the duality of an image of a woman and femininity, while the image of death assimilates feminine features. In addition to the woman herself, the nature of ambivalence is appropriated by everything connected with child-bearing: blood, being the universal symbol of life and the receptacle of the soul, acquires the face of death.

Keywords: ritual, traditional culture, fertility rituals, ambivalence of death, rites of passage, ritual impurity

References

1. Baiburin A. K., Levinton G. A. Pokhorony i svad'ba // *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi dukhovnoi kul'tury*. (Pogrebal'nyi obryad). M.: Nauka, 1990. S. 64–99.
2. Baiburin A. K. Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavyanskikh obryadov. SPb.: Nauka, 1993. 240 s.
3. Baranov D. A., Madlevskaya E. L. Obraz lyagushki v vyshivke i mifopoeticheskikh predstavleniyakh slavyan // *Zhenshchina i veshchestvennyi mir kul'tury*: sb. st. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999. S. 111–130.
4. Bogatyrev P. G. Magicheskie deistviya, obryady i verovaniya Zakarpat'ya // *Narodnaya kul'tura slavyan*. M.: OGI, 2007. S. 21–131.
5. Vasil'ev V. I. Obryadovaya storona predstavlenii, svyazannykh s rozhdeniem rebenka i svad'boi u nentsev i entsev nizov'ev Eniseya // *Traditsionnaya obryadnost' i mirovozzrenie malykh narodov Severa*. M.: IE RAN, 1990. S. 104–132.
6. Gubaeva S. S. Put' v zazerkal'e (pokhoronno-pominal'nyi ritual v obryadakh zhiznennogo tsikla) // *Sredne-aziatskii etnograficheskii sb.* M.: Nauka, 2001. Vyp. 4. S. 164–175.
7. Duglas M. Chistota i opasnost': analiz predstavlenii ob oskvernenii i tabu. M.: Kanon-Press-Ts: Kuchkovo pole, 2000. 288 s.
8. Eremina V. I. Ritual i fol'klor. L.: Nauka, 1991. 208 s.
9. Kagarov E. G. Sostav i proiskhozhdenie svadebnoi obryadnosti [Elektronnyi resurs] // *Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN*. S. 160. Rezhim dostupa: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/mae_viii/mae_viii_01.pdf (data obrashcheniya: 10.06.2016).
10. Kar'yalainen K. F. Religiya yugorskikh narodov: v 3 t. T. 3. / per. snem. N. V. Lukinai. Tomsk, 1996. 264 s.
11. Levinton G. A. Muzhskoi i zhenskii tekst v svadebnom obryade: (svad'ba kak dialog) // *Etnicheskie stereoty-py muzhskogo i zhenskogo povedeniya*. SPb.: Nauka, 1991. S. 210–234.
12. Lyarskaya E. V. Zhenskie zaprety i kompleks predstavlenii o nechistote u nentsev [Elektronnyi resurs] // *Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN*. Rezhim dostupa: http://www.anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/002/02_09_liarskaya.pdf (data obrashcheniya: 10.06.2016).
13. Maslova G. S. Narodnaya odezhda v vostochnoslavyanskikh traditsionnykh obychayakh i obryadakh XIX – nachala XX v. M.: Nauka, 1984. 216 s.
14. Prokof'eva E. D. Starye predstavleniya sel'kupov o mire // *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa*. L.: Nauka, 1976. S. 106–128.
15. Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. M.: Labirint, 2000. 336 s.
16. Simchenko Yu. B. Ponyatie nadyuma u nganasan // *Traditsionnaya obryadnost' i mirovozzrenie malykh narodov Severa*. M.: AN SSSR, 1990. S. 6–33.
17. Stepanova O. B. Ob odnoi iz kategorii obrazov dushi u sel'kupov [Elektronnyi resurs] // *Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN*. Rezhim dostupa: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-154-1/978-5-88431-154-1_47.pdf (data obrashcheniya: 10.06.2016).

18. Treshchenok Yu. M. Odezhda kak reprezentatsiya otnosheniya «svyaz'-distantirovanie» mezhdru sferami ritu-al'no-mifologicheskogo prostranstva // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'-turologiya i iskusstvovedenie. Vopr. teorii i praktiki. 2016. № 3. S. 172–175.

19. Freidenberg O. M. Poetika syuzheta i zhanra. L.: Goslitizdat, 1936. 454 s.

20. Fursova E. F. «Tselitel'nye» svoistva rubakh russkikh krest'yan // Izv. SO AN SSSR. Ser. Istoriya, filologiya i filosofiya. 1992. № 1. S. 49–54.

21. Shakhnovich M. M. Fenomenologicheskoe religiovedenie mezhdru teologiei i «naukoi o religii» // Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2001. № 4. S. 4–12.

Received: July 17, 2016; accepted for publication January 10, 2017

Reference to the article

Treshchenok Yu. M. The Notion of Woman's Ritual Impurity in Traditional Culture // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, №. 3. PP. 140–147.

УДК 316.34

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-148-156

Андрей Викторович Филимонов

соискатель,

Забайкальский государственный университет

(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),

e-mail: A. V. Filimonov@mail.ru

Методология исследования идентичности казаков в контексте концепции социального конструктивизма

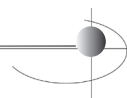
В статье предлагается разработка конструктивистского подхода к анализу исследований российского казачества. Проводя сравнительный анализ, автор показывает, что базовым понятием дискурса о казаках является идентичность, понимаемая как инструмент, используемый для формирования адаптивных навыков, обеспечивающих приспособление человека к условиям меняющейся социальной среды, выполняющей роль «жизненного мира» и одновременно являющийся продуктом жизнедеятельности социума и человека. Автор убежден, что в данной концепции нет места представлениям о возможности начального состояния сознания как некой данности, впоследствии реформируемой за счёт социальных изменений. Эта позиция отражает точку зрения модернистской антропологии, рассматривающей социальные группы как ситуативные сообщества, зависящие только от актуального межгруппового взаимодействия. По мнению автора, данная методология исходит из определения казачества в качестве социального конструкта, обладающего диффузными параметрами и используемого различными субъектами социального и политического действия для различных целей. Понятие «казаки» отличается многозначностью, так как оно понимается и как исторический феномен, и как ноумен, то есть продукт философского созерцания, чья сущность остаётся скрытой. В социальном мире российское казачество – особый социальный конструкт в рамках российского социального пространства, который сложился в результате острой необходимости российского правительства в защите государственных границ. В качестве последнего оно присутствовало в дореволюционном российском обществе в виде социальной страты, формируемой по социальному и профессиональному признаку. При последующем изменении социальных условий, в первую очередь, связанную с прекращением государственной поддержки казачества, идентичность казаков претерпевала изменения вплоть до отказа считать себя представителями этой социальной страты.

Ключевые слова: конструктивизм, структурализм, социальный конструкт, казачество, казак, множественная идентичность, диффузная идентичность

Вводная часть. Современные условия развития глобализационных процессов в современном обществе являются причиной ряда проблем, связанных последствиями экономической и культурной модернизации, которые девальвируют ценности традиционного общественного и индивидуального сознания. Развёртывание современного «гуманитарного кризиса» сопровождается кризисом идентичности многих этнических групп, переживающих утрату своих традиций и устоев. Однако у глобализации обнаружился и обратный эффект, заключающийся в росте значимости оснований этнической самобытности, что приводит к интенсификации поиска и осмысления её проявлений. Многие субъекты социальной реальности прилагают усилия для воплощения в жизнь проектов возрождения этнических групп, ценности которых представляются для них значимыми. Одной из таких групп является движение, провозгласившее своей целью возрождение

казачества. На рубеже XX и XXI веков в России стали создаваться и регистрироваться общества и объединения казаков, прошло принятие законов о казачестве, утверждение целевых программ поддержки обществ казаков. Распространённой практикой стало появление учреждений казачьего образования, проведение фестивалей, конкурсов культуры казаков, конференций, круглых столов, семинаров, на которых обсуждаются перспективы и проблемы возрождения казачества [9, с. 188].

Вместе с этим появился ряд вопросов, требующих своего разрешения, одним из которых стал вопрос об этнической принадлежности современного казачества, который, как ранее казалось, был предельно ясен для российской науки. Капитальные работы, посвящённые изучению истории казачества, утверждали парадигмальные установки, в соответствии с которыми казаки в своей массе являлись частью русского этноса (народа), и

образовывали субэтнос, несмотря на наличие небольших групп «инородцев» [2, с. 84]. Однако в настоящее время, когда возрождение казачества стало социальной реальностью, этот вопрос вызвал немало возражений. Проблема происхождения казачества оказалась очень сложной и малоизученной, так как в науке не оказалось устраивающего все участвующие в этом дискурсе стороны ответа на вопрос: «Кто такие казаки?». Народ это или «служилое сословие»? Кроме этого, отсутствует обоснование имеющихся различий между различными сообществами казаков: донскими казаками, казаками-некрасовцами, запорожскими казаками, казаками-бурятами и другими [12].

Методология и методика исследования. Важно учитывать, что методологическая позиция отечественных исследователей современного казачества в большинстве трудов определяется социально-философскими трудами таких авторов, как А. А. Арутюнян, С. Т. Калтахчян, Ю. А. Левада, С. В. Лурье, В. В. Макаров, А. П. Огурцов, М. Н. Руткевич, С. С. Савоскул [17], которые исходят из положения о том, что этничность объективно существует, а человек может её исследовать и адекватно объяснять. Представителей этого подхода объединяет вера в существование особой социальной или этнической специфики, отличающей казаков, которые в связи с этим могут пониматься либо как субэтнос русского этноса, либо как специфический казачий этнос. Одновременно эта вера определяет ряд противоречий, существующих между исследователями по отношению к вопросу о происхождении казаков, их национальной принадлежности, социальному статусу [16].

В частности, примордиальные выводы о природе казачества ставятся под сомнение в связи с современными исследованиями в области истории, этнологии, генетики. Согласно им оказывается невозможным проследить генетическую преемственность современных казаков с казаками XVI века, что ставит вопрос об отсутствии непрерывной истории казачества. Одновременно эти исследования доказывают, что нельзя подвергать сомнению тот факт, что в этническом составе казаков зафиксированы неславянские, в том числе кавказские и тюркские компоненты [21, с. 68]. Поэтому западные исследователи, такие, как Э. Д. Смит, указывают, что казачья нация никогда не существовала, вместо этого присутствовала этно-националистическая категория, носителем которой были социальные группы, не основанные на генетической принадлежности [22, с. 187].

В целом исследователи признают, что любые этно-генетические трактовки результатов изысканий относительно раннего казачества не имеют практической ценности, так как отсутствуют системы бесспорных и общепринятых доказательств широко распространённого убеждения единой этнической общности казаков. Таким образом, применительно к исследованию сообщества казаков, сформированного как сложная структура, вобравшая в себя разнообразные социальные, профессиональные, региональные, религиозные и этнические характеристики, оказываются неприменимыми сущностные концепции, которые не учитывают этой разницы и пытаются рассматривать казачество как этническую цельность.

На наш взгляд, в данном случае обусловлено применение релятивистского подхода, основанного на убеждении в социальной и конструируемой природе социальных явлений. Согласно этому подходу, этническая группа существует только потому, что она воспринимает себя как этническую группу. Дело в том, что в современных условиях каждый человек имеет возможность самостоятельно решать, к какому этносу себя отнести. Например, в Указе Президента от 1992 года казаками названы граждане, считающие себя прямыми потомками казаков. Это положение подтверждено Федеральным законом о казачестве 2005 года, согласно которому казаками могут считаться и члены общественных организаций и люди, принявшие на себя обязанности несения государственной службы. Таким образом, на уровне законодателя идентичность признаётся ведущим фактором формирования различных групп казаков и происходит признание релятивности социального понятия «казаки», определение значения которого теперь зависит от выбора субъекта [7].

Разработка релятивистских подходов к описанию социального феномена казаков только начинается, однако имеется значительная методологическая база, связанная с исследованием социальных явлений в многочисленных общесоциологических, психоаналитических, социологических и междисциплинарных исследованиях, в которых анализируются социальные группы, их трансформации, возможные варианты развития в современном мире. Ведущим понятием этой философии является идентичность, понимаемая как фундаментальная характеристика бытия, в которой отражено представление о тождественности человека самому себе, и которая

указывает на сохранение единства и целостности личности в пространстве и времени и противостоит «инаковости» [13, с. 62]. Философская база, составляющая основу подходов к проблемам идентичности и её формирования разрабатывалась в классических трудах П. Бергера, Т. Лукмана, П. Бурдьё, Ф. Барта, П. Штомпки, Т. Парсонса, М. Фуко, Ю. Хабермаса, А. Шюца, Э. Эриксона, которые понимали процесс становления человека как результат воздействия общественных отношений [23, с. 187]. Центральным вопросом, вокруг которого строится социально-философский дискурс в сфере социального взаимодействия и идентичности, определяется структуралистской проблематикой К. Леви-Стросса, которая сводит становление сознания к конструированию подобий реальности, которые наделены прерогативами оригиналов и превосходят реальность, так как оказываются в состоянии очерчивать её границы. Существенное влияние оказали структуралистские идеи на П. Бурдьё, который представил идентичность в качестве вариативной структуры социальных различий. Социальная идентичность в контексте теории габитуса понимается как символический капитал, имеющий ментальную форму проявления [3]. В свете этой концепции становится очевидным, что спор между миграционной и автохтонной концепцией происхождения казачков очень ситуативен, так как он относится к наследию, на которое претендуют донские, запорожские, терские казаки, однако не интересует специалистов по истории казачества Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, которое на данный социальный капитал не претендует.

Результаты исследования. Из этого можно сделать вывод, что идентичность казаков релятивна и в рамках данной работы рассматривается как один из компонентов социальной идентичности, а в качестве определения последней принимается описание А. Тешфела, заключающееся в указании на социальную идентичность, как на элемент Я-концепции, возникающий из осознания своей принадлежности к социальной группе [24, с. 22]. Теория социальной идентичности утверждает, что у каждого индивида есть потребность к сообществу, представляющему собой высокостатусную, сильную и позитивно оцениваемую группу.

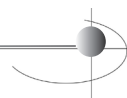
Содержательный анализ представлений членов группы о своей идентичности показывает широкий спектр самооценок, среди которых наиболее востребованной, по мнению

Н. М. Лебедевой, является идентичность, которая характеризуется множественностью форм проявления, так как объединяет в себе элементы различных культур и социальных групп¹. Тот факт, что у казаков во все времена бытовала множественная идентичность, демонстрируют многочисленные попытки типологизации казачества. В источниках конца XV–XVI века встречаются упоминания о том, что казаки проживали в северных, южных и западных районах государства. Они подразделялись на «служилых», находящихся на службе у государства, у «знатных» людей, патриарха, и «вольных», самостоятельно «казачковавших в поле». Как указывают С. Ф. Платонов, А. Л. Станиславский, Р. Г. Скрынников, грани между ними не существовало и одни и те же группы могли служить государству, а могли казачковать в поле.

Множественная идентичность у казаков постоянно подвергалась изменениям, что подтверждает тезис социального конструкционизма о том, что идентичность характеризуется относительностью и изменчивостью, зависимой от окружающих обстоятельств. Это подтверждается данными о том, что у современных казаков присутствует множественная идентичность, в которой социальный фактор, наряду с этническим элементом, играет большую роль [15, с. 282]. В. П. Громов пишет, что их можно разделить на три группы: 1) потомственные казаки, идентифицирующие себя с казачьим народом; 2) казаки, сохранившие историческую память, но идентифицирующие себя не с народом, а со служилым сословием; 3) казаки, утратившие казачье самосознание [8]. В данном случае мы видим, что пример казаков подтверждает положения концепции диффузной идентичности М. Вевьерка, согласно которой идентичность базируется не столько на наличии общих с идеальным объектом признаков, сколько на желании или нежелании иметь таковые [1, с. 50]. Человек в этой концепции ищет такой социум, включаясь в который, он обретёт положительную идентичность, и если он выбирает быть казаком, то это зависит не столько от наследственности, сколько от его субъективной оценки данной группы.

Исходя из данных соображений, по отношению к описанию исторической судьбы представителей и групп казачества логично использовать термин «диффузная социальная идентичность», подчёркивая синтетический и динамический характер данного фено-

¹ Лебедева Л. В. Социальная психология: учеб. пособие. – Тюмень: – ТюмГУ, 2009. – 296 с.

мена. Его синтетичность заключается в том, что диффузная социальная идентичность казаков состоит из множества частичных идентичностей и включает в себя личную, групповую, региональную, культурную, религиозную, этническую и гражданскую идентичности, составляющие, по мнению С. Московичи, определённую иерархию [22, с. 174]. В то же время динамичность социальной идентичности у казаков заключается в том, что понимание себя группой как некоей целостности у них изменялось в зависимости от изменения социально-политической ситуации и социального влияния.

Когда социальная идентичность представителей какой-либо группы негативна, люди предпринимают усилия для того чтобы обрести позитивную социальную идентичность, но они могут также попытаться изменить свою групповую принадлежность и идентифицироваться с группой, имеющей более высокий статус. Именно такие процессы, основанные на рефлексии взаимодействия между государственными структурами и населением окраинных земель русского, а затем российского государства, определяли процессы формирования идентичности казаков. На то, что формирование группового самосознания является производным сложного взаимодействия группы с социальным окружением, где всякие попытки объединения встречают тенденцию, направленную на отторжение, а стремление к противопоставлению наталкивается на объединительные тенденции, обратил внимание Б. Ф. Поршнев [14, с. 14].

Казаки как явление появились в условиях допетровской Руси, но дискурс о роли и судьбе казаков стал подниматься как таковой только в связи с угрозой утраты вольного казачества после проведения петровских реформ, направленных на централизацию власти и последующее уничтожение вольности казаков Запорожской Сечи и Сибири. Однако наиболее чётко положения идеологии «казакманов», утверждающей важность сохранения «старинных прав и привилегий» казаков, были озвучены в период проведения Великих реформ 1860–1870-х годов, определивших, что в условиях развивающегося капитализма, казачество как служилое сословие перестало быть нужным Российскому государству. По мере развития модернизации и интеграции российского общества в начале XX века нарастала активность противостоящих им охранителей казачества, которые выступили в качестве организаторов автономистского проекта под названием «правый Дон». Трак-

товка идентичности казаков в данном проекте звучала двусмысленно, имея в виду идентификацию себя как наиболее националистической части русского народа, когда речь шла об отношениях с иными государствами и «иногородцами» и одновременную идентификацию себя как самостоятельного от русских этноса, когда речь шла о региональных проблемах [11, с. 11].

Однако сходные процессы происходили в условиях эмиграции, когда интенсивное социальное и культурное влияние со стороны социального окружения и правящих кругов Франции, Германии и Японии интенсифицировало повышение внимания казаков-эмигрантов к своим корням и традициям, что способствовало сохранению ими духовного наследия и идентичности. Аналогичные результаты имеет современное противостояние с кавказским населением на территории Краснодарского края, которое привело к тому, что масса казаков начала рассматривать себя как русский субэтнос, вслед за чем последовали политические заявления, сопровождающиеся проведением фестивалей, реконструирующих ход исторических событий и инициирующих распространение коллективных представлений о российской колонизации XVIII–XIX веков как «возврате» казаков на земли своих предков. Этническая идентичность казаков здесь выступает как идейная конструкция, функцией которой является организация связи между различными индивидами, группами и государством [5].

Согласно современной методологии конструктивистов процесс формирования социальной реальности понимается настолько радикально, что он лишает личность каких-либо статичных параметров и ставит её в зависимость от сиюминутной динамики социального влияния. Эта позиция отражает точку зрения модернистской антропологии, рассматривающей социальные группы как ситуативные сообщества, зависящие от актуального межгруппового взаимодействия [24, с. 15]. Казачество в контексте данной концепции невозможно представить ни как этнос, так как в его составе могли быть представители многих народов, ни как сословие, так как среди казаков встречались представители других сословий. В дореволюционной России казаки представляли собой особого рода союз людей, идеалом которых была «воля», но на положение которых оказывали влияние общественные интерпретации, отражающие представления, связанные с тем, кем являлись и кем должны быть казаки. И здесь

важно, что казаки в различных условиях могли становиться не только этническим или сословным, но политическим и культурным образованием, так как в рамках конструктивистского подхода доказывается, что не только этническое, но и «политическое и культурное самосознание является результатом человеческой деятельности» [19, с. 40]. Например, такой социальный конструкт, как «советское казачество» представляется как результат взаимодействия между партийно-советскими властными структурами и беднейшими массами казачества, сделавшими социалистический выбор, став частью колхозной системы, но не растворившись в колхозном крестьянстве.

Этот процесс подтверждает конструктивистские положения Б. Андерсона и Э. Хобсбаума, о том, что чувство идентичности возникает у группы благодаря усилиям политиков, учёных, писателей. Согласно этим исследованиям, идентичность является ментальным образом, связанным с практиками самоинтерпретации, проходящими в контексте социального взаимовлияния [20, с. 116]. Эта концепция позволяет по-новому взглянуть на процесс государственно-политического определения казачества в XVIII веке, когда произошёл процесс окончательной интеграции казаков в состав вооружённых сил Российской империи и определяющую роль в развитии казачества стало играть государство. Усилия государства были направлены на преодоление существенных социокультурных отличий между различными региональными формированиями казаков, вследствие чего происходило смешивание различных этнических образований, сопровождавшееся мощным культурным воздействием на ментальные установки казаков [16].

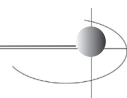
Именно в силу того, что подобная смешанность и неопределённость этнических признаков присутствует в структуре внутригрупповых связей многих социальных групп, она в работах представителей теории социального конструктивизма выстраивается на основании взаимодействия когнитивного, аффективного, а также поведенческого компонента, представленного различными, в том числе и этническими, моделями и образцами поведения, что служит основанием для признания этнической идентичности в качестве компонента социальной идентичности. Социальная идентичность является образом «мы», который связывает индивида и его группу и выступает в качестве результата таких социально-психологических процессов,

как этническая идентификация и этническая дифференциация [1, с. 50].

Самоопределение группы в трудах Б. Андерсона и Э. Геллнера понимается как идеологическая конструкция, функцией которой является организация связи между государством и индивидами и группами, находящимися в процессе социализации. Согласно Б. Андерсону, на самоопределение людей как членов нации, в первую очередь, влияет «воображаемый образ их сообщества», размещённый у них в голове благодаря деятельности элит. Ключевая роль в организации процессов внешнего социального влияния, по Э. Геллнеру, принадлежит государству, которое санкционирует для целей объединения людей в такие группы как «единый народ», посредством применения стандартизированного языка, национального рынка труда и обязательного образования [5]. Так российское государство ещё в начале XX века инициировало проявления негативного отношения к казакам, демонстрируя, что в условиях реформ сословно-служилый образ жизни казаков ставил их в более выгодное положение по сравнению с крестьянами и другими социальными группами.

Советское государство в период после Октябрьской революции довело эту тенденцию до логического завершения, осуществив создание особого социального конструкта под названием «советский народ», в состав которого на равных правах вошли различные социальные образования. Среди них были и казаки, которых перевели в разряд колхозного крестьянства. При этом политика «расказачивания» имела целью физическое уничтожение ставшего ненужным социального конструкта, который оценивался в рамках мифологемы о казаках как «опоре самодержавия», «контрреволюционном сословии», «народе-помещике» и «конной полиции» [10, с. 25].

В течение первых десятилетий существования советского государства казачество утрачивает признаки организационного и административно-территориального управления, что привело к исключению казаков из списков переписи населения. Терялась сама необходимость принадлежности к казачеству, разрушались организационно-политические, экономические и духовные основы идентичности. При этом важно, что в зависимости от условий политика советской власти менялась. В преддверии войны с фашизмом из казаков создавали кавалерийские корпуса и конно-механизированные группы, а сразу

после парада Победы их вновь расформировывали и продолжали «рассказывание». В целом, прекращение иррегулярной военной службы казаков неизбежно привело к утрате непосредственной социальной передачи казачьего образа жизни и иных идентификационных признаков потомственных казаков [18, с. 80].

Обсуждение результатов. Проведённый анализ позволяет утверждать, что в условиях современных попыток «возрождения казачества» реально способствовать этому процессу не могут ни принципы отдельного казачьего народа, ни военно-служилая составляющая. Важно понять, что современное противоречие вокруг казачества заключается в том, что традиционные требования казачества, такие, как автономия, самообеспечение и самооборона теоретически не сочетаются с современными установками российского государства, которое, тем не менее, нуждается в дееспособных союзниках, одного из которых видит в лице казаков. В этом случае на помощь приходит социальное влияние, использующее современные информационные технологии, связанные с воздействием на массовое сознание [4]. Казаки, оцениваемые как потенциальная сила, могущая повлиять на протекание этнических и политических процессов, становятся объектом социального влияния, что, в свою очередь, влияет на их самооценку и конструирование идентичности в современных условиях, особенностью которых является подверженность индивида процессам, связанным с информатизацией и глобализацией. Конструируемая здесь идентичность казаков выполняет те же функции, что социальная и этническая идентичность, то есть она формирует устойчивое чувство «мы», а также видение мира, основанное на принципе «мы – они», «свои – чужие». Однако её спецификой является интенсивная апелляция к принимаемым казаками ценностям, которые могут пониматься как этнические. Однако в зависимости от ситуации ценности группы могут варьироваться, включая актуализацию личностных, культурных, религиозных, этнических, политических или общегражданских установок, влияющих не только на групповые связи, но и на личностные убеждения казаков.

Выводы:

1. Анализ современных концепций идентичности показывает, что, как правило, данный аспект социальной реальности в рамках социально-философских, социо-психологических и антропологических дисциплин рас-

сматривался в связи с общими проблемами развития и социального становления человека. Ведущим вопросом, фиксируемым в различных парадигмах, является проблема о сущности факторов, влияющих на процесс формирования идентичности, среди которых выделяется социокультурное окружение, представляющее собой реальность межкультурного пространства коммуникаций, обеспечивающее личность социальными контактами, влияющими на развитие личности, и состояние её самосознания. В рамках представленных социально-философских, социо-психологических концепций понятие идентичности оценивается как система, вынужденная предпринимать меры для формирования адаптивных навыков, обеспечивающих приспособление человека к условиям меняющейся социальной среды, выполняющей роль «жизненного мира», и одновременно являющаяся продуктом жизнедеятельности обитателя здесь человека.

2. Согласно современной методологии конструктивистов, процесс формирования социальной реальности понимается настолько радикально, что он лишает личность каких-либо статичных параметров и ставит её в зависимость от сиюминутной динамики социального влияния. Важно понять, что в данной концепции нет места представлениям о возможности начального состояния сознания как некой данности, впоследствии реформируемой за счёт социальных изменений. Личность в концепции современного конструктивизма и теории идентичности лишена статичных параметров и зависит только от сиюминутной динамики социального конструирования. Эта позиция отражает точку зрения модернистской антропологии, рассматривающей социальные группы как ситуативные сообщества, зависящие от актуального межгруппового взаимодействия.

3. С точки зрения социального конструктивизма казачество – социальный конструкт, обладающий диффузными параметрами и используемый различными субъектами социального и политического действия для различных целей. Понятие «казаки» отличается многозначностью, так как оно понимается и как исторический феномен, и как ноумен, то есть продукт философского созерцания, чья сущность остаётся скрытой. Российское казачество – особый социальный конструкт в рамках российского социального пространства, который сложился в результате острой необходимости российского правительства в защите государственных границ. Однако на

дальнейшую судьбу этого конструкта повлияло то, при последующем изменении социальных условий, в первую очередь, связанную с прекращением государственной поддержки

казачества, идентичность казаков претерпевала значительные изменения вплоть до отказа считать себя представителями этой социальной страты.

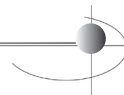
Список литературы

1. Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г. Этническая социализация подростка. М.; Воронеж: МОДЭК, 2000. 208 с.
2. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.
3. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. 680 с.
4. Васильев И. Казачья этничность: происхождение и перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.narodnazemle.ru/node/50> (дата обращения: 20.11.2016).
5. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
6. Денисюк Н. П. Формирование этнической идентичности в современных условиях // Вестн. БДУ. Сер. 3. 2013. № 3. С. 86–89.
7. Журавский А. В. Являются ли казаки народом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kazak-center.ru/news/> (дата обращения: 20.11.2016).
8. Историко-культурное наследие Кубани, 2007–2013. Специальность – казак? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gipanis.ru/?level=1338&type=page> (дата обращения: 20.11.2016).
9. Кашина Н. И. К вопросу о механизмах формирования культурной идентичности казаков-кадет средстами музыкальной культуры казачества // Педагогическое образование в России. 2013. № 5. С. 188–191.
10. Кислицын С. А. Государство и казачество: сотрудничество и конфронтация // Проблемы казачьего возрождения: сб. науч. ст. Ростов н/Д.: Логос, 1996. Ч. 1. С. 15–25.
11. Корниенко Б. С. Русское казачество или казачья нация? Проблема самоопределения в идеологии казачьего национализма начала XX века // Клио. 2011. № 1. С. 3–11.
12. Курлапов А. Уральские казаки и проблемы этнической идентификации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gogunych.gixx.ru/g1-11.htm> (дата обращения: 20.11.2016).
13. Морозова Е. В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 60–66.
14. Поршнев Б. Ф., Анцыферова Л. И. История и психология: сб. ст. М.: Наука, 1971. 390 с.
15. Рыблова М. А. Казачество: прошлое и настоящее. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2010. Вып. 3. С. 278–285.
16. Сампиев И. М., Акиев С. И., Касымханов Р. К. К вопросу о казачьей идентификации и самоидентификации // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. 178 с.
17. Сопов А. В. Некоторые особенности ментальности казаков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slavakubani.ru/%D1%81ossack-identity/social-psychology/nekotorye-osobennosti-mentalnosti-kazakov/> (дата обращения: 20.11.2016).
18. Трут В. П. К вопросу об этносоциальном облике казачества в начале века и проблемах его возрождения на современном этапе // Проблемы истории казачества: сб. науч. тр. Волгоград, 1995. С. 73–81.
19. Хотинец В. Ю. Формирование этнического самосознания студентов в процессе обучения в вузе // Вopr. психологии. 1988. № 3. С. 31–43.
20. Шюц А. Аспекты социального мира // Смысловая структура повседневности мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. С. 114–162.
21. Юрченко И. Ю. Казаки – турки? Трактовка проблемы этнического происхождения казачества в неопантюркистской историографии (на примере новых книг Мурада Аджи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5. С. 68–69.
22. Moscovici S., Lage E. Studies in influence III: majority versus minority influence in a group // European Journal of Social Psychology. 1976. No. 6. P. 149–174.
23. Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell, 1986. 312 p.
24. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. Chicago: NelsonHall, 1986. P. 7–24.

Статья поступила в редакцию 25.12.2016; принята к публикации 10.02.2017

Библиографическое описание статьи

Филимонов А. В. Методология исследования идентичности казаков в контексте концепции социального конструктивизма // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 148–156. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-148-156.

Andrey V. Filimonov,
*External Postgraduate Student,
 Transbaikalian State University
 (30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia),
 e-mail: A. V. Filimonov@mail.ru*

Methodology of Cossacks Identity Research in the Context of the Concept of Social Constructivism

The article proposes the development of a constructivist approach to the analysis of Russian Cossacks studies. By carrying out the comparative analysis, the author shows that a basic concept of a discourse about Cossacks is identity. It is understood as a tool, used for forming adaptive skills that ensure the adaptation of a person to the conditions of the changing social environment that fulfills the role of the "vital world" and at the same time being a product of society and person's vital activity. The author is convinced that in this concept there is no place to the ideas about the possibility of the initial state of consciousness as a certain reality, subsequently reformed due to social changes. This position reflects the view of modernist anthropology, considering social groups as situational communities, depending only on the actual intergroup interaction. According to the author, this methodology originated from the definition of Cossacks as a social construct, having diffusion parameters and used by various subjects of social and political action for different purposes. The concept of "Cossacks" is polysemantic, as it is understood both as a historical phenomenon and as a noumenon, i. e. the product of philosophical contemplation, whose essence remains hidden. In the social world the Russian Cossacks are a special social construct within the Russian social framework, which has been developed as a result of an urgent need for the Russian government to protect state borders. As the latter, it was present in pre-revolutionary Russian society in the form of a social stratum, created on the basis of social and professional characteristics. With subsequent changes of social conditions, first of all, connected with the termination of state support for the Cossacks, Cossacks' identity underwent changes up to the refusal of the Cossacks to consider themselves the representatives of this social stratum.

Keywords: constructivism, structuralism, social construct, Cossacks, Cossack, multiple identity, diffusion identity

References

1. Belinskaya E. P., Stefanenko T. G. *Etnicheskaya sotsializatsiya podrostka*. M.: Voronezh: MODEK, 2000. 208 s.
2. Bromlei Yu. V. *Ocherki teorii etnosa*. M.: Nauka, 1983. 418 s.
3. Burd'e P. *Formy kapitala* // *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoi klassiki*. M.: ROSSPEN, 2004. 680 s.
4. Vasil'ev I. *Kazach'ya etnichnost': proiskhozhdenie i perspektivy* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.narodnazemle.ru/node/50> (data obrashcheniya: 20.11.2016).
5. Gellner E. *Natsii i natsionalizm*. M.: Progress, 1991. 320 s.
6. Denisjuk N. P. *Formirovanie etnicheskoi identichnosti v sovremennykh usloviyakh* // *Vestn. BDU*. Ser. 3. 2013. № 3. S. 86–89.
7. Zhuravskii A. V. *Yavlyayutsya li kazaki narodom* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.kazak-center.ru/news/> (data obrashcheniya: 20.11.2016).
8. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kubani, 2007–2013. Spetsial'nost' – kazak?* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gipanis.ru/?level=1338&type=page> (data obrashcheniya: 20.11.2016).
9. Kashina N. I. *K voprosu o mekhanizмах formirovaniya kul'turnoi identichnosti kazakov-kadet sredstva-mi muzykal'noi kul'tury kazachestva* // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2013. № 5. S. 188–191.
10. Kisil'syn S. A. *Gosudarstvo i kazachestvo: sotrudnichestvo i konfrontatsiya* // *Problemy kazach'ego voz-rozhdeniya: sb. nauch. st. Rostov n/D.: Logos, 1996. Ch. 1. S. 15–25*.
11. Kornienko B. S. *Russkoe kazachestvo ili kazach'ya natsiya? Problema samoopredeleniya v ideologii kazach'ego natsionalizma nachala XX veka* // *Klio*. 2011. № 1. S. 3–11.
12. Kurlapov A. *Ural'skie kazaki i problemy etnicheskoi identifikatsii* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.gorynych.gixx.ru/g1-11.htm> (data obrashcheniya: 20.11.2016).
13. Morozova E. V. *Slozhnosostavnaya identichnost' kak ob'ekt politologicheskogo analiza* // *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2012. № 1. S. 60–66.
14. Porshnev B. F., Antsyferova L. I. *Istoriya i psikhologiya: sb. st. M.: Nauka, 1971. 390 s.*
15. Ryblova M. A. *Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee*. Rostov n/D.: YuNTs RAN, 2010. Vyp. 3. S. 278–285.
16. Sampiev I. M., Akkiev S. I., Kasymkhanov R. K. *K voprosu o kazach'ei identifikatsii i samoidentifikatsii* // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. № 2–3. 178 s.
17. Sopov A. V. *Nekotorye osobennosti mental'nosti kazakov* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.slavakubani.ru/%D1%81ossack-identity/social-psychology/nekotorye-osobennosti-mentalnosti-kazakov/> (data obrashcheniya: 20.11.2016).

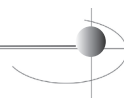

18. Trut V. P. K voprosu ob etnosotsial'nom oblike kazachestva v nachale veka i problemakh ego vrozozhdeniya na sovremennom etape // Problemy istorii kazachestva: sb. nauch. tr. Volgograd, 1995. S. 73–81.
19. Khotinets V. Yu. Formirovanie etnicheskogo samosoznaniya studentov v protsesse obucheniya v vuze // Vopr. psikhologii. 1988. № 3. S. 31–43.
20. Shyuts A. Aspekty sotsial'nogo mira // Smyslovaya struktura povsednevnosti mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii. M.: In-t fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2003. S.114–162.
21. Yurchenko I. Yu. Kazaki – tyurki? Traktovka problemy etnicheskogo proiskhozhdeniya kazachestva v neopan-tyurkistskoi istoriografii (na primere novykh knig Murada Adzhi // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2011. № 5. S. 68–69.
22. Moscovici S., Lage E. Studies in influence III: majority versus minority influence in a group // European Journal of Social Psychology. 1976. No. 6. P. 149–174.
23. Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell, 1986. 312 p.
24. Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. Chicago: NelsonHall, 1986. P. 7–24.

Received: December 25, 2016; accepted for publication February 10, 2017

Reference to the article

Filimonov A. V. Methodology of Cossacks Identity Research in the Context of the Concept of Social Constructivism // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, №. 3. PP. 148–156. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-148-156.

УДК94(315):008

Чжоу Сяовэй

Кандидат наук, ассистент,

Хэйлунцзянский институт иностранных языков

(150025, г. Харбин, Зона развития Ли Минь, ул. Шиданайлу, 1),

e-mail: 3076380781@qq.com

Исследования чайной культуры в Древнем Китае

В статье кратко рассмотрена история исследования чайной культуры в Древнем Китае. У китайской чайной культуры длинная история, её развитие отражает изменение социальной культуры, является значимым показателем цивилизации: древний китайский народ изучил характер природы, покорил природу. Китайская чайная культура тоже является важной частью китайской культуры. Употребление чая имело разные функции: чай использовался как еда, как лекарственное средство и как элемент жертвоприношения. Процесс формирования чайной культуры представляет результат достижения народом цивилизации. Даже буддизм, конфуцианство и даосизм играли важную роль в развитии чайной культуры. В то же время содержание чайной культуры не ограничивается только одним чаем. Она включает в себе и другие культурные факторы. В статье мы анализируем разные исследования чайной культуры известных учёных и некоторые народные сказки о чае. Мы обобщаем эти исследования и определяем направления исследования чайной культуры. Цель данного исследования – определить роль чайной культуры, установить особенности её функционирования. Работа опирается на теоретические достижения науки о чайной культуре. Методами работы являются: описательный метод с использованием приёмов наблюдения, интерпретации, сопоставления, обобщения; метод компонентного и контекстуального анализа.

Ключевые слова: чайная культура, употребление чая, китайская культура, лекарственное средство

Известно, что родиной чая является Китай, у которого есть длинная история выращивания и использования чая. Чай появился ещё в неолитической эпохе. Лу Юй, учёный династии Тан, написал в «Трактате о чае»: «茶之为饮, 发乎神农氏, 闻于鲁周公» [3, с. 12]. Согласно философскому толкованию высказывания учёного, чай использовался как напиток начиная с эпохи китайского врача Шеньнуна, а человеком, открывшим Китаю способы заваривания чая, является Чжоугун. Шеньнун, представитель древнего народа, доказал, что много тысяч лет назад, когда наши предки жили ещё в матриархальном родовом обществе, чай уже появился и использовался. По данным исследования династии Тан, чай (茶) назывался «ту» (荼) или «горький ту» (苦荼). Во многих древних китайских трактатах есть много упоминаний о чае.

В начале эпохи западной Чжоу учёный страны Цинь Чжань Цюй создал «Записки страны Хуа Ян» [5, с. 25], в них есть записи: «周武王伐纣, 实得巴蜀之师, 茶蜜皆纳贡之». Когда император У напал на императора Чжоу, страна Ба уже преподносила чай и другие дорогие подарки императору У. Учёный сообщает, что к тому времени уже была чайная плантация, на которой работали специалисты. В

«Шэнь Нун Ши Цзин» указано следующее: «茶茗生益州, 三月三日采» (с. 537) «в районе Чэнду провинции Сычуань выращивали чай лучшего качества, который должны были собрать третьего марта» (перевод мой – В. Ч.).

В 59 году до н. э. в «Правилах служащих» Ван Бо пишет о том, что «烹茶尽具» и «武阳买茶» [1, с. 5] «чайная посуда должна быть обязательно чистой, и чай необходимо покупать в Уяне (сейчас в провинции Сычуань)» (перевод мой – В. Ч.). Это стало знаком того, что 2000 лет назад в семьях дворянства чаепитие – это роскошный ритуал, который отражал ситуацию экономической жизни династии Хань. Тогда же в городе Уяни уже были чайные рынки. В IV веке до н. э. учёный династии Цзинь отметил следующее: «此树小似梔子, 冬生叶可煮作羹饮。今呼早采者为茶, 一名茱(即春茶); 晚采者为茗(夏茶); 一名为荈(老叶茶)» [9, с. 28] «это дерево маленькое похоже на гардению, его листья могут готовиться как суп, называется “ту” и “мао” (весенний чай), а те листья, что были сорваны рано, называются “минь” (летний чай), для более старых листьев чая использовалось название “чуань” (листья старые)» (перевод мой – В. Ч.). Во время династии Хань народ уже освоил технику выращивания чая и уже умел отличать хорошее его качество от плохого по времени

года, когда собирали урожай. Гэ Суань династии восточного Хань сам создал чайный сад, заботясь о благотворном влиянии напитка на здоровье [9, с. 12].

Тань Ханьэ в «Записках времён года» опубликовал точные сведения о технике выращивания чая. Это самая ранняя запись в истории чайной культуры. Он указал техническую точность проведения таких процедур выращивания чая, как сев, внесение удобрений, орошение, удаление сорняков и др. Эта книга представляет собой драгоценное наследство нашего древнего народа.

В самом начале чай использовался как компонент питания, древние люди для того чтобы выжить собирали различные растения, корни, стебли, листья, цветы, фрукты и всё, что было пригодно для пищи, особенно во время эпохи земледелия и эпохи, когда уровень производительности был низкий. Это уже стало обычным явлением «есть растительную пищу» («求之植物之食, 尝尽百草»). Действительно, чай, особенно свежие листья, много использовался в горных районах. В современном Китае люди до сих пор едят чайные листья. И это стало уже традицией некоторых национальностей Китая. Так стали известны миру «юй» (чай национальностей мяо и дун) и «ляньбан» (чай национальности цзино).

Чай использовался как пища, как лекарственное средство и как элемент жертвоприношения. Люди открыли лекарственное свойство чая во время его употребления в пищу. В «Травнике Шэн-нуна» написано: «神农尝百草, 日遇七十二毒, 得茶而解之» [10, с. 56]. Из этой цитаты следует, что Шэн-нун попробовал сто видов трав, из которых 72 видами трав получил отравление, только чай дезинтоксицировал его. Он называется чай «ту» (茶). Кроме способности оказывать детоксикацию, люди ещё заметили и другие лекарственные свойства чая. «茶叶苦, 饮之使人益思, 少卧, 轻身, 明目» «горький чай у людей, которые использовался для прояснения мыслей, физической активности, улучшения зрения» (перевод мой – В. Ч.).

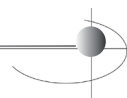
Именно из-за способности чая лечить, очищать организм люди стали относить его к классу лекарственных средств. В Древнем Китае есть много книг о лекарственных свойствах чая. Отечественные и зарубежные учёные уверены, что в чае есть множество химических компонентов, таких, как кофеин, теofilлин, углеводы, белки, полифенолы и т. д., которые полезны для лечения разных болезней, например, дизентерии, гастроэнтерита,

диабета, гипертонии, атеросклероза, рака и т. д. Именно эти чудодейственные свойства чая сделали его одним из популярных элементов жертвоприношения.

Полезные свойства чайного листа были открыты приблизительно в 2500-х годах до н. э. китайским императором Шен Нуном, которого называли также Божественным Целителем из-за его увлечения лекарственными растениями. С тех пор чай употреблялся на церемониях во время медитаций, чтобы не заснуть, а также как заменитель вина. Из Китая чайная культура проникла в Японию, где зелёный чай довольно долгое время оставался излюбленным напитком, а также на Цейлон, в Индию, Индонезию и другие восточные государства. В России зелёный чай был в употреблении ещё в XVII–XVIII веках (а не начиная с XX в., как считают многие), однако потом по непонятным причинам его вытеснил чёрный. Сейчас же зелёный чай приобрел популярность во всем мире, и особенно в Европе и США, что напрямую связано с его целебными свойствами.

Разница заключается прежде всего в обработке. Если чёрный чай получается в результате резки, скручивания и многих других операций над чайным листом, то при обработке зелёного чая сохраняются лечебные биологически активные вещества. Для этого собранный лист просто высушивают на огне или в закрытой духовке. Но основное различие этих двух видов чая – во вкусах. Качественный зелёный чай, в отличие от чёрного, обладает ярким ароматическим букетом, в котором преобладают цитрусовые и цветочные оттенки. Однако неправильная обработка, хранение и заваривание способствуют вырождению аромата, поэтому для того чтобы насладиться зелёным чаем, надо следовать элементарным правилам, как-то: заваривать чай не более 3 минут (некоторые источники рекомендуют 20 секунд), в противном случае во вкусе напитка появляется горечь; хранить зелёный чай не более полугода, иначе возникает грубый привкус сена. Также при покупке следует учесть, что производителями лучших сортов чая вообще, и в частности, зелёного, являются Китай и Япония.

Зелёный чай отличается от всех остальных уникальным содержанием витаминов, микроэлементов и питательных веществ. Наверняка многие заметили, что зелёный чай очень сытный. Это объясняется высоким содержанием в его составе белка (около 25 %). Традиционно считается, что зелёный чай снижает аппетит, поэтому этот напиток идеально

подойдет людям, следящим за своим весом. Однако стоит приготовиться к тому, что чашка ароматного и тонкого чая всё равно не заменит полноценного ужина, поэтому предпочтительной является умеренная диета, в которую, помимо зелёного чая, входят овощи и фрукты.

Одним из главных полезных для похудения элементов в составе зелёного чая является катехин, сжигающий калории. Однако это не единственное его свойство. Катехин предотвращает возможность возникновения рака, инфарктов, инсультов, сахарного диабета, а также препятствует сужению сосудов, борется с вирусами и вредными бактериями ротовой полости, снижает риск пародонтоза, регулирует деятельность кишечника, предотвращает воздушно-капельные заболевания. Помимо катехина, зелёный чай содержит такие элементы, как кальций, железо, магний, барий, цинк, медь, хром, а также витамин С (в свежем чае его содержится даже больше, чем в целом лимоне), витамины группы В, помогающие справиться с депрессией и повышающие иммунитет, и РРР, нормализующие уровень холестерина в крови и рекомендуемые при диабете и остеоартрите.

Существует более ста методов заварки зелёного чая с различными ингредиентами.

Что касается чайной культуры, необходимо сказать о Садо (Путь чая).

Совместное творение природы и человека, чай давно уже стал связующим звеном в культурах разных стран и континентов, не утратив при этом свой изначальный южно-азиатский аромат.

В Китае чай – патриарх среди напитков. Предания относят начало чаепития ко временам сотворения неба и земли, связывая его с именем прозрачно-нефритового, буйволового Государя Солнца Яньди по прозвищу Божественный Оратай (Шэньнун), зачинателя медицины, земледелия и создателя системы Ицзин. Однажды, гласит легенда, Яньди велел вскипятить воду для дворцового ритуала. Несколько листочков, случайно занесённых в котёл ветром, придали воде удивительный привкус, который столь восхитил государя, что он повелел ввести этот напиток по всей стране.

Чаепитие и чайная культура являются результатом развития социального прогресса, отражая процесс познания чая не только как лекарственного средства, но и напитка, начиная с периода Чжаньго или династии Цинь. Развитие чайной культуры охватило период традиций династии Западного Хань, княжества Ба и царства Шу (через династию Хань),

период Троецарствия Саньго, династию Западного Цинь, династию Восточного Цинь, эпохи Южных и Северных династий, постепенно распространяясь в центральные места. Чаепитие было популярно среди дворянства, учёных, монахов и людей всех слоёв общества.

Во время периода Троецарствия (Саньго) в стране У Сунь Хао наградил чиновника Вэйяо чаем. Это стало знаком того, что чай был драгоценным напитком дворянства страны У. В «Записках об императоре У» сказано: «我灵上慎勿以牲为祭，唯设饼、茶饮、干饭、酒脯而已» «не используйте животных в жертвоприношении, только хлеба, чая, риса и вина будет уже достаточно» (*перевод мой – В. Ч.*). Чай часто использовался как элемент обрядов жертвоприношения: в древние времена дворянство любило пить чай.

В рассказе «Биография женщин в Куанлине» написано: «晋元帝时有老姥，每旦独提一器茗，往市鬻之，市人竞买» «во время династии Цинь была женщина, каждый день она брала с собой чайник, продавала чай, который жители скупали очень быстро» (*перевод мой – В. Ч.*).

С периода Чжаньго до эпохи Южных и Северных династий в народе чаепитие постепенно стало популяризоваться. Это сделало чай частью культуры династии Тан, благодаря Лу Юй.

В древнем Китае правление династии Тан является важным периодом, когда экономика быстро развивалась, в стране появлялись многие артефакты культуры, общество достигло стабильности. Император Тайцзун внедрял в политические верхи мысль о том, что надо облегчить нагрузку на народ, развивать сельскохозяйственное производство. Времена царствования Жен Гуана можно отметить как важный этап быстрого развития чайной культуры. Появление книги Лу Юй «Трактат о чае» особенно мотивировало развитие чайной культуры. По мере развития общества чаепитие и чайная культура проникли в обычную жизнь народа и стали её нормой. Появляются чайные. Посещение чайных и распитие чая стало одной из модных тенденций времени и досуга людей.

Буддизм, конфуцианство и даосизм играли важную роль в развитии чайной культуры. В «Записках о Луншане» сказано, что раньше во времена правления династии Цинь на горе Лушань «寺观庙宇僧人相继种茶» «монахи в храмах сажали чай» (*перевод мой – В. Ч.*). Известный монах династии Цинь принимал поэта Тао Юаньмин, он угощал гостя собственным выращенным чаем. Они «话茶吟

诗, 叙事读经, 通宵达旦» «разговаривали о поэтах, пили чай, рассказывали историю, читали канонические книги до утра» (*перевод мой – В. Ч.*). Буддизм мотивировал развитие чайной культуры, одновременно развитие чайной культуры тоже мотивировало распространение буддизма. В Китае есть много известных гор, на них располагались значимые храмы, в которых стало традицией выращивать чай. Например, чай «Хуаншань Мао Фэн» произрастал на горе Хуаншань, «Би Ло Чунь» производили в храмах Сугун и Юньгун, в горах Дунтиншань, в храме Дунтин. Чай «Лунцзин» выращивали в храме Лунцзин, чай «Да Хун Пао» – в храме Тяньшань.

Выращивание монахами чая, приготовление ими чая, культ чаепития в жизни монастыря обусловили важную роль представителей религиозного слоя в развитии и распространении чайной культуры.

Древний китайский народ прославлял китайскую культуру в течение развития общества, наследовал чайную культуру, сделал чайную культуру константой китайских традиционных ценностей, открыл миру важную роль чаепития. Именно чаепитие в современном социуме является одним из значимых культовых элементов процесса взаимодействия людей, без которого не обходятся бытовая и официальная сферы общения.

Список литературы

1. Ван Бо. Правила служащих. М.: Современный писатель, 1987. 96 с.
2. Ли Ваньфань. История выращивания китайского растения. М.: Вост. лит., 2007. 55 с.
3. Лу Юй. Канон чая / пер. с кит., введ. и коммент. А. Т. Габуева и Ю. А. Дрейзис. М.: Гуманитарий, 2009. 123 с.
4. У Цзюеноу. Комментарии к Трактату о чае. М.: Вост. лит., 1987. 120 с.
5. Хань Э. Записки о временах года. М.: Наука, 1987. 87с.
6. Цзэй Хао. Трактат о питании. М.: Астрель, 2002. 570 с.
7. Цинь Чжань Цюй. Записки страны Хуа Ян. М.: Вост. лит., 1998. 97 с.
8. Чжуан-цзы. Даосские каноны / пер., вступ. ст., коммент. В. В. Малявина. М.: Астрель: АСТ, 2002. 55 с.
9. Чэнь Юань. История Чае. М.: Вост. лит., 1984. 76 с.
10. Шэнь Нун. Травник Шэн-нуна. М.: Эксмо, 2001. 82 с.

Статья поступила в редакцию 16.01.2017; принята к публикации 25.02.2017

Библиографическое описание статьи

Чжоу Сяовэй. Исследования чайной культуры в Древнем Китае // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 157–161.

Zhou Xiaowei,

*Candidate of Sciences, Teaching Assistant,
Heilongjiang International University
(1 South Shida Road, Limin Development Zone,
Harbin, China, 150025),
e-mail: 3076380781@qq.com*

Research on Chinese Tea Culture in Ancient China

The article briefly examines the history of the study of tea culture in ancient China. Chinese tea culture has a long history; its development reflects the changes in social culture. It is a significant indicator of civilization: the ancient Chinese people studied the character of nature, conquered nature. Chinese tea culture is also an important part of Chinese culture. The use of tea had different functions: tea was used as a drink, as a medicine and as an element of sacrifice. The formation process of tea culture is the result of the people's achievement of civilization. Even Buddhism, Confucianism and Taoism played an important role in the development of tea culture. At the same time, the content of tea culture is not limited to just drinking tea. It also includes other cultural factors. The article analyzes different studies of tea culture conducted by famous scientists and some folk tales about Tea. It generalizes these studies and determines the directions for the study of tea culture. The purpose of this research is to determine the role of tea culture, to establish the features of its functioning. The work is based on the theoretical achievements of science on tea culture. The methods of this work include the descriptive method using the techniques of observation, interpretation, comparison, generalization; the method of continuous sampling; the quantitative method; the method of component and contextual analysis.

Keywords: tea culture, tea consumption, Chinese culture, medicinal product

References

1. Van Bo. Pravila sluzhashchikh. M.: Sovremennyi pisatel', 1987. 96 s.
2. Li Van'fan'. Istoriya vyrashchivaniya kitaiskogo rasteniya. M.: Vost. lit., 2007. 55 s.
3. Lu Yui. Kanon chaya / per. s kit., vved. i komment. A. T. Gabueva i Yu. A. Dreizis. M.: Gumanitarii, 2009. 123 s.
4. U Tszyuenou. Kommentarii k Traktatu o chae. M.: Vost. lit., 1987. 120 s.
5. Khan' E. Zapiski o vremenakh goda. M.: Nauka, 1987. 87s.
6. Tsvei Khao. Traktat o pitanii. M.: Astrel', 2002. 570 s.
7. Tsin' Chzhan' Tsyui. Zapiski strany Khua Yan. M.: Vost. lit., 1998. 97 s.
8. Chzhuan-tszy. Daosskie kanony / per., vstup. st., komment. V. V. Malyavina. M.: Astrel': AST, 2002. 55 s.
9. Chen' Yuan'. Istoriya Chaya. M.: Vost. lit., 1984. 76 s.
10. Shen' Nun. Travnik Shen-nuna. M.: Eksmo, 2001. 82 s.

Received: January 16, 2017; accepted for publication February 25, 2017

Reference to the article

Zhou Xiaowei. Research on Chinese Tea Culture in Ancient China // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 157–161.

УДК 378:377.112

DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-162-

Маргарита Ивановна Гомбоева,
доктор культурологии, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: m.i.gombоеva@gmail.com

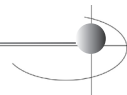
Профессиональные дефициты преподавателей вуза в контексте ключевых компетенций специалистов креативных индустрий

Задачей данной работы является актуализация обсуждения профессиональных дефицитов преподавателей художественных и дизайнерских образовательных программ в контексте развития современных направлений арт-индустрий и требований соответствия их компетенций образовательным и профессиональным стандартам. Как правило, корреляция профессиональных дефицитов педагогов профессионального образования определяется задачами аттестации. Они выявляются и изучаются как отклонение от нормального функционирования программы в условиях реализации Федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОС) по отраслям, отраслевых профессиональных стандартов (далее – ПС). Согласно теории управления персоналом, такое отношение к дефицитам есть отражение «жёсткого управления», фиксируя текущее положение профессиональной компетентности педагогов, подобное управление не является эффективным, потому что есть управление «по хвостам», по непредвиденным результатам. Анализ наблюдаемых нами нескольких практик подготовки вуза к аттестации и аккредитации разных видов по выявлению и преодолению «отклонений», «несоответствий» профессиональных компетенций преподавателей показал, что наличествует запаздывающая реакция на критические ситуации, когда принимать управленческие решения просто бессмысленно. Между тем механизмы развития, внедрение нововведений, управление изменениями не только не учитываются, но и не практикуются. Прогностическая функция управления в вузовском менеджменте не работает по причине наличия системного противоречия. Функционирующая система управления, организации и качества (в философском смысле как некой определённости) образовательного процесса вуза является самой консервативной среди других процессов, несмотря на то, что, на первый взгляд, всё постоянно обновляется. Система не отвечает прогностическим потребностям перспектив развития не только будущих профессий, но и наличного рынка труда. Меняются учебные планы, корректируются компетенции, системы оценивания, появляются новые критерии определения эффективности образовательного процесса. Однако, по существу, тотальной практикой управления процессом стали догоняющие производственные, дидактико-методические, научные, инновационные изменения в отраслях производства, что странно для будущего «опорного вуза».

Ключевые слова: профессиональные дефициты, квалификация, профессиональные функции, надёжность в профессиональной деятельности, предметные и методические дефициты, профессиональное достоинство преподавателя

Вводная часть. Существующая система управления не заинтересовывает в нововведениях всю вертикаль управления, и стало правилом, когда педагогическая практика и наука оторваны [10, с. 40]. Более того, функционирующая система по сравнению с дру-

гими процессами и достаточно длительного состояния изменчивости предстаёт в глазах научно-педагогической общественности вуза как имеющая инновационный характер. Недостатки управления образовательным процессом заложены в слабости проектирующе-

го характера управленческой деятельности, отсутствием системы медиации изменений.

На самом деле, эффективные изменения опережающего свойства в управлении учебным заведением закладываются корпоративной культурой управления на основе стратегической программы развития человеческого потенциала университета. И этот ресурс в условиях экономического кризиса не задействован. Управление развитием как управление перспективами должно обеспечиваться гибкостью и подвижностью образовательных программ, её ресурсов в выборе целей, принятии решений по возвращению конкурентоспособного выпускника, чьи компетенции будут востребованы на новых рынках, новых видах профессиональной деятельности на основе новых компетенций преподавателя.

Поэтому анализ управленческих практик многих вузов, преодолевших подобное состояние, вышеприведённое описание управления образовательным процессом, даёт нам основание сделать вывод о том, что управление профессиональными дефицитами преподавателя вуза требует не совершенствования, а кардинального изменения существа подхода к данному вопросу.

Поскольку основной формат реализации образовательной программы дизайнера среды и учителя рисования определяется целевыми установками образовательного и профессионального стандартов в данной сфере, то мы изучали профессиональные дефициты преподавателей специальных дисциплин двух образовательных программ: *Дизайн среды* и *Педагогическое образование в сфере изобразительного искусства и декоративно-прикладного искусства* на предмет соответствия ФГОС и профессиональным стандартам. Поскольку перспективы развития образовательных программ, их жизненный тонус и цикл должны отвечать современным тенденциям, направлениям и течениям развития художественной культуры и творчества, то мы акцентировали корреляционную связь и взаимодействие не только между отраслевыми ФГОС и профессиональными стандартами, но и перспективами развития рынка арт-индустрий.

Широкое распространение в образовательной среде имеет представление о том, что подготовка будущих дизайнеров, художников и учителей рисования должна быть направлена на определённое соответствие образовательной программы требованиям ФГОС, содержание, технологии и виды деятельности должны соответствовать профес-

сиональным стандартам. На самом деле одной из задач профессионального стандарта как профессионального минимума образовательной программы являются его перспективы и потенциал в создании основ креативных профессий будущего, таких, как специалист по созданию аудиовизуального изображения (художник-аниматор)¹; специалист по технологическим процессам художественного творчества (в частности, художник на станках с числовым программным управлением); куратор коллективного творчества, тренер творческих состояний, личный тьютор по эстетическому развитию, арт-оценщик, медиатор, способный создавать веб-дизайн и встраивать его в структуру бизнеса клиента и т. д. В статье рассматриваются типы и способы преодоления профессиональных дефицитов преподавателей, формирующих вышеназванные предпосылки профессий будущего.

Методология и методика исследования. Как можно исследовать профессиональные дефициты дизайнеров-преподавателей, формирующих ключевые навыки будущих дизайнеров и художников? За методологическую основу мы взяли ситуационный анализ², который позволил нам определить природу профессиональных дефицитов в конкретной образовательной среде, конкретных образовательных программ. Для того чтобы изменения образовательной практики были эффективны, они должны были быть, по меньшей мере, поняты и приняты педагогическим коллективом, для этого необходимым было изучение мнений самих преподавателей относительно их понимания и определения собственных дефицитов. Поэтому было организовано самоисследование компетенций и квалификаций преподавателей на основе выявления ими соответствий требованиям пункта ФГОС о квалификации работников организации квалификационным характеристикам, установленным в Едином квалификационном справочнике должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профес-

¹ Приложение к приказу Минтруда России от 02.11.2015 г. № 832 «Об утверждении справочника востребованных на рынке труда новых и перспективных профессий, в том числе требующих среднего профессионального образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.docs.cntd.ru/document/420338371> (дата обращения: 25.12.2016).

² Представляет собой анализ внутренней и общей маркетинговой среды образовательной организации, в результате которого определяются её сильные и слабые стороны, опасности и дополнительные возможности, ожидающие её в результате того или иного хода.

сионального образования¹. Соответствие компетенции преподавателя определялись на основе профессионального стандарта², в части характеристики обобщённых и предметно-специализированных трудовых функций и их элементов: трудовых действий, необходимых умений, знаний. Систематический сбор информации и анализ ключевых показателей, таких, как процент трудоустройства относительно выпуска, процент адаптировавшихся в школе выпускников, число выпускников, обратившихся за помощью к методистам кафедры, отзывы от организаций-партнёров, а также сравнительный анализ результативности преподавателей разного стажа на основе самообследования и социологических опросов студентов, интервьюирования выпускников образовательной программы позволил нам получить дополнительные аргументы в определении эффективности образовательной программы.

Результаты исследования. На первый взгляд, выявление и определение профессиональных дефицитов преподавателей кафедры должно быть связано с недостатком личностных ресурсов преподавателя или с отсутствием мотивации на изменения вследствие мизерной заработной платы, несовершенства материально-технической базы и других условий реализации образовательной программы. Однако обнаруживается немало фактов, противоречащих этим достаточно распространённым представлениям о профессиональных дефицитах преподавателей и практиках их преодоления. В частности, выявлено, что условием успешного разрешения несоответствий в образовании или недостатка профессиональных действий учителя и педагога являются продуманные институциональные решения руководства программы и степень вовлечённости преподавателей в культуру изменения.

К числу таких решений относятся распространённые в образовательной практике принципы отбора и поддержки ведущих преподавателей; наличие системы «прово-

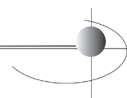
дников изменений», отвечающих за разработку, утверждение, реализацию программы и управление ими (изменениями). Поскольку нововведения в образовательной практике существенно затрудняются протестным поведением преподавателей, то наличие практики фасилитации изменений – важнейшая задача управления изменениями. К существенным условиям успеха образовательной программы относится практика заботы об отстающих студентах, разработка продуманной программы адаптации абитуриентов к студенческой жизни, студентов к будущей профессии [1; 2]. Все эти условия успешности образовательной программы лежат не в плоскости предметной компетенции преподавателя, но в части так называемых «мягких» компетенций, благоприятных и комфортных контекстных, средовых условий реализации программы [2; 7]. Поэтому основным **выводом** исследования явился тезис о том, что преодоление профессиональных дефицитов в области методических и предметных компетенций эффективно, если создана и функционирует система открытого обсуждения и есть социальные институты по преодолению профессиональных дефицитов коллектива, работающего над обновлением образовательной программы под потребности рынка компетенций выпускника. Для освоения методических компетенций художниками и дизайнерами создана модель индивидуальной образовательной программы на основе адресной и персонифицированной стратегии. В целях развития предметных компетенций создана открытая платформа профессиональной самореализации художника, дизайнера: постоянно действующая система выставочной деятельности, арт-аукционы, членство в союзах художников и дизайнеров, экспертная деятельность в профессиональных конкурсах, коммуникации в сетевых сообществах.

Открытое обсуждение профессиональных дефицитов преподавателей и коллектива и обретение эпистемологического консенсуса относительно их коннотации одинаково полезно педагогам, кафедре, образовательной программе, студентам. Преподавателю консенсус относительно собственных дефицитов позволит:

- понять и принять свой собственный профессиональный уровень,
- определить границы своей ответственности в рамках профессии и квалификации;
- связать уровень профессионализма с должностными инструкциями, условия опла-

¹ Единый квалификационный справочник должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования [Электронный ресурс] // Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 11.01.2011 г. № 1н. – Режим доступа: <https://www.rg.ru/2011/05/13/spravochnik-dok.html> (дата обращения: 25.12.2016).

² Профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального и дополнительного профессионального образования» от 08.09.2015 г. № 608н [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.base.garant.ru/71202838/#friends> (дата обращения: 25.12.2016).

ты труда с успешностью образовательной программы;

- видеть направления профессионального образования и совершенствования;
- выстроить стратегии карьерного роста и увеличения доходов от профессиональной деятельности.

Образовательному учреждению, в частности, руководству кафедры, проектировщикам образовательной программы определение дефицитов преподавательского состава стало основой:

- для маркирования профессионального уровня сотрудников и эффективности образовательной программы;
- определения потребностей в обучении, переподготовке и повышении квалификации;
- формирования модели непрерывного профессионального образования ППС кафедры, интегрирующей адресность и персонализированность с многоуровневого и модульного повышения квалификации.

Работа преподавательского коллектива над своими лакунами позволит предоставить и получить качественные образовательные услуги, систематизировать требования к трудовым действиям.

На самом деле существует большая разница между профессиональным дизайнером и дизайнером-педагогом. Профессиональные компетенции педагога-дизайнера отличаются от дизайнерских наличием дополнительных умений, таких, как умение найти общий язык со студентами, произвести декомпозицию собственно профессиональных действий дизайнера в учебные, предметно-специализированные умения студента¹. Ещё один существенный навык должен быть у педагога креативных профессий – наличие педагогических навыков измерения результатов обучения студентов в конкретных действиях, демонстрирующие ими в соответствии с уровнем и степенью постижения учебного курса. По существу, преподаватель-дизайнер способствует становлению учебных навыков студента

¹ Кредиты и квалификации высшего образования: Руководство по кредитам для квалификаций ВО Англии, Уэльса, и Северной Ирландии – доклад, опубликованный в ноябре 2001 г. В данной статье мы используем термины «знание, умение, навыки», а не компетенции, принятые в странах-участниках Болонского процесса на основе исследовательского проекта «Настройка образовательных структур в Европе (TUNINGPROJECT) (1)». Есть консолидированное решение, что в структуру предметно-специализированных или специальных компетенций, реализуемых ООП, входят навыки и умения. Предметно-специализированные навыки – это методы и практические приёмы, подходы, технологии, применяемые в предметной области.

посредством наличия собственных умений по созданию и разработке концепции (видения) профессиональных спецификаций, которые позволяют оптимизировать функциональность, внешний вид и стоимость продуктов и систем для взаимной выгоды пользователя и производителя.

Вышеперечисленные навыки получили описание в профессиональном стандарте преподавателя, поэтому в узком смысле профессиональные дефициты профессорско-преподавательского состава кафедры можно выделить и изучить на основании несоответствия требованиям профессионального стандарта. В частности, и профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» от 24.09.2015 г. № 38993, и требования Федеральных государственных образовательных стандартов по отраслям (ФГОС) имеют описание содержания трудовых функций, определяющих вид, уровень, трудовые действия профессиональной деятельности. Поскольку отраслевой профессиональный стандарт «Дизайнер среды» ещё не принят, то характеристики обобщённых трудовых функций, специализированных трудовых действий, умений и знаний дизайнера мы использовали из утверждённого Приказом Минтруда РФ от 18.11.2014 г. за № 892н профессионального стандарта «Дизайнер детской игровой среды и продукции»².

Анализ профессиональных умений, навыков преподавателей на предмет соответствия требованиям профессионального стандарта позволил выявить профессиональные дефициты педагогов трёх видов: теоретические знания, профессиональные умения, трудовые действия³. Их величины разные в разных категориях преподавателей.

На основании самооценки и опроса начинающих педагогическую деятельность дизайнеров-практиков мы выявили наличие педагогических дефицитов и индивидуальные способы по их устранению. Анализ показал,

² Приказ Минтруда РФ от 18.11.2014 г. за № 892н «Об утверждении профессионального стандарта «Дизайнер детской игровой среды и продукции» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.base.garant.ru/70822132> (дата обращения: 26.12.2016).

³ Трудовые действия согласно профстандарту «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» от 24.09.2015 г. № 38993 определены как организующий элемент трудовой функции, включающие умения, знания и др. характеристики компетентности. «Трудовое действие – взаимодействие работника с предметом труда, при котором достигается определённая задача». – С. 7 и др.

что имеется дефицит методических умений – 80 %, современных теоретических знаний по методике преподавания – 50 %, однако они не испытывают затруднений в современных технологиях и умениях по прототипированию, моделированию на основе современных технологий.

Основными затруднениями практических дизайнеров являются проблемы методики декомпозиции профессиональных действий дизайнера в обучающие действия для студентов, а также существуют затруднения в формировании системы оценивания по мере развития компетентного ядра будущей профессии у обучающихся с учётом психолого-педагогических особенностей аудитории.

В этом проявляется основное противоречие в компетенциях педагога-дизайнера в профессиональной и образовательной практиках. Например, не всегда хороший художник или дизайнер является хорошим педагогом. Бывает наоборот. За двадцать лет реализации образовательной программы «Учитель изобразительного и декоративно-прикладного искусств» автор статьи изучал несколько исключительно любопытных педагогических явлений. На кафедре некоторое время работал педагог по рисунку, который не умел рисовать, но при этом отличался наличием изнурительных методичных требований и системы оценивания, вследствие чего студенты добивались успешного *учебного* результата. Были другие примеры, когда достаточно известный художник был вдохновляющим педагогом, ученики которого становились профессиональными художниками, но *не учителями* изобразительного искусства в школах.

Преподаватели профессионального образования испытывают потребность в методических знаниях и умениях, обогащения методами педагогической, психолого-педагогической рефлексии профессионального мышления, в том числе умением выделить свои дефициты и выстроить стратегии их преодоления. На ранних стадиях вхождения в педагогическую профессию эти дефициты преодолеваются:

- разработкой индивидуальной образовательной программы повышения квалификации как реализации личной стратегии профессионального непрерывного самообразования в течение всей профессиональной жизни;

- институтом наставничества, когда более опытные педагоги помогают включиться в кафедральную систему оценивания работ по результатам коллективного просмотра, от-

бора методических приёмов и систем оценивания;

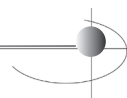
- приглашением на работу преподавателей, прошедших первоначальную адаптацию и вхождение в профессию в системе разного уровня образования.

Ещё одним важнейшим источником профессиональных дефицитов преподавателей среднего возраста является слабая включённость их в стремительно развивающееся современное искусство. Именно оно, как самое свободное и творческое направление в креативной индустрии, требует от художников и дизайнеров наибольших усилий по интеграции в художественный процесс, при этом включённость в современные виды профессионального позиционирования обещает новые перспективы в их художественном творчестве.

Профессиональные дефициты преподавателей-дизайнеров и художников по включённости в современный рынок услуг относятся к сфере специальных и ключевых профессиональных компетенций. Их можно выделить и изучить на основании анализа развития профессиональных действий, которые получают востребованность на рынке труда и станут основой новых практикообразующих видов творчества. В этом отношении ценным будет анализ объективных направлений развития арт-рынка и рынка креативной индустрии как перспектив возникновения новых профессий, созданных на основе обновлённых дизайнерских компетенций. Именно они стимулируют потенциал перспективных навыков профессиональных компетенций будущего дизайнера и художника [3; 8].

Скорость изменения технологических инноваций, их технологическая сложность, распределённость усилий многих в достижении одних целей требуют от будущего дизайнера готовности к постоянному обновлению квалификаций, профессиональные навыки владения современными цифровыми технологиями, мультидисциплинарность и кросс-отраслевой характер дизайнерского мышления.

Быстрые изменения потребительского поведения рынка дизайнерских продуктов обусловили включение в состав предметов профессионального цикла изучение технологий менеджмента, маркетинга, современных систем сквозного анализа потребительского спроса и поведения, навыков быстрого прототипирования и масштабирования. Рост неопределённости предполагает наличие навыков работы и принятия решений в условиях ограниченного объема информации, раз-

витие стратегического мышления, изучение инструментов риск-менеджмента. Владение английским языком для работы в международных проектах, навыки коммуникации и умение работать в виртуальных командах и на распределённых проектах, определены интересом глобализирующегося сообщества в культурном разнообразии как источнике инноваций [7].

Культурные индустрии это новые возможности известных профессий – художников, дизайнеров, педагогов художественного образования и др. В интеграции с маркетинговыми стратегиями они формируют в данных профессиях новый потенциал создания добавленной стоимости и новых рабочих мест на производствах-спутниках, обслуживающих мультипликационные эффекты этих практик. Культурные индустрии предполагают конвертацию культурного наследия в культурный капитал, в продукт или услугу, обладающую новой стоимостью. В основе развития ключевых компетенций тех профессий, которые сегодня развивают культурные индустрии на принципах новых рынков, лежат индивидуальное творческое начало, конкретный художественный навык, талант, комбинированный с навыками предпринимательской деятельности.

Культурные индустрии складываются из наличных ресурсов культурного наследия: прикладные ремёсла, дизайн интерьера, вещи, предметы, практики повседневности по моделированию среды, визуальные (изобразительные) искусства. Вовлечённые в культурный слой современности предметы и нематериальные ценности старины, разные древности сами по себе не создают самостоятельные индустрии, их наличие – недостаточно [3]. В основе новых навыков по формированию культурных индустрий лежат такие ключевые умения индивидов с творческими, художественными способностями, как действовать в союзе с менеджерами и технологами изменений, создавать на этой основе новые рыночные продукты с высокой добавленной стоимостью.

Поэтому формирование креативных компетенций на основе современных технических возможностей в качестве профессиональных является важнейшей задачей по обновлению образовательных программ творческих профессий. Задача образовательной программы в этом случае будет подготовка специалистов, которые свободно ориентируются на современном рынке и способны разрабатывать авторский дизайн, производство

с учётом специфики материалов, образовательную программу, организовывать частное образовательное учреждение в системе дополнительного образования взрослых и детей, ориентируясь на предпочтения конечного потребителя.

В широком смысле основными профессиональными дефицитами преподавателей-дизайнеров – практиков и художников – является не только и не столько недостаток знаний в области самых радикальных и новаторских течений современного искусства, а неумение перевести предметно-специализированные компетенции в образовательные технологии.

Многолетние наблюдения профессионального развития преподавателей показали, что надёжность профессиональной деятельности преподавателя высшей школы в контексте концепции Г. С. Никифорова [4] основана на зрелом самоконтроле профессиональной самореализации как фундаментальном психологическом механизме обеспечения высокого профессионализма, в котором дефициты становятся объектом изучения, профессионального интереса и преодоления.

Отношение к профессиональным дефицитам, профессиональный интерес к собственной профессиональной самореализации представителей поколений различны. У успешных преподавателей старшего поколения наблюдается понимание того, что профессиональное отношение к профессиональным дефицитам – это и есть процесс самореализации. С их точки зрения, преодоление лакун есть внутренне отношение профессионала к труду как состояние его психических функций [4], обеспечивающих профессиональное здоровье и профессиональное достоинство [6].

Именно в отношении к дефицитам заложен когнитивный диссонанс между поколениями преподавателей. Большинство молодых преподавателей ещё на этапе самообследования выразили неготовность рефлексии по данному вопросу. В одном из пунктов опросника есть вопрос, имеются ли у вас профессиональные дефициты? Если есть, то как вы их можете определить? Некоторые молодые преподаватели ответили, что не испытывают необходимости в повышении квалификации. Тем самым они напрямую связали наличие дефицитов с образовательными дефицитами. Возможно, такое их понимание – справедливо. За последние десятилетия система образования находится в состоянии пролонгированного реформирования, и многие учителя, педагоги и преподаватели сталкиваются

с обесцененными процедурами повышения квалификации.

Однако опыт старших, который связывает преодоление дефицитов с надёжностью образовательного процесса, создаёт условия для профессионального здоровья в процессе профессионального развития, становится полезным и лежит в основании наставничества.

Анализ качественных показателей реализации ОПОП позволил нам актуализировать насущную проблему ОПОП – проблему обновления содержания и технологий образования, которые бы соответствовали не только требованиям стандартов, но и потребностям формирования перспективных профессий для новых рынков креативных индустрий на основе обновлённых профессиональных компетенций.

Обновление содержания и технологий образования [5, с. 152–156] как управленческая задача решается педагогическим коллективом только тогда, когда она принимается и осознаётся как проблема. Вовлечение коллектива в обновление педагогических условий, содержания, технологий и оценочных средств ОПОП происходит под влиянием изменений потребительского поведения заказчиков услуг – родителей, абитуриентов, студентов и работодателей. Они, являясь активными субъектами выбора, становятся невидимыми, но реальными участниками корректировки социального заказа.

Заключение. В свете вышесказанного актуализируется необходимость корректировки Программы в части максимального приближения оценочных средств и содержания учебных действий промежуточной и итоговой аттестации с целью их приближения к профессиональным функциям и действиям учителя в школе и педагога в учреждениях дополнительного образования детей и взрослых.

Анализ организации учебного процесса кафедры ТИКИД ЗабГУ, изучение удовлетворённости обучающихся, выпускников

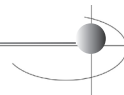
и работодателей заставил ввести в образовательную практику новые возможности улучшения качества подготовки студентов. Введение в образовательный процесс новых форм образовательного процесса: введение краткосрочных курсов: ёмких по содержанию, но разнообразных по формам преподавания, интересных студентам и ориентированных на повышение мотивации к различным видам деятельности, закладывающих разнообразные паттерны, образцы, репертуарные действия будущего педагога ИЗО и ДПИ – мастер-классы известных художников, дизайнеров, привлекаемых к учебной программе. Также требуется активное использование методов проектов: фотокружки, студии видеороликов, образовательных комиксов, мультипликаций, песочных рисунков, мастерских подарка. Курсы должны предваряться мастер-классом педагогов, работодателей, творческих личностей, демонстрирующих лучшие практики. Образовательные интенсивные технологии сопрягаются с академическими курсами по базовым предметам длиной в год и семестр. Они остаются, но разбавляются первыми.

Формирование у студентов предметно-специализированных умений и навыков как ядра их профессиональных компетенций предполагает активное включение нашими педагогами в образовательный процесс курсов, развивающих не только конкретные творческие, художественные способности учащихся, но и навыки создания предпринимательских компетенций, способствующих выводу новых креативных продуктов с высокой добавленной стоимостью культурных свойств на рынок.

Преодоление профессиональных дефицитов преподавателя профессионального обучения и образования будет содействовать его профессиональной самореализации, обновлению содержания и технологий образования, эффективности образовательной программы.

Список литературы

1. Барбер М., Муршед М. Как добиться стабильно высокого качества обучения в школе // Журнал ВШЭ. Вопр. образования. 2008. № 3. С. 7–60.
2. Долгих Н. Н. Возможности художественного образования в контексте компетентного подхода // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2008. № 3. С. 101–104.
3. Митрофанов К. Г., Логинова Н. Ф. Что умеют и что не умеют делать молодые педагоги: итоги исследования эффективности существующих условий адаптации, закрепления и профессионального развития молодых педагогов в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 202–204.
4. Никифоров Г. С. Надёжность в профессиональной деятельности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 175 с.
5. Печеркина А. А. Детерминанты профессионального здоровья педагога // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 10. С. 72–75.

6. Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М.: Академия, 2001. 476 с.
7. Результаты исследований эффективности существующих условий адаптации, закрепления и профессионального развития молодых педагогов, применяемых во всех 85 субъектах Российской Федерации: экспертно-аналитические материалы [Электронный ресурс]. М., 2015. Режим доступа: [http://www.viro.edu.ru/attachments/article/4913/1.3 %20v1.pdf](http://www.viro.edu.ru/attachments/article/4913/1.3%20v1.pdf) (дата обращения: 20.12.2016).
8. Хизер Дарси Бахандари, Джонатан Мельбер. Art/Work: Как стать успешным художником. М.: Альпина Паблишер, 2016. 288 с.
9. Чекалева Н. В. Педагогическая подготовка учителя к профессиональной деятельности в современной школе. СПб.: Книжный дом, 2008. 293 с.
10. Чекмарев В. В. Мышление будущего: междисциплинарное образование как условие конкурентоспособности // Теоретическая экономика. 2014. № 3. С. 36–42.

Статья поступила в редакцию 12.01.2017; принята к публикации 02.02.2017

Библиографическое описание статьи

Гомбоева М. И. Профессиональные дефициты преподавателей вуза в контексте ключевых компетенций специалистов креативных индустрий // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 3. С. 162–170. DOI 10.21209/1996-7853-2017-12-3-162-170.

Margarita I. Gomboeva,

*Doctor of Culturology, Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia),
e-mail: m. i. gomboeva@gmail.com*

Professional Deficits of University Teachers in the Context of Key Competences of Creative Industries Specialists

This study aims to actualize the discussion of professional deficits of art and design educational programs lecturers in the context of development of modern directions in art industries and compliance of their competences with the requirements of educational and professional standards. As a rule, correlation of professional deficits of professional education teachers is determined by the objectives of attestation. They are revealed and studied as a deviation from normal functioning of the program in the conditions of realization of Federal state educational standards (FSSES) in different fields and industry professional standards (PS). According to the theory of personnel management, such an attitude to deficits is a reflection of "tough management", fixing current state of professional teachers' competence, this kind of management is not effective as it is "tail management" (management through solving recurring problems), according to coincidental effects. Some practices of university preparation to accreditation and attestation of different types aimed at revealing and overcoming "deviations" and "inconsistencies" in teachers' professional competences have shown that there is a delayed reaction to critical situations when it is pointless to make managerial decisions. Meanwhile, development mechanisms, innovations, change management are not taken into account and are not practiced. Forecasting management function in university management does not work because of a system contradiction. The functioning system of management, organization and quality (as some definiteness in philosophical sense) of the university educational process is the most conservative among other processes in spite of the fact that it seems to be constantly renewing. It does not meet the forecasting needs of development perspectives of not only the future professions but also the labour market. The educational curricula are changed, competences and evaluation systems are corrected, new criteria in determining the effectiveness of educational process appear. However, the total practice of process management is the one that overtakes production, didactic-methodological, scientific and innovative changes in industries which is strange for a future "supporting institution of higher education".

Keywords: professional deficits, qualification, professional functions, reliability in professional activity, subject and methodical deficits, professional teacher's dignity

References

1. Barber M., Murshed M. Kak dobit'sya stabil'no vysokogo kachestva obucheniya v shkole // Zhurnal VShE. Vopr. obrazovaniya. 2008. № 3. S. 7–60.
2. Dolgikh N. N. Vozmozhnosti khudozhestvennogo obrazovaniya v kontekste kompetentnostnogo podkhoda // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2008. № 3. S. 101–104.
3. Mitrofanov K. G., Loginova N. F. Chto umeyut i chto ne umeyut delat' molodye pedagogi: itogi issledovaniya effektivnosti sushchestvuyushchikh uslovii adaptatsii, zakrepleniya i professional'nogo razvitiya molodykh pe-da-

gogov v Rossiiskoi Federatsii // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2015. № 1. S. 202–204.

4. Nikiforov G. S. Nadezhnost' v professional'noi deyatel'nosti. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1996. 175 s.

5. Pecherkina A. A. Determinanty professional'nogo zdorov'ya pedagoga // Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy. 2010. № 10. S. 72–75.

6. Pryazhnikov N. S., Pryazhnikova E. Yu. Psikhologiya truda i chelovecheskogo dostoinstva. M.: Akademiya, 2001. 476 s.

7. Rezul'taty issledovaniy effektivnosti sushchestvuyushchikh uslovii adaptatsii, zakrepleniya i professional'nogo razvitiya molodykh pedagogov, primenyaemykh vo vsekh 85 sub'ektakh Rossiiskoi Federatsii: ekspertno-analiticheskie materialy [Elektronnyi resurs]. M., 2015. Rezhim dostupa: [http://www.viro.edu.ru/attachments/article/4913/1.3 %20v1.pdf](http://www.viro.edu.ru/attachments/article/4913/1.3%20v1.pdf) (data obrashcheniya: 20.12.2016).

8. Khizer Darsi Bakhandari, Dzhonatan Mel'ber. Art/Work: Kak stat' uspešnym khudozhnikom. M.: Al'pina Pab-lisher, 2016. 288 s.

9. Chekaleva N. V. Pedagogicheskaya podgotovka uchitelya k professional'noi deyatel'nosti v sovremennoi shko-le. SPb.: Knizhnyi dom, 2008. 293 s.

10. Chekmarev V. V. Myshlenie budushchego: mezhdistsiplinarnoe obrazovanie kak uslovie konkurentosposobnosti // Teoreticheskaya ekonomika. 2014. № 3. S.36–42.

Received: January 12, 2017; accepted for publication February 02, 2017

Reference to the article

Gomboeva M. I. Professional Deficits of University Teachers in the Context of Key Competences of Creative Industries Specialists // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 3. PP. 162–170. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-3-162-170.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

<i>Жанр</i>	<i>Минимальный объём</i>
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант.
4. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация: 150–200 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: вводную часть, методология и методики исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 10 источников. Желательно, чтобы в нём были представлены зарубежные источники. Литература на иностранных языках должна следовать за литературой на русском языке.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Самоцитирование допускается в объёме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объём цитирования в статье должен составлять не более 40 % от общего объёма статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский и английский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например, *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например, *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например, *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции:

672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129. Забайкальский государственный университет. Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь:

Седина Елена Витальевна,
Блажевская Ирина Николаевна.
Тел. +7(3022) 35-24-79, e-mail: zab-nauka@mail.ru